

Стефан Кларк

О, доже, снова Париж!

наблюдая за французами

On a regardé "La M... HA
la douleur de Piaf à la mort de
l'arc en l'a chamboulé. Moi aussi
"AURAIS AIMÉ QU'ON ME LE
LASSE ENCORE UN PEU"

[illegible][illegible][illegible]

...approcher ?
...raps de provenir que les
...vent approcher. Il travail
...ant. Mais maintenant, on le
...s'écarter devant un bon
...le faire une battue.
...hommes de main. Il s'e
...sont, qui sont s'ajou
...sion d'horreur
...Ging avait c
...même
...repre
...s'écarter
...s'écarter
...s'écarter
...s'écarter

...de l'homme, le but est peut-être de
...de l'homme, le but est peut-être de
...de l'homme, le but est peut-être de

Знаете ли,
мерде случается,
а иногда
и удару приносят.
При условии, что
в него вливается
кто-то другой

От автора бестселлера
«Боже, спаси Францию»

Боже, ста
Франца

Англичанин Стефан Кларк живет во Франции. Он уже успел поэкспериментировать с сигаретами «Галуаз», игрой в петанк и суппозиториями, но исключительно как с исследовательским материалом для своих книг.

Прожив год во Франции, англичанин Пол Уэст продолжает искать ответы на фундаментальные вопросы:

- Чем можно напугать жандарма?
- Почему на нудистских пляжах Франции нет табличек, предупреждающих об опасности для здоровья?
- И прилично ли спать с любовницей своего босса?

Пол все-таки открывает в Париже английскую чайную и влезает в шкуру парижского официанта, вкушает прелести интимных встреч в гостинице и, возвращаясь в Лондон, теперь уже глазами парижанина смотрит на некогда привычный мир.

Между тем он продолжает поиски идеальной мадемуазель и наступает на те же грабли.

«Похлеще Брайсона и круче, чем у Мейла».

The Times

ISBN 978-5-386-03092-6

9 785386 030926

Моне придумал
импрессионизм, чтобы больше
времени проводить на пикниках.

Французские оскорбления восхитительны в своей
грамматике. Даже в разгар словесной перепалки
нужно помнить о том, чтобы изменить грубый
синоним слова «идиот» с мужского рода на
женский.

Французы обожают свой травяной чай. Не клубнич-
ный, а клюквенный, не сладкую фантазию из ягод, а че-
мы, бритты. А французские травяные настои, при-
из всевозможных кустарников. Некоторые по вку-
даже неплохи, если кому нравятся свежесваренные

Это фр
выезж
проезд
и выгл
нибуд
водите
по сто
твоей
против
выехал

Город прекрасно знает о притягатель-
ности импрессионистов, поэтому хотя бы од-
нажды заезжайте в какой-нибудь шоу. Не-
мало лошадей Дега, постирушки Мане. С
сгодится.

Когда француз
произносит «мсье» в
середине фразы, знайте,
что вы всерьез обидели
его.

Мы, бритты и французы, по-
Нотр
другу дружеские сигналы.
прит
неправильно, а потому пр
на о
что друг друга ненавиди
снул

Когда французы мчатся на красный свет, он
показывают полное пренебрежение к опаснос-
кого-то — просто они думают, что жизнь сли-
коротка, чтобы тратить драгоценные мину-
ожидании, пока светофор решит, Француза
каким цветом ему хочется
гореть.

чуждо вегета
кто не испыт
говядины, ме

нцузы придумали, что автомобиль, который едет справа, имеет преимущественное право. Ты можешь катить по тому, что называется главной дорогой, но, если вдруг с какой-нибудь невидимой тропки выскочит машина, с которой даже не удосужится посмотреть на тебя, и снесет тебе полкузова вместе с семьей, в его действиях не будет ничего правильного, потому что он едет справа.

Французы говорят, что «le client est roi». Клиент — это король. Но все мы хорошо знаем, что они сделали со своими королями. Голова Людовика XVI, снесенная ножом гильотины, катилась, подсакивая, по площади Согласия по дружным хохот тысяч французов.

*ни из них всегда
Бенишны Ренуара,
любой предлог*

Франция все-таки технологичная нация, поэтому мы не предполагали, что у вас возникнут проблемы с круговым движением. В конце концов, вы ведь даже умеете открывать устрицы.

Если наложить витрувианского человека да Винчи на карту страны, чтобы его правая рука разместила Бретани, левая — в Страсбурге, а соответственно в Биаррице и Монпелье, то Коррез как раз будет той малой заплаткой, на которую он написан.

**и не просто
сти сбить**

**шком
ты в**

Парижанки сплошь и рядом окружены «маленькими», с которыми учились в школе, ведь мало кто уезжает из Парижа учиться дальше или искать счастья. Вопрос, разумеется, в том, как далеко они зашли в своей школьной дружбе.

Они считают любого, кто вызывает оргазм от недожаренной курицы, своим другом.

«Bonjour, Mesdames» — приветствие, которое на французском действует безотказно, предотвращая многие потенциальные конфликты.

О, доже, снова
Париж!

Stephen CLARKE

MERDE

Actually

Стефан КЛАРК

О, доже, снова Париж!

наблюдая за французами

РИПОЛ
КЛАССИК

Москва, 2011

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)6-44
К47

Перевод с английского И. А. Литвиновой

Кларк, С.

К47 О, боже, снова Париж! Наблюдая за французами / С. Кларк ; [пер. с англ. И. А. Литвиновой]. — М. : РИПОЛ классик, 2011. — 496 с. — (Боже, спаси...).

ISBN 978-5-386-03092-6

Новое приключение британца Пола Уэста в Париже, в котором он пробует себя в роли провинциального фермера и парижского бизнесмена.

Ему предстоит собирать кабачки в огороде потенциальной тещи, рыть яму для септика и спать на скрипучей прадедушкиной кровати в сельской Франции. Он все-таки откроет в Париже английскую чайную, столкнется с трудностями, подстерегающими начинающего бизнесмена, и конечно же продолжит поиски идеальной мадемуазель.

«О, боже, снова Париж!» — новый искрометный роман от Стефана Кларка, автора шести международных бестселлеров о непростых взаимоотношениях французов и англичан.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)6-44

ISBN 978-5-386-03092-6

© Stephen Clarke, 2005
© ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2011

Все связано цепью необходимости
и устроено к лучшему.

Вольтер, «Кандид»

Ад — это другие люди.

Жан-Поль Сартр, «Нет выхода»

Мне бы вот этого Вольтера, пожалуйста.

Пол Уэст, «Боже, спаси парижан!»

I

СЕКС В ПРОВИНЦИИ

1

Мы с Флоранс застряли в сорока километрах к югу от Лиможа, в Коррезе, почти в самом центре Франции. Если наложить витрувианского человека да Винчи¹ на карту страны, так чтобы его правая рука разместилась поверх Бретани, левая — поверх Страсбурга, а ступни оказались в Биаррице и Монако соответственно, то Коррез будет той самой маленькой заплаткой, на которую он напишет.

У мамы Флоранс имелся загородный дом в Коррезе. Мы планировали заехать к ней на ланч и от нее на пару недель отправиться в поездку по Юго-Восточной Франции.

¹ «Витрувианский человек» — рисунок, сделанный Леонардо да Винчи примерно в 1490—1492 годах, как иллюстрация для книги, посвященной трудам Витрувия. На рисунке изображена фигура обнаженного мужчины в двух наложенных одна на другую позициях: с разведенными в стороны руками, описывающими круг и квадрат. Рисунок и пояснения к нему иногда называют каноническими пропорциями. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

Но все пошло не по плану, и вот теперь мы сидели на солнцепеке возле своей помятой машины. Прошло минут десять в ожидании приезда полиции или эвакуатора, когда Флоранс склонила голову мне на колени и произнесла роковые слова:

— Думаю, нам придется провести несколько дней с *Maman*.

Разумеется, тогда она еще не знала о том, что я попытаюсь прикончить ее мамашу. Да я и сам не знал. Мы были вместе всего два месяца, и, если бы кто-нибудь спросил мое мнение, я наверняка ответил бы, что не считаю попытку убийства матери своей новой подружки залогом успешных отношений в будущем.

Как бы то ни было, упрекнуть мне себя не в чем. Во всем был виноват водитель-француз.

— *Connasse!*¹ — крикнул он.

Французские оскорбления восхитительны в своей грамматике, подумал я. Даже в разгар перепалки нужно помнить о том, что следует использовать форму женского рода грубого слова «идиот».

Но водитель-француз был в высшей степени несправедлив. Дело в том, что за рулем как раз был я, а не Флоранс. А на нее он кричал лишь потому, что она сидела ближе к нему. Хуже всего то, что этот ненормальный оставил вмятину — по моим ощущениям, сопоставимую со следом от падения астероида — на правой задней дверце новенького автомобиля отца

¹ Идиотка! (фр.)

Флоранс, тем самым причинив не меньшую травму ей самой.

— Ты в порядке? — спросил я ее по-английски.

— *Oui*¹. — Она всегда отвечала мне по-французски. — *Et toi, Paul?*²

— Да, но у меня прямо руки чешутся сбить с носа этого типа его дизайнерские темные очки.

— Нет, ты не можешь так поступить, ты же англичанин. Ты должен сохранять свою флегму.

— Флегму? — Такого я еще не слышал. Неужели французы полагают, что мы, британцы, успокаиваем нервы исключительно тем, что поплеываем вокруг себя? Должно быть, они насмотрелись нашего футбола по спутниковому телевидению.

— Да, вы же флегматики. У вас холодная кровь.

А... так она рассматривает англичан как рептилий, теперь все более или менее понятно.

— Нет, — сказал я, — этим очкам явно не место на носу.

Я вышел из ярко-синего «Рено Вел Сатис» и быстро оглядел себя, пытаясь оценить возможный ущерб, нанесенный моим конечностям. Но нет, обе машины перед аварией двигались с невысокой скоростью, так что ничего серьезного со мной не произошло, если не считать затекшей шеи и смутной потребности кому-нибудь врезать.

Я приблизился к красному азиатскому внедорожнику, который только что в нас врезался. Его передние фары даже не треснули.

¹ Да (*фр.*).

² А ты, Пол? (*фр.*)

За рулем сидел крашеный блондин лет сорока с небольшим, явная жертва моды, в изогнутых солнцезащитных очках с такими темными стеклами, что я удивился, как он вообще видит небо, не говоря уже об автомобилях на дороге.

— Вы, наверное, слепой? — сказал я, кивая на его очки. Разумеется, я обратился к нему на «вы», произнеся «vous» вместо фамильярного «tu» или «toi», поскольку мы еще не были представлены друг другу.

— *Et toi?*¹ — прокричал он из-за поднятого стекла. Я простил ему эту фамильярность, поскольку был лет на двадцать младше. — Ты что, не знаешь про *priorité à droite*?

Раздраженно пыхтя, он повернулся к своей жене в рубашке-поло и их двум мальчишкам-сорванцам. Все они угрожающе уставились на меня. И я знал почему — став жертвой водителя-неумехи, я сорвал им расписание семейных каникул. Вероятно, они планировали позавтракать в Бургундии, пообедать в Лиможе, но никак не попасть в аварию в Коррезе.

— *La priorité à droite?* — уточнил я. Вот уж поистине самый тупой и самый опасный закон в западном мире. Это французы придумали, что автомобиль, который выезжает справа, имеет преимущественное право проезда. Ты можешь катить по тому, что называется главной дорогой и выглядит соответствующе, но если вдруг с какой-нибудь незаметной тропки вы-

¹ А ты? (*фр.*)

скочит машина и снесет тебе полкузова вместе с твоей семьей, в действиях водителя, которой даже не удосужился посмотреть по сторонам, не будет ничего противоправного, потому что он выехал справа. — На круге нет *priorité à droite*.

— На круге? — Француз спустил очки к кончику носа и огляделся, как будто только что заметил поросший травой островок безопасности рядом со своей машиной.

Судя по всему, он разглядел и круговую дорогу с четырьмя или пятью выездами в разных направлениях.

— Что за *merde*¹ эти круги, — произнес он со стоном, выражая отношение к круговому движению значительной части французов, которые, похоже, не знают, для чего предназначены кольцевые развязки. Может, чтобы обеспечить работой муниципальных садовников? — Это ведь английское изобретение, не так ли?

— Да. Мы придумали их в целях безопасности. Франция все-таки технологичная нация, поэтому мы не предполагали, что у вас возникнут проблемы с круговым движением. В конце концов, вы ведь даже умеете открывать устрицы. — Я рискнул вернуть в свою шутку безумно трудное слово «*huîtres*»², и не зря, потому что эффект был достигнут.

— *Et vous, vous êtes anglais*³, — подала гневный голос мужеподобная супруга француза, склонившись к

¹ Дерьмо (*фр.*).

² Устрицы (*фр.*).

³ А вы, вы ведь англичанин (*фр.*).

рулю. По крайней мере, она обратилась ко мне на «вы». — Вы, англичане, понятия не имеете, как ездить справа, — прибавила она с неприязнью.

— Ну, а у вашего мужа какие будут претензии? — спросил я.

Она схватила мужа за руку и что-то яростно зашептала ему на ухо. Он кивнул.

Я догадался о том, что она ему сказала, лишь когда он включил зажигание и резко сдал назад. Две машины разъединились, как взмокшие любовники после соития. В следующее мгновение внедорожник аккуратно развернулся и укатил прочь туда, откуда появился.

Пока он набирал скорость, я успел запомнить номера и, что совершенно бесполезно, физиономии длинноволосых мальчишек, которые ухмылялись мне сквозь заднее стекло. Папа только что стал лихим героем их собственного роуд-муви¹. Французы обожают роуд-муви. Только они говорят «ле род-му-ви».

— Что ты ему сказал? — спросила Флоранс.

— Ничего такого оскорбительного. Он, вероятно, думает, что я не знаю, как заявить на него, потому что я англичанин.

— Да, и к тому же после ланча его кровь, скорее всего, наполовину состоит из вина, — сказала она.

Я присмотрелся к вмятине на машине. Уродливый красно-голубой рубец был бы не так страшен, если

¹ Роуд-муви — буквально «дорожное кино» (от англ. *road movie*).

бы удар не пришелся на заднюю колесную арку, из-за чего разорвалась покрышка, которая теперь со свистом прощалась со своей короткой, но насыщенной атмосферами жизнью.

И речи не могло быть о том, чтобы я смог самостоятельно поменять колесо. Нам пришлось вызвать эвакуатор.

Мы сдвинули машину к обочине и уселись в высокой траве, разглядывая поля подсолнечника, простиравшиеся до самого горизонта. Я никогда еще не видел в одном месте столько подсолнухов. Мне всегда казалось, что они растут поодиночке, словно часовые, охраняя палисадники. Но здесь полчища этих высоких растений создавали полную иллюзию, будто на планету Земля высадилась армия анорексичных зеленых инопланетян.

— Ты действительно в порядке? — спросил я. — Не ушибла голову или, может, что-то еще?

— Нет. Впрочем, было бы неплохо, если бы ты помассировал мне шею. — Флоранс улыбнулась и провела длинным пальцем от своего уха вниз, к гладкому голому плечу, любоваться которым позволяла футболка без рукавов. Еще с самого первого раза, когда мы оказались в одной постели, меня поразила невероятная гладкость кожи Флоранс, как будто свои подростковые годы она отмокала в кокосовом молоке. Она была наполовину индианкой — ее отец был тамилем с вулканического французского острова Реюньон, что рядом с Мадагаскаром, — и ее тело идеально сочетало в себе французскую устойчивость и индийскую гибкость.

Она спустила бретельку черного бюстгальтера и кончиками пальцев надавила на мышцу чуть выше ключицы.

— Тебе придется поцеловать меня вот *сюда*. — Она застонала, нащупав болезненное место, и закатила глаза.

Все это звучало многообещающе.

До тех пор, пока она не объявила о том, что мы собираемся остановиться у мамы.

*Garagiste*¹ прибыл через полчаса. Когда он услышал о том, что виновником был автомобиль с парижскими номерами (они оканчиваются на 75), он с особой радостью удостоверил на заляпанном техническим маслом бланке, что мы правы, а второй водитель незаконно покинул место аварии.

К тому же он замолвил за нас словечко перед двумя местными жандармами, которые приехали расследовать происшествие. Они выглядели напряженными и усталыми в своих обтягивающих брюках и старомодных кепи. Была первая суббота июля, когда большой процент французского населения, вкуче с внушительным стадом иностранных туристов, мигрировал на юг через всю страну. Подогретые выпивкой, раздраженные, заблудившиеся, отвлекаемые своими отпрысками, которых тошнило, плохо закрепленным багажом и телефонными звонками, миллионы водителей, заполонившие *autoroutes*², в ближай-

¹ Владелец станции техобслуживания автомобилей (*фр.*).

² Автострады (*фр.*).

шие два дня обещали побить рекорд по количеству аварий за полгода.

Так что когда двое молодых жандармов увидели, что в нашем случае наличествуют лишь вмятина и сбежавший водитель, они наспех составили протокол и укатили в своем голубом фургоне.

Наше прибытие к *Maman* не вызвало никакого ажиотажа, хотя, как я полагаю, ее дочь никогда еще не являлась на побитом оранжевом эвакуаторе.

Флоранс открыла низкую белую калитку, и мы вошли в безлюдный сад. Справа была заросшая лужайка, окруженная старыми фруктовыми деревьями. Я разглядел птиц, деловито поклевывающих крупные ярко-красные вишни. Прямо перед нами высился каменный сарай под шиферной крышей с зеленоватой каймой из мха. Слева стоял дом, одноэтажная конструкция из молочно-бежевого камня, совершенно такого же цвета, как у корочки созревшего сыра «Сен-Нектар». Ставни, окрашенные в черно-серый цвет, в тон крыши, были закрыты все до одной, как и входная дверь.

— У них сиеста, — прошептала Флоранс. — Подождем, пока они проснутся.

Здесь и в самом деле ты ощущал себя в самом сердце континента. Если не считать случайных порывов ветерка, воздух просто висел, искрясь и закипая на солнце. Густой листвы и низких веток вишни не хватало для уютной тени, так что мы отправились в сарай за зонтиком.

Поскольку мы вдруг оказались вне поля зрения, у меня родилась идея.

Флоранс прочитала мои мысли.

Ну, может, я и дал ей легкий намек, обняв за талию и прижавшись лицом к ее шее.

Она дернулась, выскользнув из моих рук:

— Нет, Пол, это неудачная идея. Смотри сам. Тут кругом поленницы из дров, да и пол земляной. *Se n'est pas pratique*¹. — Некоторые девушки становятся чертовски практичными, как только оказываются в зоне досягаемости своих матерей. — Бери зонтик, — сказала она. — А я принесу пляжное полотенце, чтобы мы могли расположиться на траве. — Она повернулась к залитому солнцем выходу, но вдруг замерла и тихо выругалась.

— Что такое? — спросил я.

— Мы оставили багаж в машине.

— О, *merde*².

2

К тому времени, как мы отыскиали номер телефона хозяина автомастерской, а потом, перекрикивая шум, доносившийся с места очередной аварии, объяснили ему свою проблему и узнали о том, что наша машина благополучно заперта в его гараже и что лично он не собирается мчаться туда, только чтобы достать какие-то сумки, из дома донеслись звуки, похожие на признаки жизни.

¹ Это непрактично (*фр.*).

² Здесь: О, черт (*фр.*).

Маленький мальчик с рыжевато-каштановыми волосами, в голубых плавках, выбежал в сад и увидел нас, улегшихся под зонтиком.

— Фло! — взвизгнул мальчик.

— Мой племянник, — объяснила Флоранс. — Симен, сын моей сестры.

«Странные у них тут в провинции имена», — подумал я.

Мальчишка плюхнулся на траву, чтобы обнять тетьку, при этом с подозрением оглядывая меня.

— Он маленький, — сказал он.

— Симен! — укоризненно произнесла Флоранс, как будто ее племянник указал на физический недуг, о котором неприлично упоминать вслух.

Я не придавал значения его словам. В конце концов, при моих шести футах у меня нет пунктика насчет роста. К тому же я был одет в мешковатые шорты, так что вряд ли малец мог комментировать прочие особенности моего телосложения.

— *Bonjour. Je suis Paul*¹. — Я протянул парнишке руку. Это лишь усилило его подозрительность.

— Он разве не хочет поцеловать меня? — спросил он у Флоранс.

— Он англичанин, — ответила она.

Казалось, это вполне объяснило все странности, связанные со мной, и мальчик — я уже догадался, что на самом деле его звали Симон, — отстранился от своей тети и чмокнул меня в обе щеки.

— Но все-таки он маленький, правда? — прошептал он Флоранс.

¹ Здравствуй. Я — Пол (*фр.*).

Она неодобрительно фыркнула и спросила:

— Где бабушка?

— Еще храпит.

— А Мишель здесь? — поинтересовалась Флоранс.

Мишель — это ее старший брат, я о нем уже был наслышан, но встречаться нам не доводилось.

— *Oui*. Но он *никогда* не встает с постели.

Мы прошли в кухню, желая промочить горло. Маленький Симон крутился возле Флоранс, словно щенок, которого по крайней мере два дня не выводили на прогулку. Но при этом он постоянно косился на меня, будто боялся, что я могу стащить его любимую игрушку. Все-таки было во мне что-то, что его беспокоило.

Прохлада кухни принесла облегчение после солнцепека в саду. Каменные плиты пола приятно холодили ступни. Я откупорил пузатую бутылку пива «Kanterbräu» и с жадностью осушил ее, чуть ли не залпом. На пояснице конденсатом выступили капли пота.

Удовольствие сменилось шоком, когда я сел за длинный обеденный стол и разбил оба колена.

— Ах да, я забыла тебя предупредить, — сказала Флоранс. — Будь осторожен, когда садишься за этот стол.

Я встал (колени, как я обнаружил, были целы, разве что помяты, как машина) и внимательно оглядел стол.

Длиной футов в десять, из темного дерева, он казался вполне нормальным по высоте. Но под исцарапанной столешницей располагались глубокие ящи-

ки, ограничивая пространство для ног, так что только лилипут мог с комфортом отобедать за таким столом.

— Это традиционный коррезский стол, — объяснила Флоранс. — Мой прадед сам его сделал, когда построил дом.

— А у него что, ног не было?

— Да были, конечно. Просто у нас не осталось стульев его работы. Они тоже были очень низкими.

— А вы не можете подпилить ножки у этих стульев? — Я жестом изобразил ампутацию. — Или добавить несколько сантиметров ножкам стола?

— О нет, *Maman* это не понравится.

Маленький Симон вдруг опять прижался к Флоранс.

— Он хочет распилить наши стулья? — с ужасом спросил он.

— Нет, нет, — заверила племянника Флоранс. И посмотрела на меня: — Все нормально, Пол, ты быстро привыкнешь сидеть за столом боком.

— *Ma chérie!*¹

В кухню быстро вошла женщина. На ней было коричневое платье-кафтан, а потому не представлялось возможным угадать, была она тощей, как селедка, или такой же грузной, как ее обеденный стол. Она бросилась к Флоранс и звучно поцеловала ее в обе щеки. Пока они стояли, обнявшись, я успел заметить, что мадам Фло-старшая была очень фигури-

¹ Моя дорогая! (*фр.*)

стой для своего комфортного пятидесятилетнего возраста.

— *Maman, je te présente Paul*¹.

Мама повернулась ко мне. Я улыбнулся ей, всем своим видом воплощая благодарность юноши к женщине, выносившей его возлюбленную.

Мать Флоранс тепло улыбнулась в ответ и положила руку мне на плечо, чтобы я приблизился и она смогла поцеловать и меня. При этом я заставлял себя не думать о том, что пышный бюст тещи касается моей груди.

— *Enchanté, Madame. Vous allez bien?*²

— Можешь звать меня Бриджит, — сказала она, побуждая меня сразу же перейти на «ты». — *Qu'il est mignon!*³ — прибавила она со смехом и снова поцеловала меня в щеку. *Mignon*, насколько мне было известно, означает «прелестный». Впрочем, этим же эпитетом обычно награждают морских свинок.

Бриджит была миниатюрной и грациозной, как и ее дочь, но совсем не походила на индианку. Ее волосы, подстриженные густым бобом, были темнорыжими — в такой цвет красятся брюнетки, скрывая седину, — а кожа была очень светлой. Она улыбалась так же жизнерадостно, как и Флоранс, у нее были такие же смеющиеся глаза, и вообще она излучала вселенскую любовь к человечеству.

И я не думаю, что *все* это было заслугой прозака.

¹ Мама, познакомься с Полом (*фр.*).

² Очень рад, мадам. Как поживаете? (*фр.*).

³ Он прелесть! (*фр.*)

Мы обменялись сжатыми резюме. Она работала учительницей начальных классов, an institutrice, в школе в пригороде Тура. Я отрекомендовался как будущий владелец английской чайной.

— *Ab oui, Maman*¹,— вмешалась Флоранс. — Я увольняюсь, хочу работать в чайной.

— Что?

Я вдруг стал выглядеть не таким уж *mignon*. Нетрудно было догадаться, что из безобидного экзотического бойфренда я разом превратился в источник тлетворного влияния, убедив бедную дочурку мадам отказаться от гарантированного заработка. Вселенская любовь испарилась, уступив место нескрываемому осуждению.

— *Oui, Maman, mon boulot me faisait chier*. — Флоранс заявила, что от этой работы у нее понос, как будто офисные работники в большинстве своем предпочитают мучиться запорами.

Она объяснила, что ее компания внедряет «*plan social*»², предлагая сотрудникам выплату годового заработка или ранний выход на пенсию. Даже в условиях спада французской экономики людей редко вышвыривают на помойку. Так что Флоранс приняла предложение работодателей и теперь собирается вместе со мной трудиться в *salon de thé*³.

— Ну, а что ты будешь делать в этом *salon de thé*? Станешь официанткой? Для этого ты училась на бух-

¹ Ах да, мама (фр.).

² План социального развития (фр.).

³ Чайный салон (фр.).

галтера? — Бриджит печально улыбнулась мне, словно давая понять, что вовсе не имеет в виду, будто ее дочь слишком хороша для меня. Даже при том, что так оно и есть.

— Это маленький бизнес, *Maman*, мы сами будем делать все. Знаешь, Пол возглавлял маркетинговую службу в крупной компании, но оставил ее ради того, чтобы открыть собственный чайный салон.

Бриджит прислонилась к полированной каминной полке и оглядела меня: небритый иностранец в футболке с потускневшим британским флагом и во вьетнамках явно не тянул на главу чего-то серьезного, разве что международной ассоциации бездельников, ошивающихся на пляжах.

— Во французской компании?

— Да, — кивнула Флоранс, — а еще раньше — в английской.

— Хм... — По какой-то необъяснимой причине эта информация в некоторой степени впечатлила Бриджит. — В Лондоне?

— Да, *Maman*, в Лондоне.

— Говорят, это самый дорогой город мира.

— Да, это так, но, к счастью, зарплаты пропорциональны ценам, — заметил я и выпрямился в полный рост, рискуя набить шишку об низкие потолочные балки.

Maman подошла к холодильнику и достала большой стеклянный кувшин, наполненный розовой пенной.

— Будешь клубничный сок? — спросила она меня.

— Клубничный сок?

— Да, у нас так много клубники, что не знаем, куда ее девать. Я взбиваю ягоды миксером, добавляю немного воды, сахара, лимонного сока — и *voilà*¹.

— Мм... это должно быть *délicieux*², — сказал я, думая о том, что «сок» больше похож на пюре из овечьих мозгов.

Мы сели за стол, вывернув колени в сторону, и выпили по бокалу розовой слизи, которая к тому же застревала в зубах. Маленький Симон был единственный, кто с удобством расположился за столом. Остальные были похожи на трех Белоснежек, присевших на корточки для общения с гномами.

— Ну и где же находится этот *salon de thé*? — спросила Бриджит с едва заметной агрессией.

— Рядом с *Champs-Élysées*³, — сказал я.

— Должно быть, аренда очень дорогая.

— Я договорился о хорошей цене.

— И когда вы открываетесь?

— *À la rentrée*, первого сентября, — сказал я.

— Да, *Maman*, над проектом работает Николя, — вставила Флоранс. — Ты помнишь Николя?

— О да, Николя, он был такой *mignon*! — томно вздохнула Бриджит.

Я задался вопросом, насколько близко она знакома с архитектором, надзирающим за ремонтом в моей чайной. Флоранс рекомендовала мне его как молодого архитектора, который возьмется работать за

¹ Вот (фр.).

² Вкусно (фр.).

³ Елисейские Поля, улица в Париже.

приемлемую плату по той простой причине, что он был «мальчиком, с которым я училась в школе». Парижанки сплошь и рядом окружены «мальчиками, с которыми учились в школе», ведь мало кто из них уезжает из Парижа учиться дальше или искать работу. Вопрос, разумеется, в том, как далеко они зашли в своей школьной дружбе.

Этот Николя был довольно симпатичным парнем, если вам нравятся высокие, бледнолицые, артистические натуры в безукоризненном «кэжуал» от ведущих дизайнеров и с гипертрофированным самомнением.

Конечно, для меня было большим утешением знать, что друг Флоранс взял на себя все, к чему я был не способен с чисто лингвистической точки зрения: получение разрешения на строительство, согласование расценок, закупка материалов, поиск рабочих. Но все-таки вопрос о его месте в сексуальном резюме Флоранс прочно засел в моем мозгу. Все-таки одно дело, когда ты нанимаешь знакомого тебе архитектора, и совсем другое, когда трудоустраиваешь экс-бойфренда своей девушки.

Я сделал мысленную пометку позвонить Николя в уик-энд, чтобы убедиться в том, что все будет готово к утру понедельника, когда должны явиться ребята с кувалдами и уничтожить все улики, указывающие на то, что прежде в помещении располагался обувной магазин.

— Он был очень большой, этот Николя? — спросил маленький Симон.

— Замолчи, Симон! — приказным тоном произнесла Бриджит и улыбнулась мне, словно гово-

ря: «Не обращай на него внимания, он просто глупый».

— Вел кам, вел кам!

В дверном проеме гостиной, пригнувшись и скаля зубы, стоял человек примерно моего возраста и похожих габаритов. Это был Мишель, старший брат Флоранс.

Как и у Флоранс, в жилах его текла идеальная смесь из французской и индийской крови; кареглазый, с длинными конечностями, Мишель являл собой эталонного мужчину *latte*¹. В отличие от сестры, тело его было покрыто густой растительностью, что компенсировалось тенденцией к ранней лысине, которую он пытался скрывать, стягивая волосы в короткий конский хвост. Мишель не надел рубашку, так что я мог увидеть намечающийся пивной живот, а его шорты были еще более мятыми, чем мои. Я догадывался, что он в них и спал.

Он поцеловал Флоранс и схватил мою руку, с любопытством и жалостью одновременно вглядываясь в парня, который спал с его сестрой.

Отмахнувшись от предложенного сока из овечьих мозгов, он прошел к холодильнику, достал бутылку газированной воды «Бадуа» и с жадностью ее ополовинил, задыхаясь от щекочущих нос пузырьков.

— Мишель, эта бутылка для всех, — заметила Бриджит, и он рассмеялся — вылитый ребенок, который не привык слушать то, что говорят родители.

¹ Кофе с молоком (*фр.*).

Я вместе с Флоранс рассказал о нашей аварии, и Бриджит объявила: раз мы проведем в Коррезе несколько дней, мы вполне сможем помочь ей по хозяйству. Похоже, о каникулах в ее загородном доме можно было забыть. Оказывается, все вокруг сыпалось, гнило или поедалось паразитами. Во мне шевельнулось дурное предчувствие.

Мне на выбор было предложено несколько вариантов времяпрепровождения в Коррезе. К сожалению, слепополуденная дрема в объятиях Флоранс среди них не значилась. Зато можно было собирать салат, редис, кабачки или клубнику, очищать ото мха крышу сарая или копать.

— Вы строите бассейн? — спросил я. Дело в том, что я уже успел заметить большую яму, выкопанную на склоне позади сарая.

— Нет, это будет канава для септика, — объяснила Бриджит.

— Для чего?

— Ну знаешь, такой резервуар для... в общем, понятно...

— Для кака и пипи, — хихикнул Симон.

— У вас разве нет туалета? — удивился я, предвидя ранние утренние пробежки с целью удобрения зеленых насаждений.

— Да есть, конечно, только он старомодный.

— Старомодный? — Выходит, проблема в том, чтобы установить последнюю модель септика?

Объяснять взялась Флоранс, в то время как Бриджит напряженно вслушивалась. Судя по всему, для нее это был болезненный вопрос и она принимала его слишком близко к сердцу.

Вскоре я уже был в курсе того, что все дома в коммуне имеют септики, но ни один из них не соответствует «aux norms» — иначе говоря, современным строительным нормам. Выходит, заполнять городские окраины огромными рекламными щитами и уродовать промзонами считалось в порядке вещей, но вот иметь септик ненадлежащего размера закон запрещал.

В коммуне Бриджит септики представляли собой кирпичные бункеры в саду, где веками эффективно перегнивали продукты жизнедеятельности. Однако с появлением стиральных и посудомоечных машин многие стали выкачивать теплую воду из своих домов напрямик в придорожные канавы, превращая окрестности в субтропические сады, и муниципалитеты уже не могли контролировать это буйство. И вот местный мэр получил региональный грант на оборудование больших современных септиков, способных накапливать сточные воды.

— Разве они не обязаны выкопать для вас яму? — спросил я.

— Да-да, но... — Бриджит содрогнулась.

— *Maman* опасается, что они повредят водопроводные трубы или корни каштана, — объяснила Флоранс.

— Ха! — произнес Мишель. — Просто она не хочет, чтобы чужие мужики копались в ее...

— Мишель! — Бриджит вспыхнула, и ее щеки обрели цвет клубничного сока.

— Как бы то ни было, — продолжила Флоранс, — *Maman* хочет, чтобы мы сами выкопали яму.

— Пожалуй, я предпочел бы собирать кабачки, — заметил я.

— Хорошо, покопашь завтра, — согласилась Бриджит. — Но учти, что нужно копать очень осторожно, чтобы не пробить старый бак.

Короче говоря, мои французские каникулы ожидало в прямом смысле дерьмовое начало.

3

Я уже успел заметить три или четыре грядки кабачков на заднем дворе и прикинул, что ободрать их займет у меня не больше пяти минут, после чего Флоранс сможет провести для меня экскурсию по дому с финалом в уединенной спальне.

Мы с ней еще находились на той ранней стадии отношений, когда постоянно ощущается потребность прикасаться друг к другу. Когда стоит лишь коснуться кончиками пальцев кожи возлюбленной, как другие части тела в унисон заявляют, что тоже хотели бы поучаствовать в этом процессе. Пожалуй, это не самое лучшее время для того, чтобы гостить у тещи.

И вот сейчас от ослепительного солнца, буйной зелени и созерцания обнаженных округлостей Флоранс (она отыскала в шкафу бикини) у меня ломило всю нижнюю часть тела.

Настоящим ударом под дых стала для меня новость о том, что кабачки, которые я должен собирать, растут вовсе не на маленьком огороде за домом. До

них было идти минут десять по тропинке через лес. Хуже того, Флоранс не разрешили сопровождать меня, поскольку ее запрягли перерабатывать утренний урожай вишни в клафути — что-то вроде фруктового пирога исполинских размеров.

Мне выдали старую соломенную шляпу, которую отказался бы напяливать и осел по причине ее дряхлости, и пару гигантских резиновых сапог, наказав не возвращаться, пока не наберу полную бельевую корзину кабачков.

На всякий случай, чтобы убедиться в том, что я знаю, с чем мне придется работать, Бриджит вышла из кухни и выдала мне образец.

— *Voilà*, вот что мне нужно, — сказала она.

— Да, кабачки. — Я с умным видом кивнул на овощ, и по форме, и по раскраске явный кабачок.

— Некоторые городские жители путают их с огурцами.

— Только не я, ведь я уже пять лет работаю в пищевой индустрии.

— А... но не думаю, что ты завариваешь чай из кабачков, — сказала Бриджит и, твердо поставив меня на место, изящно повернулась на носке одной ноги и вернулась в кухню.

В этот момент, должен признать, меня впервые пронзила мысль о матереубийстве.

На самом деле было забавно пару часов поиграть в крестьянина.

В какую бы глушь ты ни забрался на юге Англии, город всегда напомнит о себе либо промчавшимся

мимо внедорожником, либо шумной компанией яппи на горных велосипедах. Но только не здесь, в Коррезе. Огород представлял собой полосу пахотной земли длиной примерно сто и шириной десять ярдов посреди средневекового запустения. На покатом склоне холма выделялась залитая солнцем поляна, окруженная огромными покосившимися каштанами. Даже проржавевший каркас брошенного фургона выглядел так, будто пролежал здесь сотни лет. Это был винтажный образец французского фургона из рифленого железа, и сейчас он мирно разлагался обратно в железную руду; молодые деревца прорастали через него, и он подгнивал вместе с деревянными ящиками для овощей на месте лобового стекла.

Когда я хлебнул воды из захваченной с собой бутылки, мой глоток был единственным человеческим звуком в этом мире. Гудели насекомые, вскрикивали птицы, шуршали кроны деревьев, но уж точно никто не разъезжал на машинах поблизости. Не могу сказать, что это было так же восхитительно, как погружение в Средиземное море или восхождение на Флоранс, но перспектива провести день в одиночестве в самом сердце Франции казалась не такой уж мрачной.

Хотя я был на огороде совершенно один, наполняя корзину кабачками, я ощущал себя частью семьи. У каждого было свое задание, и я, к примеру, отвечал за поставку овощей. За все эти десять месяцев, прожитых во Франции, никогда еще я в такой степени не чувствовал себя как дома — ни тогда, когда переехал

в квартиру Флоранс неподалеку от кладбища Пер-Лашез, ни тогда, когда впервые научился протискиваться без очереди к столику в парижском кафе. Сейчас я был одним из несметных тысяч парижан, вкушающих тихие прелести крестьянской жизни в семейном загородном доме. Испытывал я при этом глубокое удовлетворение.

Это был самый продуктивный огород, который я когда-либо видел: кабачки прятались за грядками картофеля, томатов, зеленой фасоли, баклажанов, редиса, свеклы (как я думаю), моркови, огурцов, салата трех видов, клубники, за кустами малины и черной смородины, за грушевым деревом и тем, что я принял за миндаль. На огороде нашлось место даже для маленькой смоковницы, дерева с изогнутыми упругими ветвями, миниатюрными неспелыми плодами и листьями, какие мы все видели на картинах. Тот парень, который первым выбрал фиговый лист, чтобы прикрыть свое мужское достоинство, попал в точку — вытянутая центральная лопасть листа выглядит один в один как повисший член. Хотя размером своих яичек он явно прихвастнул.

Но вот чего я не знал про фиговое дерево, так это то, что оно вкусно пахнет, когда на его листья падает солнце. Дерево источает такой сладкий аромат инжира, что хочется сесть, прислонившись спиной к стволу, и ждать целый месяц, пока плоды созреют и их можно будет есть.

Кабачки оказались на удивление колючими, да еще и росли предательски близко к земле. Поэто-

му, как только у меня начинало ломить спину, я просто вставал и совершал набеги на ягодные растения.

Здесь, на юге, в начале июля на кустах малины оставалось лишь несколько килограммов ягод, так что я быстро управился с ними, после чего перешел к другим грядкам, где меня поджидали тонны клубники. Одно я мог сказать наверняка: если бы я свалился замертво, изнуренный жарой и усталостью, уже через день мое тело утопало бы в цветах.

Когда я, еле волоча ноги, вернулся в сад с полной корзиной кабачков, Флоранс расставляла бокалы на длинном тиковом столе у стены дома.

— На *apéritif* придут соседи, — объяснила она.

— Надо бы мне быстренько принять душ, — сказал я. — Кстати, ты меня проводишь... ну, ты понимаешь? — Я сопровождал фразу «ты понимаешь?» многозначительным движением бровей, имея в виду, что Флоранс все понимает.

— Я покажу тебе, как он работает, — раздался голос Бриджит, которая появилась, нагруженная бутылками с алкоголем. — Там есть одна хитрость.

Я с укоризной посмотрел на Флоранс, но она, как солдат миротворческих сил ООН, лишенный права вмешиваться в гуманитарный конфликт, лишь пожала плечами, оставляя меня на волю судьбы.

— *Allez*¹, Поль! — Бриджит уже стояла в дверях кухни. — Они будут здесь через десять минут.

¹ Пошли! (*фр.*)

Это был мой первый день в детском саду. Урок первый: вот это кабачок. Урок второй: поход в ванную.

Интересно, дело во мне или действительно каждая душевая установка в мире имеет свою дьявольскую хитрость? Не потому ли мы, британцы, на протяжении многих веков предпочитали ванны, прежде чем решили, что больше не хотим мыть голову в раковине?

С ванной все гораздо проще: все, что от тебя требуется, это наполнить ее водой. Если слишком горячо, добавляешь холодной воды. Пользуясь же чужим душем, приходится проявлять чудеса изворотливости, чтобы добиться нужной температуры струи. И почему сделать это вдвойне труднее, когда попадаешь в ванную матери твоей девушки?

— Включи воду, и пусть она стекает минуты две, — объяснила Бриджит, склоняясь над глубоким душевым поддоном и указывая на смеситель. — Это водонагреватель «Бутагаз», так что нужно подождать, пока теплая вода поступит с кухни. *D'accord?*

— *D'accord.* — Это французский вариант «о'кей».

— Не меняй температуру, иначе через две минуты окоченеешь от холода или сварись заживо. *D'accord?*

— *D'accord.*

— И не включай на полную мощность, иначе шторку выбьет из поддона и замочится пол.

— *D'accord.* — Десять минут, выделенные мне на посещение душа, стремительно истекали, и я чув-

ствовал, что мне предстоит выйти к соседям в кононе из пыли и пота.

— Прежде чем включать воду, опусти шторку в поддон.

— *D'accord.*

— И не затыкай сливное отверстие пробкой, иначе останутся пятна.

Я поймал себя на том, что мой язык уже отказывается произносить «d'accord». И молча кивнул.

— И когда помоешься, полностью выключи воду.

Я снова попытался кивнуть, но голова сдвинулась лишь на миллиметр. Похоже, тело начинало бастовать.

— И не поворачивай кран слишком сильно, иначе его заклинит.

Все, что я смог сделать, это повести глазами вверх-вниз в знак согласия.

— И когда будешь вытираться, стой на коврике, иначе оставишь мокрые следы на полу.

Я был на грани срыва. Еще одна инструкция — и моя голова точно отвалилась бы.

— *D'accord?* — спросила она.

— Полотенце? — позволил себе пискнуть я.

— Возьми вон то, голубое. А потом, когда вытрешься, повесь его сушиться на веревку, а то заплесневеет от сырости. *D'accord?*

Я улыбнулся, не только подтверждая, что все понял, но и от внезапно пришедшей в голову идеи повеситься самому на той же бельевой веревке, вырвавшись тем самым из этого учебного лагеря для новобранцев, где командовала французская мама.

4

Душ успокоил нервы, и я чувствовал себя в ладах с окружающим миром, когда появился в саду спустя четверть часа.

— А! — раздался громкий коллективный возглас радости, словно я был гостем, который принес единственную бутылку.

— Это Пол, — объявила Бриджит в свойственной французам манере произносить мое имя так, будто я имел отношение к лидеру «красных кхмеров»¹.

— *Bonsoir*², — произнес я.

За столом восседали мама, брат и племянник Флоранс, сама Флоранс и пожилая пара; старик со старушкой широко улыбались и приветствовали меня, подняв огромные бокалы с «Перно»³.

Мне представили гостей как Анри и Жинетт, давних хозяев соседней фермы. Я предположил, что они муж и жена, но выглядели они такими одинаковыми, что вполне могли оказаться и братом с сестрой. А спросить, как мне показалось, было невежливо. У них были беззаботные лица состарившихся детей, а шишковатые руки хранили следы грязной и небла-

¹ Имеется в виду Пол Пот (1928—1998) — премьер-министр Камбоджи, который являлся одним из лидеров крайне левого режима «красных кхмеров», проводившего геноцид своего народа.

² Добрый вечер (*фр.*).

³ «Перно» (*Pernod*) — легендарный французский анисовый аперитив.

годарной работы, какой на семейной ферме неavorot. Мне стало любопытно, не составят ли они мне компанию в завтрашнем мероприятии по рытью выгребной ямы.

— Что будешь пить? — спросил Мишель.

Анри и Жинетт дружно воскликнули: «Eh oui!»¹. Алкогольные пристрастия иностранца вдруг стали самой волнующей темой по эту сторону Ла-Манша.

Я затруднялся с выбором, поскольку названия на этикетках половины бутылок ни о чем мне не говорили. Что это за «Suze» и «Banyuls»?² Я решил рискнуть — в конце концов, надо же ассимилироваться.

— Попробую «Сюз».

Такого бурного смеха не вызывал ни один анекдот из тех, что я рассказал за этот год. Даже маленький Симон присоединился к всеобщему веселью.

— Это напиток для женщин, — сказала мне Флоранс по-английски.

— «Бон-юул»? — предпринял я новую попытку, и снова раздался хохот, на этот раз вызванный моим произношением.

— «Бань-юль-сс», — поправил меня Мишель и налил мне полпинты того, что на вкус оказалось крепленным вином наподобие портвейна.

Как бы то ни было, этот выбор, казалось, удовлетворил всех, и, когда я произнес тост, пожелав присутствующим доброго здоровья, они дружно подняли

¹ Да, в самом деле! (фр.)

² «Сюз» (Suze) — аперитив с горьковатым вкусом, биттер. «Баньюльс» (Banyuls) — руссильонское вино.

бокалы. Мы чокнулись, твердо глядя друг другу в глаза, как положено. Во Франции этот зрительный контакт чрезвычайно важен. Говорят, что, если им пренебречь, сексуальная жизнь в последующие десять лет будет невыносимой. Даже Анри с Жинетт обменялись взглядами, из чего можно было сделать вывод, что у них есть еще порох в пороховницах.

На столе красовались закуски, обычно подаваемые к аперитиву: оливки, пшеничная фигурная соломка, чипсы, орешки, тарелка с редисом, который нужно было сдобривать кусочком сливочного масла. Я быстро заморил червячка. Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как я закинул в себя тот последний килограмм клубники.

Соседи по столу с благостным равнодушием улыбались мне, пока Бриджит объясняла, что мы с Флоранс собираемся открыть в Париже английскую чайную. У меня сложилось впечатление, что с таким же успехом она могла сказать, что речь идет о массажном салоне на Юпитере. Париж? Английская? Чайная?

— *Parisiens* в самом деле любят английский чай? — спросил старик Анри. Слово «парижане» он почему-то произнес как «паризьянг».

— Надеемся, что да, — сказал я и спровоцировал еще один взрыв смеха. Судя по всему, здесь, в провинции, остро ощущался дефицит анекдотов.

— У нас тут иногда бывают паризьянг, — сказала Жинетт, словно речь шла о диарее.

— Они арендуют дом старой Ивонны, — прибавил Анри, возбуждая дискуссию о том, от чего все-

таки умерла старая Ивонна (от рака, инфаркта или от своего самогона?), кто из ее сыновей ныне владеет домом, кто его все-таки выстроил, когда в последний раз ремонтировали крышу и кого нанимали, где покупали шифер, как счищать мох с кровли (тут Бриджит многозначительно посмотрела на меня).

Анри завершил дебаты, сказав:

— Они жалуются, что здесь нет этой моечной штуки. Как вы их называете?

— *Lave-vaisselles*, — ответила Бриджит. — Посудомоечные машины.

— *Oui*. Паризьянг жить не могут без этих *lave-vaisselles*.

— И мы совсем недавно купили, — сказала Жинетт, но не назло Анри, а просто констатируя факт.

— Да, но мы здесь живем, — заметил Анри.

— *Ah, oui!*¹ — Все согласились с этим его умозаключением и продолжили беседу, обмениваясь новостями о дальних родственниках, которые умерли или переехали жить в город, рассуждая о спиленных деревьях, об установленных септиках, о том, какие овощи пострадали в этом году от вредителей, когда за последние двадцать лет было особенно много слизи, и о том, не добавляла ли старая Ивонна слизи в свой самогон.

Я сидел, ощущая полное умиротворение, и вглядывался в открытые и добродушные лица французов, вслушиваясь в милый неторопливый разговор и млея

¹ Ах, да! (*фр.*)

от сознания того, что нахожусь так далеко от дома, но ощущаю себя своим в этой маленькой общине.

Мир становился оранжевым, а потом и розовым, по мере того как заходило солнце, а алкоголь подкрадывался все ближе к зрачкам. К восьми часам я не только насытился, но еще и набрался порядочно.

— За стол, — объявила Бриджит. Что, время ужина? Все, чего мне хотелось, так это немного отдохнуть, прежде чем начнется похмелье.

Анри и Жинетт отправились домой — судя по всему, их приглашали на аперитив, но не на ужин. Остальные потянулись в дом, где, неудобно усевшись за столом, принялись поглощать внушительные порции жареной свинины, зеленой фасоли, кабачков, салата, сыра, свежей клубники и вишневого клафути, запивая все это дешевым красным вином в таких количествах, какого хватило бы, чтобы свалить с ног целую команду по регби.

В десять часов за окном уже было темно хоть глаз выколи, и, казалось, осталось выбрать лишь одно из двух — зависнуть овощем перед телевизором или отправиться в постель. Но я точно знал, какой вариант для меня предпочтительнее.

— Я помою посуду, — сказала Бриджит. И тут же все испортила, прибавив: — Анри и Жинетт ждут тебя, Пол.

— Они ждут меня? Для чего? — О нет, подумал я, только не это: «Ты не будешь спать с моей дочерью под крышей моего дома, пока не женишься». Однажды я уже сталкивался с подобной проблемой, когда

соблазнял дочь священника, но то было в Данди¹, а теперь-то я во Франции.

— Их поле, — сказала Бриджит.

— Их поле? — Мне что же, спать на улице?

— Пошли. — Флоранс стащила меня со стула. У меня было такое ощущение, будто в течение нескольких последних часов мой вес утроился, хотя я с радостью отметил, что обильная еда, похоже, всосала в себя почти весь алкоголь.

Флоранс вывела меня в непроглядную темень и увлекла по тропинке в сторону видневшегося вдаль силуэта соседней фермы.

Если не считать мотыльков, порхающих в луче фонарика Флоранс, мы были единственными движущимися существами во всей вселенной. В такой тьме я еще никогда не оказывался. Даже свет в окне дома Анри и Жинетт казался далекой звездой.

Кончиками пальцев касаясь голого плеча Флоранс, я вдруг вспомнил, что прошло почти двадцать четыре часа с тех пор, как мы в последний раз были в постели в ее квартире неподалеку от кладбища Пер-Лашез, — а целые сутки воздержания были для нас абсолютным рекордом на тот момент.

— Почему бы нам не сделать короткую остановку? — предложил я, изо всех сил стараясь скрыть просительные ноты в своем голосе. — Никто нас не увидит.

— *Non, imbecile*,² — заявила Флоранс. — Они нас ждут. Идем.

¹ Данди — город в Шотландии.

² Нет, тупица (*фр.*).

Она прибавила шаг, и мне пришлось энергично двигать опухшими нижними конечностями, чтобы не отставать.

Стоило нам толкнуть ворота и войти во двор дома Анри, как старикан тут же выскочил на улицу. Он включил нечто вроде противотуманной фары, и темноту прорезал длинный прямой луч белого света.

— Вы хорошо поели? — спросил он.

— Да, — сказал я. — *Et vous?*¹

— *Très bien!*² Он был хорош, мой боров?

Анри объяснил, что за ужином нас угощали мясом его любимца. Борова звали Жермен, и, судя по всему, он был другом семьи, пока в прошлом году Анри не заколол его и не подвесил в палисаднике истекать кровью.

Анри увлек нас по тропинке в темноту и безмолвие. Ночная прогулка бодрила и, судя по тому, что ощущали мои голые ноги, была праздником для местных комаров. Я по-прежнему не мог понять, что мы здесь делаем.

Метров через сто Анри остановился и, описав круг лучом фонаря, изрек:

— *Voilà*³.

Я смог разглядеть только некошеную траву и зловещие тени двух фруктовых деревьев.

— *Voilà?*

— *Voilà.*

¹ А вы? (*фр.*)

² Очень хорошо! (*фр.*)

³ Вот (*фр.*).

— Это то самое поле, о котором говорил Анри, — пришла на помощь Флоранс.

— Красивое поле, — согласился я.

— В это время года здесь встречаются гадюки, но куры их отпугивают, — сказал Анри. — Сейчас они спят... — он изобразил спящую курицу на случай, если я вдруг не понял, — но вы сможете увидеть их завтра.

— Завтра? — переспросил я. И прибавил: — Отлично. — Похоже, меня все-таки не укладывали спать под открытым небом, и это радовало. Между тем никто до сих пор так и не объяснил, зачем понадобилось демонстрировать мне этот гектар травы посреди ночи.

О боже, только не это, подумал я, неужели в какой-то момент между двумя бокалами «Баньюльс» я предложил выкосить эту делянку?

Нет, скорее всего, это Бриджит предложила мои услуги. В конце концов, французы справедливо считают нас, британцев, экспертами по газонам.

Она определенно напрашивалась на то, чтоб ее грохнули.

— *Shoot!* — сказала Флоранс. Но это не было решением пальнуть из ружья в ее мать. Приложив палец к губам, она лишь потребовала тишины по-французски¹.

Мы вернулись в дом ее матери, где было тихо, если не считать приглушенного звука работающего в гостиной телевизора.

¹ Игра слов. Английское слово *shoot* имеет значение «стрелять», а французское *chut* — «Тсс! Тише!».

Она взяла меня за руку и повела в спальню. Все было точь-в-точь, как в мечте любого мужчины: красивая француженка ведет тебя в свой будуар. Ты различаешь лишь контуры огромной кровати возле стены. Не произнося ни звука, вы оба скидываете одежды и проскальзываете под прохладные простыни. Ваши губы ищут друг друга, и наконец в полной темноте вы сливаетесь в долгом страстном поцелуе.

А вот чего нет в этой мечте, — во всяком случае, применительно к моей ситуации, — так это голоса французского мальчика, который говорит: «Я не могу заснуть. Можно я лягу с тобой, Флоранс?»

Да-да, мы делили комнату с этим негодником.

— Нет, Симон, нельзя, и почему ты еще не спишь? — строго произнесла Флоранс.

Она, словно извиняясь, погладила меня по щеке и отвернулась. Кровать отозвалась громким скрипом. Я лег на спину, чтобы хандрить в одиночестве, но — о, чудо! — какая-то сила вернула меня обратно, прижав к Флоранс. Я попробовал еще раз. Нет, ничего не помогало — я снова оказывался посередине кровати. Видимо, происходило что-то сверхъестественное, и это явно не имело отношения к тому, что за день я прибавил в весе тонны четыре.

Объяснение все-таки нашлось: пружины матраса явно выработали свой ресурс и подпрыгивали примерно так же, как спущенный баскетбольный мяч. Как мы с Флоранс ни старались держать дистанцию, нас неудержимо бросало друг на друга, как пьяных в гамаке. Все это могло бы доставить массу приятных эмоций (в конце концов, мне вовсе не хотелось от-

страняться от Флоранс), но кровать была настолько бесхребетной, что моя поясница провисала фута на два ниже, чем голова и ноги. Выходило так, что я лежал и сидел одновременно.

— Дай-ка угадаю, Флоранс, — прошептал я. — Это кровать твоего прадедушки, да?

— *Oui*, — ответила она. — Он на ней умер. Спокойной ночи.

5

Проснувшись поутру, я обнаружил, что лежу в постели один, уткнувшись лицом в подушку, ступни выбравшись за изножье кровати, а мошонка почти касается половиц. Первое, что я почувствовал, это сильнейший приступ поясничной боли, сменившийся унынием, стоило мне только вспомнить, что, невзирая на скованные мышцы спины, мне предстоит провести день за рытьем выгребной ямы или на покосе в кишашем змеями поле.

Минут десять ушло на то, чтобы распрямить спину, снова облачиться в футболку и шорты, которые уже начинали пахнуть деревней.

Решив, что выгляжу вполне прилично, я пошел на звуки, доносившиеся из кухни. И тотчас пожалел о том, что вообще проснулся.

Бриджит расхаживала босиком в длинной розовой хлопчатобумажной ночной сорочке, которая придавала ей поразительное сходство со свиньей.

Нельзя сказать, чтобы сорочка была прозрачной, но истончившаяся ткань так обтягивала соски, ягодицы и рыжий холмик волос на лобке, что у меня возникло острое желание стать хронически близоруким.

Что еще хуже, Флоранс была одета в длинный, до пола, бархатный халат в горизонтальную зелено-желтую полоску, который определенно занял бы второе место в конкурсе «Самая несексуальная одежда за всю историю человечества», уступив пальму первенства лишь памперсам. Да, у нее были голова, руки и ноги молодой девушки, но все остальное соответствовало образу пожилой пенсионерки на пешей прогулке в доме престарелых.

Блин, вот что делает с человеком изоляция в сельской глуши, подумал я.

Маленький Симон сидел за столом, подтянув колени к подбородку, и уплетал сэндвич с «Нутеллой».

Как-то я прочитал статью о французской еде, и там было сказано, что эта шоколадно-ореховая паста цементирует Францию. Почти каждый ребенок в стране ест на завтрак «Нутеллу». Тинейджеры и безработные тянутся к ней ложкой в минуты стресса. Я уверен, что это единственная причина того, почему никто во Франции даже не заикается об аллергии на орехи. Арахис у французов в крови. Как-то, в бытность мою работником французской пищевой компании, одна моя коллега привела своего сына познакомиться со мной. Это был крепкий девятнадцатилетний парень с плечами, как у гребца, и ему как раз предложили место в Оксфорде. Он великолепно говорил по-английски, и я не сомневался в том, что он

легко впишется в университетскую среду. Единственный вопрос об Англии, который ему не терпелось мне задать, звучал примерно так: «А там можно покупать „Нутеллу“?»

Симон усмехнулся своим шоколадным ртом и продолжил подпевать радио: безголосая французская певица все никак не могла понять, почему ее никто не любит. Возможно, потому, что она все никак не заткнется, подумал я. А вслух со стоном произнес:

— *Bonjour*.

Флоранс подошла ко мне в своем жутком халате, и я постарался поцеловать ее, не прикасаясь к омерзительному бархату.

— Твоя прабабушка тоже умерла на этой кровати? — спросил я не слишком громко, на случай, если прабабка была по материнской линии.

Флоранс нахмурилась и вопросительно повела бровью, словно намекая на то, что я кое-что забыл, потом изобразила поцелуи в щеки.

О, боже, нет, едва не вырвалось у меня, они целуют друг друга каждое утро.

Перемазанный «Нутеллой» после лобызаний щек Симона, я направился к мойке, склонившись над которой Бриджит скребла вчерашнюю сковородку, оставленную отмокать на ночь. Ягодицы Матап, обтянутые тканью сорочки, напрягались и расслаблялись, так что казалось, будто пара лысых человек пытается выбраться из мешка.

— *Bonjour*, Бриджит.

— А, *bonjour*, Пол! — Она обернулась, едва не сбив меня с ног правой грудью, и звучно поцеловала в обе

щеки. Похоже, вселенская любовь вернулась к ней. — Хорошо спал?

— Да, очень хорошо. — Я просто не знал, как сказать по-французски «для человека с переломом позвоночника».

— Что ты пьешь по утрам? Кофе, шоколад, фруктовый чай...

— У нас нет фруктового чая, *Maman*, — заметила Флоранс, и я выдохнул с облегчением.

— Ах да, занеси его в список... Нет, Пол, я знаю, что ты пьешь: чай. — Она произнесла последнее слово так, будто речь шла о суперпризе в телеигре.

— Нет, спасибо, я выпил бы кофе, если можно, — сказал я.

— Ты не пьешь по утрам чай?

— Нет, кофе.

— Я думала, все англичане по утрам пьют чай.

— Я предпочитаю кофе.

— У нас есть «Английский завтрак».

— Мне бы кофе.

— Ну если ты уверен, что не хочешь чаю...

— Я уверен. Кофе, пожалуйста.

После того как мы выяснили этот вопрос, я устроил своим позвонкам еще одно мучительное испытание, усаживаясь за стол боком. На столе чего только не было: упаковки с хлопьями, какао-порошком и чайными пакетиками, тарелка с мини-атюрными ломтиками сухого белого хлеба, пластиковая бутылка стерилизованного молока, огромный круглый каравай, половина которого была грубо нарезана толстыми ломтями. На другом кон-

це стола были выставлены суповые чашки и столовые приборы.

В Париже я обычно не завтракал, выпивал утром чашку кофе, а по пути на работу покупал в булочной круассан, но сегодня я подумал, что неплохо бы с утра пораньше загрузить в себя крахмал.

Я наполнил кукурузными хлопьями белую фарфоровую чашку, и в нее же Бриджит налила мне черного кофе.

Утренняя экономия времени по-коррезски, подумал я. Насколько отвратительно, настолько и умно. В самом деле, зачем употреблять кофе и хлопья отдельно, если можно их смешать?

— О, что он делает? — расхохоталась Бриджит. — Только посмотрите на него.

Симон зашелся от смеха и чуть не свалился со стула, да и Флоранс подключилась к общему веселью.

— Вы что, в Англии кладете кукурузные хлопья в кофе? — спросила Бриджит.

— Нет, это же вы...

— О-ля-ля. Может, хочешь туда же добавить немного английского мармелада?

Бриджит посмеялась над моей тупостью и забрала у меня чашку. В надежде на поддержку я обернулся к Флоранс, но она была заодно с Симоном — сейчас они как раз выдавливали из себя последние капли смеха.

— Я надеюсь, с лопатой ты справишься лучше, чем с корнфлексом, — сказала Бриджит, вываливая содержимое моей чашки в мусорное ведро.

Конечно, я должен был помнить. Во многих французских семьях принято пить утренний напиток из суповых чашек. Так делала и моя бывшая подружка Алекса. Только вот почему французские производители фарфора не считали нужным приделать ручку к этим чашкам, оставалось для меня загадкой.

— В доме есть какая-нибудь чистая одежда? — спросил я Флоранс.

— *Ab oui.* — Она удалилась в комнату своей матери и вернулась оттуда с серой футболкой и самыми безобразными штанами из всех, какие мне довелось видеть в своей жизни. Это было изделие на эластичном поясе, в оранжево-голубую клетку с орнаментом из красных цветов размером с кулак. Такой узор (если это был узор, а не технический брак) могло сотворить лишь воспаленное воображение жертвы наркотической галлюцинации, а носить одежду из ткани подобной расцветки можно было только дома и только дальтоникам.

Флоранс уловила мое настроение, в котором не было и намека на энтузиазм.

— Они из Африки, — сказала она.

— Так вот, значит, какой он, вирус Эбола, — проговорил я. — Это вещи твоего брата?

— Нет... О, я хотела спросить, ты собираешься в душ?

— Да, я подумывал об этом.

— Знаешь, *Maman* говорит... — При этих словах ягодицы Бриджит, казалось, наостригли уши. — Ты не мог бы вытираться, стоя на коврике, потому что в прошлый раз ты оставил мокрые следы на полу?

Конечно, я наследил на вашем чертовом полу. Более идиотской ванной трудно придумать, и немудрено, что любой оставит лужи на этом чертовом полу в этой чертовой ванной. Так хотелось мне сказать, но я заглушил этот порыв, попытавшись отпить кофе из огромной чашки, которую только что поставила передо мной Бриджит. Горячая жидкость перелилась через край, обжигая подбородок и кончики пальцев.

— Хочешь соломинку? — предложил Симон.

И кто бы мог подумать, что еще вчера я чувствовал себя самым настоящим французским крестьянином. Сегодня я снова был английским истуканом, аутсайдером, который даже завтракать толком не умеет.

Проблема в том — и это объективный факт, — что, приезжая в чужую страну, ты оказываешься далеко от дома. Я хочу сказать, далеко от своих приятелей и семьи. Ты вынужден приспосабливаться к окружающим. У тебя не получится прийти вечером в паб и рассказать всем о том, как «она налила кофе прямо в кукурузные хлопья», и услышать слова сочувствия.

Ситуация представляется еще более экстремальной, если твоя подружка парижанка. И не так страшно встречаться с ее друзьями (хотя, как я уже говорил, никогда не знаешь, сколько среди них ее «бывших»), гораздо труднее общаться с ее семьей. Как собака, попавшая к другим хозяевам, ты вдруг обнаруживаешь, что в новой семье диваны предназначены вовсе не для того, чтобы на них сидеть, кости следует грызть, а не закапывать, и все смеются, когда ты начинаешь

вылизывать свою задницу. «Что плохого в том, что я вылизываю себе задницу? — думаешь ты. — Там, откуда я родом, все так делают».

6

Я уже с нетерпением ждал, когда смогу вырваться из дома и выпустить пар на земляных работах. Бриджит увязалась следом за мной, чтобы объяснить, как держать в руках лопату и наполнять тачку землей. Я слушал ее советы, старательно отводя глаза в сторону, потому что на ярком солнце ее сорочка просвечивала еще сильнее, почти не скрывая прелести, которые мне вовсе не хотелось видеть.

Я спрыгнул в метровую яму и провалился в липкую глину.

— О, там очень грязно. Будь осторожен, смотри не увязни, — сказала Бриджит и пошла восвояси, сокрушенно качая головой.

Флоранс пришла похихикать. И было над чем. Помимо ослиной шляпы и резиновых сапог, теперь на мне были уродливые штаны, настолько огромные, что мне пришлось подвернуть их в поясе, чтобы они не сваливались, и футболка, разодранная чуть ниже груди, очевидно, тем, кто стремился продемонстрировать рельефный пресс. Я выглядел как поп-идол восьмидесятых, который переживает трудные времена, а потому вынужден подрабатывать летом в деревне, разгребая дерьмо.

Флоранс, напротив, смотрелась роскошно в топи-ке бикини и саронге, с высоким пучком на макушке. Будь я в состоянии поднять хотя бы одну ногу, я выкарабкался бы из своей дыры, затащил бы Флоранс в сарай и уложил бы на земляной или какой угодно другой пол.

— Меня запрягли помогать готовить ланч, — сказала она. — В десять принесу тебе попить.

— В десять? А сейчас сколько?

— Половина девятого.

— Боже правый, выходит, я встал на рассвете.

Большой стакан клубничной слизи принес Мишель, брат Флоранс.

На нем были линялые голубые шорты-боксеры и резиновые сапоги из разных пар — один зеленый, другой коричневый, и оба на левую ногу. По крайней мере, я был не единственный в клоунской одежде.

— Вау, расслабься, старик, — произнес он по-английски, с франко-американским акцентом. — Не копай так быстро. У нас все лето впереди.

— Все лето? — И речи быть не могло, чтобы я застрял в этой дыре так надолго.

— Да, новый септик привезут только осенью. — Он спустился по доске, что вела в яму с пологой стороны, и, приблизившись ко мне, поскреб щекой по моему лицу. Казалось, в этой семье и мужчины целовались по утрам. Независимо от того, побрились они или нет. Какая мерзость!

Мишель ненадолго сменил меня и заодно объяснил странности в поведении своей матери.

— Когда она в городе, она совершенно теряется, старик. Поехать подстричься — для нее это целое путешествие. Два раза в год она теряет свою кредитку. Но здесь, в коммуне, она считает себя экспертом во всем. У нее загибаются растения, она вечно паникует, что дом свалится ей на голову, но чувствует себя хозяйкой положения и убеждает себя в том, что она фермерша. Вот почему *Papa* отказывается сюда приезжать. Ну, это одна из причин.

— Он никогда сюда не ездит? — Я мог понять почему, но в то же время был удивлен.

— Нет. Местные принимают нас, детей, потому что знают нас с рождения. Но чтобы принять настоящего индуса? Ни в коем случае. И не то чтобы они расисты, просто они никогда не видели темнокожего парня, который, как это сказать, не чистит... *rou-belles?*..

— Мусорные баки? Помойки?

— Да, мусорщики, верно. И у *Papa* на этой почве свой комплекс. Он бизнесмен, а не мусорщик.

— И каким бизнесом он занимается? — Я никогда не встречался с отцом Флоранс. Когда мы забирали его машину, он был в Индии.

— Он импортирует *tissues*¹.

— Что, «Клинекс»? — Отличный товар, подумал я, для страны, населенной ипохондриками. В моем прежнем парижском офисе бумажные платки прода-

¹ Бумажные носовые платки (англ.).

вались даже в автоматах вместе с шоколадными батончиками.

— Нет, *tissus*¹. Ну знаешь, вроде хлопка, например. Чтобы шить рубашки и прочее дерьмо.

— А... *fabrics*².

— Да. Он говорит, что летает в Бомбей первым классом, а здешние крестьяне принимают его за мусорщика. К тому же есть еще одна проблема...

Мишель выдержал интригующую паузу.

— Проблема?

Он перестал копать и ухмыльнулся.

— Ты ведь знаешь старую Жинетт? — шепотом произнес он, будто опасаясь, что мать подслушивает из-за угла сарая. Что, впрочем, не исключалось.

— Жинетт? Ты имеешь в виду старика Анри?.. — Я не знал, как назвать старушенцию, то ли женой, то ли сестрой. А может, женой и сестрой одновременно.

— Да. Как-то ночью *Papa* перепил вина и гонялся за ней по полям. Анри выстрелил из ружья, чтобы напугать его, но убил корову. В коммуне был большой скандал.

Я мог себе представить, сколько было разговоров, если они тут умудряются шифер по полчаса обсуждать.

— А что, твой отец... ну, ты понимаешь... был с Жинетт?

¹ Ткань (*фр.*).

² Материя (*англ.*).

Мишель рассмеялся и, снова принявшись лениво ковырять землю, ответил:

— Нет, он пришел домой, лег спать, а на следующий день вообще ничего не помнил. В итоге он заплатил за корову, чтобы замять этот скандал.

— Вау. — Я посмотрел в сторону мирной фермы Анри и Жинетт, где, оказывается, бурлили такие животные страсти. — И ты постоянно здесь живешь? — Как я ни старался, в голосе все-таки прозвучали скептические нотки.

— Нет, я мотаюсь по стране, когда есть работа. Когда работы нет, часто приезжаю сюда.

— А что у тебя за работа?

— Я электрик.

— Электрик — и нет работы? Электрики всем нужны.

— Я электрик в кинобизнесе, — со смехом пояснил Мишель. — Так что приходится очень подолгу ждать новых съемок. К тому же мне нравится работать с американскими киношниками, а они не так часто сюда приезжают, как мне хотелось бы.

— Но разве ты не можешь найти работу, не связанную с кино, в перерывах между съемками? Ну скажем, починял бы проводку в домах?

Он снова рассмеялся, будто я предложил нечто из области фантастики, и попросил:

— Расскажи лучше о своем *salon de thé*.

Пока Мишель копал, я растянулся на траве и выдал длинную режиссерскую версию своей истории. В сложившихся обстоятельствах ничто не мешало мне вдаваться в мельчайшие подробности.

Я рассказал ему, как за мной охотилась парижская компания, предлагая мне выгодный контракт. Как мне навязали группу французских коллег, в том числе любовницу босса и говорящего по-венгерски олуха с моржовыми усами. Как потом меня выгнали, потому что я не вписался в политическую программу моего босса, Жана-Мари, самого обаятельного лица-мера. Он выиграл местные выборы и теперь, как говорили, да я и сам слышал по радио, собирался выступать кандидатом в борьбе за руководство своей партией.

— *Vous parlez politique, c'est bien!*¹

Краснолицый человек в бежевой клетчатой рубашке и с седой рокерской челкой улыбался нам, заглядывая в яму. Молодой золотистый ретривер радостно пыхтел рядом с ним.

— А... мсье Рибу! — Мишель отставил лопату и протянул запястье для пожатия, как делают французские мужчины, если у них испачканы руки.

Мишель представил мсье Рибу как мэра коммуны, и я тоже подставил запястье, чтобы мне потрясли руку.

— *Ah, les Anglais,*² — сказал Рибу. — Вы вторглись в Дордонь, а теперь вот пожаловали сюда? Надеетесь вернуть те времена, когда ваш король Генрих Восьмой мечтал завладеть всей Францией?

Мой бывший босс Жан-Мари гневно осудил бы это антибританское заявление, позируя возле изби-

¹ Вы говорите о политике, это хорошо! (*фр.*)

² А, англичане (*фр.*).

рательной урны, но мсье Рибу улыбался мне так, будто мое участие в английской интервенции должно было состоять в раздаче бесплатных фруктовых пирогов местному населению.

— Это верно, — сказал я. — Мы, британцы, все, как один, хотим жить во Франции.

— Да, но почему все вы рветесь именно в Дордонь?

— Я не знаю. — Действительно, трудно объяснить, почему бритты всегда стекались в этот *département* Западной Франции. Очевидно, в доисторических наскальных рисунках, что встречаются там, среди мамонтов и мохнатых носорогов можно различить белололицых гомо сапиенс. Это как раз и были древние бритты, осматривающие пещеры на предмет их реконструкции, чтобы потом наваривать прибыль на сдаче внаем коек с завтраком.

— *Allez, les garçons* — время *apéro*¹, — позвала Бриджит.

Для *apéro* всегда находилось время.

Мы с Мишелем помыли руки и присоединились к мэру, дамам и маленькому Симону за тиковым столом в тени за домом.

На столе стояли уже знакомые мне бутылки, но на этот раз я решил ограничиться пивом. Мое предательство по отношению к «Баньюльс», естественно, вдохновило всех на долгий разговор о национальных традициях питья, завершившийся единодушным

¹ Мальчики, идите — время аперитива (*фр.*).

признанием того факта, что превосходные французские вина и спирты породили самых здоровых алкоголиков Европы.

— Да уж! Пока у нас есть женщины и вино, мы непобедимы. — Мсье Рибу осушил бокал пастиса и потянулся за добавкой. — Но в этой семье женщины предпочитают экзотических мужчин, а? Так? — Румянец вспыхнул на щеках Бриджит и Флоранс. — У нас, французов, с этими женщинами нет никаких шансов, верно? — Рибу ущипнул Бриджит за щеку, и я представил, как эти двое, будучи деревенскими подростками, играли здесь в прятки. — Вот почему после смерти жены мне приходится довольствоваться единственной сукой. — Он потрепал по голове своего щенка и дал ему сырное печенье. — Хотя она ведь тоже англичанка, а? Ретривер? Как ты ее находишь, Пол? Может, мне на ней жениться, а?

Здесь, в провинции, этот вопрос вполне заслуживал серьезного обсуждения.

— Там видно будет, — сказал я. — А она умеет готовить?

Прежде чем мэр успел раскрыть мне собачий рецепт приготовления говядины по-бургундски из костей, явился старик Анри; он поинтересовался, собираюсь ли я к нему на покос. К счастью, мне не пришлось искать предлог для отказа.

— Я забираю Пола покататься по округе, — объявил мсье Рибу.

— *Après la sieste*,¹ — постановила Бриджит.

¹ После сиесты (фр.).

Сиеста? Отлично. Похоже, жизнь налаживается. Я прижался ногой, пусть и в непотребной брючине, к бедру Флоранс. Она опустила руку под стол и сжала мое колено.

На ланч подали остатки вчерашнего поросенка, все те же бобы, кабачки, салат, клубнику и вторую половину гигантского клафути. Мы пили кофе на улице, за столом для *apéro*, и мне удалось улучшить десять секунд наедине с Флоранс, чтобы спросить, где будет проходить сиеста.

В нашей спальне, был ответ, а Симон обычно проводил сиесту с бабушкой.

Мне пришлось быстрым шагом проследовать в спальню, стараясь смотреть исключительно на стены, лишь бы не выдать никому своего восторга от радостной новости.

После столь длительного периода целомудрия мне не терпелось сразу же приступить к делу, но я помнил о манерах. Француженки ценят в мужчине старомодную обходительность. Они любят, когда перед ними открывают дверь, преподносят красную розу в ресторане, предпочитают первыми испытывать оргазм. В общем, им ближе старая школа.

Поэтому я сделал вид, будто терпеливо жду, при этом все глубже проваливаясь в матрас, пока Флоранс закроет ставни и распахнет окна, а потом игриво снимет топик и саронг, демонстрируя, что все это время, оказывается, ходила без трусов. Целомудренная французская девушка, но без трусов. Это казалось просто греховным расточительством, как если бы

она оставила миску со свежей малиной киснуть на солнце.

Наконец Флоранс улеглась рядом со мной, и мы попытались найти позицию, в которой можно было прижаться друг к другу нужными частями тела без риска что-нибудь себе повредить.

— О... чуть не забыла, — спохватилась она, когда я уже изготовился для страстного поцелуя. — *Maman* говорит, что тебе больше не нужно копать.

При упоминании матери Флоранс страсти во мне поубавилось, но не критически.

— Слава богу. В конце концов, мы ведь на каникулах.

— Она говорит, что ты копал не в том месте.

— Что? Там же яма, и это единственное место, где можно копать. Вглубь и вширь.

— Она говорит, что Мишель сам закончит.

— Но мы копали вместе, значит, и он тоже копал не там. — Почему я тратил время, защищая свое мастерство землекопа, вместо того чтобы наслаждаться любовной прелюдией, оставалось для меня загадкой, но все-таки что-то настойчиво подталкивало меня к этому.

Флоранс пожала плечами:

— Она никогда не критикует Мишеля. Он ее маленький ангел. Да, кстати, сегодня днем он повезет нас с *Maman* в супермаркет, и мы договорились с хозяином гаража, что заедем за нашим багажом.

— Наконец-то у меня появится собственная одежда. Чьи это шмотки, что ты дала мне? Признайся! Твоего отца?

От смеха Флоранс кровать заходила ходуном.

— Нет, *Рара* такой же маленький, как и *Матан*, — наконец ответила она.

— Тогда кому они принадлежат? Отцу Симона?

— Если ты действительно хочешь знать, это вещи моего бывшего бойфренда. — Мне показалось, что я расслышал еле уловимые виноватые нотки. Ревность зашевелилась в моей груди. И в той части тела, что пониже.

— И когда вы расстались, он забрал все компакт-диски, а ты оставила у себя его тряпки? Да тебя облапошили.

— Нет. — Флоранс накрыла мой рот ладонью, словно призывая закончить разговор, но я, как идиот, продолжал упорствовать.

— Все отлично помнят этого твоего гиганта, бывшего бойфренда. Не потому ли Симон так настойчиво твердит, что я маленький?

— Да, физически он был... внушителен.

— Внушителен? Кто он был, чемпион по дзюдо?

Когда лежишь рядом с обнаженной девушкой в кровати и сгораешь от нетерпения заняться сексом — это, конечно, не лучшее место и время для вспышки ревности. Но по какой-то необъяснимой причине эта вспышка разгоралась все сильнее по мере того, как мне в голову лезли самые бредовые предположения.

— Это случайно не Николя, архитектор? — требовал я ответа.

— Нет.

— Но ведь он тоже из твоих бывших, не так ли?

— Да.

— Может, он к тому же и хороший архитектор?

— Да, — быстро ответила Флоранс. И менее решительно прибавила: — Я так думаю.

— Флоранс, ради всего святого.

Мои шансы заняться любовью таяли с каждой секундой. Я ухватил Флоранс за левую ягодицу и решил уладить дело миром.

— Давай больше не будем говорить о твоей семье, твоих бойфрендах и нашем бизнесе и сосредоточимся на более приятных моментах.

— Давай, — промурлыкала Флоранс, и ее прохладная рука скользнула между моих бедер.

— *Allez*, Флоранс! — раздался голос Бриджит, сопровождаемый громким стуком в дверь. — Нам пора ехать.

— Уже? — Флоранс была удивлена настолько же, насколько я был близок к самоубийству.

— Да, ты же знаешь, что гипермаркет сегодня закрывается рано. *Départ*¹ через две минуты.

— Две минуты, — прошептал я Флоранс. В моем нынешнем состоянии крайнего возбуждения эта пара минут была равнозначна целой ночи.

— Тридцати секунд тебе будет достаточно, а? — произнесла она подтрунивающим тоном и каким-то образом умудрилась скатиться с кровати, прежде чем я успел подтвердить делом ее предположение.

Кажется, Франция отменила закон о «*crime passionnel*»², но уверен, что любой судья в этой стране

¹ Отправление, отъезд (*фр.*).

² Преступление, совершенное под влиянием любовной страсти (*фр.*).

согласился бы с тем, что Бриджит сама нарывалась на то, чтобы ее забили до смерти увесистым кабачком.

7

Я не видел смысла в том, чтобы валяться в постели одному и ждать, пока позвоночник уляжется под правильным углом, поэтому встал и принялся бродить по пустому дому. За исключением нашей спальни, все комнаты располагались в цепочку. Из кухни ты попадал в гостиную, оттуда в спальню Бриджит (где я намеренно зажмурился, чтобы детали этого интерьера потом не возвращались ко мне в страшных снах) и, наконец, в коридор, откуда три двери вели в ванную, в комнату Мишеля и в сад, соответственно. Так что, чисто теоретически, если бы мне захотелось попасть в ванную, я должен был пройти через сад или через спальню Бриджит. Это было так же непрактично, как обеденный стол на уровне пола.

Я вернулся в гостиную и устроился на диване — громадине в псевдодеревенском стиле с чересчур замысловатыми деревянными подлокотниками и грубыми подушками с кисточками.

По телевизору шел репортаж о «Тур де Франс». Я уверен, что, если просмотреть полную версию этой велогонки, можно узнать о французах больше, чем за три года учебы в университете.

Каждое лето у французов начинается помешательство на почве «Le Tour». Они критикуют крикет за скуку, потому что он может длиться пять дней. А тут гонка (значит, никаких тебе мячей, голов, лишь бесконечная мука), которая длится — о, ужас! — целых три недели. День за днем телекамеры следят за тем, как неестественно тощие мужики в лайкре крутят педали, мотаясь вверх-вниз по горам. Комментатор информирует зрителей о размерах и традициях каждого города, который встречается на пути гонщиков. Вот вам, пожалуйста, Гренуй-ле-Бан, родной дом для трех тысяч душ, он славится в регионе своим заброшенным сланцевым карьером и потрясающими продуктами.

Но массы обожают это мероприятие, и каждый километр обочин занят болельщиками, а некоторые даже разбивают палаточные городки. Фаны машут руками в камеру, надеясь получить свои пять секунд славы.

На одном из кадров, снятых с вертолета, я увидел огромный рисунок на дорожном полотне. Массивный белый фаллос и надпись: «Je t'aime, Sophie»¹. Маршрут велогонки объявляли задолго до старта, так что, правильно рассчитав время, можно было не сомневаться в том, что твое граффити появится на телеэкране. Комментатор был ничуть не смущен гигантским — и очень тщательно прорисованным — пенисом. Он лишь сделал комментарий о том, насколько романтичны местные жители, и в кадре

¹ «Я люблю тебя, Софи» (фр.).

снова появились обожженные солнцем велосипедисты, на ходу распечатавающие протеиновые батончики.

Я даже немного расстроился, когда мэр постучался в кухонную дверь. «Эллоу, йез сомм-боди?» — крикнул он, намеренно коверкая английский.

Мсье Рибу был одет в розовую рубашку и серые классические брюки, и от него так разило одеколоном, будто он в нем выкупался или влил в себя целую бутылку душистого спирта. Конечно, на таком фоне моя рваная футболка, нелепые штаны и пахучие подмышки землекопа были сущим позором, но его это, казалось, ничуть не смущало.

— *Viens, viens*¹, — сказал он. И добавил с сильным акцентом: — У нас экскурсия.

В его роскошном «ситроене» работал двигатель, и кондиционер был включен на ледяной холод, что было просто блаженством, поскольку стоявшее в зените солнце угрожало спалить всю живую растительность. А ее повсюду было в избытке. На склонах холмов росли аккуратно подрезанные яблони, на ветвях которых зрели крупные, размером с мячик для гольфа, плоды. Высокие, старомодные живые изгороди разделяли луга и поля, которые повторяли очертания маленьких долин, спускавшихся к заросшим камышом берегам речушек.

А вот людей не было. Мы видели их фермы — группы домов и строений, как у Бриджит, иногда с фли-

¹ Идем, идем (фр.).

гелями, курятником или утиной заводью. Но во дворах ни души. Все спят, догадался я. Или смотрят «Тур де Франс».

— Куда мы едем? — спросил я.

— В город, — ответил мсье Рибу. — Мне нужно сказать пару слов *cure*¹.

Мы проехали кладбище, огороженное бетонной стеной, и остановились на площади возле приземистой каменной церкви и остановки школьного автобуса.

— Подождите меня вон там, — сказал мсье Рибу.

Я посмотрел туда, куда он показывал, и увидел на другой стороне площади здание мэрии — классический *château*² в миниатюре. Прямо перед мэрией находился незатейливый мемориал с каменным солдатом Первой мировой, который застыл в непринужденной и расслабленной позе, будто ждал своей очереди пойти в бой и получить пулю. Похоже, во всей Франции не было ни одной деревни, которая не потеряла бы в окопах войны хотя бы одного своего жителя.

Но мсье Рибу вовсе не предлагал мне отправиться отдать дань памяти мертвым. Да, он показывал в сторону памятника, но хотел обратить мое внимание на безликое здание со стеклянным фасадом и вывеской с надписью «Café de la Mairie», расположенное на углу площади.

Тогда я еще не знал некоторых очень важных особенностей *café* в городках сельской Франции, куда

¹ Кюре (*фр.*).

² Замок (*фр.*).

редко ступает нога туриста. Нельзя сказать, чтобы люди там были недружелюбными. Дело в том, что они настолько непривычны к незнакомцам, что попросту их не замечают. А если все-таки замечают, то теряются, не представляя, что с ними делать. Бармен четко знает, что и в какое время суток пьет каждый из его клиентов, а появление чужака ставит его в тупик. Почему кто-то расселся на стуле Марселя, когда самого Марселя вот уже три года как нет в живых?

Посетителями *café* были сплошь мужчины в возрасте от тридцати лет до «столько не живут». Не меньше десяти человек, и по крайней мере половина носила усы. Воздух был насыщен табачным дымом, пивными парами и комментариями о «Тур де Франс», и этот коктейль лениво перемешивал потолочный вентилятор.

Я приветствовал всех дружеским «Бонжур!» и встретился взглядом с каждым, кто посмотрел в мою сторону. Несколько человек ответили на мое приветствие, но тот единственный, с кем мне действительно хотелось пообщаться, не отреагировал. Бармен тянул пиво из стакана, слушая бурчащего на местном диалекте старика, который сидел перед ним за стойкой бара.

Что ж, подумал я, уж мсье Рибу они наверняка знают. Он-то и попросит, чтобы нас обслужили.

На столике, за которым я расположился, лежала местная газета, и я расшифровал передовицу, в которой был представлен подробный отчет обо всех происшествиях на региональных дорогах. Про мою аварию не было ни слова, но, в конце концов, она и не могла конкурировать с сенсационными новостями о

том, что «Вел Сатис» выжимал на трассе двести километров в час, а грузовик с вином занесло, и это обернулось пробками длиной шестьдесят километров, поскольку водители просто не могли заставить себя проехать мимо валявшихся бутылок «Кот-дю-Рон». Идеальное вино для измученных жаждой автолюбителей, не отказывающих себе в удовольствии выпить за рулем.

— *Salut, Pierre!*¹

Раздался дружный хор приветствий, когда мсье Рибу бодрым шагом зашел в *café*. В руке у него был полиэтиленовый мешок, полный огурцов.

— Ты до сих пор не обслужил моего английского друга? — прибавил он, опустил мешок с огурцами на мой столик и отправился приветствовать односельчан. При этом он журил их за необщительность, и те, кто помоложе, потянулись ко мне с рукопожатиями и «бонжурами».

Представители старшего поколения, казалось, до конца своих дней приросли к барным стульям.

— *Viens, viens.* — Рибу помахал мне рукой, подзывая, и я подошел и встал у стойки бара, как взрослый. Мэр объяснил, кто я такой, что было встречено понимающими кивками.

— Не был ли ты повыше ростом? — спросил один из мужчин.

— Да, — ответил я, — до операции.

— Нет, — продолжил мой дотошный собеседник, — но разве у девчонки Бриджит был не...

¹ Привет, Пьер! (*фр.*)

— А у твоей жены разве нет двухметрового любовника? — перебил его Рибу.

Смех, похлопывания по плечам, грязные намеки положили конец обсуждению физических параметров бывшего бойфренда Флоранс.

Еще несколько минут назад я был чужаком, не достойным внимания, и вот уже вместе с мэром и меня посетители *café* наперебой приглашали к себе домой на рюмочку.

— Нет, не сейчас, — сказал Рибу, допивая кофе. — Нам еще предстоит несколько визитов в деревне.

Прощаясь, мы обменялись рукопожатиями по кругу, и мсье Рибу обещал каждому заглянуть на *apéro* в течение недели. Я подумал о том, что в этих краях наверняка можно сколотить состояние, если открыть клинику по пересадке печени.

Еще часа два Рибу мотал меня по окрестностям, не пропуская ни одной фермы в радиусе трех миль от дома Бриджит. На фермах остались старики, чьи дети уехали работать в город, то есть в Лимож, Туль или Брив. Встречались и пары среднего возраста, но их дети тоже планировали перебраться в город.

Я посидел за столом в десятках кухонь, отведал клубничный пирог, клубничный торт, клубничный мусс, клубнику в красном вине и клубнику в чистом виде. У сезонного продукта есть существенный минус — вы обречены весь сезон употреблять его в пищу.

Я пил вино и вишневую *eau de vie*¹. Повсюду меня встречали с приветливым любопытством и подноше-

¹ Водка (*фр.*).

ниями в виде клубники и кабачков. Кстати, меня тоже поджидал мешок с огурцами, подарок от юре.

Мне устраивали экскурсии по очаровательным амбарам, демонстрировали соблазнительные септики. А также предложили пострелять кроликов («они не убегают»), накопать себе кротов («всего сто шуток, и получится отличный жилет»), посмотреть телевизор («у нас тут три канала, и изображение очень четкое»).

К пяти часам я уже опьянел, объелся клубникой, и меня тошнило от изобилия реалий сельской жизни.

— Пожалуй, пора ехать домой на *apéro*, — объявил мэр.

Вырвавшись из плена гостеприимных фермеров, мы остановились на вершине холма, вышли из машины, и каким-то чудом мне удалось родить конструктивную мысль. Здесь, на возвышении, мог работать мой мобильник, в отличие от дома Бриджит: построенный в низине, он был надежно спрятан от вышек сотовой связи. Я так полагаю, прадед Флоранс не предвидел, что грядет эра мобильных телефонов.

— Позвольте, я проверю, нет ли мне сообщений, — обратился я к мэру.

— Бут офф корс¹, — произнес он на своем бутфорском английском и уселся в машину.

Я подключился к внешнему миру. Казалось невероятным, что он еще существует. В почтовом ящике

¹ Искаженное английское словосочетание *but of course* — «ну, конечно».

было три сообщения, в том числе от Алексы, моей бывшей подружки.

Мы были вместе почти всю прошлую зиму, и я не сомневался, что она именно та единственная, с которой не соскучишься, которая фонтанирует безумными идеями и на которую чертовски приятно посмотреть, что немаловажно. Но я все испортил, и вот уже несколько месяцев мы не общались, после того как разбежались во второй раз. Первый разрыв произошел, когда я по ошибке переспал с другой (так бывает), а причиной второго стала моя неудачная шутка насчет одного политика (а это уж чересчур). Сейчас все это казалось величайшей глупостью. Как можно порвать отношения из-за того, что не имеет к ним никакого касательства? Я еще понимаю, когда партнеры расстаются, потому что один из них переспал с кем-то, или когда им больше нечего сказать друг другу, или, в самом деле, когда твоя подружка заставляет тебя одеваться в шмотки своего бывшего бойфренда, — но чтобы из-за политики... Впрочем, Алекса была девушкой серьезной.

Сообщение, которое она прислала, было лишь отчасти политическим. Казалось, она отгаивает. *«Молодец, — писала она на своем беглом английском, — слышала ты уволился когда обнаружил чт тв босс фашист»*. Это было не совсем верно, но я не собирался опровергать столь лестную интерпретацию истории моего увольнения. *«Где ты сейчас? — спрашивала Алекса. — Открываешь чайные? Во Фр или Анг? Я в Анг»*.

Может, потому, что Флоранс довела меня до белого каления своими «бывшими», но я все-таки нажал клавишу соединения.

— Алло?

Я жестом просигналил мсье Рибу: «Еще одну минутку».

— Алекса, привет, это Пол. Только что получил твое сообщение.

— Пол? Привет. Где ты?

— Стою на холме в Коррезе.

— В Коррезе?

— Да.

— Что ты делаешь в Коррезе? — спросила она таким тоном, будто никому и в голову не пришло бы здесь оказаться.

— Пытаюсь переварить тонн пять клубники.

— Ах да, у тебя же проблемы с животом. Я помню последствия твоего рождественского пудинга. Отличный пример шумного английского пищеварения.

— Виноват был не пудинг, а заварной французский крем. В нем было мало комочков. А именно комочки помогают нам переваривать наш рождественский пудинг.

— Напомни мне, чтобы я не приходила на рождественский ланч в твои чайные. Так ты запускаешь сеть?

Я рассказал, что в сентябре открываюсь, она поделилась своими новостями — сейчас она в Англии, навещает маму, которая переехала туда жить.

— Помнишь, она была в Москве с тем украинским парнем, который торговал ди-ви-ди?

— Что, а теперь она нашла английского видеопирата?

— Нет, просто он переехал в Англию. Здесь безопаснее. Он покупает футбольную команду.

— Футбольную команду? Какую?

— Не знаю. Какой-то там «Ньюкасл».

— «Ньюкасл Юнайтед»? Черт возьми, это же один из популярнейших клубов Англии. Ты уверена, что он не приторговывает плутонием?

— Все может быть. Я передам ему, что ты интересуешься.

Автомобильный гудок разрушил очарование момента. Я только-только начал получать удовольствие от жизни, пришел в себя после пустопорожней болтовни с фермерами. Похоже, абсурдные мелочи опять вторгались в мои отношения с Алексой.

— Что такое? — спросила она. — Твоя девушка нервничает?

Я обернулся и увидел, как старик Рибу показывает сквозь лобовое стекло, что пора выпить.

— Нет, это мэр коммуны. Мы опаздываем к нему на «Перно». Пожалуй, я пойду.

— Хорошо, пока.

— Пока, Алекса. Было здорово...

Но она уже прервала соединение.

— Кто это был? — спросил Рибу. — *Un ami anglais?*

— Да, это мой старый английский друг, — ответил я, сам не понимая, зачем солгал. Должно быть, всему виной сексуальное расстройство, объяснил я себе. Мои гены пытались суетиться во всех направлениях.

Но что с них взять, глупых. Я вовсе не собирался распускать слюни и строить иллюзии насчет своей бывшей подружки, это было бы равносильно тому, чтобы сохнуть по Бриджит.

— Что случилось? — обеспокоился мэр, когда я крепко зажмурился и даже сжал кулаки, пытаясь выбросить из головы образ Бриджит в ночной сорочке.

Когда мы вернулись домой, я воссоединился с другим своим старым приятелем — багажной сумкой. Наконец-то я снова почувствовал себя человеком, а не каким-то укороченным призраком из прошлого Флоранс. Я переоделся в собственную одежду, намеренно выбрав вещи посвободнее, с прицелом на очередной гаргантюанский ужин.

Мы ели террин из телячьей головы, холодную свинину, и все это конечно же сопровождалось раздражающим изобилием зеленых овощей. Я мужественно сражался с едой, но когда очередь дошла до клубники, понял, что не смогу заставить себя положить в рот еще хотя бы одну из этих лоснящихся красных тварей.

Пока убирали со стола, я предложил Флоранс — еле слышно, так что даже летучие мыши не смогли бы разобрать моих слов, — короткую прогулку в темноте.

Но видимо, под кафтаном Бриджит скрывался костюм Супервумен, потому что она объявила, что сегодня наша очередь мыть посуду, а потом Флоранс должна была почитать Симону книжку.

Я поплескался в мыльной воде положенное время, после чего рухнул в постель и тотчас отрубился. По крайней мере, во сне у меня был шанс перепахнуться.

8

Следующий день, понедельник, оказался последним полноценным днем наших сельских каникул.

Утро выдалось солнечным, как я успел заметить, когда проснулся около шести. Это идеально-чистое, не загрязненное вредными примесями, голубое небо никогда не надоедало, в отличие от всего остального.

После завтрака, во время которого Флоранс укорила меня в том, что вчера я налил воды за стенку раковины, пока мыл посуду, из-за чего, видимо, успел пострадать фундамент дома, я сказал, что иду в душ. При этом многозначительно положил руку на колено Флоранс (она уступила моим мольбам и поклялась больше никогда не надевать бархатный халат), давая понять, что это не что иное, как приглашение. Я рассудил, что, только запершись в ванной, мы сможем предаться интиму. Если бы кто-то постучал, я просто сказал бы, что мой слабый английский желудок не смог переварить такое количество свежей пищи и ему нужно полчаса покоя, чтобы прийти в норму.

Флоранс потерлась бедром об мою руку, и мне показалось, что она включилась в игру.

Стоя под душем, я чувствовал себя несказанно счастливым, представляя, как мы нежно намыливаемся, а потом все-таки находим способ заняться любовью в ванной — может, расстилаем на полу полотенца? Или я сажусь на унитаз, а она устраивается на мне? Возможности казались безграничными, и все одинаково возбуждающими.

Струя воды массажировала мне макушку, пока я рисовал себе самые смелые сцены из жесткого порнофильма, которому придумал название «*Amour dans la Salle de Bains*»¹. Когда Флоранс наконец прокралась в ванную, я был, скажем так, полностью настроен сыграть ведущую мужскую роль в этом фильме.

— Запри дверь и иди ко мне, — прошептал я и отодвинул шторку, чтобы Флоранс увидела, как я рад ее приходу.

Передо мной стояла Бриджит, с зубной щеткой в руке и застрывшим в горле криком.

По выражению ее лица можно было определенно сказать, что никогда еще мужчина не отдергивал перед ней шторку душа и не демонстрировал ей пенис в состоянии полной боевой готовности.

Судя по тому количеству времени, какое понадобилось Бриджит на то, чтобы отвести взгляд, она явно испугалась, что этого больше никогда не повторится.

Я нашел Флоранс возле сарая, она была в своем бикини. В руке Флоранс держала сломанный ржавый нож. Неужели? — подумал я. Неужели мне предлагают

¹ «Любовь в ванной комнате» (*фр.*).

достойный выход из положения? Отчекрыжить проблемный орган — и дело с концом?

Она посмотрела на меня с удивлением и тревогой одновременно, и я догадался, что мать с дочерью уже успели пообщаться.

— Что она сказала?.. — начал я, но Флоранс, нахмурившись, жестом потребовала, чтобы я замолчал. Похоже, материнские уши-локаторы были настроены на «красную тревогу».

— Сегодня ты не собираешь кабачки, — объявила она.

— Нет?

— Нет, ты снимал слишком маленькие.

Это была последняя капля — или кабачок, если хотите. Копаю не в том месте, душем не умею пользоваться — и вот теперь это?

— Лучше уничтожать этих гаденышей в зародыше, — сказал я. — Здесь все кругом просто заражено кабачковой чумой. Очень скоро ваш *département* будет захвачен кабачками. Они запрудят реки, задушат яблони. Кабачки, огурцы и салаты. Почему из всех овощей мира вы сажаете только такие, что не подлежат заморозке?

Флоранс пожала плечами. Видимо, проблема сдерживания роста популяции кабачков была не столь актуальной, как задача ублажить *Maman*.

— Ты будешь соскабливать мох с крыши, — прибавила она. — Лестница в сарае.

— Будут какие-то пожелания насчет техники соскабливания? Скрести справа? Слева? Или снизу? Го-

вори сейчас, потому что иначе я все равно все неправильно сделаю.

— Пол...

— А ты тем временем, может, все-таки позвонишь своему дружку Николя и убедишь его приступить к работе сегодня же?

— Эй, сбавь обороты, — прошептала она. — Не я виновата в том, что ты вздумал эксгибиционировать перед моей матерью. Знаешь, мне тоже нелегко в этой ситуации.

Она выглядела сердитой, но в то же время как будто просила прощения. Может, мне и перепадет немного секса в порядке утешения, подумал я.

Я как раз вытаскивал из сарая антикварную полустгнившую лестницу, когда у меня за спиной кто-то визгливым голосом произнес:

— Месье!

Я обернулся и увидел двух жандармов, стоявших у ворот: один был ростом метра два, другой вполонину ниже. Оба они приближались к пенсионному возрасту, и оба входили в группу риска по диабету, судя по избыточной массе тела. Вполне возможно, в жандармерии уже делали ставки, на ком из них брюки треснут раньше.

Мы с Флоранс оказались у ворот одновременно, а Бриджит наблюдала за происходящим с порога кухни.

Жандармы отдали честь.

— Мсье Весс? — произнес коротыш своим странным писклявым голосом. Судя по направлению его

взгляда, жандарм ошибочно принял за англичанина одну из грудей Флоранс.

— *Oui, c'est moi*¹.

— Вы подавали жалобу на водителя, который покинул место аварии? — Теперь он явно заблуждался насчет того, что истцом выступает пупок Флоранс.

— Да. Вы его нашли?

— Ах, — произнес жандарм с огорчением, очевидно потому, что с опозданием заметил голые ноги Флоранс. — Коллеги из Монпелье нашли человека по номерному знаку автомобиля, что вы указали, но... — Он виновато уставился на зону бикини. — Он сказал, что его не было на месте аварии.

— Что? — Я произнес это так громко, что он наконец отвлекся от Флоранс. — Но мы его видели.

— Он говорит, что вы ошибаетесь.

— *Mais c'est ridicule!*² — Флоранс выглядела так, будто собиралась поколотить одного из жандармов.

— *Calmez-vous, Madame*³, — произнес высокий, хотя он явно надеялся на то, что к Флоранс придется применять физические меры воздействия.

— Но вы проверили, у него действительно красный внедорожник? Потому что если это так, значит, мы правы. — Я мысленно сказал себе, что глупее ситуации не придумаешь. — Все, что вам нужно, это взять образец краски с нашей машины и проверить... — Я никак не мог вспомнить, как звучит по-

¹ Да, это я (*фр.*).

² Но это смешно! (*фр.*)

³ Успокойтесь, мадам (*фр.*).

французски то, что я хотел сказать. — Соответствует ли... — нашелся я наконец. Французы употребляют это слово направо и налево. — Проверьте, соответствует ли краска его машине. И если да, значит, наша жалоба... соответствует.

— *Mais quel enfoiré!*¹ — Флоранс категорически отказывалась вести цивилизованный диалог. — Мы ехали на машине моего отца. Она была совсем новая. Этот *enfoiré* врезался в нас на круте, а вы не собираетесь ничего предпринимать?

— *Madame, Madame.* — Коротышка вытянул руки вперед, словно пытаясь отразить атаку со стороны бюста Флоранс.

— Вы знаете, сколько аварий произошло за этот уик-энд? — спросил высокий. Вид у него был такой измученный, будто ему предстояло писать отчет по каждой из них.

— Да мне плевать, сколько было аварий! — закричала Флоранс. — Этот *enfoiré* врезался в нас, и он заплатит за ущерб.

Мне стоит взять на вооружение словечко «*enfoiré*», подумал я. Оно кажется очень модным.

— Вы видели нашу машину? — спросил я. Жандармы замотали головами. — Потому что, если вы скажете своим коллегам в Монпелье, что на нашей машине есть след красной краски, и если вы докажете, что номер его машины... соответствует красному внедорожнику, значит, мы не ошибаемся. *N'est-ce pas?*²

¹ Нет, ну каков говнюк! (*фр.*)

² Не так ли? (*фр.*)

Я сразу понял, что предложение получилось слишком длинным. Жандармам оставалось слишком мало времени до пенсии, так что осмыслить несколько причинно-следственных связей им было не под силу.

— Вы знаете Пьера Рибу? — вновь вступила в разговор Флоранс.

Это возымело куда больший эффект, чем моя логика.

— Пьера? *Oui, bien sûr!*¹ — Имя мэра, казалось, вызвало счастливые воспоминания о совместных *apéros*, коих было немало.

— Дело в том, что он очень хороший друг нашей семьи, — сказала Флоранс.

И это навело меня на мысль.

— Заходите, выпьем, — предложил я. — Тяжело вести беседу на такой жаре.

Похоже, местным жандармам не запрещалось пить при исполнении, потому что эти двое устроились за столом для *apéros* и уговорили едва ли не всю бутылку вина, пока Флоранс и Бриджит с упоением врали о том, как мсье Рибу увидел нашу машину и отметил бросающуюся в глаза красноту царапины.

Я почувствовал, что сопротивление жандармов ослабевает по мере того, как их объемные животы наполняются вином, и рискнул предложить им съездить в гараж, чтобы лично осмотреть нашу машину.

— Обещаете, что поедете? — спросил я, поднимая бокал, и это прозвучало как тост. Вообще-то я не при-

¹ Да, конечно! (*фр.*)

вык выпивать в девять утра, а потому, уже будучи изрядно навеселе, выдал: «Vous mettez votre main sur votre cœur et vous promettez?» Вы клянётесь, положая руку на сердце?

Жандармы нервно переглянулись, залпом осушили свои бокалы и встали из-за стола. Флоранс уставилась на меня, округлив глаза от удивления. Бриджит учащенно дышала. Я задался вопросом, не наказуемо ли заставлять жандармов давать клятву.

— *Mesdames, Monsieur.* — Коротышка кивнул, попятился к выходу, прошел к воротам и втиснулся в машину. Высокий последовал за ним, придерживая на голове *képi*¹ одной рукой, а другой — защищая причинное место. Странные типы.

— Ты сумасшедший? — спросила Флоранс, когда они укатили.

— Что ты имеешь в виду? Я всего лишь сказал... — И я повторил свою коронную фразу по-французски, на этот раз приложив руку к груди для пущей убедительности.

— О, Пол...

Но я же был не виноват, да? Просто мы, бритты, так выражаемся. У нас «car» — это «cah», «bar» — «bah». Мы не произносим «р» на конце слова. И не моя вина в том, что в английском произношении «соеиг» звучит как «queue». Откуда же мне знать, что «queue» — это грубый синоним «пениса»?

Уж кто-кто, а жандармы должны понимать, что я никогда не осмелился бы просить их «поклониться, по-

¹ Кепи, военный головной убор (*фр.*).

ложу руку на член». Или они приняли меня за английского мафиози, который угрожает им кастрацией в случае, если они не поедут осматривать нашу машину на предмет обнаружения следов краски?

Но судя по всему, так оно и было.

И тут меня осенило. Почему раньше никто не упоминал о таких нюансах? Ведь толпы английских туристов бродят по Парижу и спрашивают: «Excusez-moi, Madame, where is the cathedral of the sacred dick?»¹

Бриджит пришлось пойти прилечь, чтобы привести в порядок свою нервную систему после потрясения, связанного с мужскими гениталиями, а Флоранс тем временем устроила мне разнос, обвиняя в том, что я порчу все дело и наши шансы получить компенсацию за ущерб катастрофически снижаются. Пока мы ругались, я узнал новое слово. Не совсем ругательство, хотя Флоранс на крепкие слова не скупилась. Так вот, я узнал, что французские водители настолько плохи, что для них придумано специальное слово. Нормальный водитель — он «chauffeur». А вот плохой водитель — это «chauffard». Такое впечатление, что плохое вождение возведено в ранг института и для него разработан собственный словарь терминов.

¹ «Прошу прощения, мадам, как пройти к собору Сакре-Кёр?» (*фр. и англ.*) Здесь игра слов: произнесенное по-английски название «Сакре-Кёр» без буквы «р» на конце в переводе с французского означает «священный половой член».

Я все-таки решил отыгаться. Меня упрекали в том, что я порчу все дело? Что ж, проверим, каких успехов добилась Флоранс.

— Ты звонила Николя? — спросил я.

Флоранс вспыхнула и даже слегка отпрянула от меня, словно пытаясь избежать вопроса.

— *Oui.*

— Ну и что, он в чайной? Работы начались?

Ее вдруг чрезвычайно заинтересовала маленькая ящерка, взбирающаяся по стене дома.

— *Pas tout à fait*, — призналась она наконец.

— Не совсем? Они *не совсем* начали? Что это значит? Это все равно что сказать: ребенок не совсем родился. Я хочу знать, он уже вылез из маминого живота или нет?

Это породило еще один скандал. На этот раз мы сцепились на почве мотивации при выборе архитектора. Лично я во главу угла ставил профессиональные качества. И лишь в самом конце моего списка, где-то в пятом десятке, крутилось оправдание: когда-то у нас с ним был секс.

На этот раз Флоранс удалось положить меня на лопатки одним убийственным вопросом:

— Но не ты ли говорил мне, что тебя побудило приехать на работу во Францию желание увидеть женское нижнее белье?

— Да, но в последние дни я его практически не видел, — огрызнулся я.

— Конечно, потому что на мне его не было. — Она зацепилась пальцем за пояс моих шорт. — И сегодня

вечером не будет. А маленький Симон уедет погостить у моего дяди в Бриве.

Флоранс определенно знала, как замять скандал и обставить это со вкусом.

К тому времени, как солнце заняло исходную позицию прямо у меня над головой и принялось кусать мои руки и ноги, я очистил уже половину крыши сарая от зарослей мха, не оставив ни единой молекулы зелени на гладкой серой поверхности шифера. Я заметил, что некоторые плитки уже заменили асбестом. Их я не стал скрести и заранее приготовил маленькую речь на французском, на случай, если Бриджит вздумает жаловаться. Мне очень жаль, Бриджит, но твои предки уже покалечили мои колени и позвоночник, я не собираюсь отдавать им на растерзание еще и легкие.

Мишель проснулся как раз к полуденному *apéro*. Он царапнул мое лицо своими уже неприлично заросшими щеками и протянул мне руку помощи, собрав с газона кучки мха, сброшенные с крыши. Я уже знал, что по-французски асбест будет «*amiante*» — прошлой зимой я пытался купить коттедж за городом, — так что мне не составило труда объясниться с Мишелем насчет токсичной крыши.

— Подумаешь, — сказал он — и хмыкнул так, словно я боялся уколоть пальцы о кусты кабачков. Поднялся наверх лестницы и принялся драить серые плитки. Катышки мха вперемешку с асбестовыми хлопьями сыпались ему в лицо, но его это, казалось, ничуть не заботило.

Неужели никто не предупреждал французов о такой опасности? — подумал я. Впрочем, на плитках стояло клеймо французского производителя, который, видимо, держал информацию в секрете. Правда о местном яде была бы губительна для экономики.

Apr ero прошел на удивление приятно. Бриджит была веселой и разговорчивой, как будто вовсе не встречалась с эксгибиционистом в ванной. Заглянул мсье Рибу, в сопровождении собаки, и объявил о том, что вечером состоится прием в *Salle des F etes*¹ и мы все приглашены. Особенно я.

— *Pourquoi moi?*² — спросил я.

— А-а! — произнес мэр с улыбкой. Похоже, меня ожидал большой сюрприз. Я лишь надеялся на то, что меня не назначат судьей в конкурсе «Лучший кабачок года».

После ланча — мы ели все ту же соседскую свинью и не поддающиеся заморозке овощи — я вызвался приготовить для всех кофе.

— Мы будем пить его на улице, — сказала Флоранс и вышла в сад вместе с Мишелем и Симоном.

— Мне кофе не надо, — сказала Бриджит. — Я буду тизан. — Стало быть, травяной чай. — Пойду прилягу. Принесешь чай в мою спальню?

О нет, подумал я. Не станет ли это ее мстью? Сие-ста нагишом?

¹ Зал торжеств (*фр.*).

² Почему я? (*фр.*)

Французы обожают свой травяной чай. Не клубничный или клюквенный, не сладкую фантазию из ягод, от чего кайфуем мы, бритты. А французские травяные настои, приготовленные из всевозможных кустарников. Некоторые по вкусу очень даже неплохи, если кому нравятся свежесваренные прутья. Впрочем, лично я скорее стерплю приступ гастроэнтерита, чем заставлю себя пить ромашку.

Я все никак не мог найти никакой травы среди пакетиков с чаем и кофе, но потом вспомнил. Ведь Флоранс с матерью собирались ехать за травяным чаем в гипермаркет. Возможно, это тест, решил я. Прибежит ли Пол за помощью? Нет, не прибежит.

Я обнаружил большой шкаф, где Бриджит хранила свежие покупки, и там, на самом видном месте, стояла стеклянная банка с цветочной этикеткой и надписью: «*Verveine*». *Verveine* — это вербена, хотя я понятия не имею, что она из себя представляет. Какой-то кустарник, это уж точно. В банке оказались невообразимо замысловатые муслиновые саше, похожие на отделанные рюшем мужские яички. Должно быть, очень высококачественный кустарник, подумал я.

Я сварил кофе и отнес его в сад, пока настаивалась вербена. Когда тизан приобрел бледно-зеленый окрас, я налил его в изящную фарфоровую чашку (почему они не пользуются такими чашками во время завтрака?) и, собравшись с духом, приготовился к марш-броску в спальню Бриджит. Вбегаю, ставлю чашку на прикроватную тумбочку — и мигом обратно, не глядя по сторонам.

Все прошло четко по плану. Краем глаза я заметил, что Бриджит читает, лежа на кровати в своем «кафтане дня». Уф, пронесло, никакой сиесты нагишом. Она даже не успела оторвать взгляд от книги, как я уже скользнул обратно в дверь и вернулся в гостиную.

Я присоединился к Флоранс и остальным в саду, и только сделал блаженный первый глоток кофе, когда из дома донесся истошный крик.

Мы все замерли — кто с ложкой в руке, кто с кофе во рту — и переглянулись. Не ослышались ли мы?

Второй крик подтвердил, что нет, не ослышались. Флоранс и Симон бросились в дом. Мы с Мишелем пошли следом, но осторожно — вдруг дело в какой-то сугубо женской проблеме?

Кровать Бриджит была пуста. Об ее недавнем присутствии напоминали лишь отброшенная книга и перевернутая фарфоровая чашка. Из ванной доносились рвотные звуки и обрывки диалога двух женщин. Из крана лилась вода.

Флоранс вышла из ванной туча тучей. Подняла чашку с кровати и принюхалась:

— Что ты принес маме?

— Вербену.

— Покажи мне.

Я показал.

— *Imbécile*¹, — со стоном произнесла она, когда увидела пакетик.

— В чем дело?

— Это же для ванны.

¹ Идиот, тупица (*фр.*).

— Что?

— В них содержится мыло. Это шарики для ванны, *parfumés à la verveine*¹. Ты что, не прочитал состав?

— Читать состав? Конечно нет. Я никогда не читаю состав на пакетиках с чаем и кофе. На этикетке было написано: *verveine*. Откуда мне знать, что вы моетесь в том же дерьме, какое пьете? Мы, бритты, не пьем мыло.

— О, Пол! *Maman* выпила залпом почти все. Теперь она думает, что ты пытался отравить ее.

— *Oh, merde!*

Мишель, Флоранс, Симон мрачно уставились на меня, пытаясь решить, то ли я ни черта не смыслю в тизане, то ли я просто киллер-неудачник.

К счастью для меня, Мишель расхохотался первым. Бедной Флоранс пришлось вернуться в ванную помогать своей матери отыгивать мыльную воду. Мы же, трое мальчишек, вышли в сад и завалились на траву, покатываясь со смеху.

9

Разумеется, я попросил прощения и, как подобает джентльмену, сдержался, когда заметно побледневшая Бриджит спросила, собираюсь ли я потчевать таким же зельем посетителей своей чайной.

¹ С ароматом вербены (*фр.*).

В качестве наказания я провел остаток дня вместе с Мишелем на крыше, где мы по очереди скребли токсичный и нетоксичный шифер. (Интересно, кто кого пытался отравить?)

Бриджит не вышла ни к *apéro*, ни к ужину (я приготовил пасту с соусом, в котором не было ни грамма свежих овощей), и Флоранс сказала, что *Maman* нельзя оставлять одну.

— Я не смогу пойти в *Salle des Fêtes*, — прибавила она. — Я должна остаться с мамой.

— Но ты-то хоть пойдешь со мной, Мишель? — спросил я умоляющим тоном.

— *Ab non, ça m'emmerde*. — Такие мероприятия его, видите ли, утомляют, если дословно, то «у него от них понос». В общем, то же самое, что «faire chier». У французов, кажется, серьезные психологические проблемы, которые тянутся из далекого детства, когда их приучали к горшку.

Короче говоря, вышло так, что я один топал по холмам в сгущающихся фиолетовых сумерках. Гигантские комары пытались сбить меня с ног и высосать всю кровь, но я отчаянно прихлопывал их и упрямо шел вперед, поднимаясь все выше и выше, к манящему галогенным сиянием *Salle des Fêtes* на центральной площади коммуны.

Своей конструкцией *Salle* напоминал подарок от Советской России года этак 1970-го. Он был модернистским и гордился этим — стеклянные стены торчали из земли под разными углами, напоминая траектории плутониевых частиц в первые тысячные доли секунды после ядерного взрыва.

Главный зал по площади превышал три-четыре вместе взятых теннисных корта, но из-за особенностей дизайна, в котором преобладали углы, свободного места для проведения праздников оставалось не больше десяти квадратных футов. Еще на подходе, заглянув в окна, я увидел, что это пространство полностью занято длинным столом из клееной фанеры, уставленным бутылками.

Я узнал всех, кого смог разглядеть: это были фермеры, к которым возил меня с визитом мсье Рибу. Только вот из имен мне удалось вспомнить лишь Анри и Жинетт.

Как только я вошел в распашные двери, меня, как положено, встретили ахами. Сначала раздался один возглас, потом еще один и так далее: численность хора голосов росла по мере того, как подключались другие, увидевшие, из-за чего все ахают.

С чего вдруг все они так рады видеть меня? — недоумевал я. Полагаю, причина не в том, что они слышаны о моем покушении на Бриджит?

— Пол! — Рибу подошел ко мне и взял за руку.

Его собака крутилась в ногах. Так вдвоем они и проводили меня к столу, где я начал обход с рукопожатиями. Женщины тоже жали мне руку — видимо, потому, что для поцелуев я был слишком молод и слишком иностранец. Между нами лежала пропасть лет в тридцать, если не больше.

Было нестерпимо душно в этом абстрактном аквариуме. И неудивительно — солнце нагревало в нем воздух с первых дней мая, и вдобавок человек десять уже активно заменяли кислород табачным дымом.

Впрочем, кроме меня, никто, кажется, и не потел. Мужчины чувствовали себя вполне комфортно в своих воскресных рубашках, без пиджаков, а две дамочки и вовсе были в легких кардиганах. Я надел футболку, джинсы и вьетнамки, но чувствовал, что все, кроме вьетнамок, лишнее.

Мы подняли бокалы теплого красного вина и выпили за Ее Величество и в память о принцессе Диане (или леди Ди, как они ее называли).

Я активно участвовал в застольной беседе, отвечал на вопросы типа «Полагаю, в Англии нет такой жары?» или «Так вы живете в Париже?», в то время как мсье Рибу великодушно наблюдал за мной со стороны, словно я был бездомным щенком, которого выставили напоказ, чтобы подыскать ему новых хозяев.

Когда мэр наконец включился в беседу, все разом замолкли и обратились в слух.

— Видите вон тот дом, через дорогу? — сказал мсье Рибу. — Когда-то это было *café*. И коммуна недавно выкупила его. Мы собираемся снова открыть там *café*. Уже получили лицензию.

Все одобрительно закивали головой, и кто-то пустился в воспоминания о прежнем владельце кафе, который, если я правильно понял, повесился в саду на заднем дворе.

— И еще у нас маленький магазинчик, который работает по утрам, — продолжил мэр. — Но мы получили лицензию на торговлю табачными изделиями, так что теперь ищем, кто бы смог работать в магазине целый день.

— И по воскресеньям с утра, — подсказала женщина с другого конца стола.

— И по воскресеньям с утра, — подтвердил Рибу.

Я произнес поздравительный тост и пригубил вина, чувствуя, как оно сочится из моих пор капельками пота.

— У нас в коммуне живет один голландец, — снова заговорил мэр, — но он даже не пытается интегрироваться в нашу жизнь. Приезжает летом, на Пасху, иногда на Рождество, но он путешествует в автофургоне, так что все свое привозит с собой. Мы видим, как он разгружает свои банки с пивом, сыры.

— И PQ, — вставил кто-то, вызвав общий смех. Я знал, что PQ — это туалетная бумага. Сокращенный вариант «papier cul», или, как у нас выражаются, «arse paper»¹.

— Но англичане не такие, — продолжил Рибу. — В Туле есть несколько английских семей, и они живут в своих домах почти весь год. Покупают местные сыры и вино.

— И PQ, — прибавил тот же человек, и на этот раз смех был еще громче.

— Они интегрируются, — сказал Рибу. — Вот почему Дордонь процветает. Англичане даже отдают своих детей в местную школу.

Улыбающиеся лица, казалось, подтверждали тот факт, что экономика Дордони обязана своим здоровьем исключительно мне.

— Так что мы счастливы, что вы решили сюда приехать. Вы первый, но стоит только одному англича-

¹ Бумага для задницы (англ.).

нину появиться в коммуне, как потянутся и другие. Мы это знаем.

Со всех сторон ко мне по-прежнему были обращены приветливые лица, но настроение у меня заметно упало. О чем говорит этот Рибу?

— Мы уверены, что вы найдете то, что вам нужно, в одном из домов, которые вы посетили.

— Или в поле, — сказал Анри, поднимая бокал и многозначительно глядя в мою сторону.

— Да, — продолжил Рибу, — если вы предпочтете строиться, я могу гарантировать, что у вас не будет проблем с получением разрешения на строительство, если вы понимаете, что я имею в виду... — Смешки по кругу. — Точно так же не будет проблем, если вы захотите что-то переделать на английский манер. И разумеется, здесь все это намного дешевле, чем в Дордони.

Они все смотрели на меня с ожиданием. Я был уверен, что полуулыбка, прилипшая к моим промаринованным анчоусами губам, вот-вот отвалится и обнажится гримаса ужаса.

Как ни странно, я не подумал: «С чего они взяли, что я захочу провести остаток своей жизни в этой дыре?», — что было бы логично. Я уже успел отметить немало преимуществ жизни в деревне, где самыми серьезными источниками стресса были проблемы вроде «где провести сегодня *apéro*» и «куда девать пять тонн не подлежащих заморозке овощей и фруктов».

Нет, первое, о чем я подумал, было другое: я убью эту Бриджит. Она подставила меня — сначала при-

гласила соседей, мечтающих продать свое поле, а потом отправила с мэром в обзорный тур по окрестностям с прицелом на покупку недвижимости.

И следом — тут уж я ощутил настоящий ужас — пришла другая мысль: Флоранс. В тот первый вечер Анри и Жинетт, увидев меня, должно быть, решили: «Ура! un Anglais!»¹ — и дальше действовали экспромтом. Иначе они отвели бы меня смотреть поле днем, не так ли? Кто станет продавать дом или (как я предполагал) поле, когда не видно ничего, кроме полчищ мотыльков и комаров?

Должно быть, Флоранс знала, что происходит, когда вела меня в ту ночь по тропинке. И на следующий день, когда я уезжал, не подозревая о том, что меня будут насильственно откармливать клубникой все, кто хоть раз голосовал за Рибу. Наверняка она знала и о том, что меня ждет сегодня вечером. Хотя вряд ли каждый бойфренд, которого она привозила к *Matan*, удостоивался чести присутствовать на таком приеме муниципального масштаба.

Флоранс знала и о том, что в прошлом году я пытался — причем неудачно — купить дом в деревне.

Это был самый чудовищный подвох, какого только можно было ожидать от любимой девушки — а уж я, поверьте, чего только не натерпелся от подруг.

— *Merci, merci*, — пробормотал я, отчаянно пытаюсь удержать на лице анчоусную улыбку. Я залпом осушил свой бокал и позволил Рибу долить мне ви-

¹ Англичанин! (фр.)

на. — Я очень... тронут. Ваши слова... — Я никак не мог подыскать подходящий глагол, чтобы закончить фразу. — Ваши слова по-настоящему... соответствуют.

Все радостно закивали. Все-таки это слово для них что-то значило.

— Но сейчас я должен возвращаться домой, — сказал я. — Бриджит приболела.

И подумал: «Слава богу, что я отравил ее. Какая блестящая отмазка».

— О, нет! — хором воскликнули присутствующие. Значит, они еще не слышали об инциденте с вербеной.

— Да, загадочная болезнь. Мы сами не знаем, в чем дело.

Я поднялся, улыбаясь во весь рот, как будто дантист пытался сфотографировать мои новые протезы, и на прощание тепло пожал всем руки.

Окунувшись в теплый, зато без примесей табачного дыма, воздух, я тут же схватился за телефон, в спешке набирая номер Алексы. Просто сейчас она казалась самым здравомыслящим и нейтральным человеком из всех, кого я знал. Единственной, кто поймет, что происходит.

— Ты застрял в Коррезе? — спросила она, и в ее голосе прозвучало изумление.

— О да. — Я отошел на безопасное расстояние от *Salle des Fêtes* и рассказал ей обо всем, что со мной приключилось. И не только об абсурдной ситуации с покупкой дома, но и о мокрых следах на полу ванной,

о моей неспособности собирать кабачки нужного размера или копать правильную яму, о попытке отравления.

К тому времени, как закончил свой рассказ, я уже начал спускаться с холма, и мне пришлось остановиться, чтобы не потерять сигнал.

— Все очень просто, — сказала Алекса. — Оба мои родителя только и делают, что лечатся, с тех пор, как Зигмунд Фрейд объявился со своей терапией. (Она произнесла фамилию на французский манер: «Фрод».) Так что в этих делах я дока. Жидкость — это сексуальность. Мокрые следы на полу ванной, даже травяной чай, есть не что иное, как обмен сексуальной энергией.

— Обмен? Ни в коем случае.

— Да. Она сама олицетворяет и дом, и пол ванной. Ну и конечно, не забывай о том, что кабачки тоже имеют фаллическую форму. — Похоже, Алекса не шутила. — А рытье ямы? Это же секс в чистом виде.

— Нет, я просто копал, Алекса. Лопатой, а не...

— Большой, крепкой лопатой?

Я припомнил лопату с ее длинной и прямой рукояткой. Бог мой, даже если бы ее выкрасили в розовый цвет, намек не стал бы прозрачнее.

— И она сказала, что я копаю *не в том месте*. О нет!

— О да! Она хочет, чтобы ты копал своей лопатой где-нибудь еще. Например, у нее между ног.

— Алекса, прекрати, пожалуйста.

— Извини, но мне все предельно ясно.

— Хорошо, хорошо. Но теперь все кончено, она уже не хочет, чтобы я копал. Она послала меня сдирать мох с крыши. Выходит, она успокоилась?

Последовала пауза. Алекса задумалась.

— Чем ты сдираешь мох? — наконец спросила она.

— Ножом.

— Хм... Возможно, она фантазирует, что ты бреешь ей лобок.

— О боже, спаси меня...

— Что еще?

— Теперь она хочет, чтобы я промыл крышу из шланга.

— Вот видишь, все лежит на поверхности. Она хочет, чтобы ты побрил ее, а потом помыл из своего шланга. Или, может, когда твои кабачки станут для нее достаточно большими...

— Нет, прошу тебя, остановись! — прервал я Алексу. И прибавил: — Все это чушь полная. Просто мне приходится выполнять некоторую работу по дому. Собирать овощи, копать в саду, чистить крышу. Это обычное дело в деревне. — Хотя был вынужден признать: расхаживать по дому в прозрачной ночной рубашке и случайно или нарочно вламываться в ванную и тарашиться на мой член — это вряд ли можно назвать обычным делом. — Но теперь, когда я пытаюсь отравить ее, она воспримет это как подсознательный сигнал, не так ли? Оставь меня в покое, или я убью тебя?

— Да, не беспокойся, думаю, теперь это закончится.

— Слава богу.

— Ну, а в остальном, все нормально? — Алекса рассмеялась. — О, бедный Пол. — Мне показалось — или в ее голосе действительно прозвучали ностальгические ноты?

— Да-да, а у тебя?

— Я возвращаюсь в Париж недели через две-три, — сказала она. — Буду работать над фильмом.

— Ты теперь еще и фильмы снимаешь, не только фотографируешь?

— Пытаюсь. Это будет... как же вы говорите?.. Да, учебная практика. В настоящем художественном фильме.

— Вау!

— Несколько сцен будут снимать в Париже, и я буду работать ассистентом. Можешь как-нибудь подъехать. Хотя тебя, наверное, не будет в Париже?

— Не знаю. Что, если они не выпустят меня отсюда? Алекса рассмеялась, как будто я шутил.

Когда я вернулся домой, там творилось что-то невообразимое. Везде горел свет, входная и задняя двери были распахнуты настежь. Флоранс и Мишель носились по дому с тряпками и швабрами.

— Что случилось? — спросил я.

— *Maman*... — Флоранс была вся мокрая и в мыле в прямом смысле слова. — Она включила стиральную машину, но забыла опустить шланг в душевой поддон. И машина преспокойно выкачала девяносто литров мыльной воды на пол ванной. Вода просочилась и в подвал, залило все овощи, которые ты собрал.

— Девяносто литров теплой мыльной воды? Из шланга? И на мои кабачки? — Если по Фрейду, то Бриджит явно пошла вразнос.

Все, с меня довольно, решил я, как только воду соберут, мы убираемся прочь из этого дома. Из этой деревни. Из Корреза. Куда-нибудь, где нет лопат, заросших мхом крыш, нет кабачков. Прежде всего, никаких кабачков.

II

А НЕ ПОСЛАТЬ ЛИ ВСЕХ В АРС?

1

Французы не стесняются рассказывать политически некорректные анекдоты. Они охотно высмеивают жителей Оверни¹ за их скаредность, швейцарцев подвергают насмешке за медленную речь, бельгийцев — за недостаток ума.

Взять, к примеру, тот анекдот про бельгийца, который проваливается в шахту лифта. Падая вниз, он рассуждает (здесь надо изобразить утробный бельгийский акцент): «Надо же, а это не так уж страшно. И совсем не больно. Нет, не больно. Пока не больно. Не больно. Ай!»

Ну, хорошо, согласен, юмор так себе, но сейчас мне было смешно, потому что я сам превратился в того самого бельгийца.

Меня несло к берегу со скоростью сто миль в час, и я испытывал потрясающие ощущения. Это было

¹ Овернь — регион на юге центральной части Франции.

уже в десятый, двадцатый раз, но эйфория не проходила.

Я ускорился, выжимая не меньше двухсот в час, чувствуя, как зависаю в воздухе, а голова гудит от шума. Наверное, это незабываемое впечатление, когда падаешь из самолета без парашюта, если только ты способен наслаждаться свободным полетом, не задумываясь о том, что случится при встрече с землей.

Меня затрясло, как на кочках, потом все потемнело, и мир перевернулся. Я почувствовал, как моя шея едва не хрустнула, и вдруг все встало на свои места, и я лежал на животе, тяжело дыша, улыбаясь своей девушке, загорающей топлес.

Последняя волна оказалась куда круче, чем все остальные, она вырвала у меня из рук бодиборд и заставила перекувырнуться. Наверное, пора передохнуть.

Я поднял свою доску, тряхнул головой, избавляясь от воды в ушах, и пошел по песку к Флоранс. Она лежала на оранжевом пляжном полотенце, с закрытыми глазами, думая (как я надеялся) о том, как здорово, что мы находимся за сотни километров от ее матери.

Мы были на острове Ре, что тридцатикилометровой полосой тянется вдоль западного побережья Франции. На карте он чем-то напоминает тощую куриную лапку с длинным изогнутым пальцем на западном окончании. На самом деле это уже и не остров как таковой, потому что теперь — после долгой экологической возни — огромный мост надежно приковывает его к материку.

Мы были здесь всего два дня, но я уже пришел к выводу, что на Ре есть все, чего только можно желать от жизни. Ну, если только ты не полярник, не трейн-споттер¹ и не охотник на носорогов.

Начнем с того, что в городке, где мы остановились, каждый день работал рынок и можно было покупать местные морепродукты, дыни, нектарины и абрикосы, которые помогли мне забыть о существовании кабачков и клубники. Был ларек, где продавали легкие островные вина, которые поднимали настроение и не портили его утренним похмельем. Здесь же предлагали живое пиво из местной пивоварни, и, если мне не хотелось пить его дома, можно было расположиться в многочисленных барах и *cafés*, где все посетители были такими же анонимными, как и я.

Волны со стороны Атлантики накатывали достаточно серьезные, чтобы привести меня, новичка-любителя, в состояние нервного возбуждения, но не огромные, что привлекало этих умников-сёрфингистов, каждый из которых так и норовил зацепить тебя своей доской, если ты осмеливался пойти на «их» волну.

В начале июля остров, вдобавок ко всем прочим прелестям, был зоной, свободной от носков. Я нахожу, что, когда пальцы моих ног на свободе, тогда и остальные части тела чувствуют себя гораздо более раскованно и готовы на подвиги.

¹ Трейнспоттер — человек, хобби которого — отслеживать поезда и записывать номера локомотивов.

Ну и потом, рядом со мной была Флоранс, наконец-то освобожденная из плена материнских запретов.

Флоранс была идеальной девушкой для каникул (как мне тогда казалось), и не только потому, что при виде ее фигуры казалось, будто бикини изобрели специально для нее, — она обладала еще и неистощимым сексуальным аппетитом или, по крайней мере, весьма убедительно это симулировала. Есть девушки, которые то и дело повторяют: «О, не переживай из-за меня, главное, чтобы ты получил удовольствие», — и в таких ситуациях я начинаю чувствовать себя полным импотентом. Но с Флоранс все было иначе. Она определенно не была той женщиной, которую представила Мадонна в своей знаменитой песне «Как девственница». Скорее она была девушкой из песни «Сделай это со мной еще раз».

Мы остановились в летнем домике отца Флоранс, где было три спальни и еще больше кроватей, плюс к тому пара диванов и громадная ванна. Все эти предметы интерьера уже были опробованы нами за то короткое время, что мы здесь прожили.

И сейчас, пока я стоял над Флоранс, лежащей на песке, и капли воды с моих волос капали в ее золотистый пупок, я мечтал лишь о том, чтобы быстрее вернуться домой и начать все сначала.

Я знаю, это глупая мальчишеская выходка — разбудить девушку, обрызгав ее холодной водой. Но устоять перед соблазном невозможно. Девушка визжит и корчится, мышцы ее живота напрягаются, гру-

ди вздрагивают и затвердевают соски. Потом, если тебе повезет, она соблазнительно улыбнется, и тебе лишь останется встать на колени и поцеловать эту улыбку.

— Не пора ли мне втереть в тебя еще немного солнцезащитного крема? — спросил я.

— Но я же не заходила в воду.

— Ну тогда, может, я сотру старый слой и натру тебя заново? Предосторожность не бывает лишней, когда речь идет о защите от ожогов.

— Это да, но у тебя все руки в песке, и от них я должна защитить себя в первую очередь.

Что ж, торопиться не будем, подумал я и улегся у нее под боком. Мы определенно не были одной из тех парочек, которые пользуются разными полотенцами.

— Ты мокрый, Пол, иди на свое полотенце!

Поспешил я с выводами.

Мы лежали на длинном белом песчаном пляже, на северо-западном побережье острова, что в самом верху куриной лапы. Его нельзя было назвать цивилизованным пляжем — купить что-нибудь из еды и напитков можно было только у студента с тележкой, который курсировал из стороны в сторону по берегу. Примерно в миле от нас, возле старого маяка, стояли два массивных нацистских блокгауза, которые съехали с дюн прямо на берег, но на той полоске, где валялись мы, не было ничего, кроме моря, песка и загорающих. Здесь казалось, будто жизнь человека подчинена исключительно отдыху на морском побережье. Если бы только это было

правдой, каким замечательным стал бы мир, подумал я.

Хотя голова моя и была забита сентиментальным мусором, я не мог игнорировать тот факт, что многие парни пытались навеки запечатлеть обнаженную грудь Флоранс. Когда они, проходя мимо, вдруг резко останавливались, чтобы сфотографировать ее (я все-таки загородил обзор одному парню, который, делая вид, будто ловит сигнал, упорно направлял свой мобильник в сторону Флоранс), я, честно говоря, не возражал. Может, потому, что лично мне никто не мешал разглядывать другие роскошные образцы загорелых женских тел, коих вокруг было немало. Этот кусочек пляжа вполне мог стать местом фотосъемки для каталога купальников, куда завезли только трусики. И мы как раз были на границе с тем участком пляжа, где вообще не приветствуется пляжная одежда. Его оккупировали равномерно обугленные на солнце немолодые тела, с сыпью от бритья и татуировками в таких местах, о которых я предпочел бы не знать.

Я не мог смотреть на этих женщин, не вспоминая о Бриджит. И почему, недоумевал я, мужчины, прежде чем нырнуть в воду, чувствуют себя обязанными посвятить несколько секунд разглядыванию каких-то тряпочек, болтающихся у них между ног? Судя по тому, какое самодовольство отражается в этот момент на их лице, туристические фирмы просто обязаны упомянуть эти гениталии в списке достопримечательностей острова.

Не будучи завсегдатаем нудистских пляжей, я обратил внимание на одну особенность мужского тела, которую не замечал раньше. Кстати, ее не показывают даже в самых откровенных фильмах.

— Посмотри на него, — сказал я Флоранс. — Вон там, справа, парень с брюшком и волосатыми сосками.

— Да?

— У него большие жирные яички и крохотный краник.

— Краник?

— Ну или сосиска, как хочешь назови. В общем, *дружок*.

— А... да. — Флоранс снова легла на спину. Видимо, ее не впечатлил мой прорыв в познании физиологии человека.

— Это даже не пара грецких орехов с чиполатой¹ посередине, а скорее два киви и грибок-пуговка. Тебе это не кажется странным?

— Честно говоря, Пол, если *zizi*² маленький в состоянии покоя, это еще не значит, что он таким и останется, когда возбудится. — Она как будто защищала парня, ей даже хотелось, чтобы он ее услышал. — Знаешь, очень часто у мужчины с виду крохотный член, но *dans le feu de l'action*³ он может приятно удивить.

¹ Чиполата — небольшая колбаска длиной примерно с палец и диаметром 2 см, приготовленная из свинины или смеси свинины и говядины.

² Мужской половой орган (*фр. разг.*).

³ В самый разгар (*фр.*).

— Ладно, ладно, я понял, спасибо. — Есть женские секреты, которых лучше не знать: скажем, насколько глубоко она изучала особенности возбужденного *zizi*.

— У тебя что, комплекс? — спросила Флоранс, игриво прищуриваясь.

— Нет, с чего вдруг?

— *Ah, les hommes*¹. — Она снова закрыла глаза, так было удобнее философствовать. — Знаешь, вам всем есть что предложить женщине. И лучшие мужчины те, которые знают, что предложить, и делают это со всей щедростью. Не хочу вселять в тебя излишнюю самонадеянность, *mon chéri*², но должна сказать, что ты из их числа.

От этих слов мое настроение резко поднялось, как и то, что скрывалось в моих шортах.

— Но с другими мужчинами, — продолжала Флоранс, — иногда приходится повозиться, убеждая их в том, что они могут доставить женщине удовольствие, даже показывать им, как это делается. Помню одного парня, так у него *zizi* был гораздо скромнее, чем у тебя, но он...

Вот оно, основное правило жизни, подумал я. Такое же незамысловатое и глубокое по сути, как и то, что нельзя заходить в двери лифта, не убедившись в том, что кабина перед вами. Не комментируй размеры чужих пенисов, иначе сам угодишь в яму.

¹ Ах, эти мужчины (*фр.*).

² Мой дорогой (*фр.*).

2

Когда я сажусь на велосипед, меня, как любого нормального парня, начинают одолевать половые проблемы. Хромосомные, если быть точным. Лично мне совсем не хочется, выбиваясь из сил, крутить педали — это мои мужские хромосомы жаждут скорости.

Вот и сейчас они гнали меня вперед, требовали, чтобы я оставил Флоранс позади, пусть медленно катит к дому. Они хотели, чтобы я резко свернул с главной дороги, исколесил все тропки и, сделав крюк, вынырнул прямо перед Флоранс или чтоб, на худой конец, ехал рядом с ней, выписывая зигзаги, не держась руками за руль.

Впрочем, как выяснилось, я работал ногами на пределе своих возможностей, но все равно проиграл бы гонку даже одноногому лобстеру. А все потому, что под каменным навесом дома отца Флоранс хранилось четыре велосипеда, и это были самые дряхлые и самые ржавые велики в истории человечества. Рамы, колеса, цепи и руль были покрыты коричневой чешуей ржавчины; даже резина проржавела, а мне всегда казалось, что это невозможно с чисто научной точки зрения.

Очевидно, велики были куплены вместе с домом, но Флоранс настояла на том, чтобы мы ими пользовались, хотя они превращали то, что могло бы стать приятной шестикилометровой прогулкой по ухоженным велосипедным дорожкам, в великое проти-

востояние лязгающего старого железа и наших беззащитных нижних конечностей.

Честно признаться, красивая девушка на старом велосипеде смотрится особенно сексуально — наверное, все дело в контрасте, это как горячий десерт с мороженым. Но нет ничего сексуального в том, чтобы биться копчиком о твердое, как камень, седло в отсутствие даже намека на подвеску. Каждая трещинка на велосипедной дорожке отдавалась вибрацией в области таза и угрожала перетасовкой зубов во рту.

Возвращение с пляжа на этих ржавых велосипедах могло сравниться разве что с нашим многострадальным путешествием через всю Францию к острову Ре.

Наутро после того, как Бриджит затопила ванную комнату, я попросил Мишеля отвезти нас в Брив, где мы сели на местный поезд и двинулись через Дордонь. Этот *train regional*, мини-TGV¹, был таким новым, что пассажиры, заходя в вагон, говорили: «О, прощай», поскольку думали, что оказались в первом классе. Кстати, среди тех, кто с комфортом пересекал Дордонь, не было ни одного англоговорящего пассажира, что лишний раз показывает, насколько мы отвыкли ездить на поездах, напуганные страшилками о британских железных дорогах.

Приятная часть нашего путешествия, с удобствами и кондиционером, закончилась, когда мы добрались до Бордо. У перрона нас ждал магистральный поезд (французские железнодорожники в этом смысле

¹ TGV — скоростной электропоезд.

очень вежливы — они дожидаются прибытия стыковочных поездов), но беда в том, что мы не забронировали места. А этот монстр из двадцати вагонов был битком набит теми, кто заранее позаботился приобрести билеты для предстоящей миграции вдоль западного побережья от Биаррица до Нанта. Если бы не улыбки отпускников и не пляжная одежда, можно было подумать, что вся Юго-Западная Франция спасается от испанской интервенции. Восьмиместные купе были плотно оккупированы семьями, которые благополучно уплетали заготовленную в дорогу провизию, болтали, играли в карты, а их чемоданы перегораживали коридоры или опасно балансировали на багажных полках, угрожая устроить похрапывающему деду жестокую побудку.

Мы с Флоранс с трудом прокладывали себе путь по вагонам, карабкаясь по горам багажа и людским головам, словно пауки по угольным кучам, пока не сдались, рухнув у дверей туалета вагона первого класса. Здесь нас то и дело беспокоили сердитые пассажиры, которые подозревали, что мы явно не относимся к той категории путешественников, для которой предназначен вагон, а подоспевший контролер и вовсе заявил, что мы должны доплатить за счастье стоять под дверью столь привилегированного туалета.

Я заплатил, но только при условии, что он найдет нам место, что он и сделал. Место было одно, и я галантно уступил его Флоранс, а сам вернулся исполнять роль консьержа у представительской уборной.

Мы сошли с поезда в Ла-Рошель и отправились запихивать свои сумки в багажное отделение нестерпи-

мо душного автобуса. Всего через полчаса мучений в пробке, которая растянулась по мосту до самого острова, мы оказались в туристической зоне, так что потеть в раскаленном от солнца автобусе казалось делом вполне естественным. Мы ехали по деревенькам из одноэтажных белых домиков с выгоревшими черепичными крышами. Люди здесь бродили полураздетые и никуда не спешили, было видно, что они просто курсируют между домом и пляжем. Флоранс сняла с себя футболку и осталась в топе-бикини, так что теперь я сидел рядом с настоящей пляжной куколкой.

Придорожные вывески обещали дешевый прокат велосипедов и свежие морепродукты, указывали путь к кемпингам, отелям и туристическим деревням. Даже рекламные афиши бродячего цирка с его пестрым клоуном и грустным слоном создавали атмосферу праздника.

Все с любопытством разглядывали и запоминали мельчайшие черты местечка, где предстояло провести ближайшие две недели. Или, насколько я знал французов, месяц или два.

Я говорю «все», но группа избранных все-таки проявляла нарочитое равнодушие к отпускным декорациям. Наш автобус был шаттлом для дочек из богатых резиденций острова. Девушки, все как одна, были с конским хвостом золотых волос, в обтягивающем топе без рукавов, солнцезащитных очках с логотипом известных марок, и казалось, что они приросли к своим телефонам или MP3-плеерам. Почти на каждой остановке из автобуса выходила одна девушка, а то и две, и каждую встречал кто-то из загорелых ро-

дителей, в шортах с прорезами и на машине с парижскими номерами, или старший брат, босой и с голым торсом, на «мини-моуке».

Мы с Флоранс держали путь в самый дальний конец острова, к маленькому порту с замечательным названием Арс, которое произносилось именно так, как я и думал. Я настоял на том, чтобы лично купить билеты, исключительно ради удовольствия залезть в автобус и спросить у водителя: «Вы едете в задницу?»¹ В Англии за такой вопрос убили бы. Я уже предвкушал какую-нибудь парижскую вечеринку, когда в разговоре о проведенном отпуске смогу сказать девушке: «Обожаю задницу».

Короче говоря, отличное место для покупки летнего домика, хотя бы ради прикольных почтовых открыток, которые можно было бы рассылать своим друзьям.

Вот уже второй день подряд мы тряслись на велосипедах, возвращаясь с пляжа в Арс.

Мало того что раздражало средство передвижения, так еще порывистый боковой ветер пытался играть с моим бодибордом, как с парусом, так и норовя сбросить меня в яму. Велосипедная дорожка тянулась мимо виноградников, где на лозах уже созревали ягоды, и оросительных канав, по которым морская вода попадала в низины и возвращалась обратно. Между живыми изгородями и деревьями можно было

¹ Намека на то, что французское название созвучно английскому слову *arse* — «задница» (*зруб.*).

разглядеть кучки белой соли, которую собирали граблями *sauniers*, солевары. Судя по всему, они затопляли свои поля, а потом перекрывали поток, оставляя воду испаряться под солнцем, пока не образуется соляная корка, которую они потом и стребали.

Молодой парень, на котором из одежды были только широкополая соломенная шляпа и застиранные, цвета ржавчины, шорты, заведя нас, перестал грести и помахал Флоранс рукой. Я был слишком занят своими болевыми ощущениями, чтобы дознаваться, кто он такой.

Самое ужасное заключалось в том, что страдал я совершенно напрасно. В минуте ходьбы от дома находился велосипедный магазин, где я мог взять напрокат самую современную модель с седлом, которое ласкало бы те части тела, что подвергались сейчас пыткам. Но Флоранс отказывалась даже обсуждать более практичные варианты.

— Тебе хорошо, у тебя на седле хоть какая-то набивка, — возражал я. — Тоже, конечно, не ахти, хотя и очень живописная...

— Нет, Пол. Моя семья всегда ездила на этих велосипедах, и я не вижу смысла изменять традициям только потому, что тебе неудобно. Ничего, скоро твой зад приспособится.

— Если прежде не отвалится.

— Мы не будем ничего менять, — заявила она.

И этот вердикт был окончательным.

Я мог бы наплевать на нее и арендовать велосипед только для себя, но, когда гостишь у кого-то в доме, да еще в чужой стране, лучше не оскорблять хозяев. По

крайней мере, до тех пор, пока боль не станет невыносимой.

Однако упрямство Флоранс заставило меня задуматься о серьезных различиях в наших взглядах на жизнь. Я все-таки склонялся к тому, что мое мнение иногда заслуживает того, чтобы к нему прислушались. Флоранс, казалось, думала иначе.

Разумеется, я спросил у нее, почему она не рассказала мне про поле Анри, почему не предупредила о том, что торжество в *Salle des Fêtes* предполагалось завершить игрой в бинго, где главным призом стал бы мой банковский счет.

Она попросту отмахнулась от моих вопросов. Какая разница, что на уме у этих старых фермеров? — прибавила она. Зная о том, что я не собираюсь покупать ни дом, ни поле, она не видела смысла обременять меня такими глупостями.

— Я смог бы сберечь кучу нервов, если бы знал заранее, чего от меня добиваются, накачивая аперитивами и потчуя клубникой, — возразил я.

— Я тоже сберегла бы кучу нервов, если бы по твоей вине моя мать не облевала всю ванную, — парировала Флоранс.

Тупик.

Наконец, после получасовой изнурительной езды, во время которой я старательно сжимал ягодицы, чтобы узкое седло не вступало в чересчур интимный контакт с моей толстой кишкой, мы встали в хвосте велосипедной пробки, и это означало, что до Арса рукой подать.

Это была типичная парижская пробка, только адаптированная для двухколесного транспорта и перенесенная на пятьсот километров от столицы. Горные велосипеды, драндулеты вроде наших, подражатели «Тур де Франс», все были вынуждены выстраиваться друг за другом, преодолевая последние сотни ярдов велосипедной дорожки, чтобы потом рассредоточиться по набережной с ее ресторанчиками и (гм!) прокатом велосипедов.

Через пять минут мы свернули в переулок, где когда-то отец Флоранс и присмотрел свой будущий домик. Он был аккуратный и симпатичный, как и все городские постройки. Двухэтажный рыбацкий домик с террасой, серо-голубыми ставнями и крошечным палисадником, где по каменной стене взбиралась лиана пассифлоры. Мы поставили велосипеды под навес, и я, поскольку убедился, что никто не услышит моей немой мольбы о скорейшей кончине этих развалюх, ржавых силков для здоровых мышц, сказал:

— Извини, Флоранс. Но завтра утром я собираюсь взять напрокат приличные велосипеды.

— Ты что, не понимаешь, Пол? — Всем своим видом она выражала недовольство. — Ты не заметил разницу между нашими велосипедами и теми, на каких ездят остальные?

— Как раз заметил. Их велосипеды едут прямо и не скрипят, как средневековые мельницы. Я хочу быть, как все, вот что я имею в виду. Я хочу быть «своим».

— Ты не прав. Мы и есть «свои». И я докажу тебе это сегодня вечером, когда пойдем обедать. А теперь хва-

тит спорить о велосипедах, лучше помоги мне очистить тело от песка и солнцезащитного крема.

— Понял. — В конце концов, есть в жизни вещи поважнее, чем велосипеды.

3

Был ранний вечер. Солнце еще не зашло и отсвечивало в низких крышах Арса.

Мы с Флоранс брели, взявшись за руки, по цветочной аллее, на удивление тихой и безлюдной, хотя всего в нескольких шагах от нас был центр города. Высокие стены садов были увиты клематисами и растениями, для меня диковинными, над головой нависали ветви смоковниц и яблонь.

Флоранс давала мне урок французской архитектуры.

— Вот видишь? Ярко-зеленая краска здесь хорошо смотрится, правда? — Она постучала пальцем по лакированным ставням совсем недавно отреставрированного дома.

— Да, пожалуй. Она оживляет серый цвет камня.

— Хм... но выглядит чересчур *nouveau*¹. А это, о! — Она показала на дом напротив. — Белые ставни, какой примитив. Что, решили сэкономить на цветной краске? Или думают, что они в Париже? Вот эти куда лучше. — Она остановилась, чтобы отковырнуть ча-

¹ Новый, недавний (*фр.*).

стичку тусклой зеленой краски с древних облупившихся ставен. — Этот зеленый вполне приемлем, благодаря приглушенному оттенку. Но все равно ни один цвет из этих нельзя назвать правильным.

— В самом деле?

— Да, на этой улице мы его не найдем. Правильный — это тот цвет, что использовал мой отец. Тот самый серо-голубой, это настоящий цвет для окон и дверей на острове Ре.

— И люди действительно так озабочены подобной ерундой?

— О да, пойдем, ты увидишь таких людей.

Меня ожидало немного социологии.

Главную дорогу от центра города до пристани запрудили машины, велосипеды и пешеходы. Это была улица с односторонним движением, но велосипедисты игнорировали дорожные знаки и ехали навстречу потоку. Опять-таки как в Париже.

Мы остановились на углу, и Флоранс обратила мое внимание на одного прохожего. Высокий мужчина, лет пятидесяти, небритый, слегка небрежно одетый, с налетом соли на лице и руках, он напоминал некогда ходившего в кругосветку яхтсмена, которому пришлось заложить свой катамаран.

— Бьюсь об заклад, что у него ставни выкрашены в правильный цвет.

— Он что, рыбак? — спросил я.

— Хм... нет. Он наверняка из Парижа или, может, из Ла-Рошель. Сюда приезжает на лето. Взгляни на его часы, ботинки, темные очки, что болтаются на шее. Видишь, он демонстрирует скрытые признаки

богатства, так что никто и не примет его за спившегося старого рыбака. Но когда придет на рынок, он будет говорить с торговцем рыбой так, будто они вместе ловили эту рыбу. Все это снобизм в чистом виде. А теперь посмотри вон на того парня.

На хлипком стареньком велосипеде ехал красавчик юноша. Его широкая белая рубашка и старые «ливайсы» давно забыли про уют, и на вещах виднелись пятна, так что создавалось впечатление, будто парень последние полгода живет на пляже, укутываясь на ночь в одеяла из сушеных водорослей.

— Отпрыск богатеев, — фыркнула Флоранс. — У него и автомобиль наверняка ржавый, а может, и доска для сёрфинга не лучше.

От такого разнообразия извращенного снобизма у меня голова пошла кругом. Взять хотя бы Флоранс, парижанку, которая свысока поглядывала на тех, чьи велосипеды и оконные ставни выглядели слишком богато, и в то же время презирала тех, кто делал то же самое, что и она. Почему бы ей просто не отказаться от этих условностей и не взять себе приличный велик?

Хотя сама Флоранс, надо отдать ей должное, в тот вечер была безупречна. Она оставила дома свой старый велосипед и выглядела потрясающе: золотистая кожа блестела от ароматических масел, а топ из лайкры и белые брюки не оставляли ни у кого в радиусе пятидесяти ярдов и малейшего сомнения в том, что нижнее белье на ней высшего класса. Это подтверждали и бретельки лифчика, и полоска трусиков «танга» на бедрах, которая как будто подсказывала брю-

кам, что они лишние. Распущенные волосы струились по обнаженным плечам, а пупок и низ живота так и напрашивались на поцелуи.

Мы выпили *арéро* в кафе на площади возле церкви, потом пошли к набережной. Я крепко держал Флоранс за руку, чтобы никто даже не попытался похитить ее.

— Нет, — сказала она, — ты просто сопровождаешь меня. Когда идешь на обед, ты уже не должен выглядеть рыбаком. Ты должен выставить меня напоказ, демонстрировать, как главный приз в телеигре под названием «Камасутра». Ты выиграл меня, и в конце вечера ты проводишь меня домой и насладишься всеми прелестями моего тела.

— Это правда? — с надеждой произнес я.

— Возможно. Но ты не должен показывать, что тебя распирает от гордости.

— Хорошо. — Я не знал, как правильно демонстрировать свою девушку в качестве секс-игрушки, но Флоранс, казалось, была довольна тем, как я одной рукой обнял ее за талию, а другой держал ее руку, совсем как в танцах из книжек Джейн Остин.

На первый взгляд ресторан не соответствовал ожиданиям победителей телеигры «Камасутра». Заведение располагалось под огромным бледно-голубым навесом, пристроенным к заброшенному гаражу, во дворе которого навеки застыли старые механические грабли — видимо, служили напоминанием о труде солеваров.

В интерьере сочетались светлое дерево, рыбацкие сети и сухоцветы, что в любой другой ситуации вы-

нудило бы меня броситься на поиски полиции вкуса. Но тем не менее у входа в ожидании свободного столика стояли три группы отдыхающих, все одетые в стиле «кэжуал шик». Красивая молоденькая официантка с пирсом в пупке хмурила брови в подтверждение того, что мест нет.

К счастью, мы зарезервировали столик заранее, и она провела нас в сад, усадив прямо под оливковым деревом. Будь у нас с собой банка с рассолом и несколько свободных месяцев, мы могли бы приготовить собственную закуску к *apéro*, ожидая, пока у нас примут заказ.

Другая девушка, дружелюбная, но слишком ярко накрашенная брюнетка, подошла с меню, написанным мелом на доске. Она прислонила доску к соседнему стулу и оставила нас медитировать. Когда она отвернулась, нашим взорам открылся глубокий вырез на спине и татуировка в виде змейки, вылезающей из-под юбки. Если еда здесь такая же аппетитная, как и персонал, то нам определенно повезло, подумал я.

Мужчина за соседним столиком остановил официантку, когда та проходила мимо. В рубашке-поло и пуловере «Лакост», он напоминал того богатого «рыбака» с набережной, разве что был моложе.

— Бутылку нашего вина, как обычно, — сказал он.

— Какого именно? — растягивая слова, спросила девушка.

Вау!

Обед был настолько же симпатичный, насколько и вкусный. Каждый из нас съел по целому жареному сибасу, или *bar de ligne*, где «de ligne» означает, что

рыбу поймали с помощью крючка и лески, а не рыбацкой сетью. Я догадался, что этот ресторан популярен именно благодаря своей хорошей кухне, а вовсе не потому, что кто-то назвал его модным.

Но Флоранс умудрилась испортить мне десерт (со странным названием, но вкуснейший *soupe de pêches* — холодный «персиковый суп»), когда сообщила, что завтра приезжает *Papa*.

— Сюда? — спросил я.

— Да, сюда. Это же его дом.

Я подумал, что было веселее, когда его дом принадлежал только нам. И сказал себе: «Надо не забыть сменить простыни на всех кроватях, где мы с Флоранс успели покувыркаться».

— Он говорит, что ему не терпится познакомиться с тобой, — прибавила она.

— О да? — Назовите меня трусом, но я вовсе не горел желанием встретиться с человеком, чью машину помяли не без моей помощи.

4

На следующее утро я проснулся первым и, пока Флоранс еще спала, решил заняться самой для меня болезненной (в прямом смысле) проблемой.

— Надо было приходить в субботу вечером или в воскресенье утром, — огорошил меня хозяин проката велосипедов, обтирая тряпкой свои промасленные руки.

— Меня не было на острове. Я был в Коррезе.

— О! — Похоже, он глубоко сочувствовал всем, кто бывал в Коррезе. — Вот все, что у меня осталось.

Он тряхнул своей сёрфингистской прической под ободок, кивая на шикарный горный велосипед последней модели с таким количеством передач, что можно было взобраться на Эверест задним ходом.

Стоит сказать, что Ре — это абсолютно плоский остров. Среднестатистическая цапля может разглядеть противоположный берег даже без высоких каблуков. Так что мне вполне хватило бы и двух передач — для старта и спокойной езды. Машина, которую мне предлагали, была настолько хайтековской, что я невольно стал искать глазами пульт дистанционного управления.

Впрочем, для меня это был вопрос выживания, поэтому я заплатил за недельную аренду — примерно в такую же сумму обошлась бы покупка обычного велосипеда — и отправился на тест-драйв по полусонному городу. Если сравнивать с тем, что я испытывал, трясясь на одном из велосипедов Флоранс, сейчас я восседал на теплой воздушной подушке. И достаточно было два-три раза нажать на педали, как я уже вырулил на центральную площадь.

Прямо напротив церковной колокольни находилось большое открытое *café*, куда обычно заходили те, кто только что купил газеты в киоске «Арс пресс» (это название резало слух, рождая ассоциации с неприличными телодвижениями). С газетным киоском соседствовала почта — монументальное здание с се-

рыми ставнями, — и она должна была вот-вот открыться.

С первым ударом церковного колокола женщина-почтмейстер выбежала из своего дома, пересекла площадь и открыла створку, закрывавшую входную дверь. На стекле показалась табличка с надписью «Accès internet»¹. Я запер велосипед замком и скользнул внутрь — первый посетитель.

— Мы еще не открылись, — объявила мне почтмейстер. Женщина тепло улыбалась, и по ее лицу было видно, что она действительно очень довольна тем, что ее не поставили заведовать почтой где-нибудь на промышленном северо-востоке.

— Я просто хотел проверить свою электронную почту.

— А... — Она показала на допотопный «Мак», что стоял у окна. — Вы знаете, как он включается?

— Да.

— Хорошо, тогда вперед. Вы не могли бы открыть ставни, пожалуйста?

— Конечно.

Я отодвинул тяжелые оконные ставни, включил компьютер и вставил в прорезь свою телефонную карту. Ничего.

— Вам нужна специальная карта, — сообщила почтмейстер. Она уже стояла за прилавком. — Я могу вам продать. — Она показала мне пластиковую карточку.

В те считанные секунды, что ушли у меня на то, чтобы подойти к прилавку и совершить транзакцию,

¹ «Доступ к Интернету» (*фр.*).

внутри влетел детина лет тридцати в сдвинутых на макушку солнцезащитных очках и пулей метнулся к компьютеру.

Если бы у меня за плечами не было целого года практики во французских очередях, я, возможно, застонал бы и отступился. Но сейчас я был на пике парижской спортивной формы, а потому решительно преградил ему путь.

— Я уже был здесь. — Я сел за компьютер и вставил свою карточку, прежде чем парень успел возразить.

— Но...

— Он уже был здесь, — поддержала меня почтмейстер.

Парень что-то пробурчал разочарованно и плюхнулся на стул у перегородки за моей спиной. Заходя в Сеть, я чувствовал его нетерпеливое дыхание на своей шее.

В моем почтовом ящике было два письма: одно от моего американского друга и поэта Джейка, другое — от Алексы. Хм...

Я решил прочесть письмо Алексы позже. Я часто так делаю с самыми интригующими посланиями. Если бы речь шла о письме архитектора Николя и тема звучала так: «Мы начали работу в чайной», я тотчас открыл бы его, не задумываясь. Но Алекса? Что-то внутри так и просило посмаковать ее письмо.

Было еще два-три сообщения — так, обычная рутина по делам чайной. Создать компанию оказалось делом на удивление простым, но с тех пор я получал бесконечный поток писем и электронных рассылок от самых разных социальных служб, страховых и ме-

дицинских компаний, мелких торговых организаций, и все без исключения хотели получить с меня пару сотен евро и только после этого оставить в покое. Все, что связано со счетами, это к Флоранс, решил я — и благополучно отложил сообщения в долгий ящик.

— Вы там скоро? — Проигравший соперник теперь заглядывал мне через плечо.

— Еще два письма осталось, — сказал я, как будто его это касалось.

Следующим я открыл письмо Алексы. Этот кретин обломал мне весь кайф, лишив десерта.

К письму был прикреплен файл. Я слышал, как парень за моей спиной застонал, когда я кликнул мышкой — и древний компьютер начал нутужно загружать информацию. Не я был виноват в том, что на почте не было широкополосного Интернета. Оставалось лишь надеяться на то, что Алекса не прислала никаких фотографий. Хотя я и поднаторел в парижских очередях, во мне все еще жил британский комплекс вины перед теми, кого я заставлял ждать.

Алекса прислала заметку о толковании снов о воде. Это напомнило мне самое первое письмо, которое я получил от нее: в нем тоже была статья какого-то гуру о неразрывной связи между радостью и горем. Бросая меня, она опять цитировала всезнающего гуру и говорила, что я способен приносить только горе, но никак не радость. Что это, сбывающееся пророчество? А с чего мне радоваться, если меня бросают?

Эссе о мокрых сновидениях вызвало в памяти слишком много кошмарных воспоминаний о кор-

резких шторках в душевой кабине и оргазмирующей стиральной машине, так что я закрыл файл и вернулся в свой почтовый ящик.

«Как радостно прочитать о том, что я не единственный, кто подвергался сексуальному домогательству со стороны водной стихии, — написал я ей. — И если уж зашла речь о сексуальных домогательствах, как ты справляешься с мужским населением Ньюкасла? Что там с языковым барьером?»

Это была еще одна из ее теорий — о том, что люди разных языковых культур не могут быть счастливы вместе, потому что они никогда не смогут прийти к полному взаимопониманию. И опять выходило, что она была права, когда бросила меня.

Отправляя письмо, я тешил себя надеждой, что у Алексы все-таки не возникнет языковых проблем с английским парнем, хотя у меня не было никакого права даже думать об этом. Ведь я был с Флоранс, не так ли?

— Это последняя почта?.. — то ли спросила, то ли констатировала моя тень, когда я открыл письмо Джейка. Я не отреагировал.

Джейк был в своем репертуаре. С тех пор как мы с ним познакомились прошлой осенью, его английский чахнул, словно вирус под натиском французских антител. Мне пришлось мобилизовать весь свой французский, чтобы расшифровать то, что он пытался сказать.

«Я прикован к новой части *poesie* проекта», — писал Джейк. Имея в виду, что продолжает свой поэтический проект. Дело в том, что Джейк был одержим

идеей переспать с женщинами всех национальностей, какие только представлены в Париже, и написать поэму о каждой такой встрече. В прошлый раз, насколько я помню, он все пытался решить, можно ли зачесть девушку из семьи беженцев, боснийских сербов, сразу за две страны — Боснию и Сербию. И вообще, можно ли этническую принадлежность считать национальностью и наоборот. Если нет, тогда ему предстояло до конца своих дней охотиться за беженками из горных племен Таиланда.

«Но сейчас я решил издавать самого себя в линии».

Перевожу: он собирался публиковаться в Интернете.

«У тебя есть какие-нибудь идеи насчет названия? Если нет, я успокоюсь тем, что придумал сам».

Изначально, когда он озвучил свое намерение издать сборник стихов, я предложил (не всерьез, разумеется) название «Вокруг света за 80 ночей». Ну, по крайней мере, это было лучше, чем его собственное (абсолютно серьезное) предложение, смысл которого сводился к тому, чтобы поменять первое «о» в слове «Controversy» на букву «u»¹. Да-да, именно.

Я тогда спросил у него, может ли он себе представить, чтобы кто-нибудь зашел в книжный магазин и заказал нечто подобное.

Если они такие ханжи, тогда они не заслуживают того, чтобы это читать, ответил он (усилив замеча-

¹ *Controversy* — дебаты, полемика (англ.). *Cunt* — влагалище (англ. неценз.).

ние франко-английскими производными). Отлично, сказал я, но это не поможет тебе расплатиться с типографией.

И вот теперь он писал мне, что находит это название идеальным для публикации в Сети, потому что каждый, кто вобьет в поисковик то слово на букву «Си», автоматически получит доступ к его стихам. Как будто в Сеть заходят за стихами.

«Давай дерзай, Джейк, — ответил я. — Но не могу обещать тебе ссылку с вебсайта моего *café*».

Я уже собирался закрыть почтовый ящик, когда увидел, что ответила Алекса. Она была в режиме он-лайн.

— Я думал, это было последнее письмо?

Я обернулся к парню.

— Если тебе так нестерпимо, купи компьютер, — сказал я. — Или приходи до девяти и жди открытия. Лично я простоял пятнадцать минут, пока не открылась почта. — Когда имеешь дело с нетерпеливым французом, ври по-крупному, и пусть тебя не смущает, что он тебе не верит. Ведь он уже ненавидит тебя за то, что ты заставляешь его ждать.

— Ты не покупал этот компьютер. — Парень снял с головы солнцезащитные очки и теперь размахивал ими передо мной, явно сожалея о том, что это не пустая бутылка из-под вина.

— Нет, но я заплатил за то, чтобы им пользоваться, и у меня... — Я сделал вид, будто вглядываюсь в показания счетчика минут в нижнем окошке экрана монитора. — И у меня в запасе целых сорок пять минут, если я захочу еще поработать. Так что, если позволите...

Во французском языке так много выражений, чтобы послать вежливо.

Алекса прислала еще один файл. Он был еще объемнее, но мое справедливое негодование заставило меня наплевать на то, как долго он будет загружаться.

Впрочем, вскоре я пожалел о том, что открыл его. На фотографии, которая медленно материализовалась на экране, была Алекса с каким-то парнем. Блондин, мускулистого телосложения и чрезвычайно довольный собой, обнимал ее за плечи.

Она выглядела красивой, как никогда. Волосы, чуть более темные, чем у парня, были коротко подстрижены и топорщились. Нос, который я так любил покусывать, смешно морщился от ее улыбки. Ее глубокие глаза смотрели прямо на меня, но я знал, что на самом деле она меня не видит. И ее улыбка предназначалась кому-то другому.

— Да, она красивая, но у нее уже есть бойфренд, — подал голос обладатель солнцезащитных очков.

— Пожалуйста, — сказал я, — оставьте меня в покое на сорок пять минут.

— Ты не будешь так долго сидеть. Ты обещал, что скоро закончишь.

— *C'est cela, oui*¹, — проговорил я. Это был как раз один из вежливых способов послать к черту.

«Вот мои двуязычные проблемы, — писала Алекса. — Хотя нет, не двуязычные. Саша украинец, и английский его третий язык после русского и украин-

¹ Совершенно верно (*фр.*).

ского, а для меня он второй. Так что на самом деле у нас пятиязычные проблемы. Я правильно выразилась?»

Если честно, какая разница?

И тут меня осенило. Украинец? Так это что же, сын бойфренда ее матери? Разве это не инцест? По крайней мере, все это очень напоминало мои путанные отношения с Бриджит.

«Главное, чтобы у вас языки не запутались в этих лингвистических дебрях» — это все, что я смог придумать в ответ. Зато какой образ нарисовался: языки, сплетенные клубком, как змеи.

Я расстался с компьютером и поспешил к своему велосипеду.

Меня ожидала еще одна утренняя встряска: объяснение с Флоранс по поводу моего роскошного транспортного средства.

5

Флоранс я застал в саду: уютно расположившись в тиковом шезлонге, она попивала кофе и ела печенье — как в рекламе садовой мебели. Солнце уже выжгло утреннюю дымку, но Флоранс была не топлес, как в первые дни нашего отдыха. Папино присутствие ощущалось задолго до его приезда.

Она была в топе-бикини и саронге, сквозь который все-таки просвечивали длинные гладкие ноги, получая некоторую дозу солнечных лучей. Меня

вдруг кольнуло чувство вины за недавнюю вспышку ревности при виде фотографии Алексы. Флоранс была рядом, вся из плоти и крови, не то что куча пикселей, да еще с украинским парнем в придачу.

— Я взял себе велосипед, — начал я.

— Где он?

— Оставил на улице.

— А... так ты боишься показать его мне?

— Боюсь?

Я пошел и снял с привязи своего красавца.

Его появление в крохотном саду было сродни приземлению самолета на ферме, так что я простил Флоранс приступ истерического смеха.

— О, Пол, отвези его назад, это просто нелепо, — сказала она, успокоившись.

— Может быть, зато эффективно.

— Я буду делать вид, что ты не со мной.

— Согласен, это немного не то, что я хотел, но ты только посмотри. — Я ткнул пальцем в смягченное наполнителем седло. — Оно будет массажировать тебе попку ничуть не хуже, чем мои пальцы.

— Может, оно еще и вибрирует? — спросила она.

Как водится, наша перепалка перетекла в спальню, оттуда в ванную и снова в спальню.

— Так когда приезжает твой отец? — спросил я часом позже, лежа пластом на кровати, не в силах прячь ни одну часть тела, кроме губ и голосовых связок. Мой вопрос был обращен к попке Флоранс, которая рылась в своем чемодане в поисках трусиков. На одной ягодице до сих пор виднелись следы от мо-

их пальцев. А может, это ее собственные пальцы, лениво подумал я.

— Ближе к вечеру.

— Отлично, тогда успеем съездить на пляж.

— Я не хочу.

— Ты не хочешь на пляж?

— Нет, это ведь и мои каникулы. Я не хочу каждый день так напрягаться. Во всяком случае, на велосипеде.

Она кинула мне на ногу пару кружевных трусиков микроскопического размера.

— Если бы ты разрешила мне взять и для тебя приличный велосипед, то ни о какой усталости и речи не было бы.

— Сегодня утром я хочу просто отдохнуть. Появляться в саду, почитать, побездельничать.

Я обдумывал ее предложение, пока она выбирала футболку и саронг, а потом раскладывала вещи на кровати, чтобы надеть после душа. Перспектива валяться целый день в саду казалась мне пустой тратой времени, которое можно было хорошо провести на пляже, тем более что в ближайшие месяцы нам не светило вырваться из Парижа из-за суеты, связанной с открытием нашего *café*. Если, конечно, оно вообще когда-нибудь откроется.

— Тогда у тебя, возможно, будет время позвонить *notre ami Nicolas*¹?

— Потом, Пол. Я ведь еще не закончила завтрак, если ты помнишь.

¹ Нашему другу Николя (*фр.*).

— Хорошо, я позвоню ему сейчас, прежде чем отправлюсь на пляж. Сколько там времени, половина одиннадцатого? Рабочие уже часа два как должны быть на месте.

— Ладно, звони, — проговорила Флоранс и отправилась в душ. Это были не ее проблемы.

Я все никак не мог понять, как такой активный и отзывчивый в постели человек был таким пассивным во всем остальном. Разумеется, секс с Флоранс меня полностью устраивал. Я просто думал, что было бы здорово, если бы и в других сферах наших отношений она демонстрировала те же навыки работы в команде. И все-таки очень трудно обижаться на того, кто только что доставил удовольствие твоему натруженному телу, поэтому я смирил гордыню и потянулся к телефонной трубке.

Я лежал в кровати нагишом, словно поддразнивая Николя: пусть знает, с кем теперь спит Флоранс. Глупо, конечно, я понимаю, но, когда имеешь дело с французскими архитекторами, приходится мобилизовать все ресурсы.

— Они приступят к работе не позднее понедельника, — заверил Николя, после того как мне все-таки пришлось напомнить ему, кто я такой. И поинтересовался: — Как Флоранс? — Он явно решил, что мы уже вдоволь наговорились о таких скучных материях, как работа.

— Как *Флоренс*? — Я перешел на английский, который Николя понимал очень хорошо. — Это все, что ты можешь мне сказать? Лично я хочу знать, как *чай-ная*? И что сделано для того, чтобы ремонт был за-

кончен в срок? Вот что ты должен спрашивать у себя: «Как вышло таг, что у мень-я уз-же чье-тыре дня опоздания, а йа ещ-че не приступ-пал к рабо-тѣ?» — Нарочитый французский акцент должен был вывести его из себя, но мне было плевать.

Его нарциссизм все-таки одержал победу.

— *T'inquiète pas, Paul, pas de panique*¹, — промурлыкал он, по-приятельски успокаивая меня.

— Но я *обеспокоен*, Николя. — Я снова перешел к чистым и жестким английским гласным. Сейчас я был в роли смотрительницы в аристократической частной школе, которой приходится объяснять нерадивому воспитаннику, что если он не будет мыть уши, то непременно попадет в ад. — Я беспокоюсь, и ты тоже должен беспокоиться. Потому что, если чайная откроется с опозданием, я заплачу тебе тоже с опозданием. С очень большим опозданием. Договорились, *mon ami*²?

6

— *Bonjour, Monsieur Bourbon*³. — Я пожал протянутую мне руку, всем своим видом стараясь показать, что достоин близости с его дочерью в его же загородном доме. С этой целью я надел чистую футболку и лучшие пляжные шорты.

¹ Не беспокойся, Пол, без паники (*фр.*).

² Мой друг (*фр.*).

³ Здравствуйте, мсье Бурбон (*фр.*).

— *Bonjour, Paul.* — Отец Флоранс произнес мое имя правильно, и я это оценил. Мало кто из французов снисходил до таких мелочей.

Он был очень привлекательным мужчиной для своего возраста, прямо-таки кинозвезда, ветеран Болливуда. Его идеальная кожа казалась гораздо более темной, чем у Флоранс, а лицо было настолько тщательно выбрито, будто кто-то часами корпел над его подбородком и щеками, добиваясь абсолютной гладкости. В отличие от своего сына, он не лысел, а его густые черные волосы были подстрижены под Хью Гранта середины девяностых. С претензией на бесшабашность. Ему явно перевалило за пятьдесят, но одет он был так, будто ему лет на двадцать меньше: супермодные линялые джинсы, широкая, цвета сливы, рубашка, которая скрывала его уже обозначившееся брюшко. Он был без носков, в легких кроссовках. В нем мгновенно угадывался фанат ржавых велосипедов, хотя он и приехал из Ла-Рошель на такси.

— Наслышан о тебе и твоих талантах. — Он тепло пожал мою руку. — Ты, оказывается, знаток травяного чая.

— *Oh oui*, я очень сожалею. — Я сделал вид, будто меня гложет чувство вины.

— Да не переживай ты так. — Он рассмеялся, как будто нечто подобное происходило с Бриджит постоянно, что, возможно, было недалеко от истины.

— И я ужасно сожалею насчет машины.

Смех его умер, словно по нему прошелся корейский внедорожник.

— Машины?

О, черт, он не знал.

— Флоранс? — в унисон произнесли мы.

Она раздраженно хмыкнула и кратко изложила отцу, как все случилось, но из ее рассказа, на мой взгляд, совершенно не следовало, что я был абсолютно не виноват.

— Ты разбила мою машину? — Его шоколадная кожа сделалась пунцовой.

— Нет, это в нас въехали. В меня. Я был за рулем. — Я защищался, как мог, призывая на помощь все свои скромные познания во французской юридической лексике.

— Значит, его страховая оплатит ущерб?

— Ну... — Если бы я знал, что мне придется выступать с речью, я заранее подготовил бы презентацию. Но сейчас выражение неловкости на моем лице могло с таким же успехом означать: «Нет, дружище, платить придется тебе».

Мой новоиспеченный тесть упер свои ухоженные руки в бока и дал волю ярости. Будучи родом с вулканического острова Реюньон, он явно знал в этом толк. Должно быть, вся береговая линия слышала о моей с Флоранс неблагодарности и некомпетентности, отсутствии уважения, хороших манер, водительских навыков, отсутствии всего, что могло бы приподнять нас над уровнем детенышей шимпанзе.

Потом он — так же резко, как начал, — прекратил орать и пошел наверх крушить багаж и мебель.

— Не волнуйся, — прошептала Флоранс после минуты молчания, которой мы почтили память наших мирных каникулах. — Он очень быстро успокоится.

Он всегда так кричит, но, если ему не возражать, уже через пару минут обо всем забудет.

— Не думаю, что он забудет о том, как обошлись с его машиной. Разве ты ему не сказала?

— *Nob*, — ответила она, привнося в это «нет» оттенок безразличия.

Опять эта раздражающая пассивность.

— Это что, как с полем Анри? Ты сочла, что такая мелочь не стоит упоминания?

— О, Пол, пожалуйста, не начинай.

Я вдруг понял, что она права. Не было смысла начинать. Потому что на самом деле ей было неинтересно, что я скажу. Помятый автомобиль уже был в прошлом, в далеком Коррезе, и, по ней, пусть бы там оставался навсегда. Я все больше убеждался в том, что Флоранс неспособна держать удар.

Представляю, каким шоком обернется для нее работа в *café*, подумал я. Потому что, если мы не управимся в срок, на нас обрушатся проблемы куда более серьезные, чем выволочка, которую нам устроил ее отец.

7

Как и предсказывала Флоранс, вулкан в скором времени уснул.

Мсье Бурбон позвонил хозяину гаража, выслушал внятную версию происшествия, потом посудачил с местными жандармами и уже к вечеру был полон све-

жих сил и благодушия. Он сказал, что я могу называть его Шарлем и обращаться к нему на «ты».

Желая загладить свою вину, я заплатил за обед в нашем стильном ресторане-сарае. Мсье Бурбон был очень любезен. Он даже предложил нам всем пойти выпить в бар на набережной.

— Думаю, там сегодня будет шоу. Песни, танцы.

— Здорово, — дипломатично произнес я.

— Я очень устала, хочу домой, — сказала Флоранс и зевнула для пущей убедительности.

Интересно, она устала в принципе или устала от отца? И если все дело было в родителе, почему она не попыталась и меня избавить от его общества?

— Хорошо, тогда мы с Полом пойдем в бар, — заявил Шарль.

Он отлучился в туалет, и я умолял Флоранс пойти с нами выпить хотя бы один коктейль, пока мы ждали ее отца на улице, овеваемые прохладным океанским бризом.

Бесполезно. Это было повторение того, что она проделала со мной в Коррезе.

— Только не давай ему напиваться, — сказала она. — Он начинает чудить, когда переберет.

— Так вот в чем причина твоей внезапной усталости? Ты просто не хочешь играть роль няньки при своем папаше — предоставляешь это мне?

— *Oui*, — бессовестно призналась Флоранс. — Ты ведь можешь оказать мне такую маленькую услугу, правда? — Она прижалась ко мне своим роскошным телом и впилась в меня чистейшим наивным взгля-

дом. — Пожалуйста, — добавила она и нежно лизнула мочку моего уха.

— Раз уж ты так вежливо просишь, ладно, так и быть.

Но как, хотелось бы мне знать, я должен был контролировать ее отца? Ведь я *себя* не могу контролировать.

Мы с Шарлем отправились в большой туристический ресторан на пристани и расположились в углу на террасе, где столики уже ждали посетителей бара.

К нам подскочил шустрый молодой официант, загорелый и уверенный в себе после двух-трех недель летней подработки.

— *Messieurs, qu'est-ce que je vous sers?*¹ — привычно затараторил он.

— Может, газированной воды? — предложил я.

Шарль посмотрел на меня так, будто я внезапно слег от коровьего бешенства.

— *Deux ballons de blanc*, — сказал он. (Два бокала белого вина.)

— *Petits, moyens, grands?*² — спросил официант.

Я чуть не рассмеялся. Никогда не думал, что французские официанты пытаются разводить и французских туристов.

Шарль побагровел, как раскаленная лава.

— За те двадцать с лишним лет, что я приезжаю в свой дом в Арсе, я ни разу тебя не видел, — сказал он,

¹ Что желаете, господа? (*фр.*)

² Маленькие, средние, большие? (*фр.*)

пока еще сдерживая поток лавы. — Ты новенький, что ли, в этом сезоне? — Над верхней губой отца Флоранс проступили капельки пота.

— *Oui*. — Официант переступил с ноги на ногу.

— И что, французский язык изменился, с тех пор как ты начал работать здесь?

— Мсье?..

— «Un ballon» означает бокал нормального размера, не так ли? К чему ты тогда спрашиваешь, хотим ли мы большой? Это все равно что спросить, не хочу ли я большой литр пива. Ты согласен со мной, молодой человек?

Официант был уже не так молод, чтобы не понимать, что спорить бесполезно. Он спросил нас, какое вино мы желаем, и удалился.

— Ха... его родители арендуют здесь дом на месяц в году и мнят себя хозяевами острова, — с усмешкой сказал Шарль. Разумеется, имея в виду, что он как раз и есть *настоящий* островитянин, потому что купил здесь дом. — А знаешь, сколько они платят за аренду самого скромного коттеджа? — Он презрительно оглядел расположившихся за соседними столиками отдыхающих, многие из которых, не замечая наступившей темноты, до сих пор были в солнцезащитных очках.

Я не знал ответа, и он назвал мне цифру. Я поразился.

— Да-да, именно, — сказал отец Флоранс. — И сегодня, если они хотят купить здесь приличный дом, а не какую-нибудь готовую безликую коробку, это будет *oh là là!* — Он снова назвал мне цену. — За такие

деньги можно скупить все фермы Корреза. — Он, конечно, слегка загнул. — Или три дома на материке, всего в нескольких километрах отсюда. Но они решили, что это место модное, потому и платят.

Тут подоспели заказанные нами напитки, с маленькой тарелкой креветок и парой зубочисток в качестве бонуса.

— Но это очень красивый остров, — сказал я. От меня не ускользнуло, что кое-кто из наших соседей морщил нос, слушая громкую лекцию Шарля о ситуации на рынке недвижимости. В конце концов, во Франции не принято говорить о деньгах.

— О да, остров красивый. Зеленый, плодородный. — Он схватил меня за колено, словно я был источником этого плодородия. — Солнечный, секси, — продолжал он. — Но в те времена, когда я покупал свой дом, сюда почти никто не ехал. Было всего несколько богатых парижан, которые ценили остров за его труднодоступность. Пока не было моста, приходилось по несколько дней стоять в очереди в ожидании машиноместа на маленьком пароме. Так что все парижане держали на острове старые ржавые «ситроены-дешво». Самые опасные машины в Европе. Море разъедало их, и никто не знал, в какой момент рассыплется его авто, пока колеса сами не отваливались. Ну, примерно, как ты обошелся с моей машиной, а?.. *Cheers!*¹ — прибавил он по-английски и шлепнул меня по ляжке.

— *Cheers*. И я действительно очень сожалею насчет вашей машины.

¹ Твое здоровье! (англ.)

— Все нормально. И давай на «ты». Эй, *le petit*¹! — Шарль подозвал официанта. — Что я там говорил? Ах да, эти парижские снобы со своим ржавым хламом «де шво». Ха! — Он совершенно не замечал того, что публика за соседними столиками погрузилась в мрачное молчание.

Подошел официант. Я снова попытался заказать газированную воду, и опять безуспешно, после чего отказался от этой затеи. Для чего, собственно, придуманы каникулы во Франции, если не для того, чтобы сидеть на террасе, потягивая вино, наблюдать за тем, как перед тобой швартуются яхты, скрежет якорных цепей которых так созвучен перезвону бокалов?

Каждая доза выпитого, казалось, открывала новый ящик Пандоры, откуда расползались провокационные заявления.

— Мы все иммигранты, — во всеуслышание заявил Шарль, приступая к третьему или четвертому «баллону» белого вина. — Мы все иммигранты на этом острове. — Он дал понять окружающим, кого имел в виду. — Но я, возможно, самый местный из всех вас. Один из моих предков, белый француз — о, да! — до революции приплыл из Ла-Рошель на Режуньон. И готов спорить, ни у кого нет настолько французского имени, как у меня!

— Шарль — это очень по-французски, да, — согласился я.

— О нет, Шарль это не настоящее мое имя. Во всяком случае, не полное. Мое имя звучит так: Шарле-

¹ Малыш (*фр.*).

мань Наполеон Верцингеториг. — Ему с трудом удалось выговорить последнюю часть своего имени, которое я действительно никогда не слышал.

— Вер?..

— Это галльское имя. Так звали вождя, возглавившего восстание галлов против Рима. Я — индийский брат Астерикса¹!

Шарль поперхнулся вином и закашлялся, чем убедил сидевшую по соседству парочку в том, что уже пора домой.

— А ты знаешь, почему в моем свидетельстве о рождении значится имя Наполеон и все прочее? — спросил он.

— Потому что ваш отец не знал, как правильно пишется Шарль?

— Нет. Стоит сказать спасибо распрекрасному французскому закону, который предписывает, какие имена давать детям. Когда ты идешь в мэрию регистрировать своего малыша, клерк в окошке — *l'employé au guichet* — может забраковать твой вариант. Не забывай, что *l'employé au guichet* — самый могущественный человек во Франции. В любом *guichet*. *Vive le guichet!*²

Я поднял бокал, поддержав его тост. Мне и самому приходилось сталкиваться с этими тиранами в окошках, когда я пытался получить вид на жительство. И я на собственной шкуре прочувствовал, как настрое-

¹ Астерикс — вымышленный галл, герой ряда европейских комиксов, мультфильмов и комедийных художественных фильмов.

² Да здравствует окно! (*фр.*)

ние одного человека может определить все твоё будущее.

— Так вот, *l'employé au guichet* решила, что имя, которое хотел дать мне отец, недостаточно французское. Собственно, это было индийское имя, Раджив — если помнишь, так звали сына «архитектора» индийской независимости. «C'est pas français, ça»¹, — сказала она, и тогда мой отец в шутку перечислил: Шарлемань, Наполеон, Верцингеториг, а она аккуратно записала имена, проштамповала бумагу — и *voilà*. Короче говоря, будущего индийского президента она разменяла на двух французских королей и императора. *Vive le roi!*²

Он осушил свой бокал и затянул что-то вроде роялистской песни, за что нас могли запросто вышвырнуть, если бы не спасительный грохот на пристани, возвестивший о начале шоу.

8

На сцене человек в красной холщовой спецовке и голубой кепке отбивал чечетку и горланил матросскую песню. Усиленная во сто крат микрофоном, она была по ушам, угрожая барабанным перепонкам. Все это можно было пережить, но тут на подмогу рыбаку вышли три приятеля, которые своими воплями разо-

¹ Это не по-французски (*фр.*).

² Да здравствует король! (*фр.*)

гнали всех креветок, обитавших во французских территориальных водах.

Шарль был то ли слишком пьян, то ли глуховат, но его ничуть не смутило это безобразие. Он встал и заявил:

— Пошли танцевать!

Король Верцингеториг не привык, чтобы ему возражали, а потому вытащил меня из-за стола.

К счастью, не только мы оказались на ногах. Мы влились в группу одетых в национальные костюмы танцоров, которые выписывали кренделя, больше похожие на бестолковую толкотню страдающих от запора.

Мне доводилось бывать на шотландских вечеринках с музыкой и танцами, где ты подбрасываешь партнершу в воздух или вы кружите друг друга до одури, пока под действием центробежной силы с тебя не свалятся штаны. Здесь же танцоры тупо перебирали ногами и взмахивали руками со сдержанной энергией попугая, который боится взлететь.

Шарль знал все шаги и был вознагражден восхищенными взглядами дам в черных крестьянских платьях, когда исполнил свою, болливудскую, версию джиги с акцентом на призывное движение бровями. Он выбрал себе в партнерши седовласую танцовщицу, вылитую старую деву, и исполнил с ней рыбацкий танец, в котором сам был тральщиком, а она изображала стаю рыб. Это отчасти подтверждало то, что рассказывал мне Мишель об инциденте с Джинетт, старухой фермершей. Похоже, когда Шарль напивался, его тянуло к престарелым дамочкам из народа.

Пока же его нынешняя жертва безмятежно отплясывала, разве что время от времени с тревогой поглядывала Шарлю ниже пояса, где замечалось опасное шевеление. Тем временем я продолжал бег на месте и мечтал только о том, чтобы гигантская розовая луна поскорее грохнулась с неба и положила конец этой вечеринке.

— Ты видел ее? — спросил Шарль, когда джига кончилась и мне удалось оторвать его пальцы от подола старой крестьянки. — Неплохо, да? Как ты думаешь, попросить мне у нее телефончик?

— Нет, — ответил я. — Думаю, вам следует пойти со мной домой, сейчас же.

— Нет, еще рано, смотри! — Шарль показывал на сцену, где старикан в обтягивающих джинсах запел пронзительным йодлем.

Нам пришлось слиться с толпой в джайве, что, возможно, выглядело бы забавно, будь у меня в партнершах крутая девчонка, а не Шарль. Я решил, что мне лучше в прямом смысле держать его в руках, дабы он не ускакал в поисках другой ничего не подозревающей пенсионерки.

И только после того, как он упал на пятую точку, предприняв попытку крутануться на триста шестьдесят градусов, мне удалось увести его с танцпола.

— Куда ты меня тащишь? — спросил он.

— Домой? — предложил я.

— Нет, еще слишком рано! — крикнул он. — Пойдем выпьем! — Его ноги разбредались в разных направлениях, словно не могли решить, в какой бар пойти.

Мне пришлось схватить его в охапку, чтобы он снова не упал. Если бы сейчас он рухнул, мне пришлось бы идти к поющим рыбакам и просить их отнести его домой.

— О, ты злишься на меня из-за женщины, — произнес Шарль с обиженным видом. — Ты не должен на меня сердиться. Я не виноват. Ты же видел Бриджит, поэтому поймешь, почему мы больше не испытываем сексуального влечения друг к другу.

Так, значит, все дело в отсутствии секса? Вот откуда помешательство Бриджит на кабачках и затопленная ванная.

— Я не сержусь. — Я начал оттаскивать Шарля от набережной, решив, что не стоит посвящать окружающих в печальные подробности его утасоющей сексуальной жизни.

— Когда-то мы были о-го-го, — перекрикивал он музыку.

— Нет необходимости объяснять. В самом деле.

— Очень даже о-го-го. У нее были роскошные груди. Вот как у этой. *Bonsoir*¹, мадам! — Я увел его подальше от нового объекта притязаний, который в действительности оказался тучным мужчиной в розовой футболке. — Она была очень хороша и в оральном сексе, — продолжал трубить Шарль. — Своим языком она вытворяла такое...

Последние слова утонули в крике боли, поскольку он столкнулся с бетонным столбом.

Теперь, когда отец Флоранс наконец заткнулся, я смог подхватить его под мышки и потащить к дому.

¹ Добрый вечер (*фр.*).

К тому времени, как мы добрались до места, он уже был бесчувственным телом.

— Вот мы и дома. — Я открыл калитку и завел его в палисадник.

И тут Шарль встрепенулся и как будто разом протрезвел:

— *Bonne nuit, Paul, bonne nuit.*¹ Не переживай из-за партнерш. Завтра нам повезет больше, а? — Он потрепал меня по щеке и смиренной походкой вошел в дом, напевая мелодию, под которую на набережной творилось смертоубийство.

Наступила полночь. Я был слишком измотан, чтобы ложиться спать. Пожалуй, самое время для велосипедной прогулки под лунной, подумал я.

Беда в том, что мой навороченный велик не был оснащен фонарями. Как такое возможно, чтобы техника делала столь мощные рывки вперед и одновременно буксовала? Неужели конструкторы горных велосипедов не слышали про фонари? И брызговики? Помню, я еще ребенком катался на велосипеде после дождя, и мои брюки выглядели вполне прилично.

Мне не оставалось ничего другого, как взять драндулет-убийцу. Я покрутил колеса и отыскал велосипед, у которого имелись фонари, пусть и ржавые, но в рабочем состоянии. Привязав к седлу подушку с шезлонга, я выехал со двора, в шумную городскую ночь.

Велосипедные дорожки были пустынные и таинственные, и у меня ушло минут двадцать на то, чтобы

¹ Спокойной ночи, Пол, спокойной ночи (*фр.*).

выехать за пределы зоны слышимости музыки, оравшей на пристани. Остановившись у чернильно-темного солончакового болота, я услышал, как шуршит камыш, плещется рыба, вдруг вскрикивает птица или зверь — хищник или жертва, я не знал. Я оглянулся назад, на подсвеченную колокольную церкви, гирлянды огней на пристани, вдохнул соленый воздух. И меня вдруг охватило непреодолимое желание позвонить Алексе.

Хотя зачем? Тем более так поздно. Тем более что она уже не моя девушка и нужно искать предлог для столь позднего звонка.

Ну, я мог бы сказать, что час назад попрактиковался во французском джайве, которому она однажды пыталась меня научить, но это лишь напомнило бы нам обоим о нашем первом разрыве, когда после пьяной вечеринки с танцами я оказался в постели другой девушки. Я мог бы с деланным безразличием расспросить о характере ее отношений с парнем на фото. Нет, не годится.

А может, просто сказать, что я хотел поболтать с ней?

Это был самый опасный предлог. Потому что это была правда. Нет, полуправда. Мне не то чтобы хотелось просто поговорить. Я должен был поделиться с ней своими тревогами и сомнениями. Мое пребывание на райском острове становилось таким же сумасшедшим, как и посещение Корреза. Может, было что-то во мне и французских каникулах, что никак не сочеталось? Мне хотелось бы послушать, что Алекса скажет, потому что я уважал ее мнение.

И мне было интересно, как продвигается ее фильм, какие у нее дальнейшие планы. Мне нравилось подзаряжаться ее энергией. Мне нравилось, как она хихикала, когда подтрунивала над собой, да и надо мной тоже.

И если уж начистоту, мне просто хотелось услышать ее голос.

Черт! Луна и вино все-таки сделали свое дело. Я набрал номер Алексы, прежде чем успел струхнуть.

Дисплей моего мобильного ярко вспыхнул в темноте, стремясь зацепиться своей антенной за ее спутник.

— Алло?

— Привет, это Пол.

— Что? Кто?

— Алекса?

— Да, я вас не слышу. Заткнитесь, люди, прошу вас!

В телефоне был слышен неясный шум множества голосов. Она явно была на какой-то вечеринке.

— Это Пол.

— Пол, привет! Чем занимаешься?

Из общего хора выделился громкий голос мужчины. Я не смог разобрать, что он сказал.

— Заткнись! — крикнула Алекса. Слово было грубое, но в голосе прозвучал смех. — Слушай, Пол, мы с тобой были онлайн в одно и то же время. Правда, здорово?

— Да, но я был на почте, я не мог...

— Что? Я тебя не слышу.

— Я сказал, что был на почте...

— Что? Здесь очень шумно. Мы в пабе.

— Да, я так и подумал. Все нормально, ничего срочного. Позвоню как-нибудь в другой раз.

Я сел на велосипед и что есть мочи погнал обратно, рискуя сломать себе шею. Взбесило меня сочетание этого «мы» и паба. Я чувствовал себя отвергнутым, одиноким.

Да ты просто идиот, говорил я себе, яростно крутя педали. Отдыхаешь на роскошном острове, с невероятно сексуальной женщиной, обустройстваешь свою жизнь во Франции. Как сказала бы Рут, моя давняя английская подружка, кончай скулить и начинай ку-тить.

9

Флоранс лежала на полу, выполняя упражнения по системе Пилатеса, представляющей собой нечто среднее между йогой и аэробикой. Странно, но смотреть на то, как она корячится голая, было ничуть не более сексуально, чем наблюдать эпиляцию зоны бикини. Гимнастика лишала ее тело магнетической притягательности.

— Доброе утро, — обозначился я с кровати.

— *Bonjour*. Как прошел вечер? — Флоранс сгибала и разгибала руку, как будто ее заклинило.

— Отлично. Мы танцевали.

— Да, папа обожает танцевать. — Она легла на спину, резко выпрямила ногу и, напрягая ее, стала поднимать вверх, растягивая мышцы до такого состоя-

ния, что, как казалось, еще немного — и ее промежность треснет. Я решил, что больше не хочу это видеть, и сосредоточился на успокаивающем глаз белом потолке.

— Ему нравится танцевать с пожилыми дамочками, это точно.

— О... Он много выпил?

— Раза в два больше, чем я.

— И ты что же, не остановил его?

— Нет, не стал. Хорошо еще, Мишель предупредил меня, что твой отец становится влюбчивым, когда махнет лишнего.

— Он тебе рассказывал? — произнесла она таким тоном, будто Мишелю следовало держать предупреждение при себе.

— Да, рассказывал. И слава богу. Кстати, это еще один момент, о котором ты могла бы меня предупредить, Флоранс. — Я сел в постели, и у меня перед глазами снова возникла растянутая промежность.

— Я тебя предупреждала.

— Нет. Ты просто сказала, что он начинает чудить, когда выпьет. Ну а кто не чудит? Как бы то ни было, отныне, если ему захочется пойти и напиться, я не стану ему препятствовать. Или же мы пойдем все вместе, и тогда вдвоем с тобой мы сможем удержать его от попыток закадрить старушек на танцполе. Договорились?

— Хорошо. — Флоранс повернулась ко мне пятой точкой и продолжила пилатес.

Похоже, столь некоммуникативный стиль отношений ее ничуть не смущал.

Следующие три или четыре дня прошли так, будто мы отдыхали порознь. Я ездил на велосипеде ловить прилив, в то время как Флоранс, вознамерившись уничтожить половину мировых запасов солнцезащитных средств, валялась в саду, а ее отец потел на теннисных кортах.

По вечерам мы встречались за ужином с *Рара*, которого пытались слегка ограничивать в выпивке. Флоранс следила за тем, чтобы его бокал с минералкой был всегда полон, а я отвечал за то, чтобы нам никогда не хотелось второй бутылки вина. При таком распорядке он не проявлял признаков активности и не пытался сбежать на танцы и приударить за местными матронами.

Пару раз мы с Флоранс сходили в ночной клуб. Первый опыт был в диковинку — смешно было наблюдать, как шестнадцатилетние подростки тискают друг друга под призывные вопли диджея: «Shake eet, shake eet, уé!» — в такт плохому французскому ар-энди. Второй визит был уже перебором.

Как-то утром я поехал на почту проверить свой электронный ящик.

Ответила Алекса, но она не удовлетворила мое любопытство насчет Красавчика, ограничилась лишь шуткой о том, что украинцы во многом похожи на нас, англосаксов. Тоже помешаны на футболе и алкоголе, как она выразилась. Она снова обмолвилась о своей работе над фильмом и сообщила, что скоро в Париже пройдет ее фотовыставка. Там будет и одна моя фотография, и Алекса хотела, чтобы я себя уви-

дел. Я не мог припомнить, чтобы она меня фотографировала. Должно быть, запечатлела, пока я спал. Оставалось лишь надеяться на то, что у меня не текли слюни.

Вот уже больше недели, как я был на острове.

Я возвращался на велосипеде домой после утренней разминки на волнах, когда вдруг ощутил странную вибрацию в области таза. Нет, телефон я точно не использовал в качестве суппозитория, мелькнуло в голове. Должно быть, проблема с велосипедом.

Так и есть. Прокол. Колесо полностью спустило.

Черт возьми, как такое возможно? — мысленно застонал я. Ведь колеса, как у трактора!

Я не услышал хлопка, не почувствовал резкого спуска шины, а потому решил, что это медленный прокол. Нужно лишь подкачать колесо, чтобы дотянуть до пункта проката, и все будет в порядке.

Все так и было бы, если бы я не заметил куда более серьезную проблему. У велосипеда была рама из авиационного алюминия, его руль конструировала команда физиотерапевтов, тормоза могли остановить поезд, только вот насоса, даже самого примитивного, не было и в помине.

И хуже того, клапан оказался таким современным и мудреным, что ни у кого, кто проезжал мимо, не нашлось насоса, который был бы способен на нечто большее, кроме как бесполезно свистеть, пытаясь вдохнуть жизнь в спущенную шину. Окончательно меня добила высокомерная француженка на ржавом «рали», которая прочитала мне нотацию, призвав

придерживаться старой доброй английской технологии, вместо того чтобы гнаться за новомодными штучками из арсенала «Формулы-1».

— Теперь вам придется идти домой пешком со своим шедевром современного искусства, — сказала она и покатила вперед с надменным видом.

Впрочем, как выяснилось, она ошиблась.

Я прошел пешком всего пару сотен ярдов, когда впереди замаячила машина. Зеленый мини-вэн с характерными атрибутами такси на кузове.

Это было чудо, оно же мое спасение.

Я соскочил с дорожки и встал посреди шоссе, размахивая руками, что, как всем известно, означает: «Если ты не остановишься, я заляпаю кровью все твое лобовое стекло». Водитель, крепкий старикан с веснушчатым загаром на лысой башке, высунулся из окна. «Хотите в Арсе?» — спросил он.

— *Ab oui*, — произнес я голосом человека, отчаянно нуждавшегося в Арсе.

— Потому что я дальше не поеду.

— Отлично. Я в Арсе взял напрокат велосипед и должен отремонтировать его. У меня колесо спустило.

Мы погрузили велосипед и тронулись в путь.

— Вы англичанин, — сказал старик.

— Да.

— Вы сделали ошибку, — заявил он, как будто правильнее было бы родиться французом.

— В самом деле?

— Да, вы сказали: «*Je suis crevé*».

— Да.

— Это означает «Я очень устал».

— Ах, так?

— Нужно было сказать «J'ai crevé». Тогда было бы понятно, что у вас прокол в колесе... *Enfoiré!*¹

Последнее слово не было выражением его недовольства моим безграмотным французским — оно предназначалось подростку, который только что вылетел с велосипедной дорожки, пересекая шоссе прямо перед нами.

— *Crever* еще означает «умереть». Он едва не *crevé*, а?

Мы оба посмеялись шутке.

— Красивый велосипед, — сказал старик, кивая через плечо на мою бесполезную машину.

— Вам нравится? Слишком навороченный.

— У меня такой же. Я катаюсь на нем по лесу каждое утро, когда не работаю. И еще часто езжу от дома до своей лодки, которая стоит там, на главном канале. — Он показал в направлении чуть севернее Арса, где канал, прорытый к бухте для яхт, встречался с морем. Он объяснил, что при отливе канал сильно мелеет, поэтому он держит свою лодку поближе к морю, тогда проще тащить ее по грязи к большой воде. И так он может в любое время выходить в море на рыбалку.

— Вы рыбак? — спросил я с некоторым недоверием. Он не имел ничего общего с теми шутами-аккордеонистами, которых я здесь видел. Выглядел

¹ Говнюк! (*фр. груб.*)

вполне современно в своей футболке с бамбуковым принтом. Никаких тебе рыбацких спецовок, провявших рыбьим жиром.

— Зимой. Летом я чаще таксист.

— Вы живете здесь круглый год?

— О, да. Круглый год.

— И у вас горный велосипед, а не ржавый драндулет, как у многих здешних жителей?

— Ха! — Он расхохотался так громко, что едва не треснуло лобовое стекло. — Нет, раз в два-три года я покупаю новый горный велосипед, в конце сезона, когда их продают по дешевке.

Какая досада, подумал я. Ну почему мой хайтековский велик не оборудован диктофоном, чтобы я мог доказать Флоранс, что она истязает свою задницу ни за что. Настоящие островитяне не меньше, чем я, любили мягкие седла и хорошо смазанные подшипники.

— Тогда откуда они берут эту рухлядь? — спросил я. — Может, ее завозят из Индии или Африки?

Старик снова затрясся от хохота.

— Неплохая идея, — сказал он, успокоившись. — А вы, похоже, знаете, как развести парижан на деньги, а?

— Может, вам оставлять под дождем велосипеды, не проданные за сезон? — предложил я. — Они заржавеют, а потом вы их загоните по более высокой цене?

— Надо будет подсказать ребятам из проката, а? Они начнут новый бизнес. Ха!

Перед самым въездом в город он свернул с главной дороги на проселок, уводивший к соляным

прудам. Большой белый ибис испуганно вспорхнул, когда огромный автомобиль вписался в поворот.

— Пошли выпьем, — сказал он.

— А мой велосипед?

— О, прокат работает допоздна. Пошли.

Он припарковался у белой деревянной хижины в ряду довольно новых автомобилей. Хижина стояла на берегу «устричного» пруда, который во время прилива наполнялся зеленовато-коричневой водой.

Над входной дверью висела табличка с надписью: «Amicale des anciens pêcheurs» («Ассоциация бывших рыбаков»).

Внутри все провоняло сушеными креветками и пивом. Но если не считать груды отреставрированных корзин для лобстеров, обстановка напоминала самое обычное *café*. Деревянная стойка бара с кофеваркой, аппарат для розлива пива, бутылки с вином и крепким алкоголем. Пепельницы на столиках с виниловыми столешницами, мужская компания, беседы за выпивкой, дым сигарет, гулкое эхо голосов, отражавшееся от некрашенных стен. Закаленные работой на воздухе, посетители выглядели довольно крепкими и здоровыми для своего возраста — все, за исключением одного старичка, на вид лет под тысячу, с пергаментной кожей на лице, обтягивавшей острые скулы, и длинными просоленными бровями. Он сидел за большим столом, и дым, поднимавшийся от его сигареты, клубился на фоне настенной фотографии с флотилией больших траулеров на выходе в море. На-

поминание о тех днях, когда здешние воды кишели тунцом.

— *Salut*, Альбер! — крикнул один из курящих, когда мы вошли.

Альбер, мой спаситель, прошелся по залу, пожимая всем руки и представляя меня как «англичанина, которого я подобрал на обочине».

— Как тебя зовут, сынок? — спросил один из рыбаков, человек невысокого роста, с выдубленным солнцем лицом, изрезанным морщинами. Он обратился ко мне на «ты».

— Поль, — ответил я, решив сэкономить время.

— Хочешь выпить, Поль?

— Да, пива, *s'il vous plait*¹, и для моего друга Альбера тоже.

— *Ab non, pas de bière*², — возразил Альбер. — Доставай «Пино».

Я уже знал, что это такое. «Пино де Шарант», местное крепленое вино. Довольно крепкая штука, что-то среднее между вином и коньяком.

Морщинистый человек поднялся, наполнил два стакана белым «Пино», добавил немного льда. Мы все устроились за самым большим столом и чокнулись стаканами друг с другом, соблюдая правило смотреть друг другу в глаза.

— Выпьем за горные велосипеды! — предложил Альбер.

Он объяснил, при каких обстоятельствах произошло наше знакомство, и рассказал все, что я думаю о

¹ Пожалуйста (*фр.*).

² Нет, никакого пива (*фр.*).

ржавых велосипедах. Это вывело нас на долгую дискуссию о том, кого же все-таки считать «настоящими» островитянами. Некоторые из рыбаков были родом с материка, но на острове они жили круглый год, что, по их словам, и давало им право называть себя истинными *Rétais*¹.

— А вас обрадовала постройка моста? — спросил я у них.

— Еще бы! — ответил Альбер. Древний моряк поддерживал его улыбкой. — Мы были счастливы, просто в восторге, да? — Все дружно закивали. — А иначе что ж было удивляться, что молодежь уезжала? Представь себе, беременная женщина зимой, с осложнениями, и нужно ждать хорошей погоды, чтобы за ней прислали вертолет и отвезли в госпиталь в Ла-Рошель.

— И дети тоже разлетались, — подхватил другой рыбак. — Если кто хотел учиться дальше после пятнадцати лет, нужно было ехать на материк, там они и оставались.

— Как бы то ни было, — продолжил Альбер, — только парижане были против моста, говорили, что он испортит колорит острова. Они просто хотели, чтобы здесь было тихо в августе. А теперь втайне радуются, потому что могут на своем «ренджровере» доехать прямо до дверей загородного дома, что автоматом увеличивает его стоимость раз в десять.

— Да и наших домов тоже, — подтвердил старый рыбак.

¹ Жители острова Ре (*фр.*).

Это спровоцировало смех, свежую выпивку, начали вспоминать, как продавали рыбацкие сараи, которые потом превратились в летние резиденции приезжих. Это было полной противоположностью тому, что происходило в бедном старом Коррезе.

— Мы ведь отсюда не уедем, правда? — обратился к друзьям Альбер. — Ни за что. Здесь такая погода хорошая, самое оно для старых костей. Свой микроклимат. И никогда не бывает морозов.

— Как в Англии, — сказал я. — Там всегда жарко. — Французы обожают шутки про английскую погоду. Легче всего добиться популярности у французов, пошутив насчет наших 365 дней дождей и туманов, хотя справедливости ради стоит заметить, что на юго-востоке Англии гораздо суше, чем в некоторых районах Южной Франции.

Благодаря своей остроте я заработал еще один стаканчик «Пино». Я начал задумываться, кто все это оплачивает. И не оставил ли Альбер включенным счетчик в своем такси. Но «Пино» тем и славится, что не позволяет надолго предаваться мрачным мыслям.

— Слушай-ка! — У Альбера возникла идея. — Ты играешь в «беби-фут»? — Это французское название настольного футбола.

— Да, — ответил я. Во Франции настольный футбол, наряду с джайвом, входит в список обязательных навыков общения.

— Отлично, несите стол.

Загребели стулья, и двое мужчин отправились в подсобку, откуда вернулись со столом для игры в «беби-фут».

Вскоре мы организовали турнир. Сформировали пары. Я оказался в многонациональной команде Альбера.

— Мы будем самой честной командой, — сказал он. — У нас англичанин.

Он объяснил мне, что, когда играешь в настольный футбол «правильно», не прокручивая футболистов, это называется «jouer à l'anglaise»¹.

— Вы говорите, что мы, англичане, играем честно, — заметил я. — Но это лишь вежливый способ сказать, что мы всегда проигрываем.

Опять смех, выпивка, футбол и снова выпивка.

Солнце опускалось все ниже над солончаками. Мне показалось, что я расслышал удар церковного колокола. Который час? Шесть или семь вечера? А может быть, десять?

10

Не зря говорят, что, когда пьяный мужчина пытается по-тихому проскользнуть в дом, просыпается вся округа. Я говорю о мужчинах, потому что никогда не слышал, чтобы пьяная женщина пыталась тихо проникнуть в дом. Одно из двух: либо в моей жизни таких прецедентов не было, либо женщины лучше приспособлены к бесшумному передвижению в состоянии алкогольного опьянения.

¹ Играть по-английски (*фр.*).

Как бы то ни было, когда я пьян, я физически не способен соблюдать тишину. Если бы я решил открыть дверь и лечь на коврик у порога, проспав до тех пор, пока утренняя газета не свалится на голову, возможно, мне и удалось бы не перебудить весь дом.

Но если тебя провожает шумная компания таких же пьяных рыбаков и ты пытаешься протиснуться в калитку с горным велосипедом, который вдруг превращается в гигантского осьминога, если тебе не удастся нащупать замок на входной двери и ты крушишь сарай в поисках источника света, с опозданием вспоминая, что дверь никогда не запирается, и это вызывает у тебя приступ смеха, а потом ты спотыкаешься об лестницу, которую кто-то неосмотрительно разместил прямо посреди прихожей, и, поднявшись на второй этаж, снимаешь сандалии, сбрасывая их вниз, словно две ручные гранаты, — что ж, после всего этого можешь быть уверен, что утро начнется с разбирательства посерьезнее судебного.

Более того, я один из тех невезучих, с кем мир обошелся крайне недоброжелательно. Может, все дело в том, что в детстве я ел мало бекона. Но что-то в моем теле — возможно, отсутствие жировой прослойки в области почек и печени — провоцирует у меня приступы тяжелейшего похмелья.

В моей голове рвутся снаряды, во рту полыхает пожар, в желудке целый день что-то перекачивается. Я лежу пластом, мечтая о скорейшей смерти, ну или хотя бы о глотке молочного коктейля с морфием. Нет, пожалуй, не молочного коктейля. Никакого молока и никакой тряски. Пусть меня оставят в покое,

пока время не вернет меня к жизни и относительно безболезненному существованию.

Но Флоранс не могла всего этого знать, потому что на рассвете она безжалостно обрушилась на меня с обличительной речью. Для усиления эффекта она стучала по матрасу, садилась на кровать и резко вскакивала, как лихая наездница. Вероятно, она все-таки произносила какие-то слова, но они иголками впивались мне в уши, и я не понимал их смысла.

Я пытался попросить прощения. Правда, язык ворочался с трудом, и мычание как ответ не засчитывалось.

— Где ты был? — повторяла она уже в пятый раз. — Мы пытались дозвониться тебе из ресторана, но ты не отвечал.

— Рыба, — простонал я. Знаю, это тоже было не слишком убедительно.

— Рыба?

— Велик, такси, рыба, «беби-фут».

— Хм?..

— Корзины для лобстеров, — прибавил я, решив раскрасить свой рассказ деталями.

— Пол, о чем ты говоришь?

— «Пино», — подытожил я, тяжело выдохнув на букве «о».

— Что произошло?

Она что, тупая? Разве я уже не объяснил?

— Я умираю, — произнес я по-французски.

— Что?

— Нет, я очень устал.

— Мм?..

— Шина, велик, ффф?

— *Ab, tu as crevé?*¹

— Да. — Я был почти счастлив, насколько это возможно, когда тебе угрожает вздыбленная кобылица. Наконец-то все прояснилось.

— Но как это связано с тем, что ты появился в полночь вдрызг пьяный? — потребовала она ответа.

И начался новый раунд постельного родео.

— Кофе! — взмолился я, чудом уцелев под ударами копыт. — Побольше! Пожалуйста!

— Когда объяснишь, где ты был.

— Где я был? — Замаячившая перспектива получить кофе, казалось, вызвала просветление в моих мозгах. — Где *ты* была? Если бы ты была со мной, я был бы с тобой.

Нет, насчет просветления я загнул, конечно. Вот так путано я пытался донести до Флоранс мысль о том, что мы слишком мало времени проводим вместе.

— Вы, оба, можно потише?!

В дверях материализовался сердитый индус в темно-красной шелковой пижаме, с всклоченной шевелюрой.

— Да, извините. — Я был с ним полностью согласен. Все происходило слишком шумно.

— Мало того, что мне приходится делить свой дом с парочкой, которая ведет себя здесь, как в дешевом отеле, так еще среди ночи меня будит компания мужиков, распевающих «Боже, спаси королеву!» с жут-

¹ А, лопнуло колесо? (*фр.*)

ким французским акцентом, а потом один из них устраивает суший погром.

— Да, извините, — повторил я.

Мини-извержение вулкана закончилось, он остыл и оставил меня в покое. Договориться с ним было намного легче, чем с Бриджит. Или с Флоранс — в данном случае.

Очередное просветление наступило, когда у меня перед глазами материализовалась огромная белая кружка.

Кофе, так и есть.

Мой ослабленный мозг приказал ближайшей руке двинуться в направлении прикроватной тумбочки, и вот уже пальцы соприкоснулись с сосудом для питья.

Кружка была прохладной. Кофе, должно быть, давно остыл. Но это было не важно. Голодный ведь не просит, чтобы доставшийся ему ломоть хлеба был слегка подсушен в тостере.

Единственное неудобство, с которым сталкивается человек при попытке выпить кофе, лежа лицом вниз, заключается в том, что рот расположен вовсе не на затылке.

Поднеся соблазнительную кружку ко рту, я с трудом, преодолевая боль, оторвал голову от подушки и умудрился пролить кофе прямо в ухо. Что ж, рассудил я, часть его все равно попадет в рот или просочится сквозь барабанную перепонку в нервную систему.

— Пол! Ты меня слушаешь или нет?

Я повернул голову в сторону источника звука. Действительно, пока я пытался отхлебнуть кофе, кто-то

довольно громко говорил, и я это заметил, но счел не таким уж важным в сравнении с тягой к кофеину.

У кровати стояла Флоранс, но ее образ показался мне каким-то размытым. Может, она тоже заболела?

— Да?

— Сейчас же спустись вниз!

— Зачем?

— Твои друзья принесли тебе подарок.

— Друзья?

— Рыбаки.

— Нет. — Что бы они ни принесли, пусть даже пару самых крупных лобстеров, когда-либо пойманных на Атлантическом побережье, это могло подождать.

— Иди сейчас же! — Флоранс тянула меня к пугающему отвесному краю кровати.

— Нет, прошу тебя. Я проколот. Мне нужен покой.

— Пол!

Теперь это было угрожающее шипение кобры, готовой впиться в шею. Что-то подсказывало мне, что, наверное, лучше спуститься вниз.

Ступеньки оказались круче, чем мне помнилось, а стены почему-то не были вертикальными, но мне все-таки удалось доковылять до прихожей, и я с удовольствием ступил на прохладный кафель пола. Мне даже захотелось лечь на эти плитки.

— Пол! Давай выходи.

Флоранс показывала во двор, но снаружи было так светло, что слепило глаза. Я даже подумал, не притаскивали ли мне рыбаки фонарь с маяка.

— Иди же, смотри сам.

Я повиновался. Отчаянно поморгав глазами, я наконец сфокусировал взгляд и сумел оценить обстановку во дворе.

«А... так у них есть дети», — была моя первая мысль.

У двери сарая были аккуратно выставлены в ряд семь ржавых велосипедов. Некоторым не хватало колес, сидел или руля, шины у всех были спущены или разодраны, свисали ржавые цепи, но все равно в этих уродцах можно было распознать велосипеды или, скорее, бывшие велосипеды.

— И что это? — задал я философский вопрос.

— Я вернулась из булочной и застала во дворе каких-то людей. Твой друг Альбер сказал, что они порылись в садах и сараях у себя и у своих друзей и притащили тебе все старые велосипеды, какие удалось найти. Я приказала им убрать все это к чертовой матери, но они отказались. Альбер сказал, что эти велосипеды для тебя.

— Для меня?

— Судя по всему, ты открываешь свой бизнес? Будешь продавать туристам ржавые старые велосипеды?

— Я?

— Да.

— Нет.

— Что это за бардак? — *Рара*, в теннисной экипировке, стоял в дверях и с изумлением взирал на свою новую коллекцию рыбацкого хлама.

Флоранс жестом потребовала у меня объяснений.

— Я проколол шину, — сказал я, довольный собой, поскольку сумел наконец правильно выразиться.

Король Шарлемань впал в наполеоновскую ярость. После попытки отравить его жену не вознамерился ли я довести его самого до инфаркта? Может, я еще собирался доставить сюда с десятков битых машин на замену той, новой, которую я же и утробил?

Его гневные тирады смолкли, лишь когда к дому подъехал синий микроавтобус с красно-белой полосатой крышей.

Мы все замерли, уставившись на жандарма с французской бородкой, без усов, который вышел из автобуса и, нахлобучив на голову свою черную *keri*, отдал нам честь.

— Мсье Бурбон? — спросил он.

— *Oui*, — осторожно признался Шарлемань.

— Вы владелец «рено-вел сатис»?

— *Oui*.

— У меня на вас жалоба.

Флоранс и ее отец выжидающе посмотрели на меня, словно все происходящее лежало на моей совести. Хотя я здесь был совершенно ни при чем. Ну или почти.

Как объяснил жандарм, владелец красного корейского внедорожника, несправедливо обвиненный в причинении ущерба, решил наконец прервать молчание и рассказать всю правду об аварии. Теперь он считал своим священным долгом заявить, что «вел сатис» двигался с запрещенной скоростью, что и стало причиной столкновения на круговой развязке. В связи с этим он предъявляет официальный иск к виновнику ДТП, поддерживаемый его страховой компанией, которая отказывается возмещать ущерб.

И это было еще не все. Мсье, несомненно, слышал, продолжил жандарм, переданное в сводках того дня сообщение о «вел сатисе», который мчался по трассе в районе Брива со скоростью двести километров в час, что было вызвано производственным дефектом акселератора машины. Хотя в сводках фигурировал автомобиль другого цвета, жандармерия вынуждена проверить версию о том, что в обоих случаях речь идет об одном и том же «вел сатисе». Выявлены свидетели инцидента с недозволенным превышением скорости, и предстоит их проверка на предмет дальтонизма.

К концу этой небольшой речи лицо Шарлеманя приобрело такой густой оттенок красного, что его различили бы даже самые безнадежные дальтоники из числа свидетелей аварии. Вулкан грозил взорваться и снести весь город.

Отец Флоранс открыл рот и извергнул из себя поток лавы. Я даже не пытался возражать Шарлю — просто ждал, пока извержение утихнет, но, как оказалось, это был настоящий Кракатау. А я был его Помпеями.

— Прошу прощения, — сказал он, когда вспышка слепой ярости перешла в более осмысленную фазу. — С меня довольно этого бардака. Ты должен покинуть мой дом. — Поскольку прозвучало французское «tu»¹, было совершенно очевидно, что из дома вышвыривали меня одного.

— Но *Рапа...* — умоляющим тоном произнесла Флоранс.

¹ Ты (*фр.*).

— Это мое последнее слово, — заявил Шарль.

— Все нормально, Флоранс, — сказал я. — Ты оставайся. Я уеду. Мне все равно надо в Париж, проверить, что там натворил твой приятель Николя.

Я развернулся и нетвердой походкой направился в дом.

Еще до того, как мы сели пить, Альбер дал мне свою рабочую визитку с мобильным телефоном на случай непредвиденных обстоятельств. «Арс такси», — значилось на ней. Вполне подходящее название, если нужно прикрутить к заднице мотор и побыстрее убратъся с острова.

III

**НЕ ДАВАЙ СЕБЯ ДУРАЧИТЬ,
БЕЙ ПЕРВЫМ**

1

Явернулся в Париж 14 июля, в День взятия Бастилии.

Реактивные истребители кружили над городом, раскрашивая небо в цвета французского флага. Окрестности Елисейских Полей пестрели красно-бело-синими гирляндами и были наводнены солдатами, полицией и туристами, размахивающими флажками в ожидании начала парада. Я потолкался в толпе, пытаясь разнюхать, из-за чего весь сыр-бор, но быстро ретировался. По мне, так танковый парад в центре города — это вовсе не праздник, это угроза.

Почему они не устраивают парады виноделов, футболистов и дизайнеров женского белья? — недоумевал я. Вот чем французам следовало бы гордиться.

Не меньшее разочарование вызвало у меня увиденное в помещении чайной: четыре голые стены,

без каких-либо признаков того, что за время моего отсутствия порог переступал хотя бы один строитель.

Впрочем, грех было обижаться на работяг. Французские строители ничем не отличаются от своих зарубежных коллег. Такое впечатление, что все они — участники мирового заговора. От Танбридж-Уэллс¹ до Туркменистана, они действуют по накатанной схеме — берут аванс, потом линяют на месяц, оставляют вас без водопровода на целый уик-энд, замуровывают трубы так, что при малейшей протечке приходится долбить весь кафель в ванной. Обычное дело.

В общем, к рабочим у меня претензий не имелось — рабочие были ненадежными ровно настолько, насколько я и ожидал. Источником моего недовольства был Николя. Я думал, что это его обязанность — не доверять обещаниям строителей и угрожать им неоплатой, если они не сделают работу вовремя. Но этот пижон, бывший партнер Флоранс по постели, почему-то вообразил себе, что его задача — выдать какие-то чертежи, а потом прикарманить щедрые десять процентов от сметы в качестве гонорара.

Я решил воспользоваться единственным преимуществом статуса бойфренда девушки, которая когда-то спала с твоим архитектором: если архитектор не отвечает на твои телефонные звонки, можешь через

¹ Танбридж-Уэллс — фешенебельный курорт с минеральными источниками в графстве Кент; в XVII—XVIII вв. посещался королевской семьей и дворянской знатью.

свою девушку передать ему категорическое требование явиться на объект в половине девятого завтрашнего утра, иначе он будет уволен.

Сработало на ура.

Не могу сказать, что это привело меня в состояние эйфории, но все-таки.

На следующий день, ровно в восемь утра, я переступил порог чайной и, вооружившись молотком, принялся сбивать нелепую мозаичную плитку, которой были облицованы две стены. Строго говоря, это была обязанность строителей, но подобная работа здорово помогала выпустить пар, накопившуюся злость и на отца Флоранс, и на пассивность самой Флоранс, и, конечно, на экс-бойфренда все той же Флоранс. Да, я много думал о ней, пока крушил плитку.

Было без десяти девять, когда Николя наконец сунул в дверь свой аристократический нос. Я и не рассчитывал, что архитектор придет вовремя — для таких, как он, пунктуальность есть признак слабости.

Можно было подумать, что ни разу в жизни ему на глаза не попадались голые кирпичные стены. Когда он увидел, какой разгром я учинил, он весь как-то съежился, будто боялся, что его сейчас изобьют или ограбят.

— *Bonjour!* — крикнул он.

— *Bonjour*, Николя, какое счастье наконец-то увидеть тебя.

Несмотря на влажность, он был в светлом льняном пиджаке и хрустящей белой рубашке. По нему

было видно, что он никогда не истязает себя физическими нагрузками, а потому не потеет. Почему он подался в такой физически активный бизнес, как строительство, не знаю. У меня сложилось впечатление, что он предпочел бы стать дирижером, если бы не это утомительное размахивание палочкой. Когда он раскладывал перед нами свой первый эскиз цокольного помещения, руки его порхали по бумаге так, будто перед ним была симфония, а не планы туалета. Впрочем, сегодня он больше напоминал одну из тех цапель, что я видел на солончаковых болотах острова Ре: длинная белая шея; бесконечные, тонкие, как спички, ноги; медленные, выверенные движения.

Я даже не потрудился протянуть ему руку для познания. Было совершенно очевидно, что его пальцы могли прикасаться только к тому, по чему недавно прошлись влажной салфеткой.

Как и в прошлый раз, по телефону, он попытался увести разговор в сторону, как если бы светские знакомые встретились поболтать о проведенных каникулах.

— Да, да, у Флоранс все отлично, и сейчас она, наверное, еще в постели и видит меня во сне, — сообщил я Николя. — Но вот про себя я такого сказать не могу. У меня настроение хуже некуда. Мы уже на две недели выбились из графика, и ничего не происходит. Где строители?

— А... строители, — со стоном произнес Николя. Выражение его лица подсказывало, что этот непостижимый феномен «строителя», принявший мас-

штабы национального бедствия, превратил и его жизнь в сущий ад.

— Да, строители. Где они?

Николя пожал плечами.

— Ты можешь позвонить и узнать, почему они не здесь?

— Я знаю почему, — ответил он. — Они заканчивают другой объект.

Я вовсе не кровожадный человек, но уже начинал жалеть о том, что у меня в руках молоток, потому что очень скоро красивый череп Николя мог быть обезображен.

— Конечно, они заканчивают другой объект, Николя. Строители всегда заканчивают другой объект. Но это твоя работа — привести их сюда, на *мой* объект. За это я тебе и буду платить. — Я намеренно ввернул будущее время, давая понять, что в настоящем платежей не предвидится. Я выждал, пока он переварит угрозу. Как только он открыл рот, чтобы ответить, я опередил его: — Звони им сейчас же! Скажи, что, если не начнут завтра, они уволены.

Я мог бы с таким же успехом прикоснуться к льняному пиджаку Николя промасленной тряпкой. Он едва не обмочил штаны.

— Я не могу этого сделать! Мы никогда не найдем других строителей.

— Я это знаю, они тоже это знают, но мы во Франции, Николя. Если ты не устроишь скандал, дело не сдвинется с мертвой точки. Так что, пожалуйста, разозлись как следует. Это твоя работа.

И надо отдать ему должное, он блестяще справился с задачей. Он упрашивал, он угрожал и наконец заявил, что его надоедливый клиент грозитя расторгнуть контракт, если работа не начнется завтра. Называя меня надоедливым, он виновато покосился в мою сторону, но я мог с уверенностью сказать, что это было самое искреннее слово, прозвучавшее из его уст.

Честно говоря, мне было наплевать, что он обо мне думает. Год жизни в Париже не прошел даром: я уже не дергался при мысли, что кто-то меня ненавидит. Главное, чтобы делали то, что мне нужно.

И — о, чудо! — в восемь утра следующего дня большой белый фургон подкатил к дверям чайной и изрыгнул свой груз — строителей и инструменты.

Рабочие оказались бригадой поляков — четверо парней: Фред, Павел, Стэн и Стефан, — и на всех у них в запасе было не более пятидесяти французских слов. Но меня это совершенно не смущало, потому что их мощные руки, в шрамах от стамесок, и спины с избыточно развитой мускулатурой не оставляли сомнений в том, что ребята обладают всеми навыками, необходимыми для ремонта нашей чайной.

Их поразило то, что я лично встретил их на объекте. Чтоб проснуться ранним июльским утром и ровно в восемь быть на стройплощадке — это было совсем не по-парижски. Но энтузиазма у них поубавилось, когда они поняли, что я вовсе не собираюсь отваливать. Я знал, что единственный способ добиться результата — появляться каждый день на стройке

и торчать там, задавая любому, кто сделает шаг в сторону выхода, сакраментальный вопрос, куда он собрался, когда чайная еще не готова к приему посетителей.

— У нас тут шумно, грязищи будет полно, — низким, хриплым голосом предупредил меня бригадир Павел. Тридцати пяти лет от роду, он имел голос отставного старшины.

— Отлично, — кивнул я. — Много шума и много грязи — значит, налицо прогресс. Я должен открыть чайную первого сентября.

— Первого сентября? — переспросил Павел и перевел эту шутку своим друзьям. Те запрокинули голову и загоготали.

— Я серьезно, — сказал я. — Это прописано в контракте с Николя, архитектором.

— Ха... контракт, — проворчал Павел. — Я вам вот что скажу про этот контракт...

Как только я уяснил суть сказанного, тут же принялся набирать телефонный номер Николя, готовый обрушить на него весь свой запас французских ругательств. Но тут что-то заставило меня прервать вызов. Нет, решил я, лучше придумать способ расквитаться с этим сукиным сыном. Как говорят французы, месть — это блюдо, которое следует подавать холодным.

В следующий раз Николя почтил нас своим присутствием, когда строители вот уже неделю как трудились на объекте. Первая стадия, разрушительная и, соответственно, пыльная, подошла к концу, и теперь

они приступали к загаживанию каждого квадратного миллиметра поверхности пола.

В помещении было не протолкнуться среди гор кафеля, сложенных в эскимосское иглу гипсовых блоков, наполовину собранного стального прилавка и одинокого унитаза, который соблазнительно, но совершенно бесполезно простаивал на лестнице, ведущей в подвал, где атмосфера на треть состояла из кислорода, еще на треть — из кирпичной пыли, а оставшуюся кубатуру заполняли польские ругательства.

Я был еле живой от усталости и шума, но втайне доволен: работа кипела, и у меня даже было время подумать, как проучить этого говнюка архитектора.

Стояло привычно удушливое июльское утро понедельника. С каждым уик-эндом Париж все активнее избавлялся от горожан, и сейчас город напоминал курорт в конце сезона. Убогий магазин одежды по соседству с *café* пытался распродать неоправданно дорогие купальники, прежде чем последние парижане покинут город. В доме напротив агентство по найму зазывало лишь на временную работу.

Как обычно, Николя не считал нужным переступить порог объекта, за которым ему надлежало надзирать. Так что я вышел на улицу, и мы встали у дверей агентства, под чахлым тополем. Даже в тени было жарко и влажно, а выхлопные газы, добравшиеся с вечно оживленных Елисейских Полей, душили, как аромат дешевой парфюмерии.

Начал я с хороших новостей, поздравив Николя с отличным выбором рабочих. По крайней мере, с

этим он попал в точку. Они были не только мастера крушить стены, но и владели искусством отвечать на звонки мобильного, толкая груженную цементом тачку по людной мостовой. Мне вовсе не хотелось отпугивать и тем более калечить свою будущую *clientele*¹, прежде чем посетители смогут отведать первую в своей жизни чашку настоящего английского чая.

— *C'est bien, c'est bien*². — Николя бросил в сторону приближающегося поляка отеческий взгляд, который сменился легкой гримасой отвращения, как только Павел оказался на таком расстоянии, с какого ощущался острый запах пота.

— Но мне необходимо обсудить с тобой кое-что, Николя, — сказал я.

— *Oui?* — Он игриво нахмурился, рисуясь перед проходившей мимо туристкой.

— Это наш контракт.

— *Oui?*

— Я считаю, там есть ошибка.

— Ошибка? Хо! — Это показалось ему таким же невероятным, как если бы француз согласился пить калифорнийское вино.

— Пойдем, я покажу тебе. — Я захватил с собой практически все документы по чайной, и они были аккуратно сложены в толстый полиэтиленовый мешок. Если точнее, в мусорный мешок из той последней упаковки, что я купил с целью уберечь свою

¹ Клиентура (*фр.*).

² Хорошо, хорошо (*фр.*).

обувь, прежде чем научился не наступать в собачьи какашки, разгуливая по Парижу.

— Почему бы тебе ни вынести их сюда? — Николя убрал свои длинные чистые волосы за уши, ожидая, пока я послушно исполню его просьбу.

Когда я вернулся с мешком, архитектор говорил по телефону. Произнеся дежурное словосочетание «Oui, oui, OK», он сложил свою изящную «раскладушку» «нокия» и объявил:

— Извини, Пол, я должен срочно ехать на другой объект.

Какое же ты дерьмо, подумал я. Даже рабочие уже не прибегают к таким уловкам. Ведь все это шито белыми нитками.

— *Этот* объект срочный, Николя.

— Извини, мне действительно надо бежать. Чао.

Если бы фиксировалось время, спринтерский забег Николя был бы признан чемпионским.

Я не стал его удерживать — он сам лишь откладывал неизбежное.

— Ты не сказал ему, нет? — спросил Павел. Он стоял в дверях чайной и наблюдал за нами.

— Нет, еще нет.

— Когда ты говоришь ему?

— В следующий раз. Если он снова не убежит.

Мы рассмеялись, глядя вслед угловатой фигуре, исчезающей за поворотом.

— Хорошо, босс, — кивнул Павел. И прибавил: — Сейчас мы идем покупать кое-что.

— Вы идете?

— Да.

— Не все вместе?

— Все. Мы покупаем тяжелые вещи. Потом ланч. Мы обратно в два часа. Хорошо, босс?

Они оказались в фургоне, прежде чем я смог возразить. Что ж, ладно, подумал я. У меня будет время прибраться.

Мой телефон зазвонил часом позже.

Это была Флоранс. Мы созванивались почти каждый день с тех пор, как я покинул Ре, хотя у меня сложилось впечатление, что мои новости не слишком-то ее будоражат. Оно и понятно: когда нежишься в саду на омываемом водами Атлантики острове, трудно быть на одной волне с тем, кто визжит от восторга, потому что четверо поляков привезли нержавеющую мойку.

Впрочем, сегодня Флоранс выказала определенный интерес к работе, и связан он был с контрактом Николя. Ей хотелось знать, что там за проблемы. *Notre ami l'architecte*¹, очевидно, пытался выведать у нее подробности.

— О, там всего лишь неувязка с датами, — солгал я. — Ты ведь знаешь, что мы сильно опаздываем. — Что-то подсказывало мне, что лучше не раскрывать правду.

— Да, я поняла, только не надо на него наседать. Все будет в порядке. Я очень хорошо знаю Николя.

Вот именно, подумал я, в этом-то вся проблема, черт возьми.

¹ Наш друг архитектор (фр.).

2

Мираж — это ведь не галлюцинация, правда? Это когда что-то реальное, но далекое кажется близким. Так в раскаленной атмосфере пустыни возникает над горизонтом мнимый оазис.

В моем случае видения появлялись из-за горячих испарений, зависающих над парижскими крышами. Оазис материализовался на пороге моей чайной.

— Я только что думал о тебе, — сказал я, не в силах сдержаться.

Она зарделась, сказала:

— Привет.

И, желая поцеловать, подалась ко мне, потом заметила, какой я грязный, отстранилась, но в конце концов прижалась щекой к моей щеке.

Да, щекой, не губами. Это была Алекса. И когда она появилась на стройплощадке через пару дней после моего разговора с Николя, меня вдруг пронзила мысль, что она — первая и единственная, кого мне хотелось бы здесь увидеть. Ну разве что еще клона Джона Леннона, который спел бы мне несколько песен, чтобы дни казались короче. И подписал мне гитару, чтобы я мог продать ее на интернет-аукционе.

Я вышел на улицу, чтобы лучше рассмотреть Алексу. А посмотреть было на что.

Она изменилась за месяцы нашей разлуки. Стрижка стала почти панковской — английское влияние, догадался я. Англичанки, в отличие от француенок, все время что-то вытворяют со своими волосами.

Прически, как они считают, должны быть прикольными. Алекса вполне соответствовала, в ее пестрых прядях был даже алый оттенок.

Фигура Алексы по-прежнему поражала, как и ее очевидное безразличие к этому факту. Неужели она сама не замечала, что ремень сумки, переброшенный через плечо, так натягивал ткань на ее груди, что она становилась похожей на подголовник моей мечты?

И пожалуй, впервые я видел ее в юбке без колготок. Теперь ничто не мешало любоваться ее ногами, тем более что они приобрели восхитительный оттенок... бежевого, что ли? Говорят, бежевый цвет — скучный, но бежевые ноги Алексы были чертовски соблазнительными. Она вполне могла бы украсить обложку журнала с названием «Беж — это красиво».

— Ноги у тебя — отпад, — сказал я.

Она снова покраснела:

— Ты их уже видел, Пол. Или забыл?

— Нет, нет. Конечно нет. Я часто мечтал... я хочу сказать...

Слава богу, что мы говорим по-английски, подумал я, никто не поймет, о чем разговор. Стэн и Павел слонялись возле двери, делая вид, будто увлеченно обсуждают, какой цемент выбрать для кафеля.

— Твоя девушка, ее здесь нет? — спросила Алекса, вглядываясь в пыльное облако.

— Нет, она не из тех, кто торчит на стройплощадке.

Алекса оглядела меня с головы до ног:

— А ты из тех?

А мне-то казалось, что я выглядел матерым работягой.

— Ну... да... но это не мешает мне пригласить тебя на чашечку кофе, если ты не против.

— У меня идея получше. Я иду на выставку. Почему бы тебе не пойти со мной?

— Это твои фотографии?

— Нет. — Она рассмеялась. — Новая экспозиция Моне. В «Гран-Пале». Ты, наверное, успел побывать там? — В ее тоне звучала уверенность в том, что все существа, опередившие в своей эволюции креветок, уже посетили выставку, отчего я почувствовал себя самым примитивным моллюском.

— Нет, я был немного занят, не до выставок.

— Ну тогда пошли вместе сейчас.

— Что? В таком виде? — Я хлопнул себя по штанине, разбудив маленький гейзер известковой пыли.

— А почему нет? Все подумают, что ты художник. Это особый шик — прийти на выставку в грязной одежде.

— Я не могу. Рабочие разбегутся.

Она повернулась к Стэну и Павлу, уже облизывавшим губы, и, лучезарно улыбнувшись, обратилась к ним по-французски:

— *Bonjour, Messieurs*. Могу я ненадолго украсть у вас Пола?

— *Ah, oui*, — выдохнул Павел, сразу же потянувшись за ключами от фургона.

— Мы вернемся... ну скажем, через час. Примерно к четырем. Вы ведь будете здесь? — Тон ее был самым невинным, но почему-то возникало стойкое ощущение

ние, что ближайший час она проведет в нижнем белье и на высоких каблуках.

— *Oui*, — кивнул Павел. — Мы здесь.

— Супер, — сказала Алекса. И, повернувшись ко мне, добавила: — *Et voilà*.

Какая доверчивая девушка.

Мы были всего в пяти минутах ходьбы от «Гран-Пале», Большого дворца, который находится в самом конце Елисейских Полей. Пока мы шли по раскаленной мостовой, я думал о том, как все это не похоже на променады в Арсе с Флоранс. Вот что можно было назвать самым настоящим шоу. С Алексой это смотрелось по-другому: мы просто шли и беззаботно болтали, хотя один из нас и был похож на жертву аварии на мукомольном заводе.

— Так, значит, ты теперь живешь в Ньюкасле? — спросил я.

— Да нет. Я сейчас в Лондоне. Мамин бойфренд, Юрий, управляет своим бизнесом оттуда. Из своего дома в Ноттинг-Хилл.

— Ноттинг-Хилл? Круто. А твой парень, Саша, он тоже там живет? — Саша был типом с той фотографии, что Алекса прислала по электронной почте.

— Да. — Словно уклоняясь от продолжения разговора, она обратила взгляд на витрину магазина «Курреж», где в сиянии белого неона замерли манекены в белоснежных платьях ретро-фасонов. Возникла иллюзия, будто смотришь в пушистое облако. — Я хочу сфотографировать, — сказала Алекса и принялась энергично рыться в сумке.

— Но там же ничего не увидишь. Все сплошь белое.

— Вот именно. Встань перед витриной.

— Ты хочешь, чтобы и я был в кадре? — спросил я с удивлением.

Как я уже говорил, она никогда меня не фотографировала, пока мы были вместе, — по крайней мере, в состоянии бодрствования. Сейчас она улыбалась мне из-за своей маленькой серебристой цифровой камеры, напевая «Белый свет, белая жара»¹.

— Как ты хочешь меня снять? — поинтересовался я.

— Стой, как стоишь. Руки в карманах, и смотри в камеру. Вот так. — Она проверила ракурс, сделала снимок. — Отлично. А теперь, может, зайдем в *café* и ты умоешься, прежде чем мы пойдем на выставку?

У меня отвисла челюсть. Я не ослышался?

— Умыться?

— Да.

— Послушай, пять минут назад ты говорила, что будет круто, если я появлюсь там в грязной одежде.

— И что?

— Выходит, ты просто пригласила меня прогуляться, чтобы сделать эту фотографию, я правильно понял?

— Да нет, конечно же нет. — Алекса покраснела, от смущения или раздражения — я так и не понял.

— А как насчет того, что я буду выглядеть как художник? Все это... чушь собачья, что ли?

¹ Песня американской рок-группы *The Velvet Underground*, оригинальное название «White Light/White Heat».

Одна моя половина твердила: да плевать, подумаешь! Другая половина рвалась в бой.

— Нет. Просто, когда я увидела эту витрину, мне показалось, что получится красивый снимок. А потом я подумала, что, может, тебе вовсе не хочется идти таким грязным.

— Знаешь, что я тебе скажу, Алекса? Ты такая же, как Флоранс. Выставляешь меня посмешищем ради собственной забавы.

— О чем ты? — Она стояла уперев руки в бока, готовая к отражению удара.

— Когда я был в Коррезе, меня наряжали пугалом, заставляли копать в навозе, пытались впарить мне соседские поля. Я чувствовал себя семейным клоуном.

— Если у тебя проблемы с твоей подружкой, я здесь ни при чем, Пол. Я не твоя девушка, понятно? Я увидела белую витрину, ты покрыт слоем белой пыли, и я решила, что получится прикольное фото. *Et basta*.

— Да, все было именно так до того момента, как ты предложила: «А теперь, может, ты умоешься?» — Я жутко спародировал женский голос с легким французским акцентом. — Это прозвучало так снобистски. Как будто мне следует привести себя в порядок, чтобы не подумали, что ты водишь компанию с бездомными.

Теперь Алекса замерла в изумлении.

— Хорошо, Пол, — проговорила она после паузы. — Возможно, вместо «А теперь, может, ты умоешься?» (она мастерски скопировала мою пародию) я скажу: «Может, ты отвалишь?» Это новое выражение,

которое я подцепила в Англии. *Отвали.* Правда, здорово?

И, словно в подкрепление своих слов, она отвалила сама, решительно двинувшись по авеню Франциска Первого.

Улица была названа в честь короля, который пытался, как рассказывал мне мой бывший босс Жан-Мари, завязать дружбу с Генрихом Восьмым, но его послали. Я лишний раз убеждался в том, что это имя явно не способствует укреплению англо-французских отношений.

— Алекса!

Она повернула голову и на ходу резко сказала:

— Отвали!

Глядя ей вслед, я понимал, что больше никогда ее не услышу. Ее походка, поначалу порывистая, постепенно становилась все более расслабленной, шаги укорачивались и замедлялись, словно ее тело стряхивало с себя воспоминания обо мне.

Вот сейчас она завернет за угол и уйдет навсегда.

Я не знаю, кто был виновником наезда.

По всей видимости, виноват был водитель скутера. Я хочу сказать, что в столкновении пешехода и скутера на тротуаре всегда виноват скутер. Тот факт, что в Париже скутеры зачастую путают тротуар с проезжей частью, к делу не относится.

Впрочем, должен признать, что тот парень не то чтобы ехал по тротуару. Он всего лишь взбирался на него, чтобы припарковать свой скутер под огромным, как теннисный стол, щитом с планом квартала,

какие в городе встречаются чуть не на каждом шагу. Правда, при этом ему следовало бы отключить свой айпод. Ездить в наушниках крайне опасно. Если бы у него не были заткнуты уши, он наверняка услышал бы, как англичанин, весь в пыли, несется по улице, диким голосом крича: «Стой!»

Теперь я был уверен, что Алекса — это всего лишь галлюцинация. Или ангел с солнечным нимбом, вззирающий на меня с небес.

— Пол, ты в порядке?

Голос у нее был вполне земной.

— Думаю, да. — Я пошевелил пальцами рук и ног. Кажется, все было на месте. И со зрением никаких проблем. Я четко видел все четыре ноги Алексы.

— Ты можешь подняться? — спросила она, потрясаясь красивой в своей обеспокоенности.

— Нет.

— Нет?

— То есть пока нет. Ты можешь сфотографировать?

— Сфотографировать?

— Ну да, меня и скутер. На случай, если я решу подать в суд на этого придурка.

Она описывала мне инцидент, промывая теплой водой из чайника мой содранный локоть. Потом промокнула его большой льняной салфеткой.

Мы были в *café*, где, благодаря внешним данным Алексы, официант отнесся к нам с пониманием. Два холодных пива и чайник с теплой водой.

— Я обернулась, а ты как будто летел. Ты налетел на скутер, а потом... — Ее жест напоминал движение

рук баскетбольного судьи, показывающего, что игрок совершил пробежку.

— Сделал кульбит?

— Да. Прямо над этим... как оно называется... маленьким окошком.

— Ветровым стеклом.

— Да, ты перевернулся в воздухе и — бум! — приземлился на ноги, а потом упал на спину, как будто сам удивился тому, что остался жив.

— Так и было. Я имею в виду, что в самом деле удивился. Уф...

Ссадина была болезненная, но чистая. Не знаю, где я умудрился поранить руку. Наверное, задел ветровое стекло. По крайней мере, я на это надеялся. Не хотелось бы содрать кожу об летние парижские мостовые с высокой вероятностью подцепить стафилококк из перепревшего на солнце собачьего дерьма.

Алекса отпила пива.

— Ну что, пойдем на выставку? — спросила она.

— То есть ты все еще хочешь пойти? Со мной, я имею в виду?

— Но ты ведь, наверное, бежал за мной, чтобы попросить прощения за свое идиотское поведение?

— Да.

— Ну тогда пошли.

По всем законам Вселенной, от рождения первой живой клетки и до появления сверхновой звезды, я должен был поцеловать Алексу.

Официант, который наблюдал за нами из-за стойки бара, похоже, был солидарен со мной. Даже воро-

бей за стеклом, одиноко подпрыгивающий у колес «смарта», казалось, чирикал: «Давай же целуй ее».

Алекса стирала с губ пиво, словно расчищала площадку для поцелуя. Или просто размазывала пивную пену, чтобы я окончательно захмелел.

Но я не стал целовать ее.

Внутренний голос шептал мне: «А вдруг она просто облизывается, да и воробей на самом деле жалуеться на отсутствие кондиционера, тогда ты со своим поцелуем будешь выглядеть законченным психом, когда она возмутится и спросит, какого черта ты себе позволяешь такие вольности». У нее был новый бойфренд, я был с Флоранс. Так что поцелуи с Алекс на повестке дня не стояли.

Да, в моих рассуждениях было многовато логики. Должно быть, я сильно ударился головой.

Алекса смотрела на меня с такой заботой, что обойтись без поцелуя казалось невозможным.

— *Salon de thé* здорово напрягает тебя, да?

— Да. Масштаб бури в стакане воды напрямую зависит от того, сколько у тебя таких стаканов. В моем случае — чашек чая. И сражаться приходится в одиночку.

— Когда она собирается вернуться в Париж, чтобы помогать тебе?

— Наверное, когда уляжется пыль, — ответил я. — Как только салон будет отремонтирован и готов к открытию.

Только так я мог объяснить происходящее. Флоранс и хаос были несовместимы. Она была бухгалтер до мозга костей, привыкла к аккуратным папкам и

стройным рядам цифр. Как только чайная заработает и жизнь упорядочится, как папки в шкафах, она сможет в нее вписаться. Так я думал, во всяком случае.

— Пойдем посмотрим на картины. Они отвлекут тебя от проблем, — сказала Алекса. — К тому же теперь, с раненой рукой, ты вполне сойдешь за участника перформанса.

Ужас охватил меня, когда я увидел длиннющую очередь, анакондой извивавшуюся во внутреннем дворе «Гран-Пале». Казалось, шорты со всего мира, слетевшиеся в Париж, решили устроить демонстрацию перед музеем.

Город прекрасно знает о притягательной силе своих импрессионистов, поэтому хотя бы один из них всегда задействован в каком-нибудь шоу. Женщины Ренуара, лошади Дега, купальщицы Мане. Любой предлог сгодится. И в очереди всегда будет толпиться человек двести, чтобы поглазеть на Моне и тех неизвестных, кто примазался к его славе. Вот и сейчас туристы всех мастей потягивали воду, втирали в себя солнцезащитные кремы или просто жарились на солнце в безвоздушном пространстве внутреннего двора. Здесь были группы хорошо экипированных американцев в хайтековских прогулочных туфлях и с рюкзаками, набитыми всем необходимым для выживания в экстремальных условиях. Стильные японские парочки, одетые, как для модного показа Жана-Поля Готье, но жара была им нипочем. Английские семьи с раскормленными детьми, спешно уте-

тающими огромные порции мороженого, прежде чем оно растает и потечет по их обожженным солнцем рукам. И еще с десятков туристических подвигов, и все перед нами.

Похоже, наша прогулка была напрасной.

— Пошли, — сказала Алекса, решительно увлекая меня к входу. — Я — друг музея. — В ее руке было нечто, напоминающее пропуск.

— Но я-то нет.

— Ты художник. Пошли.

Сработало. Она наплела охраннику на входе какую-то чушь, а тот оказался классным парнем, да к тому же настолько очумел от ее тела, что даже не пырнулся нас остановить.

Однако у стойки администратора все пошло не так гладко.

— Если у него нет карточки Дома художников или Школы изящных искусств, он не может пройти бесплатно, — твердо сказала женщина за стойкой. У нее были прямые черные волосы, очки в черной квадратной оправе и холодная черная душа. Ну или, во всяком случае, охлажденная кондиционером. Она использовала личный напольный агрегат, который приятно поддувал ей под юбку.

— Но он художник, — сказала Алекса. — У него нет с собой *карточек*. Он работает.

Я приподнял локоть в доказательство того, что пострадал за искусство.

Женщина по-парижски индифферентно пожала плечами, убежденная на сто процентов в том, что она

обязана лишь сидеть на стуле, подставляя зад прохладному ветерку, до самого закрытия музея.

— Вы не можете впустить его? — не унималась Алекса. — Он английский художник, и я хочу показать ему французскую живопись.

— Нет. Мне нужно какое-нибудь удостоверение. — Женщина стояла насмерть.

— Но нам придется целую вечность провести в очереди, — произнесла Алекса с отчаянием.

— Зачем? — сказала женщина. — Просто идите и платите.

Мы повернулись к окошкам кассы, где покупали билеты туристы. Их запускали с улицы маленькими группами по три-четыре человека, и они выстраивались в очереди у окошек.

Эта брюнетка была гением. Мы прошли к кассам, встали в конец самой короткой очереди, и через три минуты у меня в руке был билет. В стране, где умение пролезать без очереди считается национальным видом спорта, мы только что завоевали олимпийское золото.

Сама выставка оказалась полным разочарованием. Одно огромное полотно, на котором полуслепой старик Моне неряшливыми мазками набросал нечто, напоминающее то ли лилии, то ли следы пулевых ранений, а то и вовсе результаты соревнований по метанию пирогов среди импрессионистов. И серия пейзажей Франции девятнадцатого века, которые написали люди, полагающие, что деревья выглядят как капуста.

В комментарии разъяснялось, что все они были «одаренные художники (кто бы сомневался?), которые освободились от тесных рамок мастерской». Обидно, подумал я, что некоторые из них не освободились от самой живописи.

Пока мы бродили по выставке, на меня активно глазели, но потом, видя, с какой девушкой я пришел, понимающе улыбались. Похоже, Алекса была права. Здесь все принимали нас за художника и его музу. Я пыжился, как мог, изображая интеллектуала, и время от времени чертил что-то в воздухе, как будто вдохновленный одним из полотен. Мои старания не прошли даром — я заработал поощрительный смех от Алексы и даже был сфотографирован каким-то незнакомцем. Пожалуй, веселая у художника жизнь, решил я.

К тому времени, как мы дошли до указателя выхода, я уже был сыт по горло этим весельем, но Алекса потащила меня обратно, к началу выставки, где усадила на скамейку перед полотном Моне.

— Что ты думаешь? — спросила она меня.

О боже, пришло время умных разговоров.

— Ну, мне нравятся картины импрессионистов. Кафешки, пикники. Это радостное искусство, ты согласна?

— Да. — Алекса улыбнулась. Кажется, я попал в точку. Она снова повернулась к Моне и кивнула: — В нем много света и радости.

— Верно. Это так по-французски.

— Так ты считаешь, что все мы такие жизнерадостные?

— Нет, я имею в виду стиль жизни.

— Стиль жизни? — Алекса оторвалась от созерцания лилий или малиновых пирогов... или что там было.

— Ну да. Помню, когда я учился в школе, мы поехали в Лондон на большую выставку импрессионистов. И что мне особенно понравилось в картинах, помимо всех этих пышных дамочек, так это то, что в них сквозило веселье. Я так понимаю, эти ребята специально придумали такой быстрый способ написания картин, чтобы больше времени оставалось на абсент.

— Что? — Должно быть, это совершенно не совпало с тем, что Алекса слышала на лекциях по искусствоведению.

— Да. Я хочу сказать, вот тот парень... как его... который рисовал танцовщиц канкана?

— Тулуз-Лотрек?

— Точно. Какой отличный повод постоянно торчать в кабаре, заглядывая под женские юбки. А тот, что уехал на Таити...

— Гоген.

— Да. Он ведь уже пресытился этими дамочками? Ему просто захотелось уехать и потрахать экзотических женщин.

Алекса, снисходительно усмехнувшись, сказала:

— Что ж, спасибо тебе, Пол, за эту новую интерпретацию нашей истории живописи. Моне основал импрессионизм, чтобы больше времени проводить на пикниках.

— Пойми меня правильно: уважать надо то, что достойно уважения. Совсем недавно величайшим вкла-

дом Британии в искусство считалась разделка коров на полутуши. Если бы я действительно был художником... — я понизил голос, чтобы не разочаровывать публику, — я знаю, почему предпочел бы ездить на природу. Рисовать пикник куда приятнее, чем разделку скота. Ты так не считаешь?

Я надеялся, что Алекса согласна со мной.

Она смотрела на меня так, будто я и сам был картиной, которую нужно разглядывать, выискивая символы и тайный смысл, и все никак не могла решить, то ли перед ней шедевр, то ли откровенная мазня.

— Я думаю, ты прав, — произнесла она наконец.

— Ты действительно так думаешь?

— Да, Моне не дошел до того, чтобы продавать свою старую кровать как произведение искусства, но он сделал первый шаг.

— В самом деле?

— Да, я имею в виду стиль жизни. Вот что главное. Ты подсказал мне блестящую идею.

— Неужели?

— Я сделаю серию фотографий, — объявила Алекса. — Нет! — крикнула она, и все вокруг завертели головами, чтобы увидеть, кто же пытается ее изнасиловать. — Фильм. Документальный. Да! — Она и «да» прокричала, поэтому всем стало интересно понаблюдать за тем, как я воспользуюсь ее неожиданным согласием.

— Фильм?

Алекса выдохнула:

— Да... Это потрясающе, — добавила она. И поцеловала меня.

Несомненно, существует особая разновидность поцелуя, который девушка дарит парню, вдохновившему ее на создание документального фильма.

Он звучный. Он влажный и страстный, как если бы парень только что признался девушке в любви. Но такой поцелуй несексуальный. По крайней мере, для девушки.

И длится он всего мгновение, после чего жизнь возвращается в привычное русло.

За стенами музея жара потихоньку спадала, по мере того как улицы погружались в тень. Мы брели вверх по Елисейским Полям, держась друг от друга на почтительном расстоянии в шесть футов.

Когда мы вернулись в чайную, Алекса искренне удивилась отсутствию строителей.

— О, здесь нет рабочих, — сказала она.

— С ними такое частенько случается. Придется позвонить им и устроить легкую взбучку, чтобы явились завтра рано утром.

— Ладно, тогда... — Алекса растерянно смотрела на меня, явно не зная, как попрощаться.

Я целомудренно коснулся ее плеча, прижался щекой к ее щеке и сказал:

— Нам придется еще раз увидеться, чтобы ты смогла мне объяснить, о чем будет твой документальный фильм.

— Да-да. Но завтра я должна возвращаться в Лондон. У Саши день рождения. Будет большая вечеринка.

— О, да? Ему что, восемнадцать? — Я знаю, это прозвучало как жалобное «мяу».

— Смеешься! Двадцать один.

— Это меняет дело. — Ей было всего двадцать три, а она уже тяготела к молодняку. Потрясающе.

— Я позвоню тебе, когда вернусь в Париж.

— Буду рад.

— Что ж.. — Она кивнула виновато и вопросительно одновременно, как делают американские актеры, когда у них иссякают реплики, а сцена еще не доиграна.

Я пришел ей на помощь:

— Рад был повидать тебя, Алекса. Спасибо, что зашла и немного отвлекла меня от моих проблем.

Правда, добавила новых, хотелось мне сказать.

3

Что хорошо, когда на работе ты по уши в дерьме, так это то, что некогда думать о всяких прочих нечистотах, в которые тебя так и тянет вляпаться.

В течение следующих двух недель я был вынужден направить всю свою энергию на то, чтобы привести чайную в божеский вид.

Случались и кризисы, — скажем, когда Павел и компания обнаружили, что по состряпанному Николя плану туалета посетителям пришлось бы вставать на унитаз, чтобы закрыть за собой дверь, — но мы героически преодолевали трудности, руководствуясь здравым смыслом, что обходилось куда дешевле, чем экспертиза Николя.

В конце каждого дня я брался за тряпку и выдраивал помещение, чтобы мои умельцы с утра могли приступить к работе с чистого листа. Как-то вечером я учуял нехороший запах в кухне, исходивший откуда-то из-за прилавка. Полчаса я ползал по полу, протираясь между шкафами, чтобы установить источник зловония. И вот... Поверьте, когда голыми пальцами нащупываешь разложившиеся останки ланча двухнедельной давности, начинаешь понимать, почему когда-то тебе нравилась уютная работа в офисе.

Вроде той, от которой отказалась Флоранс ради нашего проекта.

С каждым днем я все больше убеждался в том, что она не до конца понимает, во что ввязывается. Она привычно закрывала глаза на проблемы.

Что касается меня, я, еще не успев подать ни одной чашки чая, уже твердо знал, что мне нужен бизнес-партнер — если, конечно, нужен — с широко раскрытыми глазами.

Чтобы удержать на плаву свой маленький бизнес — теперь я это видел, — необходимо желание работать двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю и способность удерживать в своей вечно пульсирующей голове каждую мелочь, связанную с твоим предприятием. Управлять чайным салоном это все равно что бежать марафон, жонглируя десятью тарелками со спагетти. И уж чего точно не хотелось бы в такой момент, это чтобы кто-то щекотал тебя под мышками.

Я уже представлял себе, как все это будет выглядеть: вечером, когда я сяду за компьютер, чтобы зака-

зять по Интернету доставку пластиковых ложек, Флоранс скажет: «О, я уже сыта по горло. Давай сходим куда-нибудь».

Я, конечно, тоже буду сыт по горло работой допоздна, но мне, прежде чем расслабиться, хотелось бы сделать дело. Только так можно было выйти на такой уровень, когда ты в состоянии заплатить за эти треклятые ложки.

Моя честная половина говорила: ты должен взглянуть правде в глаза. Вы с Флоранс отлично смотрелись на отдыхе, но для работы этот союз непригоден.

Беда в том, что существовала весьма серьезная техническая проблема, которая мешала мне объявить Флоранс о разрыве наших отношений: я бесплатно квартировал у нее. В случае расставания я оказался бы бездомным. Во мне еще живы были воспоминания о том, как я пытался найти жилье в Париже, в тот раз это обернулось полной катастрофой. Сейчас у меня просто не было ни сил, ни времени на то, чтобы вновь подвергнуть себя этому унижительному испытанию.

Так что, как ни крути, мне суждено было улыбаться и терпеть, пусть даже это грозило превратить меня в законченного лицемера. Я вставал перед зеркалом в своем почти законченном туалете и пытался копировать парижан, надувая губы с притворным недоумением и говоря: «Лицемер — я?» Если я произносил эту фразу быстро, получалось «лица нет у меня».

Пожалуй, только этим врожденным мазохизмом можно было объяснить, почему я отправился на квар-

тиру Флоранс, схватил кое-что из предметов первой необходимости и перенес свой нехитрый багаж в подвал чайной.

После двуспальной, вполне пригодной для оргий, кровати Флоранс спать на бетонном полу было не слишком комфортно, но я поймал себя на мысли, что в согласии с собой мне спалось лучше, чем в дорогой постели.

И что еще важнее, теперь, когда я освободился от моральных обязательств перед Флоранс, ничто не мешало мне вырваться из тисков Николя.

На следующее утро мы с Павлом устроили мозговой штурм и пусть на безграмотном, зато понятном для нас обоих французском выработали план действий.

Павел должен был позвонить Николя и сообщить, что с туалетной комнатой возникли проблемы, требующие срочного решения. Якобы я в отъезде — скажем, неожиданно отправился с визитом на остров Ре, — так что моего совета они спросить не могут. И как только Николя переступит порог чайной, тут-то я и прижму его к стенке.

— Хороший план, очень хороший. — Злорадная ухмылка Павла как нельзя лучше передавала наши общие чувства.

Так что в тот же день я устроил засаду в туалете и, расположившись на унитазе, с каким-то детским азартом стал ждать, когда Павел загонит Николя в расставленные силки. На коленях у меня лежали контракт с Николя и смета работ, составленная Павлом.

Я снова просмотрел все бумаги и лишний раз убедился в том, что эта цапля в полной мере заслуживает того, чтобы пощипать ей перья.

Разумеется, Николя явился на двадцать минут позже оговоренного с Павлом времени, но вот наконец я услышал их голоса на лестнице.

— Смотрите, босс, смотрите. — Хриплый бас поляка.

— Хорошо. — Раздраженный вздох архитектора.

— *Oh, bonjour*, — вступил я, как только Николя открыл дверь кабинки.

Архитектор обратил расширившиеся в панике глаза на мои брюки и принялся, проверяя, действительно ли я справлял нужду.

— Я думал, ты уехал в... — Он не договорил и нахмурился, видимо уже догадавшись, что это ловушка. Быстрый взгляд через плечо убедил его в том, что нет смысла повторять свой излюбленный трюк с исчезновением: Павел сотоварищи сидели на ступеньках, исполняя роль зрителей комедийного шоу.

— Нет, я решил остаться в Париже и почитать вот это.

Я вручил ему два документа для сравнения. Он выглядел озадаченным, что было неудивительно, поскольку не мог понять, каким образом мне в руки попал один из них.

— Я не понимаю, — сказал он. И покачал головой, как если бы в этих документах содержались доказательства того, что архитекторы — мифические существа, вроде снежного человека. Кстати, я не возражал бы, чтобы так и было.

— Это твой контракт и смета, в которой заложены твои десять процентов. — Я целый час потратил на то, чтобы заучить на французском фразы, которые мне понадобятся для этого маленького интервью. По-французски смета «*devis*», что, кажется, имеет отношение к слову «*deviner*», «угадывать». Французы ничего не скрывают. — А вторая смета, куда скромнее, — та, что ты насчитал Павлу за эту же работу.

— Он дал тебе свою?..

— Да, он говорит, что ты уже не первый раз проделываешь такие штучки. Видишь разницу в цифрах?

— Да, но я...

«Вороватый мерзавец», — хотелось мне сказать, но такой заготовки в моей речи не было.

— Мне очень жаль, Николя, но после всего этого я предложил Павлу новую сделку. Я заплачу ему по его смете плюс надбавка за своевременную сдачу работы. Тебе я заплачу за то, что ты нашел Павла, сделал чертежи, заказал материалы и прочее, но сверх этого ты не получишь ничего.

— Ты...

Я поднес свою пыльную руку опасно близко к его черному пиджаку, пресекая возражения.

— Ты сказал Флоранс, что для нас будет *prix d'ami*¹, но на самом деле просто хочешь нас обокрасть. — Я намеренно использовал просторечие «*agagner*»², очень практичное слово, которому меня научил мой

¹ Дружеская цена (*фр.*).

² Красть (*фр.*).

абсолютно непрактичный друг Джейк, американский поэт.

— Я... Ты не можешь так поступить. Мы подписали контракт. — Вечно невозмутимый Николя теперь выглядел перегретым.

— В контракте указано число, когда работа должна была начаться. — Я открыл соответствующую страницу. — Этого не произошло. В контракте сказано, что ты обязуешься прийти на объект в день начала работ. Ты не явился. И в твоём контракте со мной указана смета, которая напроць фальшивая. Кроме того, туалет был спроектирован с чудовищными ошибками. Только благодаря Павлу и мне ты сейчас смог открыть дверь и обнаружить меня.

Николя закипал. Я догадывался, что он с удовольствием вмазал бы мне, не будь место нашей драки таким грязным.

— Вот, — сказал я, протягивая ему две бумаги. — Это новый контракт между нами, на моих условиях, и письмо, которое я отошлю в Союз французских архитекторов, если ты не подпишешь новый контракт.

И ухом не поведя, он заявил:

— Это все из-за ревности. Ты просто бесишься, что она была со мной.

— Возможно. Мне не нравится то, что ты трахал Флоранс. Но то, что ты собираешься трахать и меня, нравится еще меньше.

Николя неправильно истолковал мою ухмылку. На самом деле я радовался тому, что мне удалось правильно выстроить французское предложение, но он, должно быть, подумал, что я имею в виду секс втроем,

потому что поднял брови, словно говоря: «Размечтался, оборванец».

— Ты заплатишь мне все до цента, или у тебя будут проблемы, — произнес он угрожающим тоном и ринулся вверх по лестнице, мимо ухмыляющихся строителей, с вызовом напрягая ягодицы, сознавая, что ему вслед устремлены взгляды четырех поляков.

Ягодицы архитектора напряглись еще сильнее, когда зрители разразились оглушительным смехом.

4

Лучшее время для вторжения во Францию — полдень первой среды любого месяца. Ровно в двенадцать часов, минута в минуту, начинают реветь сирены воздушной тревоги, а французы — ноль внимания. В распоряжении вражеской авиации будет несколько минут, прежде чем кто-либо осознает, что это вовсе не ежемесячные учения и Эйфелевой башне действительно угрожают бомбардировками.

Первая среда августа — вообще идеальный день. К этому времени парижские правящие классы покидают город. В том числе и министры правительства, которые расслабляются в своих загородных резиденциях, забыв, что такое политика. Недавно летом во Франции стояла убийственная жара, и старики мерли как мухи, особенно те, кого оставили в Париже одних родственники-отпускники, и немногие

врачи и медсестры, которые не разъехались на каникулы, умоляли министра здравоохранения объявить чрезвычайное положение. Его ответ шокировал: здесь, на взморье, такой чудесный бриз, что вы все ноете?

Что ж, через двести с лишним лет после Французской революции фраза «Если у них нет хлеба, пусть едят пирожные!»¹ все еще жива. Пусть покупают спрей для лица «Эвиан»!

В эту первую среду августа у меня было такое чувство, будто сирены воют и по мне.

Это тревожное состояние было вызвано не только тем, что спать мне приходилось на надувном матрасе прямо на стройке, но и приближающимся днем открытия чайной. Оставалось меньше четырех недель, а у меня по-прежнему не было ни штата сотрудников, ни мебели, ни меню — французская типография упорно присылала мне образцы с ошибками. Откуда они взяли все эти «ручные сэндвичи» и «горячие масляные камни»?

Хуже того, после героических трудов по приведению чайной в состояние полуготовности Павел товарищи попросту свалили. Казалось, наш союз против Николя был не так уж важен и не вынудил их отказаться от испытанной временем тактики строи-

¹ Русский перевод легендарной французской фразы «Qu'ils mangent de la brioche», букв. «Пусть они едят бриоши», ставшей символом крайней отрешенности верховной абсолютистской власти от реальных проблем простого народа.

телей: бросить все как есть и через некоторое время объявиться, чтобы заказчик так обрадовался, что даже забыл бы напомнить о недоделках.

Это ничем не отличалось от прерванного полового акта.

Воздух на улице был настолько горячий, что хоть спаржу готовь. И в аквариуме еще не оборудованной кондиционерами чайной дышалось не легче. Ребята доделали проводку в подвале, но в зале так и остались висеть гирлянды кабелей, поэтому я не мог включить в сеть даже вентилятор.

И тут вошел Мишель, брат Флоранс, как всегда беззаботный, к тому же идеально упакованный для жары — в мешковатой индийской рубаше и свободных штанах на шнурке. Он оглядел помещение и, одобрително кивнув, сказал:

— Ты здорово продвинулся, Пол. Поздравляю.

— Да, но теперь все встало, — ответил я по-французски. — Я словно в джипе, увязшем в дерьме. Ехать невозможно, но и выйти не могу, чтобы толкнуть машину.

Мишель потянул за свисающие провода: электрик, восхищенный безалаберностью своих коллег.

— Нет, мне нравится плитка на полу, очень аккуратно выложена. И прилавок. Много места. Хорошее *café* получится.

— Спасибо.

Впрочем, он пришел не для того, чтобы любоваться моими полами. Он был обеспокоен, как он сам выразился. Чтобы объяснить, он перешел на английский язык. Оказывается, Мишель был на квартире,

обнаружил там много моих вещей, но только не меня самого.

— Я знал, что на Ре тебя нет, поэтому недоумевал, где ты можешь пропадать. Я пробыл в квартире два дня, но ты так и не пришел. Я подумал, то есть я хочу сказать...

Он склонил голову, как спаниель, ожидающий команды идти гулять, и я догадался, в чем дело. Он спросил у Флоранс, знает ли она, где я нахожусь, услышал в ответ изумленное «нет», и они оба решили, что я переметнулся к другой.

— Я сплю здесь, внизу.

— Здесь? — Он сделал гримасу, оглядывая нежилую пустоту помещения.

— Да. На той стороне Елисейских Полей есть спортклуб. Каждое утро я принимаю там душ. Купил себе надувной матрас. У меня есть кое-что из одежды, спальный мешок, все самое необходимое. Так что нормально.

— А..

Я видел, что его так и подмывает задать мне ключевые вопросы. Вернусь ли я на квартиру? Что у нас с Флоранс? Мы вместе или уже нет?

Он снова потянулся к проводам, принялся скручивать в спираль три кабеля, выходящие из отверстия в стене. Я испугался, что они могли быть под напряжением и вот-вот помещение наполнится противным запахом обожженной плоти, что отпугнет потенциальных посетителей. Но очевидно, Мишель знал свое дело.

— Если тебе нужна помощь... — проговорил он.

— Помощь?

— Ну, с электричеством. Я сейчас в Париже, жду работу. Начинаются съемки нового фильма, но я пока без денег, потому что у меня нет часов.

— Часов?

— Да, это такой порядок для тех, кто занят в производстве фильмов. Если ты за год нарабатываешь достаточное количество часов, получаешь пособие по безработице в период вынужденного простоя. Очень хорошие деньги, кстати. Но если у тебя не хватает часов, ты ничего не получаешь.

Очевидно, ему было приятнее обсуждать колесики и винтики (и провода) киноиндустрии, а не щекотливые моменты моих отношений с его сестрой, потому что он уселся и принялся разъяснять мне трудную долю звезды французского кинематографа. Так я узнал, что многие именитые актеры, если не снимаются, получают от государства пособие по безработице в размере ставки по последнему фильму с их участием. И получается, что, даже загорая на яхте в Сен-Тропе, они не бедствуют.

— То же самое относится и к режиссерам, сценаристам, ко всем. Вот почему мы так рвемся работать в кино. Но только если удастся наработать часы. — У Мишеля был такой несчастный вид, будто он не мог найти ключ от дверцы мини-бара.

— Ну, как видишь, мне действительно нужен электрик, — сказал я.

— Сколько ты мне будешь платить?

— А сколько ты берешь?

Он озвучил дневные расценки электрика киносъемки и, когда я смог оправиться от потрясения, по-

яснил, что доделает всю электрику за два дня по цене одного, но оплата наличными.

В результате, когда в тот же день ко мне на собеседование явился первый кандидат, в помещении уже вовсю трудился электрик, красноречиво доказывая, что «Мой чай богат» — это динамичное предприятие, где ценят каждую минуту. В общем, будущий персонал наблюдал, как на глазах меняется интерьер чайной. У многих, кто видел Мишеля, наверняка сложилось впечатление, что не возбраняется работать с обнаженным торсом и петь фальшиво, но я был рад, что снова могу переживать из-за таких приятных мелочей.

К концу дня мы с Мишелем испытывали чувство гордости за свои достижения.

Я провел собеседование с семью кандидатами и отпустил только двоих своим плохим французским и политикой запрета на курение. Мишель подсоединил все осветительные приборы и даже подключил кондиционер. Мы решили пойти перекусить, чтобы это отпраздновать.

И именно в этот момент ему позвонила Флоранс и потребовала отчета.

Мишель сообщил ей, где я живу, сказал: «Да, один». И прибавил: «Да, я уверен».

Однако не сдержался и сболтнул, что находится в чайной, да еще и работает здесь. Он пробормотал: «Прости» — и передал мне телефон.

— Привет, Флоранс, как ты? — спросил я очень по-дружески, как мне показалось.

— У тебя что, Мишель в салоне работает?

— Да. Строители не...

— Так ты избавился от моего бывшего бойфренда и теперь припахал моего брата?

— Припахал? Вообще-то я ему плачу.

— Я и не думала, что ты такой эксплуататор.

— Эксплуататор? — Я бросил недоуменный взгляд на Мишеля, который покачал головой, словно говоря: «Ох уж эти сестры».

— Да, Николя всю работу делает на тебя, а ты только и делаешь, что пытаешься придумать, как бы не заплатить ему.

— Я заплачу ему столько, сколько он заработал, но не ту сумму, какую он пытался у меня украсть.

— Он подаст на тебя в суд, если ты не заплатишь ему все десять процентов.

Кажется, Николя очень убедительно плакал на плече у своей бывшей девушки.

— Если он подаст иск, потеряет еще больше денег. У меня есть доказательства, что он пытался надуть меня.

— Честно говоря, Пол, ты думаешь только о деньгах и о бизнесе.

Спорить, похоже, было бесполезно, но я все-таки не удержался:

— Ты права, мои мысли в какой-то степени заняты тем, чтобы не спустить в сортир деньги, взятые в кредит. Кстати, в тот самый сортир, который твой друг Николя даже не смог толком спроектировать.

Если наши отношения еще теплились, то они получили смертельный удар под дых, когда Флоранс прервала соединение.

5

Интересно, играют ли сейчас в «змейки и лесенки»? Наверное, нет — игра слишком примитивная, чтобы строить на ней компьютерную версию.

Но сейчас я снова ощущал себя ребенком, скользящим вниз по длинному, ухмыляющемуся питону. Опять в начало маршрута. Хотя нет, даже ниже, потому что, когда я приехал в Париж в сентябре прошлого года, у меня хотя бы были работа и достойное место для ночлега. Сейчас у меня не было ни дома, ни работы, если не считать работой трату денег, взятых в кредит. Единственной константой оставалось то, что я, как всегда, влип в дерьмо по вине женщины.

Худшей кандидатурой из всех, к кому можно было бы обратиться за советом по поводу женщин — ну, за исключением матери Флоранс, — был Джейк, непризнанный поэт. Но в моем нынешнем мазохистском состоянии было вполне естественно позвонить именно ему. Мы договорились этим же вечером сходиться на шоу в «этом, как его, *complètement génial club*¹» в Бельвиле.

Джейк ждал меня в тунисском *café* на углу старого торгового комплекса в виде пассажа, который знал лучшие времена — времена, когда здесь действительно были магазины. Клуб, как сказал Джейк, находился позади здания.

¹ Потрясающе гениальный клуб (*фр.*).

В этой нижней части квартала Бельвиль, между оживленной торговой зоной на площади Республики и пятачком, оккупированным преуспевающими китайскими ресторанами, протянулись ряды иммигрантских барахолок и продуктовых забегаловок. Удушливая влажность и слепящие огни неона создавали полную иллюзию того, что находишься в Старом Марракеше, а не в паре миль к северу от Сены. По улицам ходили женщины в чадре, мужчины — выходцы из Северной Африки — собирались группками и вели оживленные разговоры. В этнических кварталах Парижа на улицах было куда многолюднее — возможно, местные обитатели все-таки опасались, что если они все-таки пересекут границы округа, то иммиграционные власти попросту не пустят их обратно.

Джейк жил сейчас здесь с очередной пассией из его сексуального атласа мира.

— Привет, Пол! — крикнул он, заведя меня, шагающего от станции *métro*. Улица как будто замерла: все остановилось поглазеть, кому это кричат.

В *café* он был единственный европеец среди арабов, хотя и оделся по-восточному. На нем была длинная свободная рубаша с круглым вышитым воротом, в то время как все арабские мужчины были в европейской одежде. Словно идя на уступку жаре, он подстригся, укоротив волосы, и теперь казалось, что у него на голове некое подобие блондинистой шапочки для душа. Он выглядел расслабленным, откинувшись на спинку белого плетеного стула, с

длинным марокканским кальяном, зажатым между ног.

— А эти штуки легальны? — спросил я, подсаживаясь к нему за столик.

— Старик, это всего лишь табак. Попробуй.

Он протянул мне медный мундштук на длинной трубке, но мои легкие и без того горели от раскаленного воздуха. Я отмахнулся.

— *Allez!*¹ Будь проще, интегрируйся.

— Если ты настаиваешь. — Я взял мундштук в рот и дунул. Это вызвало взрыв пузырьков в сосуде с водой и ухмылку Джейка.

— Ты несерьезно подходишь к делу, старик. — Он сделал глубокую затяжку, словно вознамерившись доказать окружающим арабам, что его голыми руками не возьмешь.

— Чем занимаешься, Джейк?

Он объяснил в своей обычной путаной манере. Насколько я понял, он по-прежнему преподавал английский, хотя сейчас занятий было мало, поскольку его студенты разъехались на лето. Вообще-то он собирался завязывать с преподаванием. Как он выразился, «это шаг назад для рывка вперед». Мне оставалось лишь предположить, что в этом сокрыт какой-то особый смысл, поскольку объяснить толком он отказался.

Что же касается женщин, нынче он был увлечен дамой из Алжира.

— Ты что, рехнулся? Американец, живущий в грехе с мусульманкой?

¹ Давай же! (*фр.*)

С философской задумчивостью он выпустил изо рта струю белого дыма и проговорил:

— Не переживай ты так. Она *verve*.

— Кто?

— Ну что ты, не знаешь? Черт возьми. *Une veuve*? Мертвый муж?

— Вдова.

— Да. Вдова. Черт! Как бы то ни было, ее соседи совершенно спокойны. Они не религиозны. Они просто радуются, что у Калифы кто-то появился. — Джейк захихикал так, будто курительная чашка его кальяна была наполнена не совсем легальной смесью. — Ты когда-нибудь пробовал вдову?

— Нет, я предпочитаю ровесниц.

— Да ей всего сорок, хотя она выглядит старше, потому что у нее трое детей. Но она определенно умеет *prendre son pied*.

— Брать себя за ногу? — Как это у нее получается, задался я вопросом.

— *Prendre son pied*! Это значит веселиться. Как это у нас по-английски?

Я решительно заявил, что мне совсем не до этого. У меня достаточно собственных проблем, так что самоистязания жителей другого континента меня не интересуют.

— Ну ладно, а у тебя, Пол, *comment ça va*¹? Не *très bien*², а?

— Ты прав, совсем не *bien*.

¹ Как дела? (*фр.*)

² Очень хорошо (*фр.*).

Он сосал кальян, пока я изливал ему душу, рассказывая о звонке Флоранс, о том, что вижу в галлюцинациях Алексу. Пока я говорил, город погружался в темноту, комары становились все нахальнее, и я порядком пропотел от чая с мятой, который заказал.

— Итак, если я правильно понял, — наконец изрек он, — ты порвал с девушкой-француженкой, и тебя влечет бывшая подружка, тоже француженка. Теперь понятно, почему ты в такой заднице. Ты должен расширить свои географические горизонты.

Мне захотелось помочиться в кальян Джейка, чтобы через аромат табака передать ему свое горькое презрение.

— Спасибо тебе за совет, Джейк. Дай мне знать, когда бросишь поэзию и начнешь писать пособия по самопомощи. Кстати, что это за концерт, на который ты меня тащишь?

— Литовская джазовая певица.

— Литовский джаз? Что это?

— Понятия не имею. Наверное, то же самое, что эстонский.

Называется, задай глупый вопрос и получи ответ.

— А ты знаешь, в чем разница?

— О да. Французы совсем не имеют вкуса к музыке. Они не знают, что хорошо, а что полный отстой. Поэтому слушают все подряд. И дают приют музыкантам со всего мира. Просто французы не могут решить, кого же им все-таки слушать.

— И каждое такое шоу привлекает женщин разных национальностей?

— Точно.

— Но ты же только что сказал, что живешь с ал-жиркой.

— О, она спокойно относится к моему *poésie* проекту, до тех пор, пока я не привожу женщин домой... Эй, Мухтар! — Он махнул рукой, и молодой официант подошел за расчетом.

Меня в очередной раз поразило то, что Джейк был генетически неспособен к переживаниям. Если бы кружащие возле нас комары выпили хоть каплю его крови, они наверняка решили бы, что жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на укусы людей, и преспокойно отправились бы расслабляться в сточной канаве. Всемирной организации здравоохранения достаточно было послать Джейка с миссией по странам третьего мира, и с малярией было бы покончено.

В подвальном помещении клуба дышалось так же легко, как внутри реактивного двигателя. Низкий, окрашенный в черный цвет потолок и прожектора, направленные на сцену, подняли температуру с субтропических отметок до абсолютного максимума. Пояс моих джинсов взмок еще до того, как я уселся на стул возле стойки бара.

На сцене стояли стойка с микрофоном, ударная установка и контрабас, и мне казалось, что они вот-вот расплавятся.

Впрочем, взгляд Джейка был устремлен не на сцену. Он наблюдал за входом.

— Наверняка здесь будут литовские женщины, как ты думаешь? — сказал он спустя некоторое время. —

А может, и латышки. Ты у всех, кто подойдет, спрашивай, какой они национальности.

И вот, по мере того как зал заполнялся, а мы боролись с обезвоживанием с помощью пива, которое, похоже, испарялось еще до того, как мы успевали его выпить, я забавлялся тем, что спрашивал каждую женщину, подходившую к стойке бара, об ее национальной принадлежности. Разумеется, француженки оказались в большинстве, и только три или четыре женщины встретили мой вопрос в штыки.

Веселье кончилось, когда на сцену вышла тощая певица, явно подшофе.

Осмелюсь сказать, что Литва породила немало настоящих див, но эта так визжала и завывала, что даже наркоз из полдюжины бутылок пива и дурмана от травки, которой накуривались окружающие, не мог примирить с ее издевательствам над «Летним временем»¹.

— У меня кое-что есть, — сказал я Джейку, который увлеченно беседовал с девушкой славянской внешности.

— Что такое?

— Стихотворение для тебя. Была такая певица из Тбилиси, которая пела, что...

— Чушь полная, старик, — остановил он меня, прежде чем я смог причинить еще больший ущерб ми-

¹ «Летнее время» (оригинальное название «Summer-time») — ария, написанная Джорджем Гершвином в 1935 году для оперы «Порги и Бесс». Со времени своего появления была исполнена в самых разных вокально-инструментальных интерпретациях. Считается, что по количеству разных исполнений ария опережает знаменитую песню «Yesterday» группы «Битлз».

ровой литературе. — Тбилиси это вовсе не Литва. Ты ни черта не смыслишь в географии.

Я понял, что это правда. Я лишь смутно помнил о том, где сам живу, и это было верным признаком того, что пора отваливать домой.

К тому же вся эта восточноевропейская тема меня порядком утомила. Я подозревал, что певица вот-вот перейдет на украинский джаз, хотя бы для того, чтобы позлить меня.

Поездка на такси — и я снова был в своей чайной, где плюхнулся, не раздеваясь, на надувной матрас, слишком поздно вспомнив о том, что не надувал его перед уходом.

Мазохист — он всегда мазохист.

6

Я все мучился вопросом, стоит ли осложнять жизнь Алексы одной очень важной новостью: как картина Пикассо, пятьдесят лет томившаяся в сейфе частного коллекционера, Пол Уэст снова на рынке. И не будет возражать, если вдруг у нее возникнет желание поцеловать его.

Впрочем, не успел я прийти к какому-либо решению, как она сама позвонила мне, чтобы сообщить свои новости. Алекса была в Париже.

— Почему бы тебе ни подъехать ко мне? — предложила она. — Я на съемках. Тут настоящие французские кинозвезды.

— Где это?

— Станция «Бастилия». Так ты приедешь?

— Конечно. Спрашиваешь.

— И захвати свою визитную карточку, может, удастся договориться о поставке еды и напитков для технического персонала. Кофе здесь просто жуткий.

Я вышел из *métro* и пришел в ужас от нового оперного театра «Опера Бастилия» — если его можно назвать новым, поскольку он выглядел более обшарпанным, чем здание оперного театра девятнадцатого века в Девятом округе. Несколько подъездов превратились в отхожее место для бездомных, большая лестница стала площадкой для туристических пикников, а одна сторона здания была целиком затянута сеткой, чтобы предотвратить осыпание блоков штукатурки на головы несчастных прохожих. Должно быть, здание проектировал наставник Николя, злобно подумал я.

Я прошел мимо магазина, торгующего диванами из белой кожи, фарфоровыми гепардами в натуральную величину и слепящими глаз люстрами, достойными украсить вечеринку трансвеститов, посвященную возрождению группы «АББА». Магазин был одним из немногих уцелевших еще с тех времен, когда округ был оккупирован мебельщиками. Однажды я проходил здесь с Флоранс, и она сокрушалась об исчезновении настоящих умельцев, морщилась при виде «чудищ» в витринах оставшихся мебельных лавок.

Теперь по обеим сторонам улицы красовались магазины международных торговых сетей, с вкрапле-

ниями местных талантов, включая готическое здание бутика Жан-Поля Готье, в витрине которого прописался дикого вида бродяга. Может, дизайнеру порядком надоели рекламные кампании с гладкими моделями и теперь он тяготел к потрепанным особям с кожей нездорового оттенка?

Я свернул в переулок, где уже не было крупных магазинов, зато появились кафе и дизайнерские бутики.

Солнце нещадно палило, закачивая в узкую улицу горячий удушливый воздух. Было такое ощущение, будто идешь сквозь поток тепла, нагнетаемый феном. Но уже метров через сто, за неприметной дверью, ведущей в «пассаж», где и проходила съемка, фен вдруг отключили.

Я оказался в спрятанной от посторонних глаз улочке со старинными зданиями по обе стороны бульварной мостовой, ведущей к тенистому саду. Виноградная лоза, тянувшаяся вверх по белой оштукатуренной стене дома, казалось, источала чистый кислород. Здесь были и мастерские по изготовлению ремесленных изделий: я мог разглядеть куски ярко окрашенной кожи над входом в переплетную студию, заготовки резного дерева, ожидающие своей очереди на лакировку и сборку в низком домике, уставленном полуфабрикатами стульев.

А где же съемочная группа?

Я обратился с этим вопросом к прелестной круглолицей девушке, которая бездельничала, развалившись в старой тележке. Когда я подошел ближе, я увидел, что, помимо длинных голых ног и обтягива-

ющих шорт, она обладала еще и переговорным устройством «воки-токи». Это обнадеживало.

— *Bonjour*, — сказал я. — Фильм — это здесь? — Мой вопрос прозвучал несколько странно. Как будто я пришел забирать «специальный» видеодиск, который заказал в секс-шопе.

— А что нужно? — хриплым шепотом спросила девушка.

— Алекса. — Неплохое название для порнофильма.

— А... *oui*, Алекса. — Пожалуй, это могло бы стать лучшей репликой фильма.

Все еще шепотом она объяснила, что ей нужно дожидаться сигнала отбоя по «воки-токи», после чего она сможет послать Алексе сообщение. Они как раз готовились к съемке очередной сцены. Я предположил, что «они» были где-то под землей, потому что нигде вокруг признаков жизни не наблюдалось. Даже из-за угла не лился ослепительный свет прожекторов.

— Как долго? — спросил я.

Она пожала плечами:

— Не знаю. Можете посидеть здесь со мной, если хотите.

Я задался вопросом, как будет называться ее работа в титрах кинофильма. Главный по тележке?

Или расширитель шорт. Дело в том, что ее шорты были растянуты до предела гладкими округлыми бедрами, которые она сейчас задумчиво скребла антенной рации.

— Вы ее бойфренд? — Девушка оглядела меня с ног до головы, и ее взгляд на мгновение задержался на том месте, которое я считал наиболее выдающимся.

— Нет. — Я тоже окинул ее взглядом, особенно приставив лоббинке между грудей, показывавшейся из-под обтягивающей оранжевой майки. Шею девушки обвивала цепочка, на которой висел маленький инкрустированный крестик, и Иисус явно не по-христиански стремился попасть прямо в эту впадинку.

— Нет, вы не похожи на украинца, — сказала девушка. Интересно, каких размеров должна быть моя выпуклость, чтобы меня причислили к представителям этой национальности? — Но вы и не француз?

— Нет, я англичанин.

— *Ab oui?* А вы можете поучить меня? — То, как она это произнесла, было вполне в духе порнофильма. Девушка с наивным взором просит дать ей инструктаж по технике секса.

«Научите меня английскому» — об этом чаще всего просят британца во Франции. Если с просьбой обращается женщина, это своего рода зашифрованное послание, и тогда правильно будет спросить, с иронической искоркой во взгляде, чему в ответ она может научить. Мне, конечно, хотелось бы услышать такую просьбу от Алексы, но в последнее время она занималась изучением восточноевропейских гласных звуков, облизывая язык украинского парня.

— У тебя что, есть время давать уроки английского, Пол? — услышал я за спиной голос Алексы и с облегчением выдохнул, избавленный от необходимости отвечать на вопрос девушки с «воки-токи», что могло далеко завести.

Алекса была одета в мужские шорты цвета хаки и нечто похожее на зеленый топ-бикини, если бы сза-

ди была застежка вместо клочка ткани. Она источала невероятную сексуальность, которая является верным признаком регулярного и качественного секса.

Мы поприветствовали друг друга поцелуями в щеки, и Алекса представила меня Виргинии, которая, очевидно, уже давно выросла из своего имени¹.

— Увидимся, — по-английски сказала мне Виргиния, когда Алекса потащила меня за собой.

— Где вы снимаете? — спросил я.

Алекса дернула меня за руку:

— Помощник режиссера рассердится, если мы будем шуметь, даже если в этот момент они не снимают. Она сущая стерва. Приказала кому-то из нас пойти и заставить замолчать тех, кто здесь разговаривает. Я догадалась, что это ты пришел.

Она увлекла меня в следующую неприметную дверь, за которой открылась другая мизансцена. В маленьком тихом дворике в ряд стояли три домика со стеклянными фасадами. Молодые полуодетые люди восседали на металлических ящиках с оборудованием. Поток толстых кабелей струился из дверей одного из домиков, устремляясь в угол двора, где каменная лестница вела в некую подвальную студию. Я мог разглядеть верхушки металлических скульптур в лучах ослепительно-белого света.

— Там снимаются звезды. Мы должны вести себя очень тихо. — Алекса сжимала мою руку, удерживая меня в дверном проеме, как будто существовала ре-

¹ Намек на созвучие имени Виргиния и английского существительного *virgin* — «девственница».

альная опасность, что я рвану во двор и фальшиво прокричу свою караоке-версию песни Джеффа Бека «Hi Ho Silver Lining».

— А ты здесь кто? — спросил я.

— Ассистент.

— Ассистент кого?

— Да всех сразу. Как и остальные. Опыт работы.

Так вот чем они все тут занимались. Приобретали опыт, просиживая штаны, но мечтая делать это профессионально, чтобы зарабатывать необходимое количество часов.

— Иногда это становится невыносимо скучно, — сказала Алекса мне на ухо, еще больше понизив голос.

Длинноволосая женщина в наушниках поднялась из глубин по лестнице и потребовала, чтобы бордель заткнулся. Очень по-французски. Видимо, в их борделях особенно шумно.

Женщина смерила нас суровым взглядом. Кажется, она не заметила, что я не принадлежу к своре практикантов.

— Мы можем пойти куда-нибудь поболтать? — прошептал я. Мне совсем не улыбалось просидеть остаток дня на металлическом ящике.

Алекса махнула рукой парню, который сосредоточенно изучал текстовую информацию на банке с коллой. Жестом дала понять, что уходит на перерыв. Парень кивнул с безразличием.

Виргиния помахала мне на прощание, но у меня не было возможности ответить, потому что я едва

поспевал за Алексой, которая рысью неслась к выходу.

— Наконец-то, свобода, — сказала она, когда мы окунулись в горячий воздух улицы. — Я там себя чувствую, как в монастыре.

— Тогда зачем ты там торчишь?

— О, это очень полезно для налаживания связей, да и режиссер просто гениальный. Так интересно видеть его за работой.

— Но ты же ничего не видишь. Он ведь в подвале.

— Мы видим, как он готовится, слышим, как он объясняет... Кстати, ты принес свою визитку?

— Да, — ответил я и передал Алексе карточку.

— Я отдам ее помощнику режиссера.

— Но она только что орала на меня, она меня возненавидит.

— Нет, она на всех орет. И она видела тебя. Это очень важно. Потому мы все там и торчим.

Мы расположились в *café*, которое занимало немалую территорию мостовой; границы заведения обозначали бамбуковые растения в горшках, словно намекая местным жителям на то, что они навсегда потеряли эту землю.

Алекса заказала нам удивительно густой розовый сок — «*rêche de vigne*», или персик, посаженный в междурядьях лозы и созревающий вместе с виноградом. Сок принесли в бутылочках, но на вкус он был такой, будто только что находился внутри фрукта.

Она откинулась на спинку стула и принялась разминать рукой затекшую шею. Мне пришлось отвернуться. Я подумал о том, что это должна быть моя ру-

ка. И о том, не мечтает ли Алекса сейчас, чтобы это была рука другого парня. Но прежде чем я успел предложить ей свои услуги массажиста, она стала рассказывать, как повеселились на дне рождения Саши.

Были реки икры, море водки и шампанского, а улица перед домом превратилась в паркинг для автомобилей «Формулы-1». Вооруженная охрана заняла позиции на крышах соседних домов. Среди прочего Саше подарили «феррари» и студию звукозаписи. Дада не любительскую, а профессиональную, в отдельном здании, со специальным оборудованием, музыкальными инструментами и звукоинженерами. Теперь это «Студия Саши» в Сохо, и он ее хозяин.

И словно этого было мало, Сашин дядя, DVD-пират Юрий, пообещал финансировать новый документальный фильм Алексы.

Я не осмелился спросить, пообещал ли он не делать его пиратских копий. Алекса могла подумать, что я просто ревную.

— Спасибо тебе, — сказала она.

— За что?

— За идею. — Она подняла бутылочку с соком, и мы чокнулись. Я постарался смотреть ей прямо в глаза. — На здоровье! — прибавила она по-русски и сделала глоток.

О нет, подумал я, скоро он превратит ее в танкиста Красной армии.

— Там, где мы живем в Ноттинг-Хилле, есть что-то вроде пассажа, где снимают фильмы, — продолжила Алекса. — Место пошикарнее, конечно. — Казалось, она даже не догадывалась о том, что мне, возможно,

хочется поговорить о нас. Пусть даже для нее такого понятия не существовало.

Я беспомощно слушал, пока она вдохновенно пересказывала сюжет фильма. Это была история художника, который переживает кризис среднего возраста и все никак не может решить, хочет ли он сбежать с юной моделью или остаться с женой-писательницей, которая знала о романе и настоятельно советовала мужу выбросить его из головы. Очень по-французски.

— В конце фильма модель убивает себя.

— О, так это комедия?

— Вы, англичане, во всем видите комедию.

— Да, а у вас, французов, все вертится вокруг любви. Вы думаете, что любовь — это так серьезно, что смеяться не разрешается. Не смейтесь, я влюблен. Вот типичный французский фильм.

Каким бы ироничным это ни показалось, но именно такие чувства я сам сейчас переживал. Может, я уже превращаюсь во француза?

— А как насчет английского фильма? «Много ли я заработаю, если вложусь в голливудский боевик»? Ведь этот вопрос чаще всего волнует ваших режиссеров.

— По крайней мере, это интереснее, чем страдания вашего режиссера по поводу надоевшего брака. Если бы его пригласили снимать голливудский боевик, это выглядело бы так: в то время как нации угрожает банда ядерных террористов и полчища саранчовых людоедов, президент мучается вопросом, изменяет ли ему жена.

Алекса вдруг звонко рассмеялась.

— Я была готова убить тебя, но ты прав, — сказала она. — Эта стерва, помощник режиссера, и есть его любовница. А знаешь, кто написал сценарий? Жена режиссера. — Она похлопала в ладоши. — Это будет комедия. Любовница режиссера помогает режиссеру снять фильм по сценарию жены режиссера, где в конце любовница убивает себя. Красиво. Вот почему мне так нравится разговаривать с тобой, Пол.

— В самом деле?

— Да, ты ничего не смыслишь ни в изобразительном искусстве, ни в кино, но говоришь куда более разумные вещи, чем все, кого я знаю.

Если оставить в стороне ее колкое замечание о моей недостаточной образованности, ситуация как нельзя лучше способствовала тому, чтобы скрепить нашу духовную близость сладострастным поцелуем в губы. Но вместо этого мне приходилось обсасывать бутылочное горлышко.

— Это так здорово, когда мы общаемся, — продолжила Алекса. — Ты подкидываешь мне идеи. И не только для документального кино... — Она провокационно подняла бровь.

— Не только? — Может, это был мой шанс заявить о себе как о генераторе свежих идей, которые могли бы ей пригодиться?

— У меня есть еще один проект, — сказала она. — Но я пока не хочу раскрывать детали.

— О!.. — Значит, моя новая идея никак не связана с тем, чтобы провести остаток дня в постели.

— Не расстраивайся. Скоро ты обо всем узнаешь. И возможно, я тоже могу предложить тебе кое-какие идеи.

Она уже это сделала. Я только никак не мог выбрать удобный момент, чтобы сказать ей об этом.

— А сейчас мне пора возвращаться, — объявила она.

— Уходишь? Уже?

— Да.

Я узнал, что сегодня у нее последний день на съемках и завтра она уезжает в Лондон.

— Ты всегда объявляешься накануне отъезда.

— Я знаю. Извини. У меня сейчас все происходит в такой спешке. Я организую свою выставку, пытаюсь запустить этот новый фильм, приезжаю сюда, чтобы наладить связи... В следующий раз позвоню заранее.

— В следующий раз? Когда же это?

— Скоро.

Она встала и низко наклонилась, чтобы поцеловать меня. Конечно, я не смог побороть искушение и полюбовался восхитительно нежной плотью, томящейся под тканью топа. Когда я снова посмотрел Алексе в глаза, на ее губах играла полуулыбка. Алекса знала, куда я только что смотрел, как знают все девушки, которые надевают нечто подобное.

— Прости меня, Пол.

— За что?

— Мы так мало пообщались сегодня. И я все время болтала о себе. Но скоро мы обязательно увидимся, и уж тогда наговоримся от души. Ты выглядишь не

слишком счастливым. Ты должен рассказать мне почему.

Она погладила меня по руке и, обойдя столик, удалилась.

Я хотел посмотреть ей вслед, но меня отвлекла мерзкая собачонка, которая задрала лапу у горшка с бамбуком в опасной близости от моей левой ноги. Я шикнул на нее и поднял ногу, пригрозив заехать по костлявой заднице.

Крыса в собачьей шкуре оскалила зубы и зарычала, как и ее хозяйка, которая вдруг выскочила невесть откуда и встала на защиту своей твари:

— Эй, не трогайте ее, она такая милая!

Ничего себе «милая». Женщина средних лет, в дизайнерских джинсах, оттащила твякающего зверя подальше от моего грозного ботинка.

— И он тоже, мадам, — произнес голос у нее за спиной. Это была Алекса, которая обращалась к мадам, стоя неподалеку. — Он тоже очень милый.

Она послала мне воздушный поцелуй и поспешила в сторону пассажа.

И что все это значит, черт возьми?

Я сидел за столиком, высасывая из бутылочки последние капли густого персикового сока, и пытался разобраться в ситуации.

Почему Алекса звонит мне за день до отъезда из Парижа, а потом говорит, что нам не хватило времени, чтобы пообщаться? И была ли ее счастливая болтовня о праздновании дня рождения и съемках фильма поводом уйти от разговора на более волнующие

темы? Или же просто знаком того, что она вполне довольна своей жизнью?

Я не самый великий психолог, но она явно посылая куда более противоречивые сигналы, чем видеодневник шизофреника.

К тому времени, как моя бутылочка отдала последние капли сока, я пришел к выводу, что могу быть уверен лишь в двух вещах.

Первое. Люди приезжают в Париж, чтобы влюбиться. Но если я по-прежнему буду допускать ляпы, мои шансы на любовь устремятся к нулю.

И второе. Конечно, это ни в коем случае нельзя было считать утешением, но, если уж случится худшее, у меня, по крайней мере, появится возможность стать поставщиком сэндвичей на свадьбу Алексы и Саши.

IV

СВОБОДА, РАВЕНСТВО, ЧАЙНАЯ!

1

Первое свидание в постели по ощущениям можно сравнить с поеданием мандарина. Нет, не в том смысле, что потом приходится выплевывать частички кожуры.

Вот смотришь на мандарин и никогда не знаешь, что там внутри. Иногда его так трудно очистить, кажется, будто мякоть просто впилась в кожуру. Хотя плод может оказаться костлявым и сухим.

Если кожура мягкая, то плод вполне может оказаться горьким и перезрелым или же вялым и неаппетитным. В общем, не угадаешь. Мандарины куда большие проказники, нежели яблоки или бананы.

Конечно, самая большая разница между раздеванием партнерши и очищением мандарина состоит в том, что мандарины не говорят с тобой, пока ты занят делом.

Вот почему так интересен процесс раздевания француженок. С того самого момента, как просовываешь палец за пояс юбки француженки, до финальной части, когда вы оба лежите, восстанавливая дыхание, можно услышать множество посторонних звуков.

Для француженки секс с англичанином, наверное, тоже экзотика. Много ли найдется французов, которые оглашают воздух криками «Талли Хо!», «Бисмилла!», достигая точки кипения? Разумеется, я не имею в виду, что сам этим грешу.

Но я забегая вперед.

Было утро третьей среды сентября, без десяти восемь. Чайная должна была открыться в первый понедельник месяца, но я всегда знал, что этого не произойдет. Строители есть строители, в конце концов.

Светило яркое солнце, и Елисейские Поля только начинали оживать. Женщины на шпильках торопились в офисы или спешили открывать свои шикарные бутики. Машины курсировали в поисках свободных мест для парковки. Хитрые собачники делали вид, будто просто прогуливаются, в то время как их кобели и суки искали место для своих собачьих дел. Я стоял посреди своей сверкающей чистотой новенькой чайной, размышляя, что еще важного за был сделать.

Последние дни были просто безумными, их можно было сравнить с прыжками на эластичном тросе, когда не знаешь, то ли испытываешь выброс адреналина, то ли шмякнешься с головокружительной высоты.

Я все еще не был на сто процентов уверен в том, что надежно пристегнулся.

Вдруг мы откроем двери посетителям, а потом обнаружим, что у нас нет чайных пакетиков? Что, если люди купят сэндвичи, а потом спросят, почему в зале нет стульев.

Чтобы успокоиться, я сосредоточился на яблоке. Срезал с него кожуру, отпиливал ломтики, чего никогда не делал до приезда во Францию. Здесь, казалось, привыкли счищать кожуру со всего, даже с нектаринов, пусть даже после этого руки становились липкими до подмышек. И пока я разделявал яблоко, меня не покидала мысль о том, что лучше бы я чистил мандарин.

Но нет, говорил я себе, в последние недели я прекрасно обходился без мандаринов — если не считать одного очень сочного исключения, — и это во многом упрощало мою жизнь.

Мандарины могут выбить из колеи, если дать им власть.

Во всяком случае, Флоранс это удалось.

Когда в середине августа она наконец вернулась в Париж, она позвонила мне из дома и попросила приехать и забрать оставшиеся вещи.

Впрочем, прежде чем я смог сделать это, мне пришлось подвергнуться унижительной процедуре обыска, устроенного ее телохранителем. По крайней мере, такое ощущение у меня возникло. Когда я позвонил в дверь, меня встретила такая гора мышц, что проникнуть в квартиру можно было только боком.

Венчала всю эту мощь красивая бритая голова с аккуратной черной бородкой.

— *Pull?*¹ — спросил он, как будто намеревался проделать это с самыми уязвимыми частями моего тела.

— *Oui, Paul. Bonsoir*².

Я протянул руку, он сплющил ее, превратив в подобие сбитого автомобилем кролика, и сказал:

— Жан-Филипп.

Флоранс выглядывала из-за его спины, загорелая и соблазнительно-сексуальная, но держалась подчеркнуто холодно.

Если бы у меня было время рассуждать о такой ерунде, как гордость, я приделся бы ради этой прощальной встречи. Но когда ты поздним вечером вынужден перевозить свои вещи, после того как целый день расставлял оборудование и мебель, тебе просто сил не хватает переодеть обрезанные джинсы, заляпанные краской, и древнюю красную футболку, которая давно уже приобрела грязно-розовый оттенок.

Флоранс представила парня как своего давнего инструктора по пилатесу. Когда-то она говорила мне, что встречалась с тренером. Теперь до меня дошло, откуда взялись те гигантские штаны, в которые меня наряжали в Коррезе, и почему все в коммуне Бриджит считали меня малышом. Оказывается, до меня там бывал этот супермен, парень, обладающий избытком физической силы, но не умеющий одеваться

¹ Тащить, тянуть? (*англ.*)

² Да, Пол. Добрый вечер (*фр.*).

со вкусом. Хотя в тот вечер он выглядел довольно круто в джинсах и кричаще-серебристой футболке, призванной подчеркнуть бицепсы и прочие достоинства крепкой мускулатуры. Я почему-то подумал, что, возможно, он оставил в Коррезе свою уродливую одежду специально, чтобы унижить новых бойфрендов Флоранс.

Я заметил, что он занимает оборонительную позицию, и меня это порадовало. Представьте только: передо мной стоял парень, который мог, проходя мимо артели строителей, спросить: «Что, ребята, помощь нужна?», — и они бросились бы искать ему защитный шлем. И вот сейчас он смотрел на меня так, будто я был Брюсом Ли.

Так что даже атлеты могут страдать комплексом бывшего бойфренда, понял я. И это было приятно.

Заботливо, по-братски, я спросил Флоранс, какие у нее теперь планы насчет работы. Все-таки она оставила насиженное место в крупной компании, чтобы помочь мне с открытием чайной.

Не проблема, ответила она. Профсоюзы вынудили руководство компании прекратить увольнения, и она попросила восстановить ее в должности.

Вполне логично, подумал я. Она возвращалась в свою прежнюю жизнь, как будто меня вовсе не существовало.

Наш разговор уже сходил на нет, когда на пороге возник Джейк, мой поэт и наставник по жизни. Он помогал мне с переездом. Джейк вызвался взять на хранение — несомненно, желая попользоваться — излишки одежды и коллекцию необычной кухонной

утвари. Он парковал арендованный мною мини-вэн, пока я поднимался к Флоранс.

И вот я столкнулся с затруднением. Предписывает ли французский этикет целовать на прощание свою бывшую возлюбленную?

Она не вышла ко мне, когда я переступил порог, и даже стояла, скрестив руки на груди, будто держала меня на расстоянии. Казалось, она все-таки сердилась на меня, хотя я был виноват лишь в том, что слишком увлекся работой, но я заранее предупреждал ее об этом. Ну разве что еще утратил всякие чувства к ней, в том числе и влечение. Но в этом мы с ней были квиты.

Я решил придумать собственный французский этикет. Произнеся громкое «*Au revoir, Florence*»¹, чтобы всем присутствующим было понятно, что я не замышляю прощальный сеанс гольшом, я шагнул к ней. Флоранс не попятилась и даже разомкнула руки. Я согнулся в поясе, дабы свести к минимуму риск генитального контакта, и со звучным «*Мва!*» поцеловал в обе щеки. Она проделала то же самое, даже мимоходом положила руку мне на плечо, хотя это было вовсе не обязательно.

От нее, как обычно, пахло сладким кокосом, и мне на мгновение стало грустно оттого, что я больше никогда не вдохну этот запах, но я тут же одернул себя, вспомнив о том, что кокосовые дни остались в прошлом. Теперь мне предстояло думать о чеддере, фруктовых пирогах и сэндвичах с ветчиной.

¹ До свидания, Флоранс (*фр.*).

2

— Вода кипит, Кейти? — спросил я. — Она должна кипеть, чтобы получился достойный чай.

— Боюсь, если этот агрегат вскоре не выпустит пар, он взорвется.

— Мне знакомы эти чувства.

Кейти была англичанкой, ее пригласили работать ассистенткой в лицее, но чаще всего она бывала свободной, поскольку французские учителя слишком боялись держать в своих классах носителей иностранного языка. Она напомнила мне то время, когда я познакомился с Алексой. Конечно, Кейти не была профессионалом в общепите, но это и не требовалось. Она была общительной, много улыбалась и явно не считала, что посетителей следует оскорблять или проявлять к ним неуважение. Во всяком случае, я на это надеялся.

Кейти стояла возле огромного устройства из нержавеющей стали для кипячения воды, которое разместилось посреди прилавка у правой стены. Перед ним были выставлены маленькие керамические чайники с логотипом «Мой чай богат». Замысел состоял в том, чтобы, заходя в чайную, посетитель сразу же обращал внимание на эту композицию. Мне хотелось заявить о том, что это английский чайный салон, пусть даже и без дубовой обшивки стен, ароматических саше и кружевных фартуков, как того могли ожидать французы.

Так вот, после чайников взгляд посетителя должен был скользнуть дальше, вдоль всего прилавка. Он был

со стеклянной витриной, так что можно было обозреть все британские гастрономические деликатесы, пока стоишь в очереди (ну, если предположить, что очередь когда-нибудь возникнет).

За прилавком стояли два продавца, совсем не британского происхождения.

Одним была девушка с Мадагаскара, чье настоящее имя состояло из четырнадцати слогов, так что она просила называть ее Жанной. Она блестяще владела французским языком и сносно говорила по-английски, а ее жестикуляцию можно было назвать самыми нежными движениями рук. У нее имелся диплом дантиста, и она приехала во Францию в надежде получить подтверждение квалификации, но ее карьера застопорилась, увязнув в болоте нескончаемых споров между министерствами здравоохранения обеих стран. Она перебивалась случайными заработками, вынужденная заново пойти учиться на дантиста. К несчастью для нее, она идеально подходила для работы в чайной.

Рядом с Жанной стоял Янник, французская версия Билла Гейтса: прилизанная челка, очки в металлической оправе — в общем, вылитый ботаник.

На самом деле, очень немногие из гастрономических изысков, которые Жанна и Янник готовились предложить покупателю, были на сто процентов британскими. Это распугало бы всех клиентов. Так что наш картофельный салат был приготовлен с добавлением лучшего французского майонеза. Во всех других салатах доля английских продуктов была минимальной. А уж ингредиенты для наших сэндви-

чей — с сыром, с сыром и ветчиной, с сыром и помидорами или, для экстремалов, с сыром, ветчиной и помидорами — вообще не пересекали государственной границы.

Нужно было пройти хотя бы полпути с блюдами, приближенными к местной кухне, и только после этого добавлять в них британской изюминки. Я уже закупил настоящих брэдфордских цыплят для приготовления тикки, оригинальные сомерсетские сосиски (хорошо прожаренные, они выглядели не такими бледными и невразумительными, как французские).

Только сладости не комплексовали из-за своей национальности. Французы обожают английские десерты. В парижских *cafés* часто подают крамбл (только по какой-то необъяснимой причине здесь едят его холодным), а морковный торт имеет множество поклонников на галльском берегу Ла-Манша. Эти десерты, как и коллекция наших конфет, заставили бы французских супермоделей забыть о диете Аткинса.

И в самом дальнем уголке этого сада земных удовольствий меня поджидала касса, предназначенная для сбора звенящих (а лучше хрустящих) денежных знаков, которые были так необходимы, чтобы расплатиться по заоблачным счетам со строителями.

Только после того, как посетители выбрали бы каждый свое блюдо из всего многообразного ассортимента, они смогли бы пройти в зал и сесть за один из пятнадцати отделанных жаростойким пластиком прочнейших столиков, которые я заказывал в Великобритании.

Впрочем, пока все это было в теории, потому что стрелки часов приближались к восьми, а двери чайной все еще были закрыты.

— Итак, все готовы? — Я швырнул изуродованное яблоко в мусорную корзину и в последний раз оглядел помещение. Все, волноваться уже поздно.

Я услышал жизнерадостное «Есть!» Кейти, у которой оптимизма и уверенности было куда больше, чем у меня. Она накрутила на голове два маленьких хвостика, и они смотрелись как антенны, снабжавшие энергией ее улыбку.

Жанна выглядела спокойной; наверное, и я был бы спокоен, если бы передо мной встал выбор — разливать чай или ковыряться в чужих ртах.

Жиль, один из моих двух поваров — тот, что повыше, — ободряюще улыбался со ступенек лестницы, ведущей в подвал, где находилась кухня. Он и его друг Жюльен, оба студенты последнего курса кулинарной школы, должны были работать посменно. Когда-то они увидели Джейми Оливера на канале «Кьюзин-ТВ» и решили, что поработать в английском *café* — это так же круто, как покататься на скутере по коридорам Букингемского дворца.

И только Янник нервничал не меньше меня, постоянно теребя свой бейджик.

У нас у всех были бейджики. Мне хотелось, чтобы посетители видели в персонале потенциальных друзей, а не врагов, как зачастую бывает во французском сервисе.

Все, что нам было необходимо теперь, это те самые посетители.

Но когда я отпер дверь, первым, кого я увидел, был мой бывший босс.

Жан-Мари Мартен, председатель совета директоров компании «Вьяндиффузьон фудс» и мэр нормандского городка Тру-сюр-Майенн, дожидался в своем автомобиле, припаркованном вторым рядом на противоположной стороне улицы. Заметив меня, он вышел из машины и решительным шагом направился ко мне, не обращая внимания на трафик, бросая вызов всем, кто мог сбить его с пути. Никто, разумеется, не осмеливался принять этот вызов. Мужчины, наделенные властью от природы, не обязаны ждать, пока машины остановятся, даже во Франции.

Он вошел в чайную и огляделся как хозяин. Собственно, отчасти так и было. Во всяком случае, стены и пол точно принадлежали ему. Он купил это помещение и еще шесть-семь других «точек» в Париже, когда нанял меня открывать сеть чайных для его компании. После того как он передумал и мы расстались, он отдал эти площади в аренду под магазины. Когда я решил открыть самостоятельный бизнес, я уговорил Жана-Мари сдать мне это помещение в аренду на год с возможностью выкупа его в собственность по рыночной цене по окончании срока аренды.

— Приветствую тебя и поздравляю, — произнес Жан-Мари по-английски, как всегда безупречно. — Привет, — повторил он, обращаясь к Кейти. Он еще не утратил привычку гипнотизировать женщин.

— Добро пожаловать, Жан-Мари. — Я пожал ему руку и окинул взглядом как всегда отлично сшитый костюм. Сегодня Жан-Мари надел оловянно-серый

шедевр портняжного искусства, с подкладкой цвета только что нарезанного копченого лосося. Галстук из фиолетового королевского шелка был завязан с инженерной точностью. Перфекционист, живший в Жане-Мари, зачесал жидкие крашенные волосы назад и пригладил, открывая безупречно загорелый лоб.

Передо мной стоял человек, придирчивый к деталям, так что приятно было видеть одобрение, которое он демонстрировал, оглядывая мой салон. Почти так же приятно, как на прошлой неделе, когда чайную осматривал инспектор по гигиене.

— Что тебе предложить? — спросил я.

— А... — Он улыбнулся и бросил взгляд в сторону прилавка. — Может быть, очаровательная юная Кейти предложит мне чашку английского чая?

— Конечно, сэр, какой сорт вы предпочитаете? — Как и все женщины, Кейти, хоть и была вдвое моложе Жана-Мари, буквально тонула в его глазах, словно не могла дожидаться, когда он предложит ей переспать. Я не знаю, где он покупает свой шарм, но точно не на полках с лосьонами для бритья.

Жан-Мари вздохнул в предвкушении удовольствия и пробежался глазами по ассортименту чая:

— «Дарджилинг»? С *облаком* молока?

Кейти хихикнула, заваривая чай.

— Пойдем, нам надо поговорить, — сказал мне Жан-Мари. Это прозвучало зловеще.

Когда мы сели напротив друг друга за столиком, я сразу вспомнил нашу последнюю встречу в мае прошлого года. Я тогда поехал к нему на квартиру и шантажом пытался добиться у него права на использова-

ние названия «Мой чай богат», которое, строго говоря, принадлежало его компании. Чтобы добиться его согласия, я угрожал или, скорее, намекал на то, что расскажу прессе, как он импортировал английскую говядину вопреки запрету, действовавшему во Франции.

В то время он баллотировался на пост мэра города, где у него не было шансов на победу без поддержки двух ультраправых партий, так что ему вовсе не хотелось, чтобы поползли слухи о нелегальной торговле с традиционным врагом Франции.

С тех пор он быстро набирал политический вес и уже участвовал в политических играх национального масштаба.

Французские партии реформируются с невероятной частотой, по мере того как одно эго вытесняет другое в борьбе за лидерство в разных фракциях. И, по словам моих бывших коллег, врожденная самоуверенность Жан-Мари и круг влиятельных друзей уже помогли ему взлететь на такую трибуну, откуда достаточно было произнести несколько ключевых речей, чтобы рассчитывать на место во главе отколовшейся партийной группировки, исповедующей «традиционные ценности». Немного демагогии о борьбе с преступностью, насчет сохранения семьи, что-то расплывчатое про Европу, недоверие к Америке — и вот готов французский стейк на любой вкус. Какой избиратель, в чьих жилах есть хоть капля галльской крови, сможет с этим поспорить?

Так что я предположил, что сейчас услышу вежливо упакованную угрозу смерти с целью пресечения

дальнейшего распространения слухов об английской говядине.

— Я наблюдал за тобой, — сказал он.

— О, да?

— Когда я летом вернулся в Париж, я видел, как ты здесь трудишься. За последние две недели прогресс просто ошеломительный. *Décor* супер. — Он показал на картины, развешанные по стенам цвета чая. Вместо традиционных сцен игры в гольф, крикет и крокет я выбрал коллекцию потрясающе китчевых фотографий британца по имени Мартин Парр. Это были снятые крупным планом флуоресцентные торты, очередь в чип-шоп, обожженные солнцем отпускники с тающим мороженым в руках и много других снимков, сделанных с любовью к британской пище. — И это... Как вы называете *façade*?

— *Facade*.

— Правда? Так вот, фасад смотрится очень здорово. И вывеска — «Мой чай богат». Звучит, да?

— Да, спасибо, Жан-Мари. Это ведь твоя идея, и она была удачной.

— Даже если поначалу ты считал ее никуда не годной?

— Да, я помню. — Я пристыженно кивнул, хотя на самом деле никогда не говорил, что название никуда не годное. Я употребил другое выражение: «Чушь собачья». Но это было до того, как я осознал, что французам нравится фраза «Мой чай богат», потому что это калька с «типичного» английского предложения, заученного еще в школе: «Мой портной богат». Для нас, бриттов, это, конечно, пустышка, но мы ведь то-

же достаем всех вопросом «Où est la plume de ma tante?»¹, заставляя французов думать, будто у нас есть родственники, которые небрежно обходятся со своими письменными принадлежностями.

— А твой, как ты говоришь, слоган! *Le plus British des salons de thé*². Мне нравится.

— Спасибо. — Ну вот, подошли к главному, подумал я. Для начала он напомнил о том, что мне есть что терять, а сейчас подробно расскажет, как это будет происходить.

— Мы придем на твой праздник.

— Придете? О, я рад. — Через пару недель мы собирались устроить праздничную вечеринку. Я решил, что сначала надо наладить работу, а уж потом официально объявлять об открытии. Конечно, было бы здорово, если бы Жан-Мари присутствовал на этом мероприятии. Мелкая политическая звезда вроде него могла сотворить чудеса в плане рекламы нашего заведения.

— С женой. И сыном.

— Бенуа? Как он поживает?

— Хм... — Трещинка раздражения расколола на миг маску благополучия. — После того как из медицины он ушел в биологию, теперь он решил, что займется... как это сказать?... *Энологией*.

— Энологией? Это что-то связанное с мастурбацией?

¹ Где перо моей тетушки? (*фр.*)

² Самый британский из французских чайных салонов (*фр.*).

— Наука о вине, понимаешь ли. *Franchement, il se fout de ta gueule.* — Это замечание о том, как его бесит сын, прозвучало тем же звериным рыком, каким не так уж давно сопровождались злобные тирады Жана-Мари в мой адрес. — Ему уже двадцать пять, черт возьми! Он должен работать!

— Да. А как поживает...

Я собирался спросить про Элоди, его великодушную дочь, которая когда-то предложила мне нечто большее, чем просто угол в ее квартире. Но Жан-Мари еще не закончил с Бенуа. Он взял меня за плечо и посмотрел прямо в глаза:

— Он должен работать на тебя.

— Что?

— Бенуа. Он должен работать здесь.

— Здесь? Но я уже...

— Мы придем в субботу. — Его хватка была крепкой. А вот голос заметно смягчился. — Вместе с Бенуа и журналистом, который будет готовить телевизионный репортаж с моим участием. Надеюсь, ты не против, если твой *salon de thé* засветится на экране?

— Конечно, не против.

Жан-Мари отпустил мое плечо:

— Хорошо, ты предложишь Бенуа работу в чайной. Возможно, в паре с очаровательной Кейти? — Он посмотрел в ее сторону и улыбнулся.

Какого черта он замышляет? — недоумевал я. Бенуа заводит шашни с Кейти, приводит ее домой знакомить с родителями, и папочка уводит девушку у непутевого сына, заманивая на уик-энд в какой-нибудь шикарный *château*? Да нет, ерунда полная. Он же пер-

вый раз видит Кейти. Должен быть еще какой-то мотив, помимо страсти старика к молодым аппетитным телам. Но какой?

Жан-Мари хлопнул в ладоши, словно подводя итог нашей встречи, и поднялся.

— Великолепный чай, — сказал он, обращаясь к Кейти, хотя даже не притронулся к чашке.

Кейти зарделась.

Проходя мимо кассы, Жан-Мари положил на прилавок купюру в десять евро и добавил:

— И отличный сервис.

Кейти еще больше покраснела, хотя казалось, что это невозможно.

Жан-Мари пересек улицу, умаслил инспектора дорожного движения, чтобы тот не выписывал штраф за неправильную парковку, и укатил, помахав на прощание моему изумленному персоналу, который выстроился у окна поглазеть на него.

Они еще не понимали, что, скорее всего, он только что лишил одного из них работы. Но разве это не отличительная черта всех политиков? Они превращают вас в безработных, а вы все равно за них головуете.

3

После спокойного первого утра торговля быстро начала набирать обороты. Заведение никогда не было переполнено, но уже со второго дня работы не пу-

стовало, причем с самого утра и до закрытия. Фантастика.

Проблема была в том, что, по мере того как дела налаживались, у меня появлялось время задуматься о других вещах.

Например, о мандаринах.

Мне еще предстояло так много о них узнать.

Почему, скажем, Алекса, когда в отношениях с ней забрезжила надежда, прислала мне потрясающе спелый мандарин?

В конце той первой недели мне позвонила женщина и приятным голосом сообщила, что мой телефон узнала у Алексы.

Звонила очаровательная малышка Виргиния, девушка со съемочной площадки. Я хочу сказать, вот вам пример мандарина, который в некоторых ключевых зонах обнаруживает все признаки грейпфрута. И что Алекса предлагала мне с этим делать? Вывести девушку в свет и поговорить об условиях работы во французской киноиндустрии?

Нет, конечно. Алекса наверняка знала, что произойдет, поэтому позволила Виргинии беспрепятственно следовать за своими инстинктами.

Но что это были за инстинкты...

На следующий день после звонка — в субботу — я пригласил ее поужинать в отличный ресторан африканской кухни возле Бастилии. Подавали острое, жаркое, густое североафриканское вино, тягучие сладости, так что у Виргинии был шанс продемонстрировать мне, что она не стесняется облизывать на лю-

дях пальцы. Первым же движением языка она заставила всех парней за другими столиками поперхнуться от зависти.

Потом она повела меня в тускло освещенный бар за углом, где потолок был декорирован женскими бюстгальтерами. Это предсказуемо вывело нас на дискуссию о женском нижнем белье с акцентом на вкусовых пристрастиях самой Виргинии.

Через дорогу был еще один бар, с длинными низкими диванами, где двое малознакомых людей могли расслабиться, переместиться в неосвещенный угол и проверить, насколько им приятно прикасаться друг к другу и целоваться.

В такой обстановке, естественно, вставал только один вопрос: «К тебе или ко мне?», — и после короткой поездки на такси в Двадцатый округ мы уже бежали наперегонки с гормонами на верхний этаж, к квартирке-студии Виргинии.

Лучшие мандарины, разумеется, те, которые легче всего очищать от кожуры, и на Виргинию в этом смысле ушло всего три секунды, после чего она уже была в постели.

И вот тут наступил черед экзотических звуков. Каждое прикосновение моих пальцев рождало новое слово. Некоторые слова были созвучны блюдам, которые мы совсем недавно заказывали в ресторане. *Ши-и-иш. Ки-и-и-фф. Му-а-а-а-х.* Другие были французскими, и Виргиния произносила их нараспев. *C'eeest booooooon. Doooooooooement*¹. И еще одно, кото-

¹ Хорошо. Помедленнее (*фр.*).

рое я слышал и раньше, но с удовольствием послушал еще раз. Ооооииии¹.

— Вау, — выдохнул я, когда мы с Виргинией были выжаты, как мандарины.

— Хочешь остаться? — спросила она. — Я не против, если ты пойдешь домой. Но ты можешь остаться.

— Я хотел бы остаться, да. — Поспать на настоящем матрасе с реальной женщиной было бы здорово. Да и завтрак мог оказаться забавным приключением.

— Я должна предупредить тебя. Не подумай, что я ищу бойфренда. — Виргиния, приподнявшись на локте, смотрела на меня трогательно и виновато одновременно, как зачастую смотрит женщина после секса, даже если ей не в чем себя упрекнуть.

Она потянула за крестик, который упорно не хотел покидать своего места в ложбинке между грудей. И я не осуждал его. Ложбинка оказалась еще лучше, чем я себе представлял. У Виргинии были восхитительные груди — из тех, что провоцируют на всякие непристойные игры.

— Нет?

Виргиния покачала головой:

— Нет, я только что рассталась с бойфрендом. Он мне действовал на нервы, такой зануда... Я рассказала своим подругам про тебя, — прибавила она, — и они мне посоветовали: давай, вперед, оторвись с ним на полную катушку.

— Что ж, передай им благодарность от меня, — сказал я. И тут же, пораженный внезапной мыслью,

¹ Да (фр.).

спросил: — А Алекса советовала тебе это, когда давала мой телефон?

— Нет, она мне не то чтобы *подруга*. Мы просто познакомились на съемках.

— А *она* что тебе сказала обо мне?

— Да ничего.

— О...

Виргиния неправильно истолковала мое смущение, решив, что я обиделся.

— Но я могу сказать, что она тебе симпатизирует, — поспешно прибавила она.

— Я вижу, — сказал я, хотя ничего похожего не просматривалось.

— Тебе вовсе не обязательно оставаться. Я не обижусь. Но было бы весело, если бы ты остался — как ты думаешь?

— Да, думаю, что да.

— Вот и хорошо. Тебе нравится, когда я беру свои груди так... и так?

Не было никакой необходимости подтверждать то, что было понятно и без слов.

Но я все изводил себя сомнениями. *Действительно ли это то, чего от меня хотела Алекса?*

4

Теперь у меня было время, чтобы заняться и другой проблемой — поиском жилья.

В самом деле, мне уже порядком надоело каждое утро прятать свой надувной матрас за штору в подва-

ле. Любой из посетителей, спускаясь в туалет, мог ненароком пройти по нижнему этажу и обнаружить горькую правду о гостеприимном хозяине заведения. Какими бы грандиозными ни были заявленные им цели, он был всего лишь бездомным.

Вот когда мне пригодился Янник, мой студент-ботаник. Его, конечно, нельзя было назвать мастером приготовления сэндвичей, зато у него были друзья, которые искали четвертого партнера, чтобы вместе снимать жилье.

Квартира находилась в Пятнадцатом округе, в той части города, где селились в основном семейные представители среднего класса, и назвать ее оживленной язык не поворачивался. Но Янник сказал, что его друзья скучать не дадут. Они учились на последнем курсе бизнес-школы и все уже пристроились в крупные французские компании. Причем практиковались не бесплатно, что было хорошей новостью. Мне вовсе не улыбалась перспектива одному оплачивать ежемесячную аренду.

Я договорился встретиться с ними как-то вечером, после закрытия чайной.

Уже по реакции таксиста мне следовало бы догадаться, что все пойдет наперекосяк.

— *Rue Eugène*, — назвал я адрес.

— *Rue Eugène?*¹ — повторил таксист и впал в ступор.

Я снова заглянул в клочок бумаги, и до меня дошло, что следовало озвучить полное название улицы.

¹ Улица Эжен? (фр.)

После того как я это сделал, таксист кудахтал почти всю пятнадцатиминутную дорогу. Я так и не понял почему.

Само здание не вызывало положительных эмоций. Это был один из тех типовых шестиэтажных многоквартирных домов, которыми застроили улицу в 1890 году.

Кодовый замок пропускает вас в вестибюль, выложенный мелкой черно-белой плиткой. На стене привычные почтовые ящики, два из которых непременно забиты макулатурой. Далее стеклянная дверь с рамой, окрашенной под натуральное дерево. Рядом на стене незатейливый домофон с двойным рядом звонков. Здесь вы выбираете нужное имя из списка и нажимаете соответствующую кнопку. Дверь жужжит, вы толкаете ее и оказываетесь на маленькой лестничной площадке, при плохом раскладе видите крохотный лифт грузоподъемностью в одну персону, который и доставит вас на верхние этажи. Я говорю «при плохом раскладе», потому что, если вам, как и мне, понадобится попасть на пятый этаж, у вас наверняка возникнет искушение воспользоваться лифтом — и, как только дверь-гармошка оттородит вас от внешнего мира, вы станете терзаться сомнениями, хватит ли кислорода до конца подъема.

В Париже тысячи таких зданий, и я не замечал некоторых нюансов, пока Джейк не объяснил мне что к чему.

Прежде всего необходимо убедиться в том, что почтовые ящики лишены следов взлома (в противном случае есть вероятность, что замки на входных две-

рях ненадежные), и проверить, насколько чисто на лестницах (то бишь есть консьерж или нет, а если есть, насколько он хорош). Если на ступеньках лежит красный ковер, значит, имеются в наличии жильцы-аристократы и заносчивый консьерж; если ступеньки отполированы до такого блеска, что удержаться на них можно только на шипованных подошвах, вас ждет встреча с помешанным на чистоте консьержем, который за дополнительную плату возьмется убирать вашу квартиру.

Лифт в этом доме был новый и довольно плавно скользил вверх, хотя мне хватило времени, чтобы прочитать уведомление о запрете пользоваться лифтом в случае пожара. Загвоздка, пожалуй, была лишь в том, что эту табличку можно было увидеть, только когда окажешься в лифте и за тобой закроется дверь.

А вот пожарных выходов в таких зданиях не предусмотрено. И что делать, если живешь на пятом этаже, а пожар возникнет на лестничной площадке? Обливаться минеральной водой «Перрье»?

— Ты Пул? — Запыхавшаяся девушка с короткими пепельными волосами, красными щеками и слегка блаженной улыбкой открыла дверь и жестом пригласила меня войти, прежде чем я успел сказать «да» или «нет». — Я — Мари-Кристин, — прибавила она.

Двое парней топтались в прихожей, поглядывая на меня в каком-то тревожном ожидании. Складывалось впечатление, будто меня пригласили на обед, но за мой счет.

Все трое по очереди пожали мне руку и приветствовали на неком подобии английского языка. Один парень — маленький, черноволосый, с темной пятичасовой щетиной — представился Теодором. Другой, веснушчатый блондин ростом выше меня, назвался Маттьё. Запыхавшаяся Мари-Кристин заговорила о своей чрезмерной упитанности, беспрестанно хихикая по этому поводу, так что рассмотреть ее толком не удавалось. Они сказали, что я могу называть их Тео, Мэтт и Мари-Хи, хотя я почти не сомневался в том, что «Хи» было скорее нервным тиком, а не приставкой к имени.

— Зайди в ухо, — сказала Мари. К счастью, я уже привык к французскому акценту и понял, что она приглашает меня пройти в гостиную, а вовсе не предлагает секс через ухо.

Я расположился в одном из четырех потертых кожаных кресел перед крохотным телевизором. Непокрытые половицы выглядели подозрительно чистыми для общей квартиры. Никаких винных пятен, даже случайного журнала, пластиковых имитаций рвоты или подпаленного парика под стулом. (Да, в свое время я пожил в таких квартирках вскладчину.)

И гостиная, и коридор с четко расставленными туфлями и аккуратно развешанными пальто пахивали генеральной уборкой, и это настораживало. Не было ли здесь каннибальской вечеринки с лужами крови?

— Ты пьешь? — обратился ко мне Тео. Я догадался, что он предлагает мне прохладительный напиток, а не спрашивает о возможном пристрастии к алкоголю.

— Да, пожалуй. — Я взял бутылку пива и остался сидеть под прицелом трех пар глаз потенциальных людоедов.

— Итак, вы ищете четвертого компаньона? — нарушил я молчание.

Они продолжали таращиться на меня.

— Что? — наконец произнесла Мари.

— Вам нужен еще один человек?

— Ах да, мы хотим другой.

— Ты хинглиш или хамерикен? — спросил Мэтт.

— Англичанин.

— Хорошо, мне нравится хинглиш.

— Но ты нравится свободные концы?

Я не знал, как ответить на вопрос Мари. Судя по всему, она вернулась к теме «зайди в ухо».

— Свободные концы?

— Да, ну это. Лошадь, короткая берлога.

Лошадь с короткой... чем? Все окончательно запуталось.

— Я не очень-то разбираюсь в этом, — признался я.

От изумления у них округлились глаза.

— Ты не делаешь свободные концы? — выдохнул Тео.

— Нет, никогда.

— Ты моешь. — Мари вскочила и выбежала из комнаты.

Теперь мне стало по-настоящему страшно. Если сейчас она вернется с губкой, мылом и парой ножниц, я сделаю ноги, пусть даже до конца дней буду спать на надувном матрасе.

Двое парней продолжали улыбаться мне, ожидая возвращения Мари. Я услышал ее шажки по коридору и приготовился бежать.

Но она вернулась с вполне невинным DVD-проигрывателем. И когда на экране телевизора вспыхнули первые кадры, я успокоился.

Забренчали гитары, актеры со стрижками по моде девяностых резвились возле фонтана.

— Так это «Друзья»¹, — сказал я. — Росс, Чендлер.

— Да! — радостно подхватили они. — Фиби, Ха-Шелл, Шоуи.

— Ты знайт это, да? — спросил меня Тео.

— Конечно.

— Уф, — выдохнул он, как будто я только что врезал ему под дых. Но это, я уже знал, по-французски было вздохом облегчения.

После этих первоначальных недоразумений мы быстро нашли общий язык. Я научил их правильно произносить имя «Чендлер», а они отблагодарили меня пивом. Что ж, вполне справедливый обмен.

Друзья назвали мне арендную плату, которая была приемлемой, показали свободное место в холодильнике, которого было многовато для моих ограниченных амбиций домашнего кулинара, выделили полочку в ванной, удивительно чистой и не замусоренной чужими волосами.

Как выяснилось, порядок в квартире поддерживался вовсе не усилиями ее обитателей, а благодаря блестящей идее доплачивать консьержке, которая к

¹ Название сериала «Друзья», *Friends*, созвучно фразе *free ends* — «свободные концы» (англ.).

тому же гладила рубашки и скребла сковородки и кастрюли, оставленные в раковине.

Сделка показалась мне весьма выгодной, и в тот же вечер я вернулся на квартиру с вещами. Мари даже выдала мне комплект постельного белья, от чего мне захотелось расплакаться.

Жизнь, почувствовал я, начала потихоньку налаживаться.

Наивный малый.

5

Накануне праздничной вечеринки я получил довольно странное письмо от Алексы с пожеланиями удачи и советом не перенапрягаться на работе.

«Не забывай про себя, — писала она. — Расслабляйся, балуй себя».

Неужели это то, о чем я подумал? Не предлагает ли она мне позвонить Виргинии насчет еще более вкусного свидания?

Впрочем, это не тот вопрос, который можно задать девушке напрямую.

Я ответил, что о себе не забываю и меня балуют, так что спасибо за то, что передала кому надо номер моего телефона.

Потом позвонил Джейк с какой-то очень неприятной новостью, и, как всегда, объяснялся долго и путано.

— Мне кажется, у тебя сайт не того, — сказал он.

— Мой что не того?

— Ну, твой веб-сайт. Он не на линии.

— Что, не работает?

— Нет. Я делал постинг моей позы...

— Что ты делал?

— Пересылал поэзию. Форматировал. Ну, я ведь размещаю свою поэзию *en ligne*, помнишь? Да, старик, *à propos*¹, я нашел отличный эстонский сайт. Ну что-то вроде «Эстонцы, объединяйтесь!». Там такие женщины! Просто *genial*². Ты знал, что они имеют отношение к баскам?

Он принялся рассуждать о лингвистических связях между эстонцами, басками, финнами и венграми, о своих шансах переспать с женщинами этих национальностей, а я серьезно озабочился своим веб-сайтом. Он уже давно должен быть подключен. В последний раз, когда я разговаривал с дизайнером, все вроде бы шло по плану. Может, Джейк перепутал адрес?

— Джейк...

— Так что с Европой все в порядке, но вот закончить Африкой — это по-настоящему круто, старик.

— Джейк...

— Понимаешь, в Париже нет ни одной женщины из Судана, Сомали или Эритреи. Какая ирония судьбы.

— Ирония?

— Да. Это же самый *секс* Африки. Я правильно выразился?

— Да, предлагаю тебе рифму: я не нашел девушек с Горна, так что придется завязывать с порно.

¹ Кстати (*фр.*).

² Гениально (*фр.*).

Конечно, жестоко с моей стороны, но я знал, что лучший способ остановить поток геосексуальной информации — это разозлить Джейка.

— Послушай, старик, я уже говорил тебе, ты должен проявлять *un peu de respect*¹ к моей поэзии.

— Да, извини, Джейк. Я очень уважаю твою поэзию. Но мне нужно спросить тебя насчет веб...

— О, черт, мне пора. Босс приезжает.

— Ты на работе?

— Да, я занимаюсь с мадам Брунери.

— У тебя сейчас урок?

— Да, я сказал, что ей будет полезно послушать телефонный разговор на настоящем английском. Но мой босс приезжает. До завтра. Чао.

Он повесил трубку, а я задался вопросом, что могла усвоить его студентка. Разве что интересное словосочетание «постинг позы». Ну и еще то, что учитель — сексуально озабоченный тип.

И они до сих пор его не уволили?

Впрочем, Джейк оказался прав. Мой веб-сайт не работал. Я позвонил дизайнеру, и она объяснила причину. Все было поразительно просто: она не знала, как запустить веб-сайт.

— Но вы же веб-дизайнер, — напомнил я ей самым спокойным тоном по-французски.

— Да, я разрабатываю веб-сайты. Но это не значит, что я могу их запускать.

— Но это равносильно тому, что машинист поезда скажет: я умею управлять поездом, но не знаю, как тормозить.

¹ Немного уважения (*фр.*).

— Нет, это не так, — возразила она.

— Хорошо, тогда кто должен запустить его?

— Я не знаю, — ответила дизайнер.

— Но мне нужно, чтобы он был в рабочем состоянии в день торжественного открытия заведения.

— Что ж, тогда вам нужно побыстрее найти кого-нибудь.

Ее логика была такой убийственной, равнодушие — настолько профессиональным, что мне пришлось постучать себя по голове телефонной трубкой, воздавая должное ее гению.

6

Была суббота, около четырех пополудни.

Готовить чайную к вечеринке я вызвал весь персонал — Кейти, Жанну, Янника, двух поваров и еще одного повара, нанявшегося работать на полставки, корсиканца Фабриса, который не смог прийти в день открытия, поскольку ему нужно было записываться на университетский курс польского языка. Не то чтобы Фабрис собирался учить этот язык — ему просто была необходима дешевая студенческая страховка. Я так думаю, на факультетах восточноевропейских языков числятся студенты, которые никогда не посещают занятий, и преподаватели, которые получают зарплату за безделье.

Я выстроил свое войско и поздравил всех с отлично выполненной работой. После дневного часа пик

мы закрыли чайную, переставили столы, расположив их в виде буквы «L», и устали каждый квадратный дюйм квазианглийскими угощениями к чаю. Для чайных чашек и собственно процесса заварки предназначался прилавок. Аппарат для кипячения воды был украшен адресованными мне открытками с поздравлениями, в том числе от родителей, которые сожалели, что не смогут быть на открытии, и в очередной раз напоминали о том, что у них не так много денег, чтобы выволить меня из долговой ямы, если я прогорю со своей чайной. Спасибо за поддержку, ребята.

Все мы надели футболки с логотипом «Мой чай богат» и, когда позировали перед фотокамерами на фоне тортов и сэндвичей, выглядели молодой и ретивой командой новобранцев.

Что и говорить, поначалу я надеялся, что фотографии будет делать Алекса, но мне не хватило смелости обратиться к ней. Это вызвало бы столько сложностей, учитывая катавасию с Виргинией. Так что в итоге я просто пригласил парня из «Желтых страниц».

В числе первых на праздник явилась сама Виргиния. Мы не виделись с той горячей ночи, но никто из нас, похоже, не воспринимал это как оскорбление. Она поцеловала меня прямо в губы, просунув язык достаточно глубоко, чтобы у моего персонала не осталось сомнений в том, что мы переспали, после чего направилась к столу, где мы сосредоточили все торты. Хотя в ее обтягивающих брюках с заниженной талией не было места для шоколадных десертов.

Пришел и мой бывший коллега Бернар, человек с моржовыми усами, и меня его приход тронул, ведь во время совместной работы у нас были напряженные отношения. Жан-Мари заставлял его говорить по-английски на всех наших совещаниях, и это было так же жестоко, как заставлять настоящего моржа бежать четыреста метров с препятствиями. Бернар спотыкался о каждый лингвистический барьер и беспомощно шлепался на землю.

— Ты был на солнышке, — сказал я ему по-французски, чтобы он не чувствовал себя как на работе. Его лоб и нос в самом деле были алыми, и это было особенно заметно на фоне белых щек и выгоревших усов, так что теперь он, пожалуй, больше походил не на моржа, а на клубничный кекс.

— Да, — кивнул он. — В Норвегии.

Ага, навещал родственников-моржей, догадался я и заметил:

— Что ж, теперь можешь забыть о сырой рыбе и насладиться великолепной английской кухней.

— Великолепная английская кухня? — Он, наверное, до конца вечера усмехался мысленно такой абсурдной концепции.

Еще двое бывших коллег пришли вместе. Стефани, агрессивная блондинка, которая, насколько я был в курсе, до сих пор оставалась любовницей Жан-Мари. И Николь, тихий финансист, которая втайне была влюблена в меня.

Едва переступив порог, Стефани критическим взглядом менеджера по закупкам осмотрела чайные пакетики, посуду и булочки с сосисками, словно по

их форме могла определить, насколько меня облапошили.

— *Pas mal, pas mal*¹, — проговорила она после паузы. — Попробую-ка я твою сосиску.

— Угощайся, — улыбнулся я, польщенный ее словами. Пожалуй, это было одно из немногих желаний, какие она приберегала исключительно для Жана-Мари.

Николь прижалась щекой к моей щеке и сказала:

— Рада, что у тебя все сложилось.

Потом прошла к столу с сэндвичами, где было чему уделить внимание.

Следующей явилась моя соседка, хозяйка магазина одежды, весьма надменная особа, которая с порога заявила, что чайная вовсе не выглядит английской.

— Здесь должен быть красный ковер, — добавила она, — кожаные диваны, дворецкие должны подавать чай.

Я догадывался, почему ее магазин всегда пустовал. Она застряла где-то в сороковых годах прошлого века.

— Дворецкие? — переспросил я. — В наши дни их вряд ли найдешь.

Но многие французы, пожалуй, согласились бы с ней. Они до сих пор думают, что все англичане носят шляпы-котелки и вступают в близость со своими женами раз в год, перед открытием сезона крокета.

¹ Неплохо, неплохо (*фр.*).

К счастью, таких французов быстро вытесняют их соотечественники, которые считают Британию модным местечком, где водятся поп-звезды, сексуальные молодые принцы и морковный торт.

Спустя несколько минут, когда в зале уже былолюдно и дымно, случился сюрприз. Супруга Жана-Мари, эта чудо-женщина от «Диора», доведенная до совершенства стараниями пластических хирургов, вошла под руку со своим сыном Бенуа. В последний раз я видел ее в тот вечер, когда явился шантажировать Жан-Мари, и она, естественно, отнеслась ко мне так, будто я только что помочился на ее любимый персидский ковер.

Впрочем, сейчас она была само очарование, которое мне тоже показалось естественным. В школе для диоровских чудо-женщин наверняка учат жен будущих французских политиков быть любезными с крысами и тараканами, чтобы приспособить их к тем формам жизни, о каких им придется сплетничать, когда их мужья добьются успеха. Так что поллюбезничать с английским экс-шантажистом было для мадам Мартен делом плевым.

— *Bonjour*, Пол, — произнесла она с неподдельной теплотой.

— *Bonjour*, мадам Мартен. — Я пожал протянутые пальцы и почувствовал себя полным олухом, потому что мне не хватило мозгов поцеловать их.

— Катрин, — сказала она, пожимая мою руку. Если бы я не сталкивался с ней при других обстоятельствах, я сказал бы, что она флиртует.

Она была одета довольно сексуально и в то же время не изменяла классике. Узкая юбка до колен подчеркивала плавный изгиб бедер, белоснежная блузка из хлопка удачно обтягивала бюст, расстегнутый ворот позволял заглянуть в ложбинку между грудями. На шее Катрин Мартен и лицо не было заметно морщин, несмотря на возраст. И я мог бы поклясться, что со времени нашей последней встречи ее бюст увеличился на размер, а то и на два. Возможно, подарочные ваучеры от хирургов ко дню рождения.

Все еще не отпуская мою руку, она поздравила меня и, оценив мои усилия, изрекла:

— *Merveilleusement*¹.

Это слегка настораживало. Все, что она говорила, не казалось заученной наизусть речью для приема, устраиваемого Торговой палатой. Я даже поймал себя на том, что возвращаюсь к своей давней привычке в разговоре с женщиной на темы, никак не связанные с сексом, искать намеки на то, что она хочет переспать со мной. Расширяются ли ее зрачки, облизывает ли она губы? В общем, что-то в этом роде. Конечно, с женой Жана-Мари такие игры были нелепы. Мало того что это могло обернуться для меня карьерным и даже физическим самоубийством, — я был всего на два года старше ее сына.

Ах да, сын. Бенуа стоял за спиной мадам Мартен — вернее, возвышался над ней — и мило улыбался. Он состриг свои хилые дреды и теперь зачесывал

¹ Превосходно (*фр.*).

волосы назад, став похожим на молодого, менее загорелого и в миллион раз менее самоуверенного Жана-Мари. Судя по выражению наивного любопытства на лице Бенуа, он понятия не имел о том, что его притащили сюда для знакомства с будущим боссом.

Я сопровождал мадам к чайному прилавку, наконец-то освободив свои пальцы, и лично налил ей чашку моего лучшего «Лапсанга». И тут же бросился к двери, заведя входящего внутрь типа невообразимо жуткого вида.

Волосы у парня были словно склеены, лицо его в последний раз брил дня три назад слепой цирюльник, страдающий болезнью Паркинсона, а к нижней губе приклеилась самокрутка. Единственное, что выбивалось из образа, так это превосходный новенький темно-серый костюм, и это наталкивало на мысль, что парень только что обчистил дизайнерский бутик.

— Это же мой костюм! — еле слышно простонал я.

— Э-э... да, старик. Я собирался спросить у тебя.

— Мой костюм от «Пола Смита», Джейк. — Что и говорить, передо мной стоял человек, который в случае, если бы Землю захватили пришельцы с планеты Хам, был бы возведен ими в сан божий и избран пожизненным правителем Хамской империи. Позволить ему надеть такой костюм было равносильно тому, чтобы подарить свой лучший чайник быку, который только что разгромил твою фарфоровую лавку.

— Я примерил его, чтобы привыкнуть.
— К чему? К остальным моим вещам?
— Нет. Я готовлюсь к собеседованию по работе.
— Что? Только не говори мне, что они все-таки уволили тебя.

Он глубоко и жадно затянулся самокруткой:

— Нет, и в этом проблема. Меня все это начинает угнетать. Я преподаю английский вот уже четыре года. И чувствую, что мозг плавится. Поэтому решил попробовать себя в рилейшнз паблик.

— Паблик рилейшнз? — Я даже не думал поправлять его, это вышло непроизвольно, настолько я был потрясен. И речи быть не могло, чтобы какая-нибудь компания позволила Джейку вступать в отношения с общественностью, разве что трудоустроив его в отдел жалоб. Одного взгляда на Джейка было достаточно, чтобы понять: благодаря ему никакая проблема никогда не разрешится.

— Да. Я говорил тебе. У меня есть план.

— План?

— Да. Ну ты помнишь. — Он приблизился ко мне, чтобы не раскрывать своих секретов жующей и чаевничающей публике. — Я хочу вырваться вперед, отступив назад.

— Надеюсь, ты не поместил этот слоган в заголовок своего резюме, Джейк. Звучит так, словно ты пытаешься продавать гребные тренажеры.

Он изобразил недовольство и упрекнул меня в том, что я не могу понять его «ясной концепции».

— Я хочу выйти из крысиной гонки, — прибавил он. — Устроиться на престижную работу, откуда лег-

че быть уволенным, чтобы потом получать хороший *chomage*.

— *Chômage*? Ты имеешь в виду пособие по безработице?

— Да. Оно же пропорционально твоему последней зарплате. Тебя увольняют с солидной должности, и ты получаешь отличный бонус? Пособие.

— Так ты хочешь получить работу в паблик рилейшнз, просто чтобы завалить ее?

— Вот именно. Блестящая идея, а?

Мне пришлось закрыть глаза и прислониться к косяку двери. Жизнь этого парня была полной катастрофой. Ее можно было сравнить с американским футболом, нескончаемыми столкновениями с кирпичной стеной. Разве что он никогда не ощущал боли от удара.

— Пойди съешь торт, Джейк. И постарайся не запачкать мой костюм.

Я решил пойти пообщаться с гостями, когда заметил, что Жан-Мари переходит улицу. Он был увлечен беседой с высокой, классной женщиной в длинном кожаном пальто, которая позволяла ему держать ее под локоть. Он что, рехнулся — привести любовницу на чаепитие, где его ждет жена? И где другая его любовница, Стефани, позволяет себе рискованные сравнения английских и французских сосисок? Впрочем, это была Франция, где, возможно, все это было в порядке вещей, кроме разве секса со своей новой любовницей у всех на глазах.

Я сделал знак фотографу приготовиться к съемке и развел руки в стороны, изображая радушного хозяина.

— А... Пол! — Жан-Мари пожал мою руку и инстинктивно повернулся к камере. Он выглядел, как всегда, стильно, словно только что покинул примерочную Карла Лагерфельда. — Позволь представить тебе Натали. Она журналистка. Готовит репортаж обо мне для телевидения.

Я повернулся — и был сражен взглядом, еще более гипнотизирующим, чем у Жан-Мари. На меня смотрели глаза цвета голубой разновидности кюрасо, да еще с подсветкой. У меня было такое чувство, будто они видят все, что творится у меня в голове. «Жан-Мари определенно знает толк в женщинах» — эту мысль наверняка прочитала Натали.

Лет тридцати пяти, одного со мной роста благодаря сексуальным сапогам на шпильках, нежное лицо, темно-красная губная помада, светлые волосы, собранные в конский хвост и заколотые карандашом. На безымянном пальце поблескивало золотое кольцо, но это, казалось, ничуть не смущало Жан-Мари.

— *Enchanté*¹, — сказал я, пожалуй впервые употребив это слово в буквальном смысле.

— Я как раз рассказывал Натали, что идея чайной изначально принадлежит мне. — Жан-Мари — бессовестный саморекламщик. — Так ведь, Пол?

— О, да.

¹ Очарован (*фр.*). В обиходном употреблении означает «очень рад (вас видеть)».

— Но Пол... взрастил ее. — Он посмаковал свои слова, точно кусочек фуа-гра.

Журналистка склонила голову набок, улыбнулась мне и сказала по-английски:

— Наверное, нелегко англичанину вести бизнес во Франции?

У нее был слегка аристократический акцент, какой встречается у многих французов, которых обучало поколение учителей, свято веривших в то, что все англичане носят шляпы-котелки, имеют секс раз в году и так далее.

— В общем-то, да, — ответил я, — но Жан-Мари помогал мне.

Фотограф сделал еще один снимок: благодарный хозяин чайной и великодушный политик обмениваются рукопожатиями.

Жан-Мари отвел меня в сторону.

— Ты уже говорил с Бенуа? — спросил он.

Я покачал головой:

— Нет, еще нет.

— Я не могу остаться здесь надолго. Сейчас я с ним быстренько переговорю.

Прощальная улыбка на камеру — и он шагнул в толпу, которая, естественно, расступилась перед ним.

Так я остался наедине с журналисткой. Большинство моих прежних встреч с Жаном-Мари имели куда менее приятный исход.

— Так вы готовите репортаж о нем? — спросил я и мысленно застонал. Мне ведь это уже объяснили секунд тридцать назад. — Я имею в виду, только о нем

или... мм... обо всех политиках? — От плохого к худшему.

Натали тепло улыбнулась, словно прощая меня за то, что я вляпался в собственное словесное дерьмо.

— Его харизмы будет достаточно для телевизионного портрета, вы согласны? — прибавил я. — Или сериала, если вы позволите ему написать сценарий.

Журналистка громко рассмеялась. Может, она и была его любовницей, но уж точно не наивной поклонницей.

— Он говорил, что для съемок фильма можно выбрать ваше *café*, — сказала она. — Скажем, вы беседуете с ним и вспоминаете, как вместе разрабатывали эту идею?

Я мысленно представил картину. Жан-Мари, человек, близкий к народу, друг мелких предпринимателей. Почему нет? Как он сам сказал, мне не помешает засветиться на телевидении.

— Да, это было бы здорово.

— У вас есть визитка?

— Конечно. Но лучше возьмите одно из наших меню по доставке блюд в офисы. Может, мы как-нибудь сможем привезти вам ланч?

Она кивнула, и ее глаза снова прожгли меня насквозь. До меня вдруг дошло, что все сказанное мною может быть воспринято как светский треп. Ну, во всяком случае, не совсем пустой.

О, черт! На что же я нацелился? Не собираюсь же я, в самом деле, начать охоту и на жену Жана-Мари, и на его новую любовницу? А ведь моя собственная сексуальная партнерша стоит всего в нескольких шагах.

Было лишь одно объяснение, единственное оправдание — сбивающие с толку послания Алексы превратили меня в большого любителя мандаринов.

7

Прежде чем я успел налить себе чашку чая, меня атаковали Жан-Мари и его жена, которые объединили свои усилия, чтобы поставить передо мной испуганного Бенуа.

— Бенуа придет к тебе на беседу в понедельник, — прорычал по-французски Жан-Мари.

— *Mais Papa...*¹ — проговорил Бенуа.

— Он придет к тебе насчет работы. Двадцать часов в неделю, как минимум.

— Что? — произнес Бенуа таким тоном, словно речь шла о нарушении прав человека.

— Включая полный рабочий день по субботам, при необходимости. — Жан-Мари пригрозил Бенуа пальцем. Я догадался, что дело не только в работе. На кону стоит и проживание в шикарном доме, и пользование автомобилем и загородным домом, а может, и наследство. Тяжелое родительское бремя.

Впору было опять застонать. Я уже знал, к чему все идет: отец заставляет сына работать. Тот решает отыграться на боссе, чтобы досадить отцу. «Нянька» Пол Уэст должен наблюдать за тем, как папенькин сынок

¹ Но, папа... (фр.)

устраивает свой запоздалый подростковый мятеж в стенах английской чайной. *Merci beaucoup*,¹ черт бы вас побрал.

Жан-Мари снова нацепил улыбку политика и направился к выходу. Мадам хотела было последовать за ним, но обернулась и тронула меня за плечо.

— Пожалуйста, отнеситесь к Бенуа с пониманием, — сказала она умоляющим тоном, и крохотная морщинка прорезала ее натянутую на лбу кожу. — Я буду *очень* признательна.

Я не удивился бы, если бы мадам Мартен опустила руку вниз и игриво погладила меня между бедер.

Меня еще шатало после общения с семейством Жана-Мари, когда сзади ко мне подошла Стефани и, плюясь крошками, прошептала в ухо:

— *Ce cheese n'est pas anglais*². — И помахала у меня перед носом надкусанным сэндвичем.

— Тогда не ешь, черт возьми! — огрызнулся я, предоставив ей возможность пережевывать этот по-настоящему английский ответ.

Подойдя к аппарату для кипячения воды, я услышал, как Джейк пытается охмурить Кейти.

— *Tu n'es pas lituanienne*?³ — спрашивал он со своим мгновенно узнаваемым нью-йоркским акцентом, растягивая слова.

— *Non*, — хихикнула Кейти.

¹ Большое спасибо (фр.).

² Этот сыр не английский (фр.).

³ Ты не литовка? (фр.)

— Хм... — Джейк потер подбородок и уставился на нее в поисках намеков на ее национальность. — *Belarusse?*¹

— Сукин ты сын, Джейк, — перебил я его.

— О, привет, Пол.

Я повернулся к Кейти:

— Готов спорить, он уже спрашивал тебя, не латышка ли ты. Я угадал?

— Да, но... — Кейти выглядела слегка сконфуженной.

— Как ты смеешь выяснять у моих сотрудников, не латыши ли они? — рявкнул я на Джейка.

— Да ладно тебе, Пол, я не...

— Он говорил что-то и про другие бывшие советские республики? — наседал я.

Кейти отступила на шаг от прилавка; кажется, она подумала, не слишком ли погорячилась, устроившись на работу в такую политизированную организацию.

— Нет, — ответила она после паузы.

— Что ж, это еще впереди. Обязательно спросит: «Ты грузинка?» Потом спросит: «Ты уверена, что ты не украинка?» Сначала он ворует мой костюм, потом замахивается на мой персонал. Она англичанка, Джейк, успокойся, ради бога.

Кейти поспешила вниз, бормоча что-то насчет чайных пакетиков.

Я взял ближайшую чашку с чаем, сделал долгий глоток и мгновенно успокоился. Я уверен, что нам, бриттам, не нужны ни антидепрессанты, ни марихуана, пока мы пьем чай, а не переходим массово на по-

¹ Белоруска? (*фр.*)

требление двойного «латте». Все-таки есть какая-то генетическая связь между британской кровью и индийским чаем.

Охватив теплую чашку ладонями, я оглядел толпу жующих, болтающих людей. Половину из них я знал, остальные были мне незнакомы: кого-то привели за компанию, кто-то зашел наудачу после субботнего шопинга в надежде полакомиться бесплатными булочками.

Фотограф суетился, запечатлевая счастливые улыбки гостей с набитым ртом. В общем и целом, моему предприятию был дан фантастический старт. Даже Бенуа будет трудно все испортить, особенно если я отправлю его на кухню и поручу заниматься очисткой яблок.

— Извини, Джейк. Я сегодня на взводе.

— Все в порядке, старик. Но послушай, ты действительно не в обиде из-за костюма?

Я отметил, что костюм выглядит на удивление чистым после получасового пребывания на Джейке.

— Нет, Джейк, он мне сейчас не нужен.

Меня вдруг осенило, что мир делится на два лагеря: те, кто заправляет рубашку в брюки, и те, кто носят рубашку навыпуск. Кому-то приходится каждый день надевать костюм и галстук, а кто-то имеет возможность выразить свою индивидуальность. В ближайшем будущем я собирался примкнуть ко второй категории.

— Хорошо быть на стороне незаправленных, — произнес я вслух.

— Мм?..

Теперь настала моя очередь демонстрировать глубину интеллекта с помощью бессмысленной демагогии. Я объяснил свою теорию о незаправленных рубашках Джейку, и он согласился со мной, хотя, скорее всего, вообще был не в курсе, зачем заправлять один предмет одежды в другой. Он привык носить все слоями.

— Да-а, ты нашел то, что искал. — В голосе Джейка прозвучала зависть.

— За исключением того, что связано с женской темой, — вздохнул я.

Джейк захохотал так звучно, что сотряслись чашки.

— Да уж, тут ты, как всегда, в дерьме, старик, — сказал он. — Правда, у меня еще хуже. Знаешь, я ведь хотел закадрить англичаночку.

— *Draguer une Anglaise? Pourquoi pas une Française?*¹ — сказала подошедшая Виргиния и соблазнительно сложила губки.

— *A Française?* — повторил Джейк с ужасом. И добавил: — Ни в коем случае. Они не приносят ничего, кроме *merde*². Спросите Пола.

Он определенно был находкой для французской индустрии паблик рилейшнз.

8

Я часто мечтал о том, чтобы еще раз поговорить с Алексой и чтобы при этом мы оба были голые и в по-

¹ Закадрить англичанку? Почему не французенку? (*фр.*)

² Здесь: неприятности (*фр.*).

стели. В моих грезах нас не разделял Ла-Манш. И разумеется, не было спящего украинца, уткнувшегося носом в подмышку Алексы. Но, к сожалению, жизнь не всегда соответствует нашим фантазиям, так что мне приходилось довольствоваться тем, что есть.

— Здравствуй, Пол.

Алекса ответила шепотом. Из чего я сделал вывод, что она не одна.

Она зевнула. Зашуршало пуховое одеяло, и я живо представил, что происходит в ее лондонской спальне. Вот поднялась ее свободная рука. Парень, лежавший рядом, наверняка уловил движение и потянулся к теплой проснувшейся плоти.

— Я просто хотел рассказать тебе, как прошла вечеринка, — сказал я. Разумеется, мне необходимо было придумать повод для звонка. Мы ведь уже давно были не в таких отношениях, когда можно позвонить друг другу в любое время дня и ночи, просто чтобы поболтать.

— Да? — В ее голосе не прозвучало особого интереса, но, в конце концов, она еще не проснулась.

Я быстро изложил ей подробности и обрадовался тому, что, услышав имя Жана-Мари, она окончательно не проснулась. В прошлый раз, при встрече с ним, она все-таки подпала под его обаяние.

— Фотографии, правда, не очень, — прибавил я. — Было бы лучше, если бы ты их делала.

— Да?

— Ты хотела бы?

Она застонала. Раннее воскресное утро явно не способствует абстрактному мышлению.

А каково это, когда голая женщина стонет тебе в ухо, а ты ничего не можешь с этим поделать?

Хотя откуда мне знать, голая Алекса или нет, не исключено, что она упакована с головы до ног в целомудренную шерстяную пижаму. Да, пожалуй, лучше сменить картинку в ментальном видеофоне, пусть будет монашка или египетская мумия, но только не манкое, изящное, ароматное тело.

— Хотела бы?.. — Она не договорила. Пожалуй, было слишком рано и для сложной английской грамматики.

— Хотела бы ты делать фотографии? Да, конечно, мне следовало обратиться к тебе, я знаю. Но я этого не сделал.

— О...

Тупик. О чем же мне еще поговорить с ней, чтобы она не провалилась в сон? Я еще не прочитал газету и не прослушал радио, так что нечего было пытаться обмениваться новостями дня. Я даже не знал, выиграла ли футбольная команда ее нового отчима.

— О, господи, послушай, Алекса. — Мне в голову пришла ужасающая мысль.

— Что такое?

— Французское слово *beau-père*. Оно ведь имеет два значения, верно? Отчим и тесть.

— Да. — Я прямо-таки почувствовал, как напряглись ее мышцы, готовые отразить удар. — И что?

— Ничего. Просто, если будешь представлять мамино бойфренда своим французским друзьям, тебе не придется объяснять, что ты имеешь в виду. Поэтому что он будет и тем, и другим.

Я так понял, что это было самое нелепое высказывание, когда-либо сделанное голым мужчиной в разговоре с голой женщиной, да еще и рано утром в воскресенье.

— Спасибо тебе, Пол, теперь я действительно рада, что ты меня разбудил.

Опять тупик.

А когда оказываешься в тупике, выхода всего два. Развернуться и идти обратно или пытаться пробить дырку в стене. Я решился на таран.

— Алекса, я хочу задать тебе вопрос.

— Надеюсь, это не касается французской лексики?

— Нет. Послушай, Алекса. — Это был настолько серьезный вопрос, что я даже перестал почесывать мошонку. — Зачем ты подсунула мне Виргинию?

— Виргинию?

— Да. Девушку со съемочной площадки.

Она что, никак не могла ее вспомнить?

— Что значит *подсунула*?

— Ну, ты же посоветовала ей позвонить мне и пригласить куда-нибудь.

— Пригласить куда-нибудь?

— Да, ты дала ей мой телефон.

— Я не давала ей твой телефон.

— Нет?

— Нет... Ах да. Давала.

— Вот видишь.

— Да, но только для передачи ассистенту режиссера, чтобы порекомендовать тебя. Когда я вернулась, уже шла съемка и никому не разрешали заходить во

двор. Так что я передала твою визитку Виргинии и пошла домой.

О, черт, выходит, Алекса вовсе не пыталась свести меня с Виргинией.

— Почему же ты не вернулась в *café*? — спросил я, надеясь увести разговор в сторону от других женщин.

— Я вернулась, но тебя уже не было. Тогда я пошла домой.

Молчание. Слава богу, она не догадалась, почему я спрашиваю о Виргинии. И к тому же она уже не шептала. Может, она все-таки была одна? Да. Целомудренные пижамы исчезли, и перед моим мысленным взором снова возникло обнаженное тело.

— А почему? — спросила Алекса.

— Что *почему*?

— Почему ты меня спрашиваешь, зачем я дала твой телефон Виргинии?

Двойной облом.

— Да так просто. Кстати, как «Ньюкасл» сыграл вче...

— Ты спал с ней.

— Да нет, что ты.

Всегда все отрицай — это мой принцип, по крайней мере, пока в нос не сунут поляроидные снимки. Но даже и тогда можно доказывать, что они смонтированы.

— Ха, ты встречался с ней, но не переспал? Я тебе не верю. Она очень сексуальная девушка. И ты ей понравился.

— А тебе не безразлично, спал я с ней или нет?

— А как бы тебе хотелось? (Пожалуй, сейчас она была бодрее, чем я. Какая несправедливость!) Как бы то ни было, ты *спал* с ней. Вот почему ты написал в своем письме, что тебя балуют. Ты спал с ней. Ты трахнул ее.

Проклятие. Это уже был настоящий поляроид. И я собственными руками отослал его Алексе. Вот это вляпался.

— Забудь про Виргинию, — сказал я, надеясь на то, что мой твердый голос убедит ее это сделать. — Когда ты возвращаешься в Париж? У тебя ведь скоро фотовыставка?

— Я не хочу, чтобы ты видел мою экспозицию.

Она неправильно выразилась. Она не имела в виду, что не хочет, чтобы я видел ее фотографии. Она просто не хочет, чтобы я видел ее экспозицию, ее бывшую позицию, что бы под этим ни подразумевалось.

Я не сразу сообразил, что она говорит. Но даже через некоторое время не понял, почему она так сказала. *Конечно*, я пойду посмотреть ее фотографии. Ведь не каждый день у твоего друга или бывшей подружки проходит персональная выставка. И кстати, моя фотография тоже должна там присутствовать — разве нет? Та самая, где я позирую у витрины бутика «Курреж». И разумеется, я не позволю, чтобы выставка Алексы проходила без моей поддержки. Я приведу своих друзей и знакомых, куплю фотоальбом, попытаюсь сделать все, чтобы у нее был успех.

Но пока я все это продумывал, она уже прервала соединение. А когда перезвонил, меня ожидала голосовая почта.

Отличная работа, Пол, поздравил я себя. Половина одиннадцатого утра, а ты уже столько всего наворотил.

— Пол, ты порядок? — послышался за дверью спальни грубый голос Мари-Кристин, моей соседки.

Она была явно обеспокоена, потому что из моей комнаты доносился крик сумасшедшего, который только что облил краской портрет Моны Лизы.

— Meeeerde!

9

Французы говорят: «Le client est roi». («Клиент — это король»). Но все мы хорошо знаем, что они сделали со своими королями. Голова Людовика XVI, отсеченная ножом гильотины, катилась, подскакивая, по площади Согласия под дружный хохот тысяч французов.

А жена Людовика, Мария-Антуанетта, до сих пор остается ненавистным персонажем. Французы никак не простят ей того, что, оповещенная о голоде среди французских крестьян, она посоветовала есть бриоши, сладкие сдобные булочки. Да-да, ее казнили за то, что она призывала к прогрессу.

Собственно, фраза «Le client est roi» такая же пустышка, как «Мой чай богат». И мое главное беспокойство о судьбе чайной было связано с тем, что персонал потихоньку начинал жить в соответствии с законом современного французского сервиса, а

именно по принципу: «Клиент — это пустая трата времени».

Такое отношение к клиенту вызвало к жизни целую систему классических приемов хамского обслуживания. Бенуа владел ими просто блестяще и в упор не замечал посетителей. Если он был занят тем, что надраивал аппарат для кипячения воды или докладывал в вазы салаты, то отвлечь его от этого занятия можно было, только перегнувшись через прилавок и схватив за уши.

Если клиент не отваживался на столь радикальные меры и робко говорил: «Прошу прощения», Бенуа вежливо информировал его о том, что чрезвычайно занят и освободится, как только выполнит жизненно необходимую миссию.

Мне пришлось объяснить ему, что нет смысла докладывать салаты в вазы, если распутивашешь потенциальных покупателей этих салатов, и только после того, как сам продемонстрировал ему, что совсем несложно отложить несрочную работу и поздороваться с клиентом, он признал мою правоту.

Но даже после моих уроков Бенуа и остальные сотрудники продолжали игру под названием «Один за всех и все за одного» — не иначе, начитались «Трех мушкетеров».

Скажем, посетитель возвращался к прилавку, уже оплатив заказ, и жаловался Яннику или Жанне, что ему подали сэндвич с сыром и помидорами, в то время как он просил сэндвич с сыром и *армадиллом*.

И тут, как по команде, все, кто стоял за прилавком, бросали свою работу и дружно включались в дискус-

сию о том, как такое могло произойти и насколько четко прописаны в меню «помидоры» и «армадиллы», а потом вспоминали, как во время ланча кто-то заказал печеный картофель в мундире с бобами, а вместо этого получил картофель с *селезенкой*.

И все это время люди, стоявшие в очереди, были вынуждены ждать.

Мои энергичные работники — даже дружелюбная Кейти — с особым нетерпением ждали наступления ланча, когда можно будет отыгаться на клиентах и поупражняться во вредности. Ровно без пяти минут двенадцать они с каким-то остервенением начинали выгонять из-за столиков утренних посетителей, которые заказывали только напитки и легкие закуски. «Покупайте ланч или выматывайтесь!» — говорили они, убирая со столов недопитый чай и чуть ли не запихивая в рот несчастным недоеденные бисквиты.

Мне пришлось провести повторный инструктаж. Нет, сказал я, ваш посыл должен звучать так: «Может быть, останетесь на ланч? У нас сегодня специальное блюдо: тикка кебаб». И дальше смотрите, как они поняли ваш намек. Мы можем попросить утреннего клиента освободить столик — да и то извинившись, — когда нам физически не хватает мест и кто-то с полным подносом растерянно смотрит в зал и ищет, где присесть.

Если посетитель начинает канючить, что в настоящем французском *café* можно сидеть сколько угодно за чашкой кофе, персонал должен улыбнуться и спросить у клиента, осмеливался ли он когда-нибудь

в настоящем французском *café* заказать только чашку кофе, усевшись за столик, сервированный для ланча. Однажды я сам пробовал качать права в такой ситуации, и меня просто отправили... в «Макдоналдс».

Мы хотим, чтобы наши клиенты возвращались, внушал я своим сотрудникам. Это так очевидно, но почему-то не доходит до французского сервиса.

Однако не всегда виноват персонал. Должен признать, что иногда и клиент попадался чудаковатый.

Туристу было около тридцати, и в его экипировке было все, что необходимо англоговорящему гостю Парижа, чтобы выдержать долгий уик-энд на вражеской территории. Противоураганный анорак, путеводитель с закладкой на главе с описанием точки местонахождения, выражение постоянной подозрительности на лице. Опоясан он был гигантской сумкой-ремнем с кармашком для бутылки с питьем, из которой выходила длинная пластиковая трубка, так что он мог спокойно засунуть ее в рот и посасывать воду на ходу, вместо того чтобы останавливаться прямо на передовой, становясь отличной мишенью для врага. Трубка была закреплена у него на груди, словно антенна спутниковой навигационной системы. Впрочем, не исключено, что в этом было ее второе предназначение.

Была пятница, половина двенадцатого утра. Турист зашел в чайную, с опаской огляделся и шагнул к Бенуа, который дремал за прилавком, прижавшись щекой к теплomu аппарату для кипячения воды.

Бенуа просто влюбился в него и обожал играть с краником или просто полировать округлый нержавеющей корпус. Я ничего не имел против этого естественного увлечения. Наоборот, был рад, что он хотя бы к *чему-то* относится с энтузиазмом. Он мне всегда казался безнадежным занудой.

— *Quelles sont les options végétariennes?*¹ — спросил турист. У него был сильный английский акцент, но произношение очень четкое. Очевидно, это была одна из спасительных фраз, которые он заучил, перед тем как пересечь Ла-Манш, наряду с фразами «*appelez l'ambassadeur*» и «*où est mon anorak?*»².

Бенуа прервал любовную прелюдию с устройством для кипячения воды и сосредоточился на новом интеллектуальном вызове. Ему еще никогда не задавали вопросов о вегетарианском меню. Будучи французом, он даже не представлял себе, что подобное существует. Но он справился с задачей. Показав на меню на стене, он по-французски медленно и четко объяснил англичанину: можно выбрать сэндвичи с сыром, салаты, печеный картофель.

Турист задумался.

— *Mais pourquoi vous ne marquez pas les options végétariennes avec un signe végétarien?*³ — спросил он.

— *Signe végétarien?* — переспросил Бенуа.

— *Oui.* — Турист нарисовал в воздухе букву «V».

¹ Какие вегетарианские блюда имеются? (фр.)

² «Вызовите посла»; «где мой анорак?» (фр.)

³ Но почему вегетарианские блюда у вас не отмечены вегетарианским значком? (фр.)

— А... — Бенуа подался вперед и доверительно сообщил англичанину, что мы не осмеливаемся маркировать вегетарианские блюда, чтобы не отпугнуть французских клиентов. При этом он поймал мой взгляд и подмигнул мне. Он все схватывал на лету.

Туриста это не убедило.

— *Est-ce que vos pommes de terre sont végétariennes?*¹ — спросил он.

Нет, подумал я, картофель — это плотоядное животное. Попробуй проткнуть его вилкой — вмиг останешься без руки.

Разумеется, я знал, что он имеет в виду. Вегетарианская ли *начинка*? Ну хорошо, насчет печеных бобов точно уж можно не сомневаться. Бобы они и есть бобы, а вовсе не лягушачьи почки в соусе из лошадиной крови.

Поначалу Бенуа был сбит с толку. Его логический французский мозг впал в ступор, когда ему задали вопрос, является ли овощ вегетарианским. К счастью, французские школьники изучают философию до восемнадцати лет, так что Бенуа удалось продемонстрировать возможности латерального мышления.

— Почему бы вам просто не взять сэндвич с сыром и томатом? — предложил он.

— *Est-ce que le fromage est végétarien?*² — спросил вегетарианец.

¹ А ваш картофель вегетарианский? (*фр.*)

² А сыр вегетарианский? (*фр.*)

Бенуа едва не упал в обморок от умственного перенапряжения.

И его можно было понять. Вегетарианский сыр? Французам не постичь этого никогда, даже если в качестве приза предложить им бассейн с шампанским на каждый день до конца жизни.

Я кинулся на выручку, опасаясь, что Бенуа может зависнуть.

— Нет, это французский сыр, — сказал я по-английски. — И никогда не угадаешь, сыворотка животного или растительного происхождения. Но если вы уже пробовали сыр здесь, во Франции, так этот такой же.

— Хм... — Турист снова задумался, на этот раз глубоко. Единственным признаком жизни, который он подавал, было легкое шевеление пластиковой трубки на животе.

Нам повезло, что англичанин зашел в ранний час, так как не было очереди. Еще полчаса — и весь мой штат столпился бы вокруг него, в едином порыве «все за одного» пытаясь разрешить проблему.

Именно в этот момент я начал понимать французских официантов.

Они обслуживают по двадцать столиков одновременно, и вот попадается такой умник с вегетарианскими запросами. Французский официант в спешке принимает вполне разумное решение: вегетарианский вариант номер один — сунуть его башкой в унитаз.

Потому что помимо пустой траты времени здесь присутствует и элемент неуважения. Шеф-повар го-

дами учиться в кулинарной школе, месяцами разрабатывает меню, часами покупает ингредиенты и готовит их, а потом семья туристов заказывает три простых омлета и тарелку спагетти. С кетчупом. Это все равно как если бы Микеланджело расписал Сикстинскую капеллу, а потом зашел бы Папа и сказал: «Знаешь, я тут подумал, что лучше покрасить все это обычной краской».

— Послушайте, у вас очень хороший французский, — сказал я соотечественнику, — но нет смысла его использовать, если вы пытаетесь выразить то, чего никогда не поймут французы. Им действительно чуждо вегетарианство. Они считают любого, кто не испытывает оргазма от недожаренной говядины, мещанином. Для них вегетарианец, приезжающий во Францию, ничем не отличается от человека, принявшего обет целомудрия и поселившегося в гареме. Они считают вегетарианцев чокнутыми. Прошу прощения за каламбур¹.

Я понимал, что разговариваю с клиентом как со слабоумным, но мне и вправду хотелось, чтобы парень понял страну, которую посетил, иначе он рисковал умереть голодной смертью, как только кончится неприкосновенный запас, хранящийся в его поясе безопасности.

— Но вы должны маркировать вегетарианские блюда в меню, — заметил он.

¹ В оригинале использовано слово *nuts*, как прилагательное имеющее значение «сумасшедший, чокнутый» и в то же время являющееся множественным числом существительного *nut* — «орех» (как известно, орехи — один из основных вегетарианских продуктов).

— Я не могу, это противоречит французским законам, — сказал я, снова возвращаясь к тому, с чего начался разговор.

— Вы *уверены*?

— Нет, вы правы, я *не* уверен. Давайте я вызову полицию и спросим у них, если хотите.

К моему удивлению, турист не встал в позу, лишь что-то проворчал, повернулся к Бенуа и сказал:

— *Un toastie avec fromage, s'il vous plaît.*¹

— *Comment?*² — спросил Бенуа, который, похоже, еще не вышел из комы.

— *Un toastie avec fromage, s'il vous plaît.*

Ну давай же, думал я, будь французом. Возмутись моей грубостью, кричи на меня, пока не одержишь верх, только не сдавайся вот так, сразу.

И кто назвал французов обезьянами-сыроедами капитулянтского типа? Мы, бритты, и есть слабохарактерные, пресные, вегетарианские сыроеды капитулянтского типа.

— *Oui, Monsieur.* — Бенуа открыл дверцу тостера и положил в него сэндвич.

— *Est-ce que vos jus de fruits sont organic?*³ — спросил турист, и я почувствовал непреодолимое желание пойти и выжать несколько апельсинов.

Но я был единственный, кто усвоил урок.

Французские официанты профессионалы, это понятно, а вот их клиенты в основном любители.

¹ Горячий сэндвич с сыром, пожалуйста (*фр.*).

² Как вы сказали? (*фр.*)

³ А соки у вас органического происхождения? (*фр.*)

Профессиональный официант, имеющий дело с клиентами-любителями, это теннисист профи, который никогда не дождется подачи соперника. Конечно, он может быть довольным собой, выигрывая очко за очком, — но где интерес и азарт? Хорошие официанты любят игру и ценят оппонента со вкусом.

Они посылают мяч, коротко предлагая делать заказ; клиент возвращает подачу, решительно выбирая блюдо из меню; официант выходит к сетке и отбивает мяч, задавая вопрос о вине; клиент может ответить, лишь с мольбой обратившись за советом. Официант впаривает *vin du mois*¹ и выигрывает по очкам. Примерно такие же схватки происходят вокруг десерта и кофе, и все довольны результатом.

Но что, если клиент даже не понимает концепции игры? Что это за круглую прыгучую штуку кидают в меня, думает теннисный новичок, и что мне с ней делать? Неудивительно, что официанты зачастую раздражаются и обсчитывают любителей за потраченное на них время.

Постой-ка, одернул я себя, что это со мной происходит? Дайте мне быстрее зеркало. Кажется, я мутирую во французского официанта.

¹ Вино месяца (*фр.*).

V

**ЭТО НЕ ДАМА СЕРДЦА,
ЭТО ЧЬЯ-ТО ЖЕНА**

1

Когда замужняя дама приглашает вас в музей, вы ведь воспринимаете это как вполне невинное приглашение, правда?

Даже если она сообщает вам адрес музея, но не его название, что действительно показалось мне немного странным.

Странности продолжились, когда я вышел из метро и наткнулся на шеренгу девиц с обнаженной грудью, у которых вместо трусиков были большие черные кресты или красные сердечки. Некоторые стыдливо прикрывали руками причинное место, а выражение их лиц говорило: мы потрясены тем, что на нас нет трусиков. Другие, с удивленно раскрытым ртом, целились в меня своими невероятно большими сиськами, словно я был мишенью в их состязании по стрельбе молоком.

Разумеется, это были фотографии, хотя некоторые из них выглядели почти живыми. И как оказа-

лось, это было только начало длинного бульвара эротики.

Что за музей может находиться в таком месте? — недоумевал я. Национальная галерея вибраторов? Коллекция грудных имплантатов (она же музей неестественной истории)?

Когда я от изумления замер среди откровенных фотографий, из двери здания вышел мужчина в узкой кожаной куртке и сказал, что это стриптизерки, танцующие на коленях, и все они ждут меня внизу.

Мне было трудно поверить, и вот почему. Во-первых, о том, что сегодня я появлюсь в этих местах, знал только один человек — и она была замужней дамой. Во-вторых, за маленькой золоченой дверью я разглядел заплывающую лестницу, которая явно не могла вести в большое помещение, способное вместить всех дам с фотографий. Но когда я выразил сомнение в том, что *все* они ждут меня внизу, мужчина разозлился и обозвал меня неприличным словом, значение которого в общих чертах сводится к маленькой вагине.

Я не понял, почему он так расстроился из-за потери потенциального клиента. По ту сторону бульвара Клиши два больших туристических автобуса медленно везли пассажиров мимо секс-шопов и клубов. И очевидно, они были не первыми и не последними на сегодня. Группы хихикающих любопытных туристов бродили по улице, пытаясь угадать, что скрывается за крестами и сердечками барышень с афиш. Большинство держалось подальше от дверей, но некоторые все-таки рисковали и заходили внутрь.

В этот момент мне бы и задать себе вопрос, почему меня пригласили на свидание именно сюда, но я этого не сделал. Я невольно заинтересовался, почему секс-клубы разбавили кебаб-барами. Возможно, дамочки из подвалов нуждались в регулярном белковом питании, чтобы поддерживать скорость вращения вокруг шеста.

Я шел вперед, мимо чередующихся вывесок увеселительных заведений и ресторанчиков средиземноморской кухни, пока не отыскал нужный номер дома, и только тогда всерьез озаботился мотивами замужней дамы, которая ждала меня внутри.

Музей выглядел вполне как секс-шоп, разве что экспонаты в витринах были снабжены табличками на нескольких языках, объясняющими назначение предметов. Хотя я не сказал бы, что деревянная поделка в форме возбужденного пениса требовала особых пояснений.

Это был, как горделиво заявляла неоновая вывеска, Музей эротики.

Если бы для обозрения были выставлены современные изображения обнаженной натуры, я, возможно, и осмелился бы подойти к ним поближе и изучить в деталях. Но это был все-таки музей, культура, понимаешь ли. Так что вместе с остальными туристами, вместо того чтобы хихикать и косить глазом, я хмурил брови и пытался осмыслить историческое значение представленной обнаженки.

Хотя все вокруг, и я тоже, никак не могли оставаться серьезными при виде экспонируемого стула в центре композиции за стеклом. С виду обычный

стул был накрыт искусственной леопардовой шкурой, и в сиденье была сделана прорезь. В это отверстие впихнули что-то вроде мельничного колеса. При вращении его лопасти вибрировали, а идея, очевидно, заключалась в том, что, садясь на стул, обнаженная женщина получала удовольствие. Правда, судя по тому, какими грязными были эти лопасти, скорее они награждали ее кандидозом, а не оргазмом.

И вот в таких декорациях должно было пройти мое свидание с замужней женщиной. Что все это значило?

Если бы речь шла о жене Жана-Мари, я предположил бы, что это издевательская любовная прелюдия, и бежал бы без оглядки.

Но приглашение исходило от Натали, тележурналистки, и она предупредила меня, что готовит репортаж об экзотических достопримечательностях Парижа, в числе которых были мое новое английское *café* и этот музей. Я не видел особой связи между ними, но, может, поэтому я и не репортер.

Я ожидал, что это будет музей более привычной экзотики. В Париже таких немало. Музей курения («О, папочка, посмотри на эту очаровательную опухоль!»), Музей парфюмерии («Смотри-ка, бутылка духов. Вау, а вот еще одна» — ну и тому подобное), Музей кукол («Мамочка, почему этот дядя фотографирует Барби?»).

Но эротика... Хотя почему бы и нет? Что может быть более парижским? Разве что музей собачьих кашек.

Но главные откровения были внутри. Не успел я заплатить в кассе за входной билет, как увидел «фаллическую сову» (вполне реалистичную, шести дюймов высотой фарфоровую птицу, но, что самое невероятное, с мужским половым органом на голове) и фонтан с фигуркой сидящей на корточках голой женщины, из сосков которой сочилась вода, а бьющая снизу мощная струя обмывала ей промежность. Пожалуй, таких конструкций точно не встретишь во французских филиалах сети «Хабитат».

Впрочем, общее впечатление складывалось такое, что все это не имеет никакого отношения к отвратительному миру массажных салонов и секс-клубов. Молодая итальянская пара нагнулась, чтобы получше рассмотреть фонтан с тыла, группа японских девушек (а может, и корейских — это мог прояснить только Джейк) фотографировала похабные гравюры.

Я даже не испытывал смущения от того, что был здесь единственным одиноким мужчиной, пока не углядел образцового садомазо на лестнице, ведущей на первый этаж. Лет тридцати, в бейсбольной кепке, джинсовой куртке, без туристских атрибутов вроде сухого пайка и фотокамеры, он не фотографии на стенах рассматривал, а постоянно прощупывал посетителей, причем на его лице было такое выражение, будто он только и ждет, что к нему подойдет женщина и предложит: «Эй, голубчик, не хочешь попробовать *это* со мной?»

Да, пожалуй, если не считать бейсбольной кепки, нескольких лишних лет и ищущего взгляда, он впол-

не походил на меня. Теперь мне было понятно, почему сюда приходят парами или группами.

Пора найти Натали, и побыстрее.

Я обнаружил ее на втором этаже. Она внимательно разглядывала коллекцию деревянных непальских фаллоимитаторов, которые выглядели шероховатыми, как будто их плохо отшлифовали. Я все-таки надеялся, что они служили символами фертильности, а не секс-игрушками. В самом деле, после одного короткого сеанса понадобилась бы длительная микрохирургическая операция по удалению заноз.

Мы обменялись профессиональным рукопожатием и вместе продолжили осмотр экспозиции. Это смущало ничуть не меньше, чем когда я ходил один. В обычном музее ты можешь делать замечания, скажем, о возрасте того или иного предмета, о том, как в детстве мечтал иметь нечто похожее. Здесь же были уместны лишь такие комментарии: «Посмотри, куда она засовывает *это*» или «Я понимаю, почему *он* улыбается». И когда ты не слишком хорошо знаком с женщиной, довольно трудно поддерживать интеллигентный разговор перед экспонатами вроде десятикратно увеличенной резиновой модели вагины.

Впрочем, Натали, казалось, не испытывала никакого смущения. Она решительно переходила из зала в зал, ухмылялась комментариям и записывала замечания на диктофон.

— *Très bizarre*¹, — говорила она. — Индийские гравюры показывают мужчин с длинными тонкими пе-

¹ Очень странно (*фр.*).

нисами. Рисунки японских мужчин поражают воображение гигантскими членами, непропорциональными телами. Что это, комплекс неполноценности?..

— Ты когда-нибудь занимался моделированием? — спросила она меня по-английски, разглядывая исполинский член самурая.

— Только из пластилина.

— Нет, я не то имела в виду... О, извини, я забыла, английский юмор. Самоирония.

Мы перешли к витрине, где были выставлены мексиканские глиняные кувшины для воды с непристойными украшениями. У одного из них ручка имела вид занимающейся оральным сексом парочки, а носик напоминал возбужденный член.

— О, доколумбова эпоха, — сказал, обращаясь к своей жене, американский турист. — Наверное, ацтеки. — Кажется, он думал, что находится в Лувре.

— Неудивительно, — сказала та, — что их цивилизация закончилась. Я умерла бы от жажды, прежде чем решилась выпить из такой штуковины.

— Вообще-то об американских женщинах говорят совсем другое, — прошептала Натали.

Пока мы ходили по музею, она расспрашивала меня о том, как я приехал в Париж, как открывал чайную.

У витрины с коллекцией фаллосов из нефрита я рассказал Натали, с какими проблемами мне пришлось столкнуться, пока обустривался во Франции.

Пока мы пытались осмыслить сюрреалистический рисунок женщины, очевидно выглядывающей из

собственного ануса, я жаловался на то, как команда, назначенная Жаном-Мари для организации чайной, по большей части лишь чинила мне препятствия.

И тайская статуя облаченного в халат мужчины с пенисами вместо рук ничуть не отвлекала меня, когда я рассказывал о художествах архитектора Николя.

— А ты лично, ты чувствуешь себя в Париже как дома? — Натали сняла очки, и ее гипнотические глаза пронзили мой мозг своими рентгеновскими лучами.

Я заверил ее в том, что, если не считать некоторых недоразумений с секретаршами, официантами, бюрократами, продавцами, риелторами, некоторыми из моих бывших коллег и всем собачьим поголовьем, для англичанина в Париже устроился очень даже неплохо.

— Раз уж мы заговорили об англичанах в Париже, посмотри на это.

Мы подошли ближе и взгляделись в фотографию на стене. «Комната принца Уэльского». Как выяснилось, это было постоянное пристанище будущего короля Эдуарда VII в парижском борделе. Огромных размеров кровать и гордо ухмыляющаяся *мадам* неопровержимо доказывали, что старший сын королевы Виктории был тот еще сластолюбец, но меня больше заинтересовал любопытный диванчик, который, согласно пояснительной табличке, принц лично проектировал для своего гнездышка.

Основой ему служил обитый цветастой тканью диван, на котором мужчина, очевидно, должен был стоять на коленях. Над ним, на крепких деревянных опорах, возвышалось сиденье с двумя высокими подлокотниками. Судя по всему, сюда садилась женщина

и раздвигала ноги, в то время как коленопреклоненный принц ублажал ее снизу.

А может, они и менялись позициями. Собственно, мне было все равно. Одно я знал наверняка: чтобы склотить такую конструкцию, принц вряд ли обращался к тронных дел мастерам своей матушки.

— Я и не думала, что у вас, англичан, такая богатая фантазия. — Натали, склонив голову набок, пыталась угадать, какая поза была самой удобной на таком любовном ложе.

— Его отец был немцем, — скромно заметил я.

— А ты тоже живешь в такой квартирке?

— Боюсь, что нет. В борделе для меня не нашлось места.

— О, как печально. И где же ты обитаешь?

Когда я ответил, она рассмеялась.

— Почему все так реагируют? — Меня уже стало серьезно беспокоить, что я проживаю в Пятнадцатом округе. Согласен, его нельзя было назвать самым модным местом Парижа — но неужели он заслуживал такого осмеяния?

Натали объяснила. Оказывается, когда я говорю, что живу на *rue Eugène Gibez*, французам слышится *rue Eugène, j'y baise*, то есть «улица Эжен Жибэ, я там трахаюсь». Вот почему таксисты, которым я называл свой адрес, все, как один, отвечали: «Повезло тебе».

Пожалуй, это символично, подумал я, что из почти пяти тысяч парижских улиц я выбрал именно эту.

— И это правда? — Натали провела пальцем по седлу велосипеда с прорезью посередине.

— Что *правда*?

— Что ты там... трахаешься? — Наносекундная пауза, которую она выдержала перед тем, как произнести ключевое слово, была достойна того, чтобы ее выставили в музее как венец эротики.

— Ну... — Я не знал, стоит ли признаться в катастрофическом отсутствии секса на моей половине.

— Ты когда-нибудь слышал... про отель *Gibez*? — И снова многозначительная пауза. Глаза Натали взяли меня в плен, и я понял, что речь идет не об отеле. Это была декларация о намерениях.

2

Я сообразил, что для Натали это не первый опыт. Она уверенно повела меня по бульвару, потом мы спустились вниз к отелю, который находился на углу оживленной улицы.

Это был типичный парижский отель среднего уровня. Реконструированный жилой дом девятнадцатого века с ярко-красными навесами над окнами и названием большими буквами по всей ширине нижнего этажа. Отель «Риаж». Темно-синяя табличка у парадной двери хвасталась тремя звездами.

Мне было интересно, заказала ли Натали номер заранее и как все будет — волнующе или страшновато.

Но как только мы переступили порог, уверенности в ней заметно поубавилось, и она схватила меня за руку.

— Спрашивай ты, пожалуйста, — прошептала она. — Ненавижу эту часть.

Вестибюль был крохотным, но уютным. Половину его занимала деревянная лестница, ведущая на верхние этажи. Было совершенно ясно, что люди приходят сюда не для того, чтобы вертеться у стойки администратора.

Декор соответствовал обстановке классического борделя, точнее, того, как я его представлял. Наверняка и цветовая гамма комнаты принца Уэльского, черно-белую фотографию которой мы видели в музее, была в точности такой, как в этом отеле. Темно-красные стены и такой же ковер, золоченые под старину канделябры, рамы зеркал и прочие аксессуары.

Впрочем, администратор за обшарпанной стойкой не имел ничего общего с *мадам*. Это был молодой испанец, в белой рубашке с черным галстуком.

Его манеры отличались такой же сдержанностью, как и униформа. Он наверняка знал, чем мы с Натали собирались заниматься, но виду не показывал.

Приветствовал он нас, тихим голосом сказав:

— *Bonjour, Madame, Monsieur.*

— *Vous avez une chambre,* — начал я, — *pour...*¹

Следует ли сказать: «На одну ночь» — или это прозвучит слишком фальшиво? Видно же, что у нас с собой нет пижам.

— *Pour deux?*² — тактично закончил за меня фразу администратор.

— *Oui.* — Я обернулся, чтобы разделить свою радость с Натали, но она увлеченно разглядывала туристические буклеты на стойке у входа.

¹ У вас есть комната на... (*фр.*)

² На двоих? (*фр.*)

Администратор снял деньги с моей кредитки и начал объяснять, в какое время у них завтрак, как поехать в ресторан. Натали разом утратила интерес к рекламным брошюрам и твердо сказала испанцу, что завтрак нам не понадобится, *merci beaucoup*.

Он уловил намек, вручил мне ключ, и через мгновение мы с Натали уже поднимались на первый этаж.

Подниматься по лестнице следом за женщиной — забываемое удовольствие в Париже, где дамы, как правило, уделяют особое внимание виду сзади.

Парижское метро не такое глубокое, как лондонская подземка, поэтому и эскалаторов здесь меньше, зато лестниц куда больше. И они к тому же широкие. Пока поднимаешься с платформы на улицу, перед тобой целая коллекция *derrières*¹, а уж за неделю насмотришься такого, что лишний раз порадуешься своему появлению на свет. Я уверен, что парижанки получают от этого зрелища не меньше удовольствия, чем мужчины.

Но все это лишь праздная фантазия, способ скрасить рутину поездки на общественном транспорте. Куда приятнее подниматься по лестнице парижского отеля в разгар дня, следуя за задницей, которую ты гарантированно увидишь — и даже пощупаешь — во всем ее обнаженном великолепии.

И еще я не мог избавиться от мысли, что передо мной взрослая и, по определению, более опытная задняя часть. Кстати, и первая замужняя в моей практике.

¹ Задниц (фр.).

День, начавшийся в музее, обещал стать сплошным культурным открытием.

Поскольку для Натали, очевидно, секс в отелях не был в новинку, я решил, что в номере мне надо изобразить испытанного в боях ветерана, поэтому поборол искушение включить телевизор и проверить доступные кабельные или спутниковые каналы.

Но в мини-бар все-таки заглянул, пока Натали была в туалете. Правда, она вышла оттуда быстрее, чем я ожидал, и застучала меня.

Надо же, как прокололся, подумал я, но тут она подевчоночьи вскрикнула от восторга и заявила, что я гений.

— Шампанское, — промурлыкала она, — да, *très classe*¹.

Потом пригласила меня подойти и раздеть ее, перейдя на французский и на «вы», словно мы не были представлены друг другу, тогда как на самом деле наше знакомство проходило в самой интимной форме.

Мне было непонятно, почему я не заслуживал «ты». Но поскольку передо мной стоял выбор — расстегивать блузку или обсуждать французскую грамматику, — решил оставить лингвистические вопросы на потом.

Роскошное белье, подумал я, когда Натали выпорхнула из верхней одежды. Если она носила такое каждый день, ее мужу можно было только позавидовать. Разумеется, опуская то, что она спит с другими мужчинами.

С шампанским тоже сложилось удачно. В бокалах осели лишь капли, остальное вылилось на самые эро-

¹ Очень здорово (*фр.*).

генные зоны наших тел, и мы с удовольствием принимались осушать их поцелуями.

У Натали было потрясающее тело, что удивительно для ее возраста. Я часто задавался вопросом, что происходит с женским телом в промежутке; скажем, от двадцати пяти до тридцати пяти лет. И в случае Натали ответ был однозначным: ничего серьезного. Она родила двух детей, но об этом могли проговориться разве что несколько морщинок под грудью и вокруг пупка. И она могла похвастаться по-настоящему плоским животом — еще одна медаль французской медицине, помогающей женщинам сохранить себя и для послеродового, и для внебрачного секса.

Как дама опытная, Натали определенно знала, чего хочет и как это получить. Но при этом она, кажется, вознамерилась распугать всех прохожих.

Несколько раз у меня возникало дурное предчувствие, что вылетят стекла от ее крика, но каждый раз он замирал в самый критический момент, и мне оставалось только гадать, повторится ли шоу.

Я уже готов был предложить перенести наши встречи в какой-нибудь отель поближе к аэропорту. Там, где каждую минуту взлетают и садятся «Аэробусы», мы точно никого не побеспокоили бы.

— Не переживайте, — подбодрила она меня после всего, — вы не виноваты. Просто я не испытываю оргазм, если не кричу.

Мне, конечно, не хотелось препираться насчет точного уровня децибел.

Как бы то ни было, француз, живший во мне, не дремал и был сосредоточен на более интеллектуальных материях. Натали снова обращалась ко мне на «вы». И поскольку за последние полчаса мы успели познакомиться ближе, я осмелился спросить у нее, с чего вдруг такой официоз.

Она вспыхнула и залилась краской. Да, они действительно помешаны на своем языке, подумал я. Ее щеки даже не порозовели, пока мы занимались сексом, а сейчас она была красной, как монашка на шоу нудистов на батуте, и все из-за того, что я попросил ее объяснить кое-что о местоимениях.

— *C'est très sexy*¹, — призналась она.

— Просто обращаться на «вы» — это сексуально? — Так вот почему фраза «уроки французского» считается эвфемизмом понятия «секс с проституткой». Можно подумать, что в борделе зачитывают главы из учебника грамматики.

На самом деле все было гораздо сложнее. Натали объяснила мне, что в высших слоях общества мужья, жены и любовники часто обращаются друг к другу на «вы», что, как ей кажется, добавляет волнующего контраста между вежливым общением в течение дня и вульгарностью того, чем они занимаются в постели. Круче всего, как сказала она, перейти с «вы» на «ты» в момент наивысшего экстаза. Этот переход сам по себе мог довести ее до оргазма. Жаль, что она не сказала мне этого раньше.

— Это примерно то же самое, как если бы женщину грубо взял работяга прямо в шикарном бальном

¹ Это очень сексуально (*фр.*).

зале, — добавила она. Меня, правда, такая идея никогда не заводила, но, впрочем, каждому свое.

Что ж, наш номер вполне мог сойти за бальный зал. Оформленный в том же стиле барокко, что и вестибюль, но с огромной хрустальной люстрой над кроватью и тяжелыми пурпурными шторами с золотой бахромой, за которыми и окон-то не было видно. Как и на балу, здесь приветствовался полумрак.

Единственным, что выбивалось из общей картины, на мой взгляд, была фотография в позолоченной раме над кроватью: черно-белый портрет французского певца Сержа Генсбура с сигаретой во рту. Мне почему-то казалось, что он с хитрым прищуром смотрит на нас сверху.

Натали заметила, что я хмурюсь, заглядывая ему в ноздри.

— Он был великим любовником, — сказала она. — Однажды в прямом эфире на телевидении он сказал Уитни Хьюстон, что хочет трахнуть ее. Уверена, он обратился к ней на «вы».

— Чтобы не показаться невежливым?

Я никогда не мог понять, как так вышло, что этот низкорослый уродливый алкоголик стал секс-символом Франции. Впрочем, не мне судить, я ведь не французенка.

— Здесь все комнаты названы в честь известных французских любовников, — заметила Натали.

— Значит, вы бывали здесь и раньше? Со своим мужем, разумеется?

Ее смех был мне ответом.

— Зачем вы это делаете? — продолжил я любопытствовать. — Я имею в виду, обманываете его?

Я знал, что говорю сейчас не как наивный школьник, а как священник. Словом сказать, законченный лицемер: только что занимался с ней сексом, а теперь читает мораль.

Натали ненадолго задумалась, поглаживая мою ногу.

— Думаю, — наконец сказала она, — с вами я изменяю мужу, просто чтобы доказать самой себе, что я еще живая.

— В том, что вы живая, нет никаких сомнений, — заверил я.

— А вы, кого обманываете вы? — спросила она, поддразнивая меня улыбкой.

Я знал, что это всего лишь шутка, но мне вдруг стало грустно.

— О, нет, — прибавила Натали, увидев выражение моего лица. — Похоже, кто-то обманывает *вас*.

Я вовсе не так рассматривал свои отношения с Алексой, но почему-то рассказал Натали все, что накопилось. Как мы с Алексой познакомились, когда она работала официанткой во время забастовки, как она заставляла меня дегустировать вонючие французские сыры и колбасы, как я все испортил, случайно переспав с другой. В общем, всю историю.

Казалось странным откровенничать об Алексе с этой женщиной, да еще в постели. Но это был абсолютно естественный порыв. В конце концов, нет лучшего места для утешения, чем постель.

— Что в ней такого особенного? — спросила Натали.

Поначалу я растерялся, не зная, что ответить. Я никогда не задавал себе такого вопроса.

Алекса была красивой, этого не отнять, но в ней было куда меньше шика, чем в той же Флоранс. Да, она была сексуальной, но не такой озабоченной, как Виргиния или Натали.

Я до сих пор живо помнил изгиб ее носа, цвет ее сосков, запах ее волос, вкус ее пота. Но я давно уже не вдыхал этих запахов. Я даже толком не разговаривал с ней, а если мы и общались, то непременно заканчивали спором.

Так что же в ней было особенного?

— Она — это просто она, — жалобно произнес я.

Однако Натали глубокомысленно кивнула, словно я изрек великую мудрость.

— В ней есть изюминка? — Она перешла на английский.

— Да. Она меня просто восхищает. Она делает только то, что ей нравится. И полна решимости довести все до конца, но в то же время очень внимательно относится к тому, что делаю я, поддерживает меня во всем. Я тоже обожаю ей помогать. Просто у нас могло бы... — Я никак не мог подобрать нужного слова.

— Получиться? — предложила Натали.

— Да. У нас могло бы получиться.

— Тогда ты должен решить, чего действительно хочешь. Я такая же в этом смысле. Я не хочу оставлять мужа. Я могу бросить его, только если так сильно влюблюсь в кого-нибудь, что уже не смогу и минуты оставаться дома. Может, потому я и балую себя этими

маленькими *авантюрами*. — Она рассмеялась. — О, боже, Серж подумает, что мы идиоты.

Я искоса взглянул на фотографию: мсье Генсбур действительно не одобрял нашу дискуссию о хитросплетениях человеческих отношений.

«Лучше заткнитесь и трахайтесь», — казалось, говорил он.

Хотя, если судить по тому, что я слышал в его исполнении, его лирика была куда более утонченной. За исключением разве что песни «Я тебя люблю, и я тебя нет», в которой он описывает половой акт примерно так: «Я вхожу и продвигаюсь между почек». Высший балл по анатомии, но романтики ноль.

Натали же очень серьезно отнеслась к мнению Сержа.

— Чего мне сейчас хочется, — сказала она, снова переходя на французский и приникая ко мне, — это чтобы вы еще раз облили меня шампанским и заставили кричать.

— *Comme vous voulez, Madame*¹.

Она содрогнулась, когда магия перехода на «вы» сделала свое дело.

3

Стабильные отношения весьма благотворно сказывались на Бенуа, я даже сказал бы, творили чудеса. (Партнершей, разумеется, было устройство для кипя-

¹ Как вам будет угодно, мадам (*фр.*).

чения воды. Я полагал, что оно разделяет его чувства.) Он набирался мастерства и уверенности, перешел на полную тридцатипятичасовую неделю и стал полноценным капитаном команды.

Чем лучше я узнавал его, тем больше убеждался в том, что поначалу ошибся, приняв его тихую самоуверенность за обычную лень. Когда он наливал чай, складывалось впечатление, что он действительно осознает важность именно этой чашки чая, а мягкая улыбка, с какой он протягивал эту чашку клиенту, говорила, что тот принял правильное решение, сказав ее.

Бенуа все-таки прочувствовал связь между счастливым клиентом и звоном монет в кассе. И очень скоро научился самостоятельно обслуживать посетителей, в то время как остальные сотрудники продолжали устраивать коллективные дискуссии по проблеме армидиллы/помидоры.

Так что, когда Жан-Мари позвонил мне узнать, как продвигаются дела у сына, я был счастлив сказать ему правду. Заодно я сообщил, что мне пришлось уволить другого сотрудника — Фабриса, «польского» студента. На самом деле он был ужасный работник и страшно подводил меня, но я подумал, что нелишне будет взвалить груз моральной ответственности за это увольнение на Жана-Мари. Если он еще не разучился понимать, что такое моральная ответственность, я получу очко в свою пользу.

Я рассказал Жану-Мари, что Бенуа удивил меня, когда здорово вписался в команду. Он смирился с утомительными обязанностями по кухне, избавился

от дурных привычек и, казалось, нашел себя. Более того, он единственный наконец выяснил, как запустить мой веб-сайт через провайдера электронной почты, так что теперь я обязан ему по гроб жизни.

Жан-Мари был счастлив слышать все это, хотя в его голосе все еще угадывалась нервозность. Похоже, что-то еще не давало ему покоя.

— Натали, журналистка с телевидения, ты видел ее? — спросил он.

— Да, видел. — Всю ее, хотелось мне добавить. Мы встретились еще раз после того свидания в отеле. Как-то днем в воскресенье она заглянула ко мне домой, на улицу «Я там трахаюсь», притворилась англичанкой перед моими компаньонами, а потом у меня в комнате орала на своем родном языке.

Она почти час жевала подушку, но это все равно не могло заглушить ее криков, так что мои соседи все-таки напомнили мне потом, что в «друзьях» такими вещами не занимаются. Жаль, ответил я, что Натали не предложили хотя бы эпизодической роли. Она здорово подняла бы рейтинги, даже не находясь в комнате, где разворачивается главное действие.

— Она собирается делать репортаж про «Мой чай богат»? — спросил Жан-Мари, врываясь в мои мечты.

— Я не знаю. — И это была правда. Мы не говорили об этом со дня встречи в музее. Может, она хотела только моего тела. Да я и не возражал, чтобы она изредка им пользовалась. — А почему ты спрашиваешь?

— Видишь ли... (Я догадывался, что Жан-Мари сейчас решает, какую версию правды и в каком объ-

еме мне представить.) Мы собирались снимать фильм обо мне, необходимый для моего политического портрета, но она... как это сказать... задвинула меня?

— Отменила съемку?

— Да. Она сказала, что собирается делать что-то совсем другое.

— Ну, я с ней не общался в последнее время. Ты хочешь, чтобы я спросил у нее, чем она собирается заниматься?

Идея позвонить Натали и, возможно, встретиться в постели была заманчивой. Тем более что ни в Париже, ни в других европейских столицах не было ни одной другой женщины, которая так горела бы желанием переспать со мной.

— Почему бы нет, отличная идея, — ответил Жан-Мари таким тоном, словно сам это спланировал. И с живостью добавил: — Знаешь, если Бенуа так все нравится, может, я куплю для него эту чайную.

Я воспринял это как шутку.

Я, как положено, оставил сообщение для Натали, и она забежала в чайную ранним утром следующего дня.

В отличие от Виргинии, она обладала тем, что французы называют «mondanité»¹, и на людях разговаривала с сексуальным партнером так, словно между ним и ней ничего не было. Кстати, очень ценный навык, без него в высшем свете никуда.

¹ Светскость (фр.).

Мы поговорили у кассы, и уши Бенуа и Кейти едва не отвалились от усердия, с каким они пытались изобразить, будто не подслушивают. Не думаю, что им могла прийти в голову мысль, будто у меня были эротические встречи с Натали, поскольку она почти все время говорила об Алексе.

Она показала мне заметку в парижском еженедельнике-путеводителе «Парископ»:

— Это твоя Алекса?

Я прочитал объявление в разделе «Выставки». Из описания я понял, что *exposition photo* пройдет в «Эспас Фото Бобур», а дальше шло длинное заковыристое предложение, смысла которого я не понял. Что-то про путешествие сквозь мужчину скрытым глазом женщины.

Скрытый глаз женщины? Звучало странно и загадочно. Так могла бы называться одна из скульптур в Музее эротики. И к ней подошло бы название выставки Алексы, которое я понял без труда: *Des hommes, rien que des hommes* («Мужчины, ничего, кроме мужчин»).

Выходит, Алекса придумала новую версию той инсталляции, которую Трейси Эмин украсила именами всех парней, с которыми переспала¹. Только я смогу полюбоваться фотографиями. Блестяще. Какое сча-

¹ Имеется в виду инсталляция «Все, с кем я спала, 1963—1995» английской художницы Трейси Эмин (р. 1963), впервые представленная в 1995 году. Инсталляция представляет собой синюю палатку, внутри которой на «стенках» вышиты имена тех, с кем Эмин когда-либо делила постель.

стве, что Алекса предупредила меня, что не хочет, чтобы я видел эту выставку.

— Это она? — спросила Натали.

— Да, — ответил я.

— Ты хочешь пойти на выставку?

— Да не особенно.

— О, разве это не интересно? Ты же сам говорил, что там будет твоя фотография. Я подумала, что можно было бы объединить это с историей твоей чайной. Но если ты считаешь, что это плохая затея...

Какую злую шутку играет со мной судьба. Тележурналистка интересуется моим мнением о единственной в Париже выставке, на которую мне не хотелось идти. И если был хоть малейший шанс, что Натали заинтересуется и самой Алексой и сделает о ней репортаж, тогда я должен разбиться в лепешку, но отправить туда Натали.

— Нет, я уверен, что это будет очень здорово, — сказал я. — Просто я думаю, что умру там от ревности.

— О... — Натали едва сдержалась, чтобы не погладить мою руку. Она предусмотрительно отступила в сторону, подальше от чужих ушей. — Мы могли бы пойти туда завтра вместе, тогда, по крайней мере, ты не будешь выглядеть одиноким и брошенным. Даже если на своей фотографии она будет в окружении всех двадцати любовников.

Ей эта ирония показалась в высшей степени забавной, чего нельзя было сказать обо мне.

Если бы только Алекса знала, на какие жертвы мне приходится идти ради нее.

4

Тем временем меня поджидали неприятности совсем иного рода.

Открыть свой маленький бизнес в Париже оказалось делом плевым. Я-то воображал, что мне придется днями ползать на коленях от одного чиновника к другому, умоляя этих садистов поставить печать на моей затрепанной заявке, пока наконец не доберусь до главного вершителя судеб, только чтобы услышать, что чернила на первой печати совсем выцвели, и придется начинать все сначала.

Но нет, все, что от меня потребовалось, это зайти в массивное здание с куполом, Товарную биржу, и взять бланк заявки. Я вернулся в то же время на следующий день с заполненной формой, чеком на сумму, меньшую, чем стоимость маленького флакона «Шанель № 5», и стал «президентом» собственной компании.

Единственным, что вызвало у меня некоторую заминку при заполнении заявки, было требование обозначить вид бизнеса, который я собирался начать. В графе перечислялись разнообразные формы акционерных обществ, каждое со своим режимом налогообложения и способом отъема денег в случае банкротства предпринимателя, но я даже не рассматривал такую перспективу, поэтому выбрал «микропредприятие», решив, что оно по определению не может вызвать повышенного интереса со стороны бюрократов.

Как же я ошибался.

Подписать под заявкой было равносильно тому, чтобы уколоть свой палец иголкой и потом сунуть руку в Амазонку.

Первой же пираньей, впившейся в меня, был человек во флисовой безрукавке и клетчатой рубашке.

Был поздний час, мы уже закруглялись, и я, взяв газету и чашку чая «Оранж Пеко», уселся за столик, вытянув натруженные ноги. Поначалу я даже не обратил внимания на этого типа, разве что невольно отметил стильное цветочное сочетание в его одежде. Песочно-коричневая безрукавка, бежево-зеленая рубашка, брюки цвета хаки, светло-коричневые замшевые туфли. Даже волосы у него были в тон — рыжеватые с вкраплениями седины. Вот, подумал я, у кого бельевого ящик организован строго по спектру.

Я вернулся к футбольным страницам. Мне было непонятно, почему нигде нет ни слова о новом отчине Алексы. Подумать только, купил популярнейший английский клуб, и никто о нем не говорит? Похоже, он совсем ушел в тень.

Но меня снова отвлек клиент-аккуратист, когда я услышал, что он громко спорит по-французски с Бенуа, а тот был не из тех, кто повышает голос.

— Вы должны все перевести, — говорил незнакомец. — *Cup of tea*¹, например.

— Но каждый француз знает, что такое *cup of tea*, — возражал Бенуа.

— Откуда такая уверенность? Может, я не знаю?

¹ Чашка чая (англ.).

— Вы не знаете, что такое *cup of tea*?

— Нет.

— Вы знаете, ведь вы заказали чай, когда вошли.

— Может, мне просто было любопытно, что это за незнакомое блюдо в меню.

Я понял, что пора вмешаться. Бенуа явно столкнулся с самой злодейской и извращенной логикой. Логикой французского бюрократа.

Я представился и спросил, в чем проблема.

Клиент не снизошел до того, чтобы назвать себя. Он просто спросил по-французски:

— Что такое *moog*?

— *Moog*? — переспросил я.

— Да, *moog of tea*.

— А... *mug*,¹ — догадался я.

— Да, *mag*.

— *Mug*.

— *Mog*.

— *Mug*.

— *Maaaahg*.

— *Oui, c'est ça*, — поздравил я незнакомца. — *Un maaaahg est un grand coop*².

— *Coop*?

— *Cup*³.

Торжествующе хмыкнув, он сказал:

— Вот видите, даже вы не знаете, что такое *cup*. Поэтому вы и должны дать перевод, написать в меню

¹ Большая чашка (англ.).

² Совершенно верно. Это и есть большая чашка (фр.).

³ Чашка (англ.).

*tasse de thé*¹. Вам надо сделать перевод всего меню на французский язык.

Наконец он назвался инспектором государственного департамента по делам франкофонии, который занимается защитой французского языка от нашествия иностранных слов, таких как «le marketing», «le Walkman», и, как выяснилось, сюда же затесалась и наша «le cup of tea» (чашка чая).

Инспектор помахал своим удостоверением перед носом озадаченного Бенуа, и моим тоже, после чего сообщил, что противозаконно иметь меню, в котором не указан французский перевод каждого иностранного ингредиента или блюда.

— Что, даже сэндвича? — спросил я, произнеся слово на французский манер, «сон-двииш», хотя французы всегда пишут его по-английски.

— Нет, разумеется.

— Хорошо, значит, если это английское слово, которое используется во французском языке или понятно французам, то я не должен переводить его.

— Английское? Но «сэндвич» — это *французское* слово. — Щеки инспектора вспыхнули на мгновение, но, осознав, что нарушают цветовую палитру, быстро вернулись к привычному серо-зеленому оттенку.

— Что? Сэндвич — это английское изобретение.

— Хо! — Это было что угодно, только не смех. Скорее все-таки крик возмущения. Надеюсь на поддерж-

¹ Чашка чая (*фр.*).

ку, инспектор посмотрел на Бенуа, но к этому времени тот уже вовсе лишился дара речи и лишь сиротливо жался к аппарату для кипячения воды, словно искал у него моральной поддержки. — Это как фри — французский фри, — продолжал инспектор. — Весь мир знает, что это французское блюдо, кроме англичан, которые уверяют, что это *они* его придумали. Как и бельгийцы — но кто станет их слушать? Мы, французы, стали есть сэндвичи гораздо раньше вас. Традиционный багет — идеальный хлеб для сэндвича.

Увлечшись варварским переписыванием истории кулинарии, он открылся для удара, и я не преминул этим воспользоваться.

— Нет, тут вы не правы. Багет — самый плохой хлеб для сэндвича. Его ведь в рот не засунешь. — Я подкрепил свои слова пантомимой, показав, что засунуть в рот багет, предварительно не сплющив его, практически невозможно. — И когда вы его сжимаете, начинка вываливается с другого конца прямо вам на брюки.

Инспектор прищурился:

— Я думал, что мы с вами ведем лингвистический спор, мсье, а не критикуем французские манеры поведения за столом. — Когда француз произносит «мсье» в середине фразы, знайте: вы всерьез обидели его.

— Я вовсе не критиковал французские манеры, — возразил я. — Но «сэндвич» — это действительно английское слово.

— Чепуха. Что оно означает? Что-то связанное с песком, я так понимаю?

— Это имя человека, который придумал эту разновидность бутерброда.

— *Ab oui*, мсье *Sandwich*, кузен мсье *Fish and Chips*¹? — Он отвесил поклон, аплодируя собственному остроумию. Даже Бенуа оценил колкость его реплики.

Всем известно, что, попав в зыбучие пески, не стоит прыгать и делать резких движений в надежде на то, что удастся выбраться.

Беда в том, что некоторые из нас — прирожденные акробаты.

— Хорошо, это английское слово, и я переведу его в своем меню, — сказал я.

— Вы не будете его переводить. Это французское слово.

— Это английское слово, и я отстаиваю свое право на его перевод.

— Я запрещаю вам переводить его.

К этому времени мы уже стояли практически нос к носу.

— Я переведу его так: «традиционное английское блюдо из двух ломтиков хлеба с... э-э... кое-чем внутри». — Мой французский несколько подвел меня в конце фразы, но удар настиг цели.

— Это будет вопиющее искажение. Закон запрещает некорректный перевод.

— О, неужели? Что ж, посмотрим, что на это скажет *Брюссель*. Или *Брусель*, как называют его фла-

¹ Рыба с картофелем во фритюре — популярное дешевое блюдо.

мандцы. *Брюссель* — это ведь тоже пример плохого перевода, не так ли?

Инспектор поднял брошенную перчатку и швырнул ее уже мне в лицо, заявив:

— Я вернусь, и, если будет хоть одна ошибка во французском переводе вашего меню, вы будете обязаны перепечатать весь тираж — или готовьтесь к серьезному штрафу.

Никто не смеет швырять мне в лицо перчатку и уходить безнаказанным, пусть даже из зыбучих песков будет видна лишь моя физиономия.

— О, да? — Я покачал головой. — Думаю, мы с вами одним поездом отправимся в *Брусель* на дебаты по этому делу.

Когда за ним захлопнулась дверь, я не сомневался, что мы оба испытывали особенное французское удовлетворение тем, что довели друг друга до белого каления. Ни на йоту не продвинулись в решении проблемы, зато от души поскандалили, и каждый вышел из схватки с ощущением собственной правоты. Я веселился, словно пудель, перелаявший всех собак во дворе.

— Как ты думаешь, у нас будут неприятности? — спросил Бенуа.

— Нет, мы его больше не увидим, — ответил я, и почти поверил в это.

Какая все-таки несправедливость. За то время, что я прожил в Париже, мне в руки много раз попадались меню с безнадежно искаженным, хотя и без злого

умысла, переводом, и никто не возмущался, не грозил штрафами.

Я часто бывал в заведениях, где предлагали «омлет с плесенью», «скачущий картофель» и «искалеченный стейк»¹.

Согласен, все это были переводы на английский, но, игнорируя их, чиновники, выходит, грешили двойными стандартами. А французам приходилось мириться с лингвистическими преступлениями.

Меня, например, всегда коробило, когда я слышал, как француз называет фуфайку («sweatshirt») сладкой («sweet»). Хотя пишет правильно: «sweat»². Впору переписывать Шекспира, ведь роза не может пахнуть «пóтом».

Да и со спортом у них беда. Футбол они называют «le foot», баскетбол — «le basket», скейтбординг — «le skate». Они как будто не догадываются о том, что английские слова на самом деле имеют какие-то значения, и, если мы соединяем «скейт» и «борд» или «баскет» и «бол», рождается новое слово, со своим смыслом.

Самое идиотское сокращение мне довелось услышать из уст старого риелтора, который называл туалет «les water», «ле ва-тэр». Разумеется, он имел в виду аббревиатуру WC, что означает *water closet*, «ватерклозет». «Не хотели бы вы посмотреть *ле ва-тэр?*» — предложил он. Я подумал, что он хочет

¹ Имеются в виду «омлет с грибами», «картофель в мундире», «отбитый стейк».

² Пот (англ.).

представить меня соседям, пока не понял, что к чему.

Нет, решил я, инспектор-лингвист больше не беспокоит меня. Со всеми этими ляпами и жуткими англицизмами, которые вторгаются во французский язык через Интернет и сотовую связь, он до конца дней и без меня был обеспечен работой.

Если только не видел свою миссию в том, чтобы прессовать англоговорящих предпринимателей.

5

Я все-таки недооценил значимость выставки Алексы.

Собственно, я мог бы догадаться о том, насколько все серьезно, но только если бы знал, к примеру, что парижане называют свою новую национальную библиотеку «шоколадным батончиком».

Официально библиотека носит имя бывшего президента Франсуа Миттерана, но парижане называют ее сокращенно: «BN» (от «bibliothèque nationale»¹), а точно такая же аббревиатура является торговой маркой популярного шоколадного батончика.

Парижанам как будто невмоготу произносить имена экс-президентов, даже Шарля де Голля, в честь которого названо немало мест. Но из-за этого часто возникает путаница, причем посерьезнее, чем с библиотекой-шоколадкой.

¹ Национальная библиотека (*фр.*).

Дело в том, что в Париже есть две главные достопримечательности, названные в честь генерала. Крупнейший аэропорт города известен всему миру как Париж-Шарль-де-Голль. Это подтвердят и багажные стикеры с крупными буквами CDG на ваших чемоданах. Но парижане называют его Руасси, по имени маленького городка, которому посчастливилось заполучить аэропорт в качестве соседа.

А в самом Париже, возле Триумфальной арки, находится крупнейшая станция метро и пригородных поездов, Шарль-де-Голль-Этуаль, которую парижане называют просто Этуаль, по имени площади вокруг арки.

Иностранным туристам приходится бывать в обоих этих местах, что вполне естественно. Так же естественно слышать и диалог между лингвистически ущербным туристом и кассиршей метро примерно следующего содержания.

Турист. Э-э... добрый день, то есть бон-жоо, я... мм... хочу ехать... э-э...на *Шарль де Гоул*?

Кассирша (*говорит быстро через плексигласовое окошко, пытаясь перекричать шум поездов*). Руасси или Этуаль?

Турист. Э? Э-э... бон-жоо, я... мм... хочу ехать на *Шарль де Гоул*?

Кассирша (*с той же скоростью и громкостью*). Руасси или Этуаль?

Ну, и так до бесконечности.

С выставкой Алексы у меня произошел примерно такой же конфуз, потому что в деле был замешан Центр Помпиду.

Жорж Помпиду сменил на посту президента де Голля в конце 1960-х. А умер в своем кабинете, как раз когда в центре Парижа был достроен новый музей искусств в форме вывернутого наизнанку тостера. Город назвал музей в честь покойного президента, и нам, иностранцам, он с тех пор известен как Центр Помпиду. Но вот парижане называют его Бобур, по имени квартала средневековых построек, снесенных ради строительства музея, и уродливых многоквартирных домов вокруг него.

Все это в какой-то степени объясняет, почему я не сразу отреагировал на то, что выставка Алексы будет проходить в небольшом зале временных экспозиций Центра Помпиду. Что на самом деле огромная честь для художника.

Натали, понятное дело, была впечатлена, когда увидела имя Алексы в одном ряду со звездами постоянной экспозиции музея.

— Она что, дочь знаменитого художника? Или директора музея? А может, она спит с ним?

Заметив, что я поморщился, она извинилась. Самое ужасное, что она вовсе не шутила. Она действительно не понимала, как Алекса, такой молодой художник, удостоилась чести выставить свои работы в этом храме современного искусства.

— Возможно, она очень талантлива? — предположил я, разочаровав Натали полным отсутствием интриги.

Мы стояли прямо под вздымающейся разноцветной металлической конструкцией культурного цен-

тра. На расстоянии, особенно если подходить со стороны средневекового квартала Марэ, он смотрится как модернистский шрам на теле древнего города, но вблизи завораживает.

Конечно, нужно было набраться храбрости, чтобы вынести все внутренности здания наружу. Гаечных ключей тоже понадобилось немало. Если приглядеться, можно увидеть места крепления балок огромными болтами, которые выглядят так, будто их легко раскрутить.

Хотя дело было к вечеру, у входа стояли в очереди двадцать — тридцать желающих попасть на основную выставку, «Поп-арт-шоу», из-за которого, наверное, вырубili половину лесов Швеции, чтобы отпечатать массовый тираж постеров Энди Уорхола для магазина при музее.

Натали показала свое журналистское удостоверение, и мы прошли без очереди. Второй раз в течение нескольких месяцев, мелькнуло у меня в голове. Если тебе никогда не приходится стоять в очереди на выставки, можешь считать, что вписался в парижское общество.

— Нам нужны *Мужчины, ничего, кроме мужчин*, — сообщила Натали молодому чернокожему охраннику, радуясь двусмысленности фразы.

Нам пришлось спуститься вниз по лестнице, которая сохранила следы пребывания миллионов посетителей этого здания постройки 1970-х. Но все равно мысль о том, что у Алексы здесь проходит выставка, приводила в трепет.

Я все никак не мог разобраться, почему она не хотела, чтобы я пришел. Наверняка на открытии побывала половина парижского истеблишмента от искусства. Скромного владельца английского *café* никто и не заметил бы. Если бы только он не надрался дармового вина и не попытался поцеловать художницу в пупок, а потом, рухнув под белым-белым снимком витрины бутика «Курреж», не развлекал бы высоких гостей, жалостливым тоном повторяя: «Это я, видите? Это я».

Что ж, возможно, это проясняло, почему она меня не пригласила.

Выставка проходила в большой квадратной комнате. Белые стены, грубый серый ковер и три десятка цветных фотопортретов большого формата, которые смотрели на зрителей со всех сторон. По меньшей мере половина из них была посвящена отцу Алексы: он был снят один или с двумя-тремя ребятами, обозначенными только по именам. Если судить по их нежным позам, все они были любовниками ее отца.

Съемка производилась жестоким крупным планом. Изображение было натуралистичным, хотя попадались фотографии размытые или со смазанным цветом, если вдруг кто-то в момент съемки поднял руку или яркая рубашка «съела» фотовспышку. Практически на всех фотографиях отец Алексы улыбался — или в объектив, или своему любовнику, — но иногда ей все-таки удавалось снять его в мгновения грусти, и это совершенно не вязалось с общим настроением голубого веселья.

На остальных снимках был парень, который не подозревал, что его фотографируют. Вот он идет по парижской улице, ни на чем не задерживая взгляд, а вот сидит в кафе, ждет кого-то, и лишь раз покосился в сторону камеры, словно к чему-то присматриваясь.

Эти фотографии тоже были зернистые и как будто нечеткие; казалось, будто Алекса снимала на расстоянии, иногда из окна или даже в потоке машин. И они были не столько веселыми, сколько беззаботными. Молодой парень в Париже, разглядывает город, открывает его для себя.

— Это ты, — опешила Натали.

Я уже, конечно, и сам догадался. Сказать, что я был потрясен, значило ничего не сказать. Я оказался в положении борца, которого только что положили на лопатки ударом головой в живот, и вот теперь он задыхается, придавленный тяжестью своего соперника, который пытается выбить из его легких последние молекулы воздуха.

Я ходил кругами по комнате, изумленно таращился на самого себя и все пытался осмыслить свои эмоции, которые бурлили почему-то в животе.

Когда она сделала эти фотографии?

Почему не сказала мне?

Почему я ничего не заметил?

Единственное объяснение, которое пришло в голову, отчасти могло служить ответом на мучившие меня вопросы. Видимо, когда мы встречались, она всегда приходила заранее и снимала меня украдкой. Я вспомнил, что она часто опаздывала минут на пять-

надцать. Теперь я видел, на что она тратила эти пятнадцать минут моего ожидания.

Это было невероятно.

Мою фотографию на фоне витрины «Курреж» Алекса тоже выставила, но, по злой иронии, это был единственный снимок, где меня было плохо видно. Пушистое белое облако и в нем улыбающееся лицо. На всех других фотографиях я был заснят как будто через бинокль, такими четкими казались все черточки моего лица на фоне размытого пейзажа.

Натали посвятила пару минут комментариям о фокусе, свете и глубине фотографий, после чего присоединилась к моим попыткам разгадать главную интригу всего этого действа, его «Центр Помпиду» с вынесенными наружу спецэффектами и спрятанными ото всех глубинными мотивами.

Где, черт возьми, секс-символ Саша, этот украинский любовник?

— Я вижу два варианта, — сказала Натали, увлекая меня в центр комнаты, чтобы я перестал бесцельно нарезать круги, как орел, который никак не может выбрать жертву из бесчисленного поголовья кроликов. — Первый: здесь представлены мужчины ее жизни, и ты один из них. Второй: эти мужчины *были* в ее жизни, но ты уже не один из них.

Она подняла руки в знак капитуляции, как обычно делают французы, когда признают свое бессилие в разгадке великих тайн жизни.

— *Merde*, — машинально произнес я по-французски; видимо, это слово очень точно передавало мои чувства.

— Спроси у нее, — сказала Натали, кивая в сторону двери.

Я огляделся по сторонам, ожидая увидеть Алексу, которая заходит в комнату, успев тайком сфотографировать меня.

Но нет, Натали показывала на книгу отзывов, которая лежала раскрытой на маленьком квадратном столике.

— Не могу же я вот так просто написать: «Где же Саша?» — Я стоял возле столика, с ручкой наготове, и злился больше обычного, оттого что вынужден сочинить что-то осмысленное и интеллектуальное.

— Нет, конечно, это было бы жестоко, — согласилась Натали.

Пожилая смотрительница в белой футболке с логотипом Центра Помпиду наблюдала, как мы по очереди пытаемся преодолеть творческий кризис. Ее брови еле заметно ползли вверх, когда мы стонали от бессилия и раздражения, а потом так же медленно опускались. Наконец ее взгляд замер на моем лице, и на нее снизошло озарение.

В конце концов я написал: «Большое тебе спасибо, Алекса» — и подписался с поцелуем.

Смотрительница тепло улыбалась мне.

— *C'est vous, non?*¹ — спросила она.

— Да, — признался я, чувствуя себя актером, которого начинают узнавать после дебютного эпизода в «мыльной опере».

¹ Это вы? (фр.)

— Вы один из любовников ее отца, — добавила женщина, все испортив.

— Нет, мадам, он мой любовник, — сказала Натали, похотливо ухмыльнувшись.

И мы танцующей походкой прошествовали к выходу.

— Подожди здесь, — произнесла приказным тоном Натали. Всутив мне свою большую кожаную сумку, она устремила по коридору к двери, украшенной пластмассовым силуэтом дамы в широкой юбке, без груди и без ног.

Я стоял посреди коридора, стыдясь того, что держу в руках женскую сумку, и чувствуя себя из-за этого полным идиотом.

Разумеется, никто и не подумает, что это моя сумка, уговаривал я себя. А даже если и подумает, какая мне разница? Каждый мужчина имеет право носить сумку по собственному выбору.

Я наконец придумал, как держать сумку, чтобы ни у кого не возникло подозрений в том, что она моя, и при этом не показывать виду, будто меня беспокоит нелепость моего положения. Я сложил руки на груди, держа сумку за ремень одной рукой. Эта поза говорила всем-всем-всем: «Вот видите, я просто жду, когда из туалета вернется хозяйка и заберет свою вещь».

Разрешив эту щекотливую проблему, я вернулся к своим куда более серьезным переживаниям. Алекса, фотографии, Саша, я. Это был пазл с бесконечным множеством фрагментов.

— Пол?

Она изменилась и в то же время не изменилась совсем. Лицо выглядело бледнее обычного, но ведь, в конце концов, было начало ноября, и лето осталось в далеком прошлом. На ней была старая кожаная куртка, с которой она не расставалась, как римский гладиатор со своими доспехами. Но сейчас куртка казалась частью образа. Не стереотипного, как в каталоге, — это был скорее рокерский стиль. Лишний пирс в ухе, красно-золотистые тени на веках. Короча, лондонская штучка, заявляющая своим видом: «Валите к черту, если кому не нравится!» Анархично-сексуально.

— Алекса. Что ты здесь делаешь? — Да, из миллиона умных вопросов, которые я мог бы задать ей, я выбрал последний из списка.

— Угадай. — Она кивнула в сторону своей выставки. Пол, ты все такой же, казалось, думала она.

— Нет, я хотел сказать... О, черт, Алекса, ты знаешь, что я хотел сказать.

— Да, но что *ты* здесь делаешь, Пол? И где ты взял эту сумку? Она просто шикарная. И тебе идет.

Существовал миллион других вопросов, которые я предпочел бы услышать от нее.

— Это... мм... для моей мамы, — симпровизировал я, умоляя, чтобы рядом оказался кто-нибудь, кто смог бы написать мне сценарий. — Рождественский подарок из Парижа.

— Что-то *рановато* для рождественских подарков.

— А я всегда заранее готовлюсь к Рождеству. Шопинг без паники. — Мне бы еще встать с этой сумкой перед телекамерой и дожидаться, пока на экране появится цена и номер телефона для заказа.

— И ты еще купил ей полбутылочки «Эвиана»? — спросила Алекса. Натали всегда имела при себе запас воды на случай, если вдруг ее выбросит из Средиземного моря прямо в Сахару.

— Нет-нет. Она сейчас здесь. В дамской комнате. — Я метнул взгляд в сторону двери и мысленно взмолился всем богам, ответственным за общественные туалеты, чтобы оттуда не выплыла Натали, разоблачив меня как безнадёжного вруна или удивив Алексу тем, что моя мать не только парижанка, но еще и родила меня чуть ли не в младенчестве.

— О, я понимаю.

Мою молитву услышали, и Алекса, кажется, начала верить мне. Хотя конечно же через пару минут, когда Натали все-таки выйдет, она перестанет верить мне окончательно.

Черт, почему я сразу не сказал ей, что привел с собой журналистку с телевидения, чтобы показать выставку? И вот теперь стою весь в дерьме, а мог бы чувствовать себя героем и удостоиться комплимента за эффективную работу с прессой.

Выход из этой ситуации я видел только один.

— Подожди меня здесь, — сказал я Алексе и бросился к туалетам, «шикарной» сумкой едва не сбив с ног проходящего мимо посетителя музея.

Я ворвался в дамскую комнату и убедился в том, что боги не только услышали мою первую молитву,

но и устроили все так, чтобы свести мое унижение к минимуму.

Несколько дамочек с ужасом уставились на меня, когда за мной захлопнулась дверь, поэтому я спешно произнес «*Bonjour, Mesdames*» — приветствие, которое на французов действует безотказно, предотвращая многие потенциальные конфликты.

Одной из женщин была Натали, раздраженная великой несправедливостью, которая доказывает, что боги общественных туалетов сплошь мужчины, поскольку дамских туалетов никогда не хватает. Она была третьей в очереди в одну из двух кабинок.

— Натали, извини, должен бежать, — сказал я, протягивая ей сумку.

— Бежать?

— Да. Бизнес. Жан-Мари. Он только что позвонил. Очень срочно. Извини.

Я пулей вылетел из туалета, прежде чем она успела ответить.

Еще одно чудо: Алекса все еще ждала меня. Я протянул к ней руки и сказал, что нам действительно очень нужно поговорить где-нибудь в более спокойном месте. Сейчас же.

— Но я собиралась пойти на свою...

— Пожалуйста, Алекса. — На этот раз моя молитва сопровождалась соответствующим жестом.

— Но как же твоя мама? Разве ты не хочешь ее дождаться?

— Мама? О, нет. У нее страшный запор. Это долго.

6

Мы пошли в модное *café*, откуда открывалась полная панорама Центра Помпиду. Официанты здесь были образцово-высокомерные, зато наверху, в мезонине, царил полумрак, а стулья от Филиппа Старка были такими жесткими и металлическими, что буквально сбрасывали вас через стол в объятия к тому, кто сидел напротив. Так что, если вам приспичит объяснить своей «экс», что хватит терять время и пора признать, что вы созданы друг для друга, лучшего места не придумать.

Пока мы усаживались, я мысленно все твердил себе, что моя задача на сегодня — просто попытаться хоть раз в жизни говорить только правду.

— Мама придет сюда, когда закончит, — сказал я Алексе.

Да, начал плохо. И дело не только в том, что я опять скатился к вранью, — я чувствовал, что пора бы уже уйти от обсуждения мнимых проблем с желудком моей мамы.

— Но если она нас не найдет?

— Все нормально, отсюда хорошо просматривается выход.

— Как она выглядит?

Я сначала решил, что Алекса издевается, но на лице ее отразилось такое искреннее участие, что мне захотелось перепрыгнуть через стол и зацеловать ее до смерти.

— Она такая же, как я, только с бюстом, — ответил я. — Но послушай, Алекса, насчет выставки... (Сра-

ботало. При упоминании о выставке Алекса оживилась и отвернулась от окна.) Это потрясающе... И не только потому, что я там тоже есть, — поспешил добавить я. — Все фотографии просто супер. И то, что ты выставляешься в Бобуре... Ты, должно быть, так гордишься этим. Хотя мне кажется, я могу понять, почему ты не захотела пригласить меня.

— Можешь?

Это короткое слово как будто погасило искру. Долгая пауза накрыла нас снежным покрывалом. Мы ничего не говорили, но наше молчание было красноречивее всяких слов. Казалось, будто слова и образы носятся над столом, как лихорадочно снующие по проводам байты. Воспоминания, недоразумения, злость, нежность и, как в моем случае, несколько мегабайтов надежды.

Кажется, никогда еще я так долго не смотрел кому-то в глаза, не моргая. По крайней мере, с тех пор, как таращился на постер Кайли Миноут и спрашивал у нее, нравятся ли ей юные английские мальчики.

— Пол?

Тяжелый ком, сотканный из нервов, подкатил к горлу. Что, если Алекса сейчас объявит: извини, старина, вчера я вышла замуж и уже три месяца как беременна?

Нет. Никакого обручального кольца. Как же красив голый безымянный палец.

Беременна? Нет. Ну, во всяком случае, не три месяца. Она слишком изящна для такого срока.

— Да.

— Что ты хотел сказать мне такого важного? — Она, казалось, едва дышала.

— Всего одну вещь, — проговорил я, но теперь никак не мог эту вещь сформулировать. Я напоминал себе новобранца, который вытаскивает чеку у гранаты, а потом забывает, как ее бросать. Ну, не то чтобы я собирался кидаться на Алексу с гранатой в руке. Совсем нет.

— Да?

Я осторожно приблизил пальцы к ее руке. Если они и дальше будут так дрожать, я вряд ли что-нибудь скажу. Но поскольку я по-прежнему смотрел ей в глаза, мне было не видно, отдернула она руку или нет.

— Это... О, черт. — С чего же начать?

— Что, все так плохо?

— Нет, нет. Дело не в этом. Хотя да. Понимаешь, Алекса... Без тебя все действительно плохо.

Она рассмеялась, но мне показалось, что я увидел крошечную слезинку в уголке ее глаза. Конечно, это могла быть аллергическая реакция на сигаретный дым. Но даже намек на слезу придавал мне смелости продолжить:

— Да, Алекса. В этом все дело. Я это понял. Я все сузил, обустроивая свою чайную и все такое, и это отняло у меня все силы в последние три месяца, и из-за этого я даже расстался со своей новой девушкой, но за это время я понял, что без тебя... если тебя нет рядом, все это... — Я взмахнул руками, пытаюсь изобразить пустоту, которая наполняет жизнь, если в ней нет главного. — Все это...

— Пустое? — Слеза никуда не пропала, зато теперь Алекса улыбалась.

Господи, насколько же легче просто сказать о своих чувствах. Какого черта мы теряем столько време-

ни, скрывая их? Что это за механизм самозащиты, который заставляет нас так мучиться?

— Ну не совсем пустое, конечно, потому что чайная работает, и это здорово.

— И я полагаю, трахать Виргинию тоже было здорово?

— Да, пожалуй, не хуже, чем трахать рослых блондинов с Украины. Не знаю. Я не пробовал. Но это не имеет значения. Все это бессмысленно. Я хочу только тебя. Ты мне нужна. Это любовь.

Вау, как трудно произносить это слово, но еще труднее держать его в себе.

Нам, бриттам, в этом смысле гораздо сложнее, чем французам. У них есть слово «aimer», которое означает «любить», но в то же время и «нравиться». Так что вполне можно прикинуться, что любишь, без всякого риска и обязательств.

Со мной такое бывало. Женщина говорит: «Je t'aime»¹ — и тут же добавляет: «Bien»², так что получается всего лишь «je t'aime bien» — «ты мне очень нравишься».

Пожалуй, мы могли бы добиться такого же эффекта в английском, признаваясь: «Я люблю тебя» — и добавляя: «В этом парике». Но все-таки, когда мы произносим это слово, пусть даже так неуклюже, как это сделал я, оно на самом деле что-то значит.

— Ты уверен, что не просто польщен фотографией? — спросила Алекса.

¹ Я тебя люблю (*фр.*).

² Очень (*фр.*).

— Нет. То есть да. Я очень польщен. Почему ты мне не говорила, что столько наснимала?

Она пожала плечами. Но это был вовсе не раздражающий парижский жест безразличия. Это был жест беспомощности.

— Когда я делала эти снимки, я не могла тебе сказать, что фотографирую тебя, потому что в этом-то и была вся прелесть, — ответила Алекса. — Ты не догадывался о том, что происходит. А потом, когда я захотела рассказать тебе, мы уже расстались, и ты...

— Начал раздражать тебя своими дурацкими телефонными звонками, поэтому ты решила, что вообще не хочешь мне их показывать. Я знаю, я виноват.

— Нет, все не так. Это сложно объяснить. Просто я сейчас с другим.

Я знаю, хотелось мне сказать, и этот другой — богатенький красавчик. Ну и что с того? Богатенькие красавчики гораздо легче переживают разрыв. У них такая натура, что они не остаются в одиночестве надолго.

— И к тому же, о... — Она потерла лоб. — Это прозвучит ужасно, но Юрий, отец Саши, ты знаешь, он будет финансировать мой фильм.

Вот это можно назвать ушатом ледяной воды. Оказывается, Саша был не только богатеньким красавчиком, но еще и двигателем карьеры.

Хотя мне почему-то казалось, что самого главного Алекса не договаривает.

При всем том, что фильм очень важен для нее, не собирается же она быть с Сашей только потому, что его отец обещал финансовую поддержку? Что она со-

бирается делать после того, как фильм будет снят, — оставит Сашу, если папочка не предложит финансировать сиквел?

— Алекса, давай поужинаем вместе. Нам о многом нужно поговорить. Это важно.

— Я не могу, Саша ждет меня на квартире моего отца.

— Позвони ему и скажи, что будешь поздно. Придумай что-нибудь — ну, что тебе нужно встретиться с директором Бобура или что-то в этом роде. Пожалуйста.

Она глубоко вздохнула. Одному из нас было суждено получить под дых. Кого же она выберет жертвой?

— Хорошо. — Алекса сунула руку в карман куртки за телефоном. — А ты позвонишь своей маме и извинишься за то, что вынужден оставить ее.

Честный компромисс, подумал я. Саша получает под дых, а я отделываюсь пощечиной.

7

Когда я впервые поцеловал Алексу, помню, она пахла французским сельским хозяйством. Она тогда только что съела кусочек реблошона, мягкого сыра, отдающего заношенным носком и коровьей лепешкой одновременно. Но я не возражал — сам тогда съел *andouille de Vire*, колбасу с еще более острым запахом.

И вот спустя год мой рот и рот Алексы были подобны сосудам с черной икрой, так что мы определенно преуспели в этом мире.

Мы стояли на мосту Искусств, длинном и всеми ветрами продуваемом пешеходном мосту, откуда можно смотреть на Сену и Нотр-Дам, который издаleка кажется рогатым животным, притаившимся в засаде и ожидающим подходящего момента, чтобы внезапно броситься на один из многочисленных *bateaux mouche*¹, снующих по реке.

Ближе к нам, почти сразу под мостом, неширокой полосой протянулся сад острова Ситэ. Здесь, сказала мне Алекса, король Генрих IV обычно соблазнял своих любовниц.

— Полагаю, в те времена здесь не было столько туристов и бездомных, — предположил я.

— Ты совсем не романтик, Пол!

— Нет, не романтик, — сказал я, целуя ее.

— Ты знаешь, — продолжила она, — мне очень нравится Саша, правда.

— Я рад, — сказал я, и был искренен. Вот оно. Доказательство. Бедный старина Саша был переведен в категорию «нравится». Он больше не числился в лиге «люблю». — Но я *люблю* тебя, Алекса, и я хочу быть с тобой. А я уже достаточно старый, чтобы знать, чего я хочу.

Впервые в жизни я использовал свой возраст в качестве аргумента в разговоре с женщиной. Черт возьми, подумал я, неужели наконец-то пришла зрелость? Или надвигается старость?

¹ Речной трамвайчик (*фр.*).

В русском ресторане, куда привела меня Алекса, я снова ступил на минное поле, задав ей вопрос, почему она должна быть с кем-то только из-за его богатого отца, и вышел практически сухим из воды. Оказывается, это и ей не давало покоя.

Однако в ответ Алекса обрушила на меня настоящий артиллерийский залп вопросов.

Хорошо, сказала она, и что будет, если она все бросит, уедет из лондонского дома Юрия и найдет другой источник финансирования для фильма? Буду ли я по-прежнему рядом с ней?

Она глотнула ледяной водки и выдохнула свои тревоги вместе с парами крепкого алкоголя.

— В первый раз, когда мы были вместе, ты переспал с другой женщиной, — сказала она.

— Я был тогда без сознания.

— Ладно, мы это уже обсудили. Потом ты переспал с Виргинией.

— Я решил, что так ты подавала мне сигнал забыть тебя и найти кого-то другого.

— Подсунуть тебе другую девушку в качестве прощального подарка? Я не столь великодушна. Но ладно, мы это тоже уже обсудили. Но ты хотя бы понимаешь, к чему я клоню? Я еще не готова покинуть Лондон. Я пытаюсь организовать там такую же выставку, как здесь. Не получится так, что я позвоню тебе в Париж, а трубку снимет женщина, которая лежит с тобой в постели?

— Нет, это исключено, — заверил я. Хотел еще добавить, что никогда никому не позволяю отвечать по моему телефону, но решил, что сейчас не подходя-

щий момент для таких шуток. Разговор и без того был напряженным. — Теперь я точно знаю, чего хочу, Алекса. Я хочу тебя. И только тебя. Я никогда не стал бы спать с Виргинией или с другими, если бы был с тобой.

— С другими?

Упс.

— Да, ты знаешь, Флоранс — моя бывшая девушка, мы с ней недавно расстались...

Не стоило вносить еще большую сумятицу, рассказывая про Натали. К тому же я был серьезен, как никогда. Если бы сейчас в ресторан ворвался кто-нибудь и сообщил, что я выиграл в лотерее «Трахни, кого хочешь», я сказал бы: «Большое вам спасибо» — и выбрал Алексу. Разумеется, если бы к этому выигрышу прилагался солидный приз в виде наличности за секс с настоящей теледивой, я напялил бы десяток презервативов, а деньги пожертвовал в фонд фильма Алексы. Но только с ее согласия.

— Забудь о других, — прибавил я. — Только ты и я. Думаешь, почему я рвался среди ночи в солончаки, чтобы позвонить тебе, почему будил тебя своими глупыми вопросами на рассвете, почему бросался под колеса скутеров, отправился на твою выставку, хотя ты и просила не приходить? Все потому, что я решил для себя, чего действительно хочу. Тебя.

Вот на чем я заработал свой первый икорный поцелуй в тот вечер. И вот почему мы стояли, обнявшись, на мосту Искусств, наблюдая, как золотые огни вечернего Парижа мерцают в темных водах Сены.

Я прошептал Алексе на ухо:

— Поехали ко мне сейчас, пожалуйста.

Она напряглась в моих объятиях. И тут я почувствовал теплое дыхание на своей шее, когда она, расслабившись, произнесла:

— Да.

И сжал ее так, как если бы в моих руках была освобожденная жертва киднеппинга. Ее похитили у меня, и вот теперь она вернулась.

8

— А где ты живешь? — спросила Алекса, пока мы сканировали дорогу, выискивая белый огонек на крыше свободного такси.

— Обещаешь не смеяться?

— Да.

Я сказал. Она рассмеялась.

И это она требовала обещаний от *меня*.

К счастью, входная дверь моей квартиры была совсем новой. Домовладелица укрепила старую деревянную дверь прочной металлической рамой, и дверь, если обращаться с ней нежно, открывалась и закрывалась почти бесшумно.

Оставалось лишь решить проблему скрипучих половиц в общем коридоре, но когда я заглянул в квартиру, я услышал доносившийся из гостиной звук работающего телевизора и тихий смех. Кто бы

ни был в этот час дома, он был поглощен «Друзьями».

Мне совсем не хотелось представлять Алексу своим соседям, говорить: «Познакомьтесь, это Алекса, и мне хотелось бы поскорее отправиться с ней в постель, так что спокойной ночи».

Мы добрались до моей комнаты под смешки друзей, зато без остановок. Я сделал все, чтобы мои ключи не звенели, и распахнул перед Алексой дверь.

Но она не вошла. И не потому, что хотела, чтобы я внес ее на руках.

Как только я протиснулся мимо нее, мне стало понятно, в чем причина.

С моей постели на нас смотрела, щуря глаза, сонная полураздетая Натали.

О, черт, черт и еще раз черт!

Алекса смотрела на меня с горьким разочарованием *fiancée*¹, которая узнает, что любимый отложил помолвку, чтобы успеть сходить на свингерскую вечеринку с ее матерью.

— Алекса, это Натали, — проговорил я. — Она чья-то жена. Натали, это Алекса. — По крайней мере, подумал я, хотя бы что-то удастся спасти, если мы все будем соблюдать светские приличия.

— *Vous êtes Alexa?*² — Натали, женщина искушенная, мигом оценила весь ужас ситуации. Она подтянула одеяло выше, как будто с прикрытыми плечами все могло выглядеть более прилично.

¹ Невеста (*фр.*).

² Вы Алекса? (*фр.*)

— И чья-то жена спит в твоей постели? — У Алексы в глазах снова блеснули слезы, но на этот раз они не сопровождались улыбкой.

— Нет. Вовсе нет. Это вообще не моя комната. У меня еще нет своей комнаты. Я сплю в гостиной. Но я подумал, что смогу воспользоваться постелью Маттьё. Он мой сосед по квартире. Его сейчас нет. Натали — его жена.

Мне показалось, что объяснение прозвучало чертовски убедительно.

Впрочем, Алексу оно не слишком убедило. Вернее сказать, совсем не убедило.

— Пол, прекрати нести чушь! — сердито сказала она.

— Она права, Пол, хватит пороть чушь, — подала голос Натали, по-матерински кивая с постели.

Женщины объединились против меня, но я понимал, что они совершенно правы. Наступил момент истины.

— Хорошо, да, я виноват, Алекса. Это Натали. Я переспал с ней пару раз, но это было, когда я думал, что больше не интересую тебя. Она замужем, я не приглашал ее сегодня, я не знаю, почему она здесь, и не думаю, что мы снова будем встречаться. Верно, Натали? (Натали утвердительно кивнула.) Это правда, Алекса, клянусь тебе.

Я, может, и выплыл бы, если бы Алекса не смотрела под ноги, словно пытаясь разобраться, где ее место в этой спальне *à trois*¹.

¹ На троих (*фр.*).

Она кивнула на темный предмет, валявшийся на полу возле прикроватной тумбочки.

Алексе не нужно было ничего говорить. Она просто покачала головой, сурово посмотрела на меня, задержав взгляд на пару секунд, словно осыпая меня проклятиями, и бросилась вон из комнаты.

Тяжелая входная дверь хлопнула, и страшный грохот сотряс округу.

Конечно, это была сумка. Алекса увидела сумку, а рядом бутылочку воды. Чем не боковой вид Нотр-Дам — или, вернее, символический монумент тому нагромождению лжи, что слышала от меня Алекса в тот вечер.

Я мог бы все объяснить. Я мог бы, по крайней мере, сказать: «Я могу объяснить». Но разве кому-нибудь, кто это сказал, дали хоть раз шанс объясниться?

— Ты что, идиот? — Натали сложила руки и строго посмотрела на меня.

— Да, я знаю, — ответил я. — На этот раз я действительно все испортил.

— Нет, ты просто тупица. Иди и останови ее. Беги же!

Конечно. Почему я сразу не подумал об этом?

VI

ЭКС В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ

1

Греки все правильно понимали. Бывают времена, когда боги на твоей стороне, а случается, что они сидят на вершине своей горы и умирают со смеху, глядя на то, что сотворили.

Туалетные боги загнали меня в ловушку. Они позволили мне думать, что моя безнадежная ложь прокатит, и в самый решающий момент вылили мне на голову полный ушат дерьма.

Когда я выбежал из квартиры, мне встретилась пожилая дама в синем плаще, выходящая из лифта. Это была мадам Жибер, наша соседка по лестничной площадке. Она даже придержала для меня дверь лифта.

Я быстро раскинул умом. Обычно я предпочитал пользоваться лестницей, но это был новый лифт и производил впечатление довольно шустрой машины. Я слышал торопливые шаги Алексы на лестнице.

Может, на лифте получится быстрее? К тому же открытая дверь кабинки казалась знаком свыше.

Забирайся, шептали мне боги, доверься нам.

Я так и сделал, нажал кнопку нулевого этажа, лифт опустился на фут, дернулся и встал.

Я мог объяснить это только мстью лифтовых богов за то, что так редко их навещал.

Однако у моей соседки нашлось другое объяснение катастрофы.

— Нет, нет, нет! — вскричала она и обратилась ко мне с пламенной речью, клеймя нерадивых пассажиров, которые не дожидаются, пока закроется дверь, и начинают жать кнопки. — На прошлой неделе он так же застрял, и этим летом еще был случай. Мадам Лагранж с третьего этажа все воскресенье просидела в лифте, потому что у ремонтников был выходной, а до этого маленький кретин со второго этажа с такой силой давил на кнопки, что...

В этот момент я мог думать только о том, что шаги Алексы звучали все тише.

Я нажал еще несколько кнопок. Снова «ноль», «один», «четыре», «пять»... все подряд, лишь бы чертова кабинка сдвинулась с места, но это лишь повысило градус истерики соседки.

— Нет, нет, нет, нет! — заходила в крике она. — Вы сейчас все сломаете окончательно. Позвоните в экстренную службу, телефон написан на двери.

Мой телефон. Ну конечно. Он был отключен, и я лишь со второй попытки ввел правильный пин-код, после чего телефон наконец подал признаки жизни.

— Прошу тебя, Алекса, пожалуйста, дай мне последний шанс. — Я умолял свой телефон пробиться к

ней, но он оставил свои попытки, как только соединился с ее голосовой почтой.

Я оставил Алексе сообщение, объясняя все: про сумку, про Натали с телевидения, про то, почему не побежал за ней, — но не был уверен в том, что меня слышат. Соседка полагала, что я разговариваю с ремонтниками, а потому мои мольбы и просьбы о прощении тонули в ее стенаниях о том, что это уже третья авария за месяц и что она полна решимости «избавить жильцов от этой угрозы».

Алекса вполне могла подумать, что я звоню, желая сказать о том, что меня привлекли за сексуальные домогательства к сумасшедшей старухе француженке, причем уже в третий раз.

Мои соседи были в полном восторге. Ситуация напомнила им эпизод из «Друзей», когда Хосс (он же Росс) хотел помириться с Ха-Шелл (Рейчел), а в его квартире оказалась бывшая возлюбленная. Или наоборот? Короче говоря, они горячо заспорили об этом на лестничной площадке, пока я корчился в крохотной кабине лифта и еле сдерживался, чтобы не накричать на них, потому что это был не какой-то чертов эпизод из какой-то чертовой «мыльной оперы», это была моя реальная чертова жизнь, которая катилась под откос.

Натали любезно вышла и села на ступеньках. Полностью одетая, что было приятно. Она попросила всех убраться и оставить нас одних. Она даже предложила съездить домой к Алексе и все ей объяснить. Но я отказался, мне эта идея почему-то не понравилась. Пожалуй, на сегодня с Алексой хватит «других женщин».

Хотя подумал, что клятвенное письменное удостоверение того факта, что я не планировал пребывание Натали в моей постели, могло бы оказаться полезным в сложившейся ситуации.

В самом деле, почему она там оказалась?

Ее муж как-то непредусмотрительно оставил ее одну в Париже, укатив вместе с детьми к своей маме. Так что Натали была вольна спать где угодно. Как она объяснила, мои соседи охотно ее впустили. Она полагала, что я все еще занят с Жаном-Мари и что мне потребуется серьезная релаксация после встречи с ним, поскольку в последнее время от него просто житья не было. Он слишком ретиво взялся за осуществление своего плана пробиться на вершину партийной власти, нацелив огонь критики на депутата парламента от Восьмого *arrondissement*¹, а посему выискивал слабые места в хозяйстве округа, чтобы дискредитировать оппонента.

По этой причине, сказала Натали, она и отложила работу над фильмом про Жана-Мари. Пока она прощупывала его, пытаясь собрать материал для более масштабного проекта, чтобы снять реальную жизненную историю, а не рекламный ролик для его политической кампании.

Примчались два парня в серебристых комбинезонах и от души поблагодарили меня за то, что я не помочился в лифте.

— Никогда не входите в лифт, если вы голодны, мучает жажда или хочется в туалет, — посоветовали они мне.

¹ Округ в Париже (*фр.*).

— А если догоняешь свою девушку? — спросил я.

— Зависит от того, насколько вам хочется догнать ее, — ответил один из них.

Парни заржали, а мне было не до смеха, потому что я вспомнил, как сильно хотел догнать Алексу.

2

Через полчаса мы с Натали стояли перед застекленным фасадом мастерской, где, возможно, сейчас спала Алекса. В помещении не было ни света, ни других признаков жизни. Во внутреннем дворе реконструированных складов было темно и тихо.

Никто не ответил на мои пять долгих настойчивых звонков в дверь. Мы слышали жужжащий звук, словно муха застряла в гигантском аквариуме. Если внутри кто-то и был, то он либо игнорировал звонки, либо накачался снотворным.

— Может, забраться по водосточной трубе? — предположил я.

— Карабкаться вверх глупо, — заявила Натали. — Ты должен дать ей отдохнуть и вернуться сюда утром... — Пошли, — добавила она, — нам пора в постель.

В постель мы легли, но только чтобы поспать. Мы пришли к обоюдному соглашению, что это будет товарищеская ночь в пижамах, без всякого намека на эротику.

И хотя наутро было трудно просыпаться рядом с красивой женщиной и уговаривать себя, что и речи быть не может о легком утреннем сексе, я подумал о том, как было бы здорово, если бы люди иногда ложились в постель только ради компании. Ведь даже во сне, похрапывая, так приятно сознавать, что ты не одинок в этом мире.

Вскоре после рассвета мы снова трезвонили в дверь Алексы.

И опять никакой реакции.

Я позвонил Алексе на мобильный — голосовая почта. Набрал парижский номер Алексы — и услышал, как двумя этажами выше запиликал телефон, пока не включился автоответчик.

«*Bonjour*», — произнес голос Алексы. Далее она общала — по-французски и по-английски, — что ее не будет в городе в ближайшие две недели, и предлагала звонить ей в Лондон.

— Она уехала, — сказала Натали. — Возможно, сразу, еще вчера ночью. Думаю, она очень, очень сердита на тебя.

— Да. Как ты думаешь, мне удастся когда-нибудь успокоить ее и все объяснить?

— Не знаю. Она, должно быть, очень... как это слово? *Blessée*?..

— Обижена, оскорблена.

— Да. Ты сделал ей больно. Тебе придется снова завоевывать ее доверие. Как у тебя с дипломатией?

Никак, подумал я. Если бы я был дипломатом, меня застукали бы за попыткой помочь жене иностранного посла выудить из лифчика упавшую сережку.

3

Это Натали убедила меня выждать несколько часов, прежде чем мчаться на Северный вокзал со своей дипломатической миссией.

— Для начала ты должен сообщить своим работникам, куда едешь, и дать им инструкции, — сказала она. — Потом ты должен переодеться в чистую одежду. Алекса, конечно, оценит твой романтический порыв, если ты примчишься сразу, но решит, что от тебя все-таки пахнет.

В общем, в Лондон я приехал только ближе к вечеру, когда влажные серые сумерки уже опускались на неутомонный Ноттинг-Хилл.

Я очень давно не был здесь — и испытал состояние, близкое к обмороку, когда зажегся красный сигнал светофора, пешеходов поманил зеленый человечек и никто не попытался сбить меня на переходе.

Я шел по тротуару, инстинктивно сканируя его на предмет собачьих какашек, и был обескуражен бесплодностью своих поисков. Что, на улицах нет собачьего дерьма? И водителей, которые гонят на красный? Это реальный город или облагороженный тематический парк городского устройства?

Натали вытрясла адрес Алексы из сотрудников Центра Помпиду. Так я попал в глухой переулок, который вовсе не выглядел частью столичного города.

Это был широкий мощеный тупик длиной примерно пятьдесят ярдов, по обе стороны которого тя-

нулись малоэтажные дома далеко не новой застройки, совмещенные друг с другом боковыми стенами. Фасады одних были сложены из голого кирпича, другие оштукатурены. В палисаднике одного дома стоял тиковый кофейный столик, в соседнем отдыхала детская коляска. Почти у каждого входа несли вахту большие растения в горшках, и даже маленькие мусорные баки выглядели старомодными и сельскими в сравнении с массивными контейнерами на колесах, которыми обзавелось большинство лондонцев.

Я не мог взять в толк, почему восточноевропейский толстосум поселился в скромной Богемии, а не во дворце в Кенсингтоне или роскошном пентхаусе с видом на Темзу. Тем не менее, даже не глядя на номера домов, я безошибочно определил, в каком из них живет Юрий, по припаркованному во дворе серебристому спортивному «мерседесу».

Можно было представить, как щетинились соседи, возмущаясь этим шрамом на лице их деурбанизированной общины. Если не считать освещенных окон, на улице просматривались лишь знаки, запрещающие парковку в любое время.

Я прошел мимо дома, стараясь казаться местным, и как бы непринужденно, но внимательно оглядел окна.

В просторной кухне открытой планировки, похоже, никого не было. Холл за стеклянной входной дверью был ярко освещен, но также безлюден. На двух верхних этажах свет не горел, разве что мигал красный огонек датчика сигнализации.

Дойдя до конца тупика, я развернулся и пошел обратно, взяв тактическую паузу. Мне нужно было время подумать.

И выпить.

На углу улицы, спускающейся от станции подземки, был паб. Заняв столик у окна, я мог видеть всех, кто заходил в тупик и выходил оттуда.

Вознеся благодарственную молитву богам, отвечающим за круглосуточную работу пабов, и надеясь, что они не состоят в одной лиге с богами сбегавших девушек и грозных отчимов, я заказал пинту янтарного пенного напитка, пакетик соленых чипсов и принялся размышлять о том, как резко изменилась моя жизнь за последние двадцать четыре часа.

Кто мог бы подумать, что, только-только встав на ноги со своей парижской чайной, я брошу все и окажусь в лондонском пабе, откуда буду шпионить за домом DVD-пирата, поджидая, вдруг там объявится девушка, которую я ищу.

Сколько дней я проведу в этом ожидании? И что собираюсь делать дальше?

Я понятия не имел.

Но даже если у меня и был бы какой-нибудь план, никто не гарантировал, что он сработает. Алекса вполне могла не дать мне шанса проявить себя в дипломатии. Я уже имел несчастье убедиться в том, насколько хорошо она усвоила ключевое слово английской жизни: «отвали».

Все это казалось полным безумием.

Но в то же время я чувствовал, что это самый разумный поступок из всех, какие я когда-либо совершал.

4

Честно говоря, когда я оказывался в Ковент-Гарден¹, мне всегда казалось, что я попал в третий мир, со всеми этим велорикшами, зазывающими покупателя колокольчиками и нахваливающими свой товар. Нет, пожалуй, про третий мир я погорячился, потому что в наши дни в большинстве азиатских городов уже давно отказались от этого рабского труда.

Не менее унылое впечатление производили и бедные парни, что стояли по углам улиц с рекламными щитами. В Париже часто можно встретить студенток, подрабатывающих раздачей рекламных листовок ресторанов, телефонных служб или универмагов. Я уже забыл, что здесь, в Центральном Лондоне, полно ходячей рекламы — но это не студенты, а бородатые угрюмые бездомные, которым деньги явно нужны не на то, чтобы оплатить счет за телефон или купить новую пару «тимберлендов». Что за собачья работа — морозить задницу с утра до ночи, предлагая «две пиццы по цене одной, пятьдесят ярдов влево».

¹ Ковент-Гарден — район в центре Лондона, занят преимущественно торговыми и развлекательными заведениями.

Может, недалек тот день, когда мы увидим в Лондоне уличных обувщиков и дантистов? Или прокаженных.

Мой приятель Крис предложил встретиться в индийском ресторане неподалеку от рынка Ковент-Гарден. Был ранний вечер, так что я успел получить столик, заказать пиво и пожалеть о том, что согласился здесь пообедать.

Я понял, что все плохо кончится, как только увидел *décor*. Мне почему-то кажется, что качество кухни в индийских ресторанах зачастую обратно пропорционально стоимости обстановки заведения.

Это было оформлено в стиле «Бомбей встречает Копенгаген»: длинные общие лавки, минималистские столовые приборы, болливудские постеры, светильники, гигантскими скорпионами нависающие над головами посетителей, но не отвечающие своему прямому назначению. Приглушенно звучала легкая восточная музыка, а вот цены были вполне интернациональные, в том смысле что астрономические, и поначалу я даже подумал, не в рупиях ли они указаны. Закуска предлагалась по цене обеда из двух блюд с графином вина в парижском *café* возле моего дома.

Само меню являло собой поэзию в чистом виде: все было деликатно мариновано, любовно пропарено, пряности конкурировали друг с другом в изысканности, но у меня возникло серьезное подозрение, что в итоге все будет напоминать по вкусу подогретые бычьи яйца в сперме, приправленной букетом специй.

Я уже и забыл, что Центральный Лондон приобрел стиль, но утратил содержание.

— Пол! Добро пожаловать обратно в цивилизацию!

Крис прервал поток моих мрачных раздумий. Он был моим лучшим другом, когда я работал в Лондоне, но за последние месяцы мы совсем потеряли связь. Вот они, издержки кочевой жизни.

Я встал, чтобы пожать ему руку, но он заключил меня в свои медвежьи объятия и принялся хлопать меня по спине, словно я нуждался в утешении в связи с утратой плюшевого медвежонка. И мы, бритты, еще смеемся над французскими ребятами, которые целуются при встрече, подумал я.

— Ты отлично выглядишь, Крис, — сказал я.

И это было правдой: дорогая аккуратная стрижка, цвет лица такой, словно Крис три раза в неделю посещает косметолога. Короче говоря, полная противоположность Джейку: молодой щеголь из Сити, в модном пальто, с кожаной сумкой через плечо, призванной показать, что он бизнесмен слишком активный, чтобы занимать одну из своих рук ношением портфеля.

— Да? Ну а ты выглядишь погано, старина Пол. Что ты делаешь в Лондоне?

Объяснения растянулись на два пива и вечность ожидания подогретых закусок.

Как только Крис был введен в курс дела, перво-наперво он снова унизил меня.

— Господи, Пол, ты же всем известный онанист, — сказал он с ухмылкой. — Почему бы тебе просто не позвонить ей и не попросить выслушать?

— Сказать ей, что я в Лондоне?

— Нет, этого не надо. А то еще отвалит со своим парнем в Рейкьявик.

— Рейкьявик?

— Или в Минск.

— Столица Украины — Киев, деревенщина, — произнес я снисходительным тоном. — Ты хоть что-нибудь смыслишь в географии?

Джейк гордился бы мной.

— Ну да все равно. Просто позвони ей, скажи, что ты еще в Париже — ты же не хочешь напугать ее до смерти, — и наплети что-нибудь из репертуара Пола Уэста.

— Нет, я покончил с враньем. Хочу сказать ей правду.

— Тогда ты еще больший онанист, чем я думал, старик. Нельзя говорить женщинам *правду*.

Модный молодой официант-индус, одетый и причесанный так, будто собрался в ночной клуб, подошел и разместил на скамейке рядом с нами компанию из шести молодых женщин. Мы с Крисом, как по команде, покосились на них, прикидывая, с кем из шестерых можно было бы переспать, представься такая возможность.

Впрочем, у девушек были свои соображения на этот счет.

— Привет, парни, — сказала та, что сидела ближе ко мне. — Вы красавчики. Можем трахнуться потом.

Все шестеро рассмеялись.

— Тогда обещаем, что не будем заказывать блюда с чесноком, — сказал Крис, решительно настроен-

ный не сдаваться в борьбе за сексуальное превосходство.

— А кто тебе сказал, что ты будешь целовать мой рот?

Для меня это было бы нокаутом.

Девчонки, так же как и Крис, похоже, только что выскочили из офиса. Они были в строгих костюмах, разве что расстегнули лишние пуговицы на блузках, чтобы проветрить свои сиськи и пупки.

Две из них были очень симпатичные: совсем немного лишнего веса, избыток макияжа и легкая растрепанность волос. И все вместе они казались мне, прожившему год в окружении стройных француженок, которые редко выходят на люди компаниями больше двух, неестественно огромной массой.

И к тому же громогласной. Они не оставили нам с Крисом ни малейшего шанса продолжить обсуждение моих проблем, поскольку прислушивались к каждому слову в поисках сексуального подтекста.

— Выставка? Ты что, эксгибиционист? Покажешь нам свой член?

О, боже, подумал я, мы же подвергаемся сексуальным домогательствам. Мы уже боялись сказать друг другу хоть слово, чтобы нам опять не напомнили о том, что находится ниже пояса. Я радовался хотя бы тому, что был выше ростом. Если бы на нашем месте оказались две скромные девчонки, окруженные компанией из шести подогретых виагрой мужиков, им впору было бы всерьез опасаться за свою невинность.

Мы перевели разговор на общие темы, и Крис рассказал мне (к счастью, я не стал просить его «ввести меня в курс дела»), чем занимался последние месяцы.

Его работодатель — интернет-турагентство обанкротилось, поэтому он перешел в телефонную компанию. Ее выкупили венчурные инвесторы, которые сначала всех уволили, а потом набрали новый штат из старого костяка, включая Криса, заключив с работниками краткосрочные контракты. Потом продали основные активы и этого бизнеса, снова уволив всех по сокращению штатов. Крис понял, что к чему, перебежал на сторону венчурных инвесторов и теперь сам радостно распродал по частям дышащие на ладан компании.

— Надеюсь, работа приносит тебе удовлетворение? — спросил я.

— Послушай, не начинай, — сказал он. — Ты знаешь все эти программы, что идут у нас сейчас по телевидению: находят какого-то придурка, который считает дорожные конусы где-нибудь в Вулверхэмптоне, переселяют его вместе с семьей в деревню в Дордони, а потом тихо посмеиваются, когда он пытается выучить французский, чтобы... я не знаю...

— Открыть английскую чайную?

— Да, точно. Так вот, все хотят участвовать в этих шоу. Половина британцев хотят отвалить и жить в солнечных краях. Так вот я рассудил: почему бы ни помочь им в этом? Мы их сокращаем, освобождаем от крысиных гонок на работе, они уезжают за границу и живут себе припеваючи до конца своих дней. Когда-нибудь и я отправлюсь следом за ними. А пока

лемминги расползаются, оставляя свои насиженные места, чтобы мы могли заработать на них кучу денег.

— Или, работая в колл-центрах, горстями принимать антидепрессанты.

В иных обстоятельствах я предложил бы выпить за то, чтобы заработать кучу денег или отвалить в жаркие страны, но сухой расчет Криса поверг меня в уныние. Я даже сказал бы, усугубил мою депрессию.

Мало того что все им сказанное в какой-то степени оскорбляло и меня с моей чайной, он еще давал мне своеобразный урок социологии, перекрикивая индийско-датскую музыку и кудахтающих куриц.

Крис разговорился со своей соседкой, должен признать, очень милой пышной блондинкой, каких вряд ли увидишь в Париже. Поразительно, но она оказалась не гладиаторшей грязевых боев и не каменщиком, на что намекало мастерство сквернословия, а бизнес-аналитиком, как Крис. Вскоре они уже обменивались профессиональными секретами, нашептывая их друг другу на ухо и хихикая.

Сидевшая рядом молодая женщина — ее тоже можно было бы назвать привлекательной, если бы она не орала, как на базаре, и не выставляла напоказ свои лишние килограммы (или фунты), втискиваясь в тесную одежду, — последовала примеру подруги и начала заигрывать со мной. Но я (с гордостью могу об этом сказать), даже будучи изрядно подшофе, устоял перед искушением уточнить некоторые детали бесчисленного поцелуя не в рот, о чем они так долго говорили.

Вместо этого я предоставил своей соседке и ее подругам, не занятым охмурением Криса, краткий отчет о событиях вчерашнего вечера, которые и привели меня на эту сторону пролива. Я четко дал понять, что нахожусь в Лондоне с миссией любви.

— О. Мой. Бог. Как. Это. Мило. — Еще немного, и соседка зарыдала бы, роняя слезы в картофель со шпинатом.

— Так ты бросил все ради нее? — спросила самая красивая из девушек — еще одна блондинка, — ради которой в другое время я тоже мог бы все бросить.

— Ради меня еще никто ничего не бросал, — скулила соседка. — Мой Кейт даже прочить не перестает.

Это замечание, казалось, стерло мою историю из коллективной памяти девушек, и они объединились в своем гневе против бедного Кейта, который, насколько я понял, просматривал лесбийское видео в один из уик-эндов, полагая, что его девушка в отъезде, и был застукан за этим занятием, что, собственно, может произойти с каждым.

Тем временем сноровистый официант постоянно снабжал нас напитками — очевидно, чтобы заставить забыть вкус и консистенцию еды или же отсутствие того и другого. Так что для меня вовсе не стало сюрпризом обнаружить в какой-то момент, уже после душераздирающего расставания с несколькими банкнотами немалого достоинства, что я вышагиваю в направлении Пикадилли под ручку с двумя женщинами, которые, несмотря на... Что там у нас было? Ноябрь? Декабрь? Гренландия? Короче говоря, несмотря на зверский холод, девушки были одеты скорее для

августовской ночи на Кипре. На одной была открытая короткая маечка, на другой — блузка, такая тонкая, что просматривались швы на белом бюстгальтере. Каждая сжимала в руке банку индийского пива, и время от времени они по очереди поили меня, что казалось единственным способом заставить меня не ржать и не кричать.

Я не знаю, над чем я так хохотал и на кого орал, но все вокруг, похоже, делали то же самое. На улице нас таких было слишком много. Наверное, в телах прогуливающихся по Пикадилли больше алкоголя, чем крови.

Толпы брели по улице целенаправленно, как колония муравьев. На углу сцепились двое муравьев-солдат из враждующих колоний, королевы подзадоривали своих бойцов призывами «съездить козлу по морде».

Мы постояли рядом, наблюдая за потасовкой, но интерес к действию был утрачен, когда воющая сирена испортила праздник.

Я заметил, что мы с моими двумя королевами следуем за маленькими отпечатками ступней на мостовой. Так женщины здесь что, не только без пальто ходят, но еще и босые? Или, может, после полуночи все раздеваются и устраивают оргии с сексом и драками? Я потянул своих спутниц вперед, но следы оборвались. Девушка Пятница, видимо, зашла в клуб.

Крис пытался дотащить свою новую подругу до одного из миллионов такси, что подтянулись для эвакуации раненых. Она то ли не хотела идти, то ли не могла понять, как заставить свое тело двигаться, по-

тому что растянулась в углублении для отвода воды, увлекая за собой Криса, и они решили остаться там, поглазеть на огни фонарей.

— Поцелуй нас, прежде чем уйдешь! — прокричал кто-то мне в ухо, и я решил, что, вероятно, собирался составить компанию Крису и его новой любви.

Да, у меня ведь было очень важное дело. Миссия. Я не помнил, в чем она состояла, но мысль об этом прочно засела в подкорке и точно не была связана с пребыванием на Пикадилли.

— Крис! Почему я здесь?

— Почему все мы здесь, старина? Чтобы порезвиться, оторваться на полную катушку, прежде чем умрем.

Из своего уютного гнездышка в лондонской водосточной канаве Крис дал мне ответ, которым мог бы гордиться французский экзистенциалист. Потом его стошнило прямо в канаву, и он прополоскал рот пивом из бутылки, которую каким-то чудом ему удалось не разбить при падении.

Неудивительно, что, посещая Вест-Энд в дневное время, чувствуешь, будто вернулся в похмелье.

5

Невидящим взглядом я уставился на маленький дисплей. Мой мозг предпринял отчаянную попытку осмыслить увиденное, но безуспешно. Ценой невероятных усилий ему все-таки удалось прийти к вы-

воду, что мой телефон показывает семь утра. Стало быть, шесть или восемь, учитывая часовую разницу во времени между Парижем и Лондоном. Только вот в какую сторону считать? Нет, было слишком рано и слишком больно для таких математических задач.

Так или иначе, я должен был сосредоточиться на более важных материях.

Скажем, как лучше покончить с собой?

Перестать дышать — казалось, это был самый легкий вариант. Каждое движение ребер, связанное с вдохом и выдохом, напоминало о том, что мою печень сначала замочили в крепком алкоголе, а потом подожгли. Обуглившиеся остатки посылали сигналы «SOS», эхом отдававшиеся в моем пустом черепе, где обезвоженный мозг уже не подавал никаких признаков мыслительной деятельности.

Да, это было очередное хмурое утро после загула. Правда, с одним отличием: на этот раз я, кажется, еще был пьян. Новые боги, очевидно, устроили заговор и решили добить меня окончательно.

Я лежал на ковре в позе «чтобы не задохнуться от блевотины», которую научился принимать после кутежей. Ковер все еще был белым и, как ни странно, сухим, что вселяло оптимизм.

Беда была в том, что архитектор, который проектировал это здание — и проектные работы еще продолжались, насколько я понял из того, что смог увидеть, — забыл про фундамент, и я чувствовал, как подо мной все трясется, будто я лежу на спине борца сумо.

К счастью, еще в детстве я увлекался скейтбордингом, поэтому не боялся встать на поверхность, уходящую из-под ног. Короче, я покатил, завалившись лишь пару-тройку раз, в сторону того, что казалось дверью. На самом деле трудно было понять, что это было, потому что все в этой квартире выглядело как будто складным: видимо, так было надо, чтобы не загромождать три кубических дюйма жизненного пространства. В общем, кругом были одни двери.

Как вскоре до меня дошло, я находился в двухкомнатной квартире в районе Доклендз, которую Крис предусмотрительно купил, когда все мы презрительно фыркали: «Кто захочет жить в дизайнерской обувной коробке в Ист-Энде?» Теперь он мог продать ее и на вырученные деньги купить целую французскую деревню, потому что всем вдруг захотелось жить в дизайнерской обувной коробке на берегу Темзы.

В конце концов я оказался в ванной, чертовски эргономичной, так что мне пришлось открыть корзину для белья, душевую кабину и поднять крышку унитаза, прежде чем обнаружился шкафчик с аптечкой. В нем, правда, не нашлось буклета с руководством по пересадке головы, печени и почек, зато предлагалась шипучка, которая вернула меня к жизни.

Какой же благодатью был душ! Пуск, остановка, мощная струя, слабая струя, горячо, тепло, холодно. Я почти пожалел о том, что рядом нет матери Флоранс: пусть бы она оценила его красивую простоту. Впрочем, воспоминания о матери Флоранс не способствовали улучшению настроения, так что я вклю-

чил холодную воду и с помощью низкотемпературной терапии вычеркнул ее из своей памяти, прежде чем она успела причинить непоправимый вред.

Покидая квартиру, я все-таки заглянул в спальню. Крис лежал на спине, замотанный в одеяло, с широко раскрытым ртом, будто надеялся проглотить падающую с потолка лампочку. Рядом с ним сопело большое кремовое тело женщины, на которой не было ничего, кроме китайской татуировки на копчике.

Во мне шевельнулась зависть. Но уже в следующее мгновение я чрезвычайно гордился собой. Не стоило усложнять себе жизнь утренним пробуждением рядом с еще одной женщиной.

Насколько я помнил, мы отправились в клуб с девушками из ресторана, и я вполне мог забрести в чью-то постель. Но к чему теперь посыпать голову пеплом, когда все были так пьяны, что могли трахнуть и мусорный бак?

Мусорные баки, да. Я вспомнил, в чем заключалась моя миссия: добраться до этих чертовых баков в Ноттинг-Хилл.

Я был не в лучшей форме, когда вышел из метро на станции «Ноттинг-Хилл Гейт». Лондонская подземка здорово растрясает. И еще там заботливо предупреждают смотреть под ноги — но почему так громко? От голоса из микрофона я вздрогнул и едва не угодил в тот самый зазор между вагоном и платформой, о котором предупреждали.

Еще не было восьми по лондонскому времени. Почему, недоумевал я, при похмелье организм, остро

нуждающийся в лечебном сне, всегда будит меня предательски рано?

Одно радовало: вряд ли Алекса успела выйти из дома. Пройдет всего несколько часов, мы встретимся, и я буду вымаливать прощение.

Впрочем, мне, кажется, не суждено было ждать так долго. Ментоловая пастилка едва успела растаять у меня на языке, как из дверей дома Юрия вышел настоящий богатырь.

Те, кто изучал перспективу, знают, что по мере приближения объекты становятся крупнее. Так вот, когда этот человек оказался прямо передо мной, это уже был Невероятный Халк, разве что не зеленокожий. Для полного сходства не хватало черного парика и накладных бровей, потому что голова у него была абсолютно гладкая. В общем, Лысый Халк.

Я невинно стоял у входа в тупик и вполне мог сойти за инспектора по охране садовой юкки, но Халк даже не спросил меня, что я здесь делаю. Он протянул свою массивную зеленую лапищу (или цвет был лишь игрой моего воображения?) и, казалось, одним движением протащил меня мимо серебристого «мерседеса» прямо в дом.

Не успел я опомниться, как уже сидел за сосновым кухонным столом, а передо мной стояла кружка с кофе.

Все вокруг, кроме моей кружки, похоже, было сделано из оструганной сосны: стол, стулья, настенные полки, огромный буфет. Я даже подумал, не связаны ли как-то украинцы с валлийцами. Надо будет спро-

силь у Джейка, если, конечно, выберусь отсюда живым.

— Ты не кричать, о'кей? — предупредил меня Лысый Халк. Причем, должен признать, гораздо тише, чем рупор в подземке. — Каждый спит.

Он говорил так, будто прошел обучение в школе английской дикции Арнольда Шварценеггера.

— Кричать? — Я чувствовал, как мои яички пытаются спрятаться под кости таза. Похоже, после кофе меня ждали пытки.

— Нет. Ты затыкать.

— Хорошо, — поспешно сказал я, хотя и не мог этого обещать. Обычно я не слишком устойчив к грубому физическому воздействию.

— Ты хочешь грить Аלקса, ты ждать один час верно.

— Аלקса?

— Да. Ты хочешь грить с ней, да?

— Да. Откуда вы знаете?

Он усмехнулся, не размыкая зубов, и, дернув бычьей шеей, дал мне знак следовать за ним.

В углу кухни стоял небольшой компьютерный стол. Халк разбудил спящий компьютер, щелкнул по каким-то ярлыкам, и вскоре мы смотрели черно-белый фильм про писающую женщину. Это был вид сзади: вот девушка задрала юбку, сдвинула трусики «танга» на одну сторону и опустила на корточки прямо перед чьим-то домом. Камера безжалостно следила за ее белой задницей. В самом низу спины я разглядел китайскую татуировку.

Фильм был немой, но, когда ракурс сменился, стало очевидно, что один из мужчин, сопровождавших

девушку, громко смеялся. Он просто складывался пополам, и его тело так сотрясилось от хохота, что сумка соскочила с плеча и повисла у него на шее.

Рядом с ним, лицом к камере, стоял парень, которого я видел на фотографиях на выставке Алексы. Это был я. Я что-то кричал, но беззвучно, и Халк любезно включил фонограмму.

— Аלקса, Аלקса, — проговорил он, качая головой, и на его гладко выбритом лице промелькнуло некое подобие улыбки.

Он нажал клавишу, и фильм кончился.

— Мы знаем, ты хочешь грить Аלקса. — Халк посмотрел на меня. — Ты хочешь грить с ней три утра.

— О боже, — выдохнул я. — Какой идиот... — Так вот, значит, какие у моей пьяной сущности представления о дипломатии? — Я ведь не говорил с Алексой вчера ночью, нет?

— Нет. Вы все бежать, когда мы сказать прекратить кричать.

— Слава богу.

— Тогда ты грить сегодня, потом больше не будить нас три часа, о'кей? — Теперь его лицо выражало все, что он думает о пьяных бриттах с их серенадами из криков, смеха и звука журчащей мочи. — Только Аלקса остановить нас, иначе мы бить тебе морду.

Если не принимать во внимание, как близко я был к тому, чтобы получить по физиономии, его слова меня утешили.

— Выходит, она знает, что я был здесь прошлой ночью, и все равно хочет поговорить со мной?

— Може.

— Она знает, что я сейчас здесь?

— Нет. Она знает, ты был здесь три часа. Все. Я вижу, ты перся сейчас, я решил остановить... ты не кричать больше. Альякса, Альякса... — Он снова усмехнулся. — Ты сидишь, ты ждешь, може, она грить с тобой, може, нет.

— Она еще спит?

— Да. Она устала. Она просыпалась в...

— В три утра, да. Я очень виноват.

Моя голова и так раскалывалась, и мне совсем не хотелось представлять себе, что могло бы быть еще больнее, если бы вчера ночью по ней настучали крышкой от мусорного бака, пусть даже малогабаритного.

И вот я сидел за столом, медленно трезвея на фоне пустой болтовни утренних телеведущих. На экране промелькнули кадры острых моментов какого-то футбольного матча, и из подсознания снова выплыл вопрос, почему Юрий не светится в прессе и на телевидении, как другие владельцы футбольных клубов.

Я ждал.

Мне казалось, прошли дни. Но вполне могло быть, что и десятилетия.

Потому что, когда в кухню наконец зашла Алекса, не только ее волосы были окрашены хной и отросли до лопаток — она лицом состарилась лет на тридцать.

Более того, время превратило ее в хиппи: пурпурный балахон, легкий флер марихуаны, пронзитель-

ный взгляд, характерный для тех, кто лет с пятнадцати постоянно пользуется черной подводкой для глаз.

— *Bonjour*, Поль, — произнесла Алекса довольно любезно.

Только это была не Алекса, а ее мать.

Говорят, если хочешь узнать, какой станет твоя девушка лет через двадцать — тридцать после знакомства, посмотри на ее мать. Если это так, то долгосрочная перспектива Алексы была весьма симпатичной. Стройная, даже изящная, без всяких следов борьбы за вечную молодость, не в пример мадам Мартен.

Я был вдвойне впечатлен, потому что Юрий вновь удивил меня. Он не только жил в скромном коттедже, можно сказать, в глуши, но и выбрал себе в партнерши обычную женщину средних лет, а не хирургически улучшенную порнозвезду.

— *Bonjour*, — ответил я и на своем лучшем французском попросил прощения за беспокойство, доставленное прошлой ночью.

Мать Алексы кивнула, принимая извинения, но не прощая окончательно.

— *Belle maison*¹, — прибавил я.

— *Oui*, это очень *tranquille*² улица, — сказала она, и в ее глазах промелькнула ирония. Она достала из шкафа тонкую фарфоровую чашку с блюдцем, налила себе немного кофе, села за стол и спросила: — Зачем ты хочешь видеть Алексу?

¹ Красивый дом (фр.).

² Тихая (фр.).

Мать Алексы обратилась ко мне на «ты». Не потому ли, что я был, пусть и подсознательно, членом семьи? Или просто потому, что я, молодой идиот, не заслуживал обращения «вы»?

— *Je t'aime*¹, — сказал я и заставил себя замолчать, чтобы в конце не прозвучало «bien» или еще что-нибудь лишнее².

Услышав мое признание, мать Алексы задержала чашку с кофе возле рта, задумавшись над моими словами, потом все-таки сделала глоток и сказала:

— *Tu t'aimes?*³

— *Oui.*

— Правда? — Она посмотрела мне в глаза.

Я выдержал ее взгляд, не моргая.

— *Oui.*

— Раз так, ты должен рассказать мне, кто ты такой.

Кто я такой? Хороший вопрос. Я не знал, как коротко ответить — в конце концов, это ведь не вопрос «Как называется столица Украины?». Поэтому представил полное — ну или слегка отредактированное — описание ключевых событий текущего года. Начал с того дня, когда познакомился с Алексой, поверхностно коснулся всех эпизодов бессознательного секса и наших политических разногласий, но в красках рассказал и про сумку, и про икорный поцелуй, и про недоразумение с замужней женщиной в постели, и про месть лифтовых богов. В заключение отругал индий-

¹ Я ее люблю (*фр.*).

² См. примечание на с. 356.

³ Ты ее любишь? (*фр.*)

ские рестораны за плохую кухню и себя за чрезмерное употребление пива на голодный желудок, привыкший к хорошей французской пище. Легкая лесть в адрес ее родины не повредит, подумал я.

Прежде чем мать Алексы успела вынести свой вердикт, наш разговор был прерван появлением коротышки лет пятидесяти, с ежиком седых волос, в клубной футболке, спортивном костюме «Адидас» и с золотым, толщиной с круассан, браслетом на запястье. Человек очень холодно кивнул мне, поцеловал мать Алексы в шею и вышел из дома. Двигатель «мерседеса» заурчал сразу, как только хлопнула входная дверь, и спортивная машина резко тронулась с места.

Как объяснила мать Алексы, это был Юрий, и он укатил в спортзал.

Я был озадачен.

— Его футболка, — проговорил я. — На ней эмблема «Ньюкасл Оллстарз». Что это?

Его футбольная команда, сказала она.

— А разве не «Ньюкасл Юнайтед»?

Нет, ответила она. Оказалось, что «Ньюкасл Оллстарз» — американская футбольная команда из городка, название которого мать Алексы произнесла так: «Нукастел ондер Лим». Это отчасти объясняло отсутствие интереса к Юрию со стороны британских массмедиа.

Она не сочла мой смех уместным. Юрий виду не подал, но на самом деле он совсем не обрадовался тому, что я разбудил его среди ночи. Он не послал Виктора (Халка) утихомирить меня только потому, что Алекса сказала, что это она виновата во всем.

Она виновата? Это уже интересно. Неужели она готова простить меня?

Мать Алексы не была в этом уверена. Видимо, решив, что предварительные слушания окончены, она допила свой кофе, поднялась из-за стола и сказала, что идет звать Алексу.

И только Алексу, понадеялся я. Мне совсем не хотелось держать ответ перед судом присяжных во главе с Сашей.

6

Вся эта канитель с машиной времени повторилась, когда минут через десять появилась Алекса.

Потому что она как будто помолодела лет на пять. И походила теперь на вчерашнюю школьницу, которая собралась на собеседование в университет: гладко зачесанные волосы, черный брючный костюм. Алекса выглядела, как всегда, потрясающе, но возникало впечатление, будто она оделась так, чтобы заглушить свою сексуальность, заранее подавить эротические сигналы, которые может посылать ее тело. А их всегда было в избытке.

И опять я столкнулся с проблемой этикета, на этот раз чисто английской. Следует ли наутро после попойки целовать людей, которых ты разбудил ночью?

— *Je peux te faire la bise?* — спросил я, имея в виду, что хочу поцеловать ее в щеку.

Она наклонилась ко мне, и мы обменялись привычными «мва», разве что я обнаглел настолько, что прижался губами к ее щеке. Пощечины в ответ не последовало.

— Прости, пожалуйста, за вчерашнюю ночь. Мы были пьяные.

— Надеюсь, — сказала она.

— И за ночь позавчерашнюю тоже прости. Я застрел в лифте.

— Да, кажется, я что-то такое поняла из твоего сообщения. Что случилось?

Я рассказал, как битых два часа выслушивал гневные речи соседки и заодно выступал в роли одного из героев ситкома для своих соседей.

Какое же я испытал облегчение, когда Алекса рассмеялась.

Я вручил ей письмо от Натали, которое сохранилось у меня в кармане и лишь слегка помялось. Алекса даже не попыталась вскрыть его, что было и хорошо, и плохо.

— Ты выглядишь как-то иначе, — заметил я. — Классно. Я не имел в виду, что обычно ты не... ну, ты понимаешь. У тебя что, интервью намечается или еще какое мероприятие?

Да, сказала она, галерея заинтересовалась ее выставкой, и она просто не знала, как одеться. Во Франции даже на встречу с такими важными персонами, как директор Бобура, художник мог явиться в наряде в стиле «богемный беспорядок», показывая, что он выше буржуазных предрассудков вроде дресс-кода. Но в Англии, как объяснила она, принят более офи-

циальный стиль. Как, на мой взгляд, правильно ли она оделась? Ей ведь предстояло что-то вроде собеседования с потенциальным работодателем, не так ли?

— А что за галерея?

— Чарльза Саатчи.

— Галерея Саатчи? О боже, Алекса, это невероятно! Нет, это просто потрясающе невероятно, потрясающе!

Кажется, алкогольное отравление все-таки зацепило ту долю моего мозга, которая отвечает за словарный запас.

— Потрясающе? — повторила Алекса. — Это все, что ты можешь сказать?

— Все? Я имею в виду, что еще можно сказать? Ты — звезда. Ты будешь знаменитой. Это невероятно потрясающе, невероятно...

Она остановила поток этого алкогольного бреда, вдруг расплакавшись.

— Алекса. Что я не так сделал? Разве я недостаточно громко выразил свой восторг? Что еще я могу?..

Черт, теперь я чувствовал, что и у меня глаза на мокром месте. И это были вовсе не те слезы, что наворачиваются на глаза в конце фильма «Терминатор-2», когда Арни опускается в чан с расплавленным металлом, или во время того эпизода в «Реальной любви», когда парень заходит в ресторан и по-португальски предлагает руку своей возлюбленной. Короче говоря, не знаю, откуда взялись эти слезы и почему мы плакали вдвоем.

— Что там в этом письме? — наконец спросила Алекса.

Я рассказал ей о клятвенном признании Натали. Я помнил его практически наизусть.

— У тебя всегда найдется объяснение, — заметила Алекса. — Почему у тебя никогда не получается простому, Пол? Как у Юрия? Он сказал моей матери: приезжай в Лондон, выбирай, где мы будем жить, и точка. Никаких других женщин, никаких сумок, ничего.

— Так это она выбрала дом? — Теперь мне стало более-менее понятно, откуда взялись растения в горшках и оструганная сосна.

Алекса рассмеялась:

— О, да, это мама. Юрий считает, что дом слишком маленький. Ему хочется побольше, такой же, как те, что стоят по ту сторону главной дороги.

— Что, в одном из королевских поместий? Там же сплошь дворцы. И половину из них занимают посольства. — Я догадался, что она говорит о гигантских особняках в парке сразу за Кенсингтонским дворцом, где когда-то жила принцесса Диана. Да в тех местах камер видеонаблюдения было больше, чем воробьев.

— Да, именно. Юрий хочет купить бывшее здание русского посольства — там есть открытая парковка на шесть или семь машин. Когда мы отмечали Сашин день рождения у нас в доме, соседи вызывали полицию.

— Что, достал украинский джаз? — спросил я шутливым тоном. Мне ли было не знать, что творит с человеком такая музыка.

— Нет, из-за машин. Полиция сказала, что они не могут ничего сделать, потому что это частная улица,

поэтому теперь Юрий постоянно паркует здесь свою машину, чтобы позлить соседей. Он считает их расистами, но это не так, просто они ненавидят машины. Так же, как и город. Они живут в городе, но мечтают, чтобы его не было.

— Да, но хочешь ли *ты* там жить, Алекса? В бывшем русском посольстве, с парковкой на шесть-семь машин?

— Пока, Пол, я хочу жить в Лондоне. И хочу заниматься своим делом. Что не так-то просто с твоими уходами и приходами, а тут еще и крики на всю улицу, из-за которых меня возненавидят все соседи.

— Но если бы ты меня не бросила, я не орал бы на всю улицу.

— Я не бросила тебя.

— В самом деле? — сказал я. И подумал: «Какие замечательные слова она произнесла. Это еще не „je t'aime“, но уже чертовски далеко от „отвали“».

Послышался шум на лестнице. О, нет, только не это. Не дай бог, сейчас явится парень, который присутствует в ее жизни, да и в самых разных частях ее тела.

— Это Саша? — прошептал я.

— Нет. Это, должно быть, *Матан*. — У Алексы был такой вид, будто она опять готова расплакаться. — Саша проводит большую часть времени в своей студии.

— А... — произнес я и стиснул пальцами край стола, чтобы не выдать своего ликования.

Я попытался изобразить сочувствие, но это было чертовски сложно, ведь мне хотелось пуститься в пляс по кухне. Какой придурок этот Саша, подумал я.

Мог бы проводить каждую ночь в постели с Алексой, а вместо этого предпочитает возиться со своими звукозаписывающими агрегатами. Или с фанатками. А может, и с теми, и с другими. Впрочем, чем бы он ни занимался на стороне, меня это вполне устраивало.

— Сам видишь, в моей жизни все не так просто, — со вздохом произнесла Алекса. — И тут ты еще являешься в Лондон среди ночи, будоражишь меня перед интервью.

Я не знаю, откуда берутся идеи. Может, это какие-то химические импульсы? Как бы там ни было, в то утро мой мозг был переполнен химикатами, и в голове что-то щелкнуло, когда токсическая смесь родила идею.

— Просто? — сказал я, окинув мир ясным и чистым, как ментоловое дыхание, взглядом. — Ты хочешь, чтобы все было просто? Пожалуйста. — Я схватил ее за руку. — Сегодня утром у тебя интервью, и ты, кстати, сногшибательно выглядишь. Хотя по сути это не интервью, а приглашение. Они хотят с тобой познакомиться. Им нравятся твои фотографии. Они знают, что у тебя проходит выставка в Бобуре. Все очень просто.

Я схватил ее другую руку, тут же забыл, что хотел сказать, но все-таки вспомнил вовремя и не выказал себя полным кретином.

— Я сейчас еду в Париж, нужно кое-что уладить, — добавил я. — Потом приезжаю жить в Лондон, чтобы быть рядом с тобой. Ну разве это не просто?

— Нет, — простонала Алекса, отмечая мою идею, а вместе с ней и простоту.

7

Я никогда не подозревал, что могу забеременеть. Пожалуй, это не та проблема, о которой стоит беспокоиться, если ты парень.

Но очевидно, она не давала покоя французскому правительству, потому что оттуда пришло письмо, в котором меня информировали о необходимости оформить страховку по беременности на каждого работника чайной. В моем случае, как и в случае с большинством моих сотрудников, это было равносильно тому, чтобы застраховать кита от травм, полученных при игре в настольный теннис.

Так или иначе, требование об уплате небольшого состояния в форме «cotisations» лежало передо мной. Слово резало слух, но на самом деле означало «взносы» или «пожертвования».

И это было не единственное официальное письмо в моей почте. Сразу несколько организаций требовали «cotisations» в самые разные фонды социального страхования. Все те, с кем я расплатился еще летом, теперь вернулись и требовали еще.

По какой-то необъяснимой причине я, как выяснилось, платил аж по трем программам медицинского страхования. Получалось так, что достаточно было проболеть гриппом неделю, чтобы потом уйти на пенсию и жить на выплаченные по страховке деньги.

Пришло еще одно трогательное письмо — на этот раз за личной подписью, — с напоминанием о том, что я должен сделать перевод меню, а также вывески, которая тоже, оказывается, незаконна. Французское

название чайной — «Mon thé est riche» — должно красоваться где-нибудь на видном месте.

Да, как будто можно найти перевод «Pizza Napoli» на входе в итальянский ресторан, хотелось мне ответить. Это была наглая дискриминация английского языка. Я отложил письмо с пометкой «позвонить в Брюссель».

Но хуже было другое письмо, которое я не вскрывал вот уже месяц. Это было уведомление о том, что городской совет подумывает о расширении тротуара на нашей улице (хорошо) и оборудовании парковки для мотоциклов и скутеров перед нашей чайной (плохо). Очень плохо. Эти парковки работали по принципу собачьих какашек. Стоило только одному скутеру припарковаться, как слетались двухколесные со всей округи и заполняли тротуар. Да, официальная парковка могла быть рассчитана на десять мототроллеров, но очень скоро вокруг них неизбежно образовывалась стихийная стоянка для пятидесяти, и в этом случае к чайной уже было бы не пробиться.

В письме говорилось, что у меня есть месяц для обжалования. И это означало, что у меня в запасе минут двадцать, не больше.

О боже!

Я пытался — и безуспешно — «уладить дела», прежде чем вернуться в Лондон.

Алекса просила меня, чтобы я не дергался.

— Я не могу взять на себя такую ответственность, — сказала она. — Буду чувствовать себя виноватой в том, что твой бизнес остановится. Это чересчур.

— Я всегда сам несу полную ответственность за все свои поступки, какими бы глупыми они ни были, — заверил я Алексу, хотя вряд ли убедил.

В любом случае, сказал я, останавливать бизнес никто не собирается. Я просто делегирую на время свои полномочия. Все очень просто.

Просто, как помочиться в пробирку с верхней ступеньки лестницы. Любой, кто когда-нибудь пытался это проделать, подтвердит: секрет заключается в том, чтобы, стоя на лестнице, продолжать процесс до тех пор, пока не попадешь в цель. Так и я был вынужден, скрипя зубами, рассортировывать проблемы, отделяя настоящие угрозы от мелких раздражителей, и трудно было сказать, сколько времени мне для этого понадобится.

Но если я действительно собирался на время покинуть Париж, важнее всего было разобраться с Бенуа, нянькой, которая будет присматривать за моим младенцем. Я знал, что он сможет разогреть детское питание, но мне нужна была уверенность в том, что он не наложит в штаны и не опустит руки, когда придется менять подгузник. Скажем, если двухколесные начнут парковать свои мопеды прямо посреди чайной.

Как оказалось, он уже слышал о плане устройства парковки для скутеров.

— Откуда? — спросил я.

— Мне отец сказал, — ответил Бенуа. — Ты же знаешь, он активно участвует в делах нашего округа.

Еще бы. Натали рассказывала мне об успехах Жана-Мари в продвижении к заветной цели — стать членом парламента от округа. Но пожалуй, это лишь добавля-

ло мне головной боли. Способен ли Жан-Мари добиться того, чтобы парковку скутеров устроили перед моей чайной? И если да, то зачем ему это? Чтобы вынудить меня продать ему бизнес? Нет, конечно же нет.

В конце концов, я трудоустроил его сына. И более того, учил его жизни. Хорошо, допустим, Бенуа до сих пор ошибочно принимал водонагреватели за сексуальных партнеров, но многие млекопитающие делают примерно то же самое. Взять хотя бы собак и ножки стульев. Однажды, смотря домашнее видео, я наблюдал, как гиппопотам пытался проделать это с трактором.

Одним словом, у Жана-Мари не было причин изводить меня с помощью мелких муниципальных интриг.

Я надеялся.

И это единственное, в чем я хотел быть уверенным, прежде чем ехать к Алексе.

8

— Никогда не доверяй философу. Особенно экзистенциалисту.

Жан-Мари был в приподнятом настроении, словоохотлив, и уводил меня подозрительно далеко от предполагаемой темы нашей встречи.

— Это я тебе точно говорю, — продолжил он. — Знаешь Симону де Бовуар? Жену Сартра? Во время ее... как это сказать... *obsèques*?

Я недоуменно пожал плечами.

— Ну, церемония, когда ты умер?

— Похороны.

— Да. Так вот, во время ее похорон на кладбище Монпарнас кто-то упал в... как это называется... дырка, куда кладут покойника?..

— Могила.

— Да, кто-то упал в могилу и сломал руку. И я могу себе представить, как все присутствующие экзистенциалисты смотрели вниз, на бедолагу, и, сокрушенно качая головами, приговаривали: «Oui, oui, c'est la vie»¹.

Он потрепал меня по плечу, приглашая посмеяться вместе с ним над его философской шуткой.

Должен признать, что место для таких шуток было самое подходящее. Мы сидели в «Кафе де Флор», знаменитом бистро на левом берегу Сены, завсегдатаями которого в свое время были Сартр и его друзья, заядлые курильщики, приходившие сюда пофилософствовать.

Несмотря на историческую значимость, это было далеко не пафосное заведение. Маленькое, ярко освещенное помещение, со сдержанной отделкой в стиле ар-деко и стульями с обивкой из ярко-красного кожзаменителя. И посетителей хватало, в основном это были состоятельные парижане. Я заметил, что в «Кафе де Флор» больше, чем где-либо, седых длинноволосых стариков, которые сидели по одному за столиками. Наверное, последние философы уходящей эпохи.

¹ Да, да, такова жизнь (*фр.*).

Вокруг шел обычный светский треп. По-видимому, в наши дни в *café* все реже велись философские дебаты. Я догадывался почему: чтобы прийти сюда и по-дискутировать о том, что жизнь, в сущности, ничего не стоит, нужно самому стоять целое состояние. Мне это бросилось в глаза еще при входе. Я насчитал пять официантов, да еще *maitre d'*¹ имелся. Неудивительно, что пиво в «Кафе де Флор» продавали втрое дороже, чем где бы то ни было: надо же было содержать всю эту ораву.

Жан-Мари предложил встретиться здесь, потому что у него намечалась тайная встреча с сенатором по окончании дебатов. Сенаторы никогда не знали точно, когда у них иссякнет поток красноречия, так что Жану-Мари просто нужно было убить время.

— Это игра, — философски заключил он. — Он заставляет меня ждать, но это политика. А мы с особым уважением относимся к политикам старой закалки. Сейчас ведь не май шестьдесят восьмого, ах...

Вспомнив о знаменательных событиях, он погрузился в мечтательную задумчивость. Он даже закурил, чего я прежде за ним не замечал. Мне почему-то всегда казалось, что он не допустит, чтобы частички пепла и табачный дым оседали на его безупречных костюмах.

— Знаешь, я видел его, — сказал Жан-Мари после паузы.

— Кого?

— Сартра. В шестьдесят восьмом.

— Ты был на баррикадах?

¹ Метрдотель (*фр.*).

Я был потрясен и не скрывал этого. Неужели Жан-Мари стаптывал свои ботинки ручной работы ради революции?

— О, все тогда были на баррикадах. И Сартр тоже. Он был маленького роста, выглядел заурядно, но его всегда окружали женщины. Я был на баррикадах, потому что самые красивые девушки собирались именно там. Естественно, все это было до того, как я начал работать на своего отца.

— Он не одобрил бы?

Я был наслышан об отце Жана-Мари, мяснике, который основал свою империю и добился лидерства в мясной отрасли.

— Хо! — Жан-Мари поперхнулся дымом. — Мой отец презирал интеллектуалов, — продолжил он, прокашлявшись. — Поинтересуйся у них, что они делали во время войны, говорил он. Болтали. Просиживали штаны в *café*, в то время как остальные мужики сражались в рядах *Résistance*.

— А твой отец участвовал в Сопротивлении?

— О, каждый француз его поколения участвовал в *Résistance*, — с иронией произнес Жан-Мари. — Меня только удивляет, почему Франция несколько лет была оккупирована нацистами, если против них воевали миллионы французов.

— Но твой отец действительно воевал?

— Не знаю. У нас не принято расспрашивать людей его поколения, чем они *на самом деле* занимались во время войны. Он продавал говядину и конину. Но кому? Пф! — Жан-Мари затушил сигарету. — Вам, англичанам, повезло. Вы избежали оккупации.

У вас не было возможности... как это сказать? *Trabir son pays?*..

— Предать свою страну.

— Да, вам повезло. Это невеселое испытание.

Экзистенциализм сменился некоторой озлобленностью.

Пока он заказывал еще пива, я наблюдал за группой пожилых американцев, которые только что зашли и оглядывались по сторонам, словно недоумевая: неужели это и есть то самое *café*?

— И все-таки, Жан-Мари, насчет этой парковки скутеров?

— Ах да. Ха!

По его тону можно было сказать, что он, так же как и я, настроен против, что меня крайне удивило.

— Что тебе известно об этом?

— Я думаю, все это происки какого-нибудь влиятельного *salopard*¹ из округа, который знает, что я *propriétaire*² этого чайного салона. О, Пол, мой английский стал ужасным, с тех пор как ты уходишь из компании. Правильно я сказал?

— Ушел. — Поскольку ты меня уволил, мог бы я добавить. — Так, значит, ты против этой идеи?

— О, да, конечно! — Он замахал руками, как будто не только гнал эту идею, но и расчищал воздух от мотоциклистов. — Магазин с парковкой возле витрины здорово теряет в цене. Это ужасно.

— Ты думаешь, тебе удастся остановить это?

¹ Мерзавец (*фр.*).

² Владелец (*фр.*).

— Ах... — Он неопределенно пожал плечами, но ухмылка на его лице подсказывала, что его соперник был не единственным влиятельным лицом в городе.

Я выдохнул с облегчением:

— Я думал, ты пытаешься вынудить меня продать бизнес.

— Ты хочешь продать?

Это прозвучало скорее как предложение, а не вопрос.

— Нет. — Я покачал головой. — Во всяком случае, пока нет, — прибавил я — и объяснил, что собираюсь поехать в Англию, а на время отсутствия хочу передать дела Бенуа.

Жан-Мари уставился на меня с открытым ртом, что вызвало у меня серьезные сомнения в разумности моей затеи. Выглядело все так, как если бы пилот самолета вдруг объявил, что собирается пойти в туалет, а вместо себя сажает за штурвал кролика.

— Пол, — наконец произнес он, — это... (Он так и не смог подобрать слово, чтобы закончить мысль. Абсурд? Безумие? Самоубийство?) Бенуа... (Слишком молод? Некомпетентен? Несдержан?) Ты... (Просрал мой бизнес? Не оправдал моего доверия? Потерял всякую надежду услышать конец фразы?) — Он схватил меня за плечи и, горячо расцеловав в обе щеки, сказал: — Я знал это.

— Что *знал*?

— Ты... как это сказать? Образец? Да. Образец для него. Он совершенно изменился с тех пор, как работать... или стал работать?

— Стал работать.

— А? С тех пор как стал работать под твоим началом. Он нашел себя. *Trouvé son chemin*¹. Я очень счастлив. Нет, я в долгу перед тобой. — Он энергично закивал, всем своим видом выражая искренность последнего заявления. — Ты не можешь доверять философу, но можешь доверять мне. Пока ты будешь в Лондоне, я позабочусь о Бенуа. Он не... как это сказать?..

— Не подведет?

— Да. Он не подведет.

Жан-Мари протянул мне руку, и мы обменялись рукопожатиями.

И даже при том, что он был политиком, краснобаем, который не раз трахал меня (фигурально) и пытался трахнуть Алексу (буквально), я чувствовал, что могу доверять ему. Наверное.

— Знаешь, Бенуа даже признался мне, что влюблен, — сказал он.

— Правда? Так это же здорово.

Мне не хватило мужества сказать ему, что объект влюбленности его сына — аппарат для кипячения воды.

9

— Я взял билет. Приезжаю в Лондон в следующее воскресенье вечером.

— Я обедаю с мамой.

¹ Нашел свой путь (*фр.*).

Я звонил Алексе не для того, чтобы пригласить ее куда-нибудь вечером, но ее ответ прозвучал как защитная реакция.

— Послушай, все нормально, Алекса, я планирую пожить некоторое время в Лондоне, так что мы сможем увидеться в другой день. Никаких проблем.

Меньше всего мне хотелось, чтобы она подумала, будто я собираюсь расположиться лагерем в ее тупике и превратить ее жизнь в ад. Если нужно, я даже был готов сходить к гипнотизеру, чтобы тот внушил мне мысль о недопустимости орать у нее под окнами в три часа ночи.

— Это очень серьезный шаг, — заметила Алекса.

— Я знаю, но только так я могу доказать тебе, что ты для меня значишь.

— Больше, чем твоя чайная? Ты так много работал, чтобы открыть ее.

— Я знаю. И главный итог моей работы — это решение возложить больше ответственности на Бенуа. Он будет руководить чайной в мое отсутствие. Так что не думай, будто заставила меня пустить все на самотек, потому что это не так. Ты мне веришь?

— Да.

Мы помолчали, обдумывая сказанное.

— Ты знаешь... — снова заговорила она.

— Что?

— Я больше не встречаюсь с Сашей.

— О...

Я настолько обрадовался, что мое настроение воспарило в голубое осеннее небо. Тарзаном оно

пронеслось по деревьям, расцеловывая каждую встречную обезьянку. Потом твердо приземлилось на обе ноги и получило заслуженный приз чемпиона. По улицам Лондона его несли восторженные болельщики.

Однако произнес я лишь скупое «О...».

— У тебя грустный голос, — сказала Алекса.

— Разве? Нет, ну если только потому, что я подумал, что тебе грустно. Ну оттого, что ваши отношения закончились. — Интересно, это можно считать дипломатичным объяснением?

— Ты считаешь, что мне лучше вернуться к нему?

— Что? — К черту дипломатию. — Нет, Алекса. Давай начистоту. Мне жаль, если он причинил тебе боль, но я безумно счастлив оттого, что вы расстались. Это потрясающая новость. Потрясающе невероятная, потрясающе. Воспитание не позволяет мне прокричать «ура!» во весь голос.

Она рассмеялась.

— А ты переехала из этого дома? — спросил я, скрестив пальцы рук, ног, глаза, почки — в общем, все, что можно и нельзя скрестить.

— Нет.

— О... — На этот раз мое настроение совпадало с интонацией голоса.

— Но он переехал, — продолжила Алекса. — Он живет в квартире над студией.

— Я могу кричать «ура!»?

— Если хочешь.

Я так и сделал. Затем спросил:

— Значит, у нас есть шанс? Начать все сначала?

— Да, — ответила она. И вдруг добавила по-французски: — *Ça nous donne une chance*¹.

А во французском «chance» — это и «шанс», и «удача».

Теперь оставалась единственная угроза, которая могла помешать Бенуа руководить чайной, и исходила она от того, кто на самом деле мог бы оказать немалую поддержку.

Это случилось накануне моего предполагаемого отъезда в Лондон.

Кейти занималась привычной для Восьмого округа проблемой — беженцами «Да Винчи».

Фанаты «Кода да Винчи», приезжавшие организованными группами, были нестрашны, поскольку их пасли гиды. Но те, кто пытался самостоятельно пройти маршрутом героев романа, неизбежно терялись, потому что топография в книге, скажем так, далека от спутниковой навигации.

И еще потому, что туристы попадались туповатые.

— Лувер отстой, — заявил американский подросток, ожидая, пока Кейти нальет ему большую колу. Мало того что он был семи футов ростом, так у него еще наблюдался избыток веса в пару тонн, и впечатление усиливалось дутой лыжной курткой, которая своей пышностью лишь слегка уступала щекам.

— Мы не произносим таких слов, — машинально проговорила его мать. Ее больше интересовали пи-

¹ Это дает нам шанс (*фр.*).

рожные, и, судя по размеру ее пятой точки — собственно, эта часть тела загораживала все остальное, — пирожные вообще были одним из главных интересов ее жизни.

— Что ты имеешь в виду? — спросил его отец, поразительно худой. Наверное, жертва Аткинса или, может, с зашитым желудком? Он был укутан в оливковый макинтош, как будто, маскируясь под частного сыщика, проще следовать маршрутом «Да Винчи».

— Я-то думал, у них там будет что-то вроде РЕКОНСТРУКЦИИ. Ну чтоб как в книге, труп на ПОЛУ. А так, что за нужда нам была туда ИДТИ? Тоска!

— Это же художественный музей, сынок, — возразил отец.

— Сколько калорий в этих фруктовых тортах? — поинтересовалась мать. Она явно полагала, что торты заказывают целиком, а не кусочками.

— Пфф... — выдохнула Кейти, научившись по-французски, с характерным причмокиванием, выражать презрение.

— И к тому же ТАМ даже никакой Моны Лизы нет. ЧТО за дела?

Даже я был обескуражен. Если что в Лувре и есть совершенно точно, так это Мона Лиза. Это все равно как Том Круз в фильме с Томом Крузом.

— Ну как же, она там, — сказал его отец довольно спокойно, как будто привык, что сын постоянно несет чушь, и, только возражая, можно отучить его от этого. — Она на той картине, которую все фотографировали своими сотовыми.

— Что, ты про эту Джеконди? — Мальчишка сделал гримасу. — ИСКЛЮЧЕНО, это не может быть Мона Лиза, отец. Все, ЗАБУДЬ!

И вот тут из-за кассы вышел Бенуа. Строго говоря, это был как раз тот самый мушкетерский выпад «один за всех», чего я не одобрял, но Кейти уже начинала дергаться, как это часто бывает с нормальными людьми, вынужденными обслуживать идиотов.

Еще недавно Бенуа и сам мог растеряться в такой ситуации, но теперь он знал, как действовать.

— *La Joconde* — это французское название картины «Мона Лиза», — пояснил он.

— Что? Эта лысая курица и есть ОНА? Ну ни фиги себе! — Пацан изобразил крайнюю степень ужаса.

— Видите ли, она очень старая, — сказал Бенуа, ничуть не смутившись.

— Мы не употребляем таких слов, как ни фига, — вставила американская мать. И прибавила: — Что такое «скон»¹?

— И к тому же она такая МАЛЕНЬКАЯ. Я-то думал, она БОЛЬШАЯ.

— Вы имеете в виду скон или Мону Лизу? — спросил Бенуа.

Отец решил покончить с дискуссией на тему искусства и предпочел загрузить подносы своего семейства, а рот сына заполнить чем-то другим, кроме словесного мусора.

Мать и сын сели за столик, причем заняли по два стула, а отец, пока расплачивался, задал Бенуа во-

¹ Скон — пшеничная или ячменная лепешка, популярная на севере Англии и в Шотландии.

прос, который, видимо, считал достаточно деликатным.

— Здесь где-то поблизости американское посольство? — спросил он.

— Недалеко отсюда, — ответил Бенуа.

— Нет, нет, нет!

Этот возглас боли и отчаяния исходил от Джейка, который по выходным имел привычку сидеть в чайной за чашкой бесплатного кофе, переписывая вирши с поэтического веб-сайта.

Он вскочил со своего места и бросился на туриста чуть ли не с кулаками. Джейк был по-прежнему в своем костюме, который выглядел вполне сносно, если учесть, что Джейк таскался в нем по Парижу каждый день на протяжении вот уже двух месяцев.

— Вы были на вокзале Сен-Лазар и не нашли *quai* на Лилль? — произнес он с возмущением.

— Что не нашли? — спросил американский турист.

— Не знаете, что такое *quai*? Проклятие. Это платформа. Повторяю: вы были на вокзале Сен-Лазар и не нашли платформу на Лилль, *n'est-ce pas*?¹

— Нет, — ответил турист, совершенно сбитый с толку.

— Так вы ее и не найдете.

— Что вы имеете в виду?

К счастью, Джейк выглядел достаточно нелепо в своей литературной ярости, чтобы американец обиделся.

— Вы, чертовы туристы Да Винчи. Эта книга — вся сплошь фальшивка! Нельзя уехать в Лилль с вокзала

¹ Не так ли? (*фр.*)

Сен-Лазар. Поезд отходит с Северного вокзала! И разве вы не знаете, что американское *ambassade*¹ находится всего в нескольких метрах от Лувра? Побег на машине занял бы всего полминуты, если бы только в книге были соблюдены географические приличия. Вы видели большое здание с американским флагом на *la Concorde*²? Это и есть *ambassade*, старина. Оно вовсе не здесь, не на *Champs-Élysées*³!

— О, спасибо вам за информацию. — Турист попытался отвязаться от брызжущего слюной безумца и пройти к своему столику, но Джейк еще не закончил:

— О, да, он очень хорошо разбирается в кодах, этот Роберт Лэнгдон, но не знает собственного флага!

С некоторых пор Джейк, мой друг, стал постоянным (очень постоянным) клиентом чайной (или, во всяком случае, получателем благотворительной помощи), поэтому Бенуа не знал, как с ним обращаться. Именно я должен был показать ему, что даже друзей надо уметь держать в узде.

Я подошел и встал между Джейком и его жертвой.

— Вы должны извинить его, — сказал я, обращаясь к американцу. — Он писатель, который немного завидует Дэну Брауну, поскольку у него самого нет таких тиражей.

— Нет... — Джейк попытался поправить меня, но я заставил его замолчать умоляющим взглядом.

— И к тому же он еще в некотором смысле специалист по географии, так что принимает все эти вещи

¹ Посольство (*фр.*).

² Площадь Согласия (*фр.*).

³ Елисейские Поля (*фр.*).

близко к сердцу, — прибавил я, подталкивая американца к столику, за которым уже пыхтело от нетерпения его семейство.

— О, в самом деле, вы пишете учебники по географии? — неосторожно спросил у Джейка турист.

— Нет, я...

И снова я перебил Джейка. Меньше всего мне хотелось, чтобы американская семья страдала от желудочных спазмов после прослушивания одной из откровенных поэм Джейка об интимной женской географии.

— Публика еще не созрела для его научных трудов, — сказал я и поволок Джейка на место, чтобы прочесть ему лекцию о том, что нельзя пугать клиентов, если он хочет получать бесплатные напитки во время моего отсутствия.

Я даже предложил ему бесплатное жилье:

— Если женщина, какой бы национальности она ни была, вдруг вышвырнет тебя на улицу, можешь ночевать у меня. Я оставлю ключ у ребят.

И удивился, когда увидел, что Джейк покраснел.

— Да, хорошо... *merci*, но...

Я еще больше удивился, впервые наблюдая, как Джейк путается в словах. Обычно он изъяснялся на странной смеси самых разных языков, но всегда достаточно бегло.

— Что такое, Джейк? Только не говори мне, что ты спишь на улице в моем костюме.

— Нет, нет, *au contraire*, наоборот. — Он снова зарделся.

— Ты договорился обменять мой костюм на квартиру?

— Нет, нет. Я собираюсь, понимаешь ли, *loo...*

— *Loo?*

— *Louer*, арендовать. Я собираюсь снимать *un appartement*¹.

— Да ты что? — удивился я. Это говорил парень, который, сколько я его помнил, жил за чужой счет, и это, судя по тому, что он рассказывал, было его жизненным кредо.

— Да, с... — произнес он и снова запнулся.

— С чьей помощью? Что, заработал на наркоте?

— О, черт! С Виргинией.

Я чуть не умер:

— С малышкой Виргинией?

— Да.

— *Француженкой?*

Он покраснел еще больше и беспомощно пожал плечами. Ну, вылитый экзистенциалист. Да, глядя на него, можно было смело сказать, что «абсурд состоялся» — такова жизнь.

— И ты держал это в секрете, Джейк? Как же так, ты — и вдруг с француженкой?

— Да, но ты понимаешь, она...

— О, я знаю, какая она. Очень хорошо знаю.

— И видишь ли, я...

— Ты что?

— Я... о, черт! *Je t'aime*. — Он произнес «Я ее люблю» так, будто признавался в собственном поражении. — После того, как я встретил ее на вечеринке, мы еще раз виделись. Потом я поймал себя на том, что сочи-

¹ Квартира (*фр.*).

няю стихи про нее *tout le temps*¹. Я не мог выбросить ее из головы. И она хочет съехать из своей студии. И теперь я могу снять *apartement*, потому что буду *directeur* курсов.

— Что? — Это тоже было для меня новостью. — Тебя делают директором курсов в вашей языковой школе?

— Да, ну понимаешь, это как *la guerre des tranchées*.

— Позиционная война?

— Да. И победитель получает все.

— Но это же здорово, Джейк. Поздравляю. Это стоит того, чтобы угостить всех присутствующих фруктовым тортом.

Американская туристка смотрела на меня с надеждой. Меня так и подмывало сказать, что трех кусков торта на ее тарелке было вполне достаточно для ее фигуры, но, поскольку они были единственными посетителями, мое предложение распространялось и на нее.

К тому же у Джейка наконец появилась настоящая работа, в перспективе была квартира и намечалась любовь — да еще с француженкой! Это было событие, такое же знаковое, как революция 1789 года.

Но революция на этом не кончилась.

Пока я раскладывал куски торта по тарелкам и объяснял Бенуа и Кейти, по какому случаю торжество, краем глаза углядел, что Бенуа оторвался от аппарата для кипячения воды и положил руку на плечо Кейти.

¹ Постоянно (*фр.*).

Она не возмутилась и не сбросила руку. А поцеловала ее, повернув голову.

Так, значит, Бенуа уловил наконец разницу между женщиной и водонагревателем? Я почти по-отечески порадовался за парня.

Но кульминацией дня стало необычное зрелище, из тех, что запоминаются на всю оставшуюся жизнь.

Например, ты идешь по пляжу и вдруг находишь кольцо, которое потерял лет десять назад. Или сидишь в баре в Касабланке, и туда заходит любовь всей твоей жизни.

Но эта картина была еще более впечатляющей.

Я отвернулся к окну, чтобы дать Кейти и Бенуа шанс насладиться еще одним тайным поцелуем за спиной вездесущего босса, и увидел, как маленький коричневый пудель гадит на тротуаре. В любой другой день я выбежал бы и прогнал маленького негодника гадить на соседней улице, но сегодня в этом не было необходимости. Хозяйка собаки — женщина довольно преклонного возраста, крашеная блондинка в меховом пальто и в черных туфлях на шпильке — достала из кармана целлофановый пакет, надела на руку, как перчатку, нагнулась и собрала маленькую кучку. Затем, как в замедленной съемке, прошла к ближайшей урне и выбросила пакет.

Парижская аристократка подчищает за своей собакой?

Это был знак.

Город мог обойтись без меня.

VII

**МОЖЕТ, ПОТОМУ ЧТО Я
НЕЛОНДОНЕЦ**

1

Есть вещи, которых французы просто не понимают.

Скажем, линованная бумага. Во Франции вся бумага, если это не чистый лист, обязательно в клетку. Мол, если захочешь отвлечься от записей, займись мозаикой.

И еще они совсем ничего не смыслят в офисных кофейных кружках. Если во время работы во французской компании захочется выпить кофе, ты идешь к кофейному автомату, который, возможно, и варит настоящий кофе из зерен, но разливает его в пластиковые стаканчики. А вот растворимый кофе почему-то подают в белых чашечках для «эспresso».

Так что французскому сотруднику, который приступает к работе в британской компании, следует быть готовым к тому, что отныне его офисная жизнь будет неразрывно связана с массивной керамиче-

ской кружкой, на которой красуется надпись: «Секс? Я предпочитаю карамельный латте!»

Именно это произошло со мной, когда я вернулся в офис своей родной компании, «Ватерлоо фудс», или «Ватерлоб», как она теперь называлась. Именно здесь я запускал свою первую сеть «французских *cafés*» под названием «Voulez-Vous Café Avec Moi?»¹, перед тем как меня переманил Жан-Мари.

И первым, кого я встретил, миновав усиленный, как в аэропорту, пост охраны, был парень, который шел по коридору с гроздью кружек в руке. Видимо, спешил на кухню за чаем или кофе. Во Франции ничего подобного не увидишь. Я улыбнулся, как при встрече со старым другом.

Нет, парень с кружками не был моим старым другом. Я вообще не узнал его.

Не узнал я и коридор. Унылые прежние краски сменил лазурно-голубой цвет на стенах и коралловое ковровое покрытие. Я словно окунулся в йогурт с черной смородиной и малиной.

Офис воплощал яркость и динамизм. У двери кухни даже висел плакат, напоминающий персона-

¹ «Не хотите ли кофе со мной?» (*фр.*). «Французность» названия основывается на аналогии с фразой *Voulez-vous coucher avec moi?*, которая означает «Не хотите ли переспать со мной?». Эта фраза стала популярна благодаря хиту группы *LaBelle* «Lady Marmalade» (1974), в котором проститутка задает этот вопрос клиенту. У песни существует множество кавер-версий.

лу, что, сжимая ягодицы пятьдесят раз в ожидании, пока закипит чайник, можно сжечь пятьдесят калорий.

Я сжигал калории, сжимая в руках свой бейджик, похожий на пропуск за кулисы концерта рок-звезды. Похоже, теперь бейджик стал обязательным атрибутом офисного работника, хотя я никак не мог себя заставить нацепить на шею такую хрень. Во мне еще говорил французский менталитет: «Я слишком крут, чтобы выставлять себя придурком».

— Ты должен надеть это, Пол, дружище.

Это был Чарли, мой босс, он выглянул из двери, когда я проходил мимо.

Я позвонил ему на прошлой неделе, узнать, не возьмет ли он меня обратно, и, к моему удивлению, он сказал, что я могу приступить к работе в любое время.

И закончить тоже.

Потому что фактически уже никто не работал на компанию. По крайней мере, в качестве наемных работников. Все стали консультантами, которыми руководили другие консультанты, а те в свою очередь отчитывались перед группой еще одних консультантов, которые и купили компанию несколько месяцев назад, заставив две сотни сотрудников заново устраиваться на работу. Лишь немногим удалось восстановиться, и теперь общая численность персонала составляла человек восемьдесят, и большинство были новичками.

Во Франции компания, которая попыталась бы проделать то же самое со своими сотрудниками, дав-

но фигурировала бы на первых полосах центральных газет, но здесь на это дело смотрели иначе.

Впрочем, мне грех было жаловаться, потому что новая система работала в мою пользу. Я владел собственной компанией, «Мой чай богат», поэтому мог стать консультантом Чарли без всякой административной суеты. Как он сказал, у него возникла одна очень англо-французская «*problème*», и мое появление было весьма кстати.

Итак, я снова был в костюме, снова в Лондоне — Пол Уэст, посредник в разрешении проблем международного масштаба.

Мы пожали друг другу руки — никаких поцелуев, слава богу, — и Чарли проводил меня в мой новый кабинет.

Чарли выглядел очень представительно. Мужчина сорока пяти лет, он уже седел и лысел, но остатки волос были подстрижены ежиком, а закатанные рукава белой рубашки в фиолетовую клетку обнажали толстые волосатые запястья. Он походил на регбиста-любителя, что, судя по внешнему виду его коллег, было *style du jour*¹.

Я подумал, что сегодня наши управленцы обречены выглядеть круче, чем военные. И даже почувствовал себя салагой в своем деловом костюме и с чуть более длинной, чем положено по уставу, стрижкой.

Кстати, «костюм от Джейка» я списал со счета. Не мог же я, в самом деле, позволить, чтобы друг раз-

¹ В духе времени (*фр.*).

гуливал по Парижу в нижнем белье. Поэтому еще перед отъездом заглянул в бутик Пола Смита и купил себе пару серых костюмов, с виду консервативных, как «роллс-ройс», пока я не расстегивал пиджак, демонстрируя психоделическую подкладку.

— Что, в Париже для тебя слишком много парижан? — шутливым тоном произнес Чарли. Как и многие бритты, он обожал стебаться над французами и проводил свои каникулы исключительно во Франции.

— Да, слишком много сексуальных женщин. У меня давление зашкаливает.

— *Sacré bleu*, бедняга ты.

Двери кабинетов теперь были сплошь стеклянные, так что в центральный коридор поступал дневной свет с улицы. Однако они закрывались цифровыми замками, поэтому в кабинет заглянуть можно было, а вот войти никак.

Чарли сообщил мне код от моей двери, позволил мне самому открыть замок, и мы зашли в светлую комнату с белыми стенами.

За тремя из четырех столов сидели трое сотрудников, мне не знакомых: молодой парень-индус, чернокожая женщина и клон Чарли. Каждый что-то печатал на ноутбуке. Все они, как и Чарли, были в брюках и белых рубашках с рисунком.

— Ребята, знакомьтесь, это Пол.

Я пожал руки Санжиту, Марии и Тому.

Санжит выглядел самым стильным в этой троице: волосы уложены с помощью геля, бакенбарды при-

чудливо выстрижены чем-то вроде микробритвы. Мария заняла бы второе место в конкурсе стиля: у нее была очень темная кожа, на губах — черная помада, а красиво сидящие черные брюки подчеркивали не только бедра, но и аппетитные припухлости выше пояса. Том был на десять лет моложе Чарли, но такой же лысый и коренастый. Нижняя пуговица его рубашки была расстегнута, чтобы я смог разглядеть волосатый пупок.

Мы коротко представились друг другу, а потом Санжит, Мария и Том вернулись к своим компьютерам и продолжили лихорадочно печатать. Короче, это был приятный контраст с тем трагическим днем, когда я впервые переступил порог своего французского офиса и познакомился с будущими коллегами, которым за девять месяцев удалось превратить мою жизнь в ад. Здесь, по крайней мере, отсутствовал языковой барьер.

Или я ошибался?

— Том, дружище, поможешь Полу войти в курс дела? — сказал Чарли. — Мне нужно срочно бежать к Зверю с шапками.

— Конечно, — ответил Том. — Есть новости по моему запуску?

— Когда точка отсчета?

— Ну, я держу их за яйца по датам, но пока получил только мягкий запуск, и это февраль.

— Вау, накладка.

О чем это они, черт возьми? Разве в этой компании не принято говорить по-английски?

2

— Кто такой Зверь? — спросил я у Тома, когда Чарли ушел.

— Это наш генеральный. Когда он только пришел, кто-то дал ему добавочный номер, который оканчивался на три шестерки. Ух, он тогда озверел. Впрочем, на дьявола он совсем не похож.

— Если не считать рогов и хвоста, — вставила Мария, не отводя глаз от клавиатуры.

— По этой причине у вас нет телефонов? — спросил я. Пока мой стол был абсолютно голым, разве что я положил на него свою сумку с ноутбуком. Единственными источниками связи в комнате служили мобильники.

— Разве мальчик Чарли тебе не сказал? — удивился Том. — Мы, консультанты, сидим на гонораре. Ты пользуешься собственным телефоном. Говоришь, сколько хочешь.

— Понял.

Это казалось разумной, хотя и жесткой практикой. В компании Жана-Мари работники половину рабочего времени обсуждали по телефону планы на уик-энд, семейные проблемы, договаривались о свиданиях и даже участвовали в телефонных викторинах. Ну, во всяком случае, так использовали телефон в моем офисе.

— Сбор в девять, — сообщил Том. И спросил: — У тебя готов мгновенный отчет?

— Нет, — ответил я. Не мог я его подготовить, потому что не знал, что это такое.

— О, ну ладно, — сказал Том и продолжил барабанить по клавишам своими мясистыми пальцами.

Кажется, это состоялось. Меня ввели в курс дела.

— Ты здесь по знаменитому лягушачьему проекту, да? — спросила Мария.

— Да. По недостаточно пока знаменитому лягушачьему проекту.

— Ты еще не докладывал ему плохую новость?

— Нет.

Плохая новость как раз и была той самой «англо-французской *problème*», для решения которой меня рекрутировали.

Когда я звонил Чарли, он сказал, что компания собирается пригласить к себе звездного французского шеф-повара и им нужен кто-то для связи с ним.

— Ты ведь жил среди них, знаешь, какие они сукины дети, — сказал он, подтверждая тот факт, что я был не единственным дерьмовым дипломатом среди британцев.

Вероятно, шеф слыл гениальным мастером сэндвичей, и «Ватерлоо» имела на него виды, надеясь, что он придаст особый шик багетам с голубым сыром, фирменному блюду сети «Не хотите ли кофе со мной?».

Единственная проблема заключалась в его имени.

— Ты должен заставить его взять псевдоним, — сказал мне Чарли.

— Зачем? Что не так в его имени? — спросил я.

— Оно типично бретонское.

— Да?

— Его имя — это бретонская версия Яна.

— И что?

— А фамилия — ну, есть такая деревушка в Бретани.

— Как называется?

Но по телефону Чарли мне ничего не сказал. Предпочел воспользоваться электронной почтой. Получив его письмо, я понял, в чем дело.

Короче, шеф-повара звали Яанн Керболлокс.

И, произнесенное с британским акцентом, его имя звучало как руководство к действию при изнасиловании.

Впрочем, с точки зрения французского языка это было вполне нейтральное имя. Яанн Керболлокс был ни в чем не виноват, так же как и парень по имени Питер Бернс (Peter Burns), которому вряд ли пришелся бы по душе интерес французов к его имени. По-французски «Péter» означает «пукать», «burnes» — «задница». Добро пожаловать во Францию, мсье Пукающая Задница.

И Яанн, поскольку никто в компании не осмеливался изложить ему проблему, пребывал в счастливой уверенности, будто мы собираемся печатать афиши, рекламирующие наши новые «Сэндвичи от Яанна Керболлокса». Мое первое задание заключалось в том, чтобы объяснить ему, почему это невозможно.

В общем, имелась нешуточная вероятность, что в ближайшем будущем меня ожидало зверское избиение французским багетом, но я готов был пойти на риск, потому что, имея постоянную работу, мог встречаться с Алексой в любое время, когда ей захочется проверить, насколько хорошо я себя веду.

Так мы с ней договорились. Я, можно сказать, находился на испытательном сроке, обязавшись доказывать свое примерное поведение — быть рядом, когда нужен ей, избегать соблазна прикасаться к другим женщинам и, что самое главное, прекратить сценарии в три часа ночи.

Я не был уверен насчет секса как пункта нашей сделки. Но даже при самом плохом раскладе всегда мог прибегнуть к лесбийскому видео.

— Никто не хочет взбодриться перед совещанием? — предложил я.

— Да, — ответила Мария. И тут же прибавила: — Кстати, мы забыли самое главное, ребята. Какую кружку мы выделим Полу?

— Если честно, я принес свою старую кружку, еще с тех времен, когда здесь работал.

Продумывая, что взять с собой из Парижа, я наткнулся на свою старую кружку из «Ватерлоо фудс». Это была обыкновенная белая кружка со слегка потускневшим профилем герцога Веллингтонского, обращенным на восток, в сторону Бельгии. Я достал ее из сумки и удостоился ироничного возгласа «Ух!» от Тома.

Санжит встал из-за стола, чтобы полюбоваться ею.

— Винтаж, — сказал он. — Посмотри, какое дерьмо выдали нам. Закуплено оптом на барахолке.

Он продемонстрировал свою кружку. Она была розово-голубой, как отделка коридора, с броским логотипом «Ватерлоо» и усевшимся у него на плече «товарным знаком». Пощупав кружку и взвесив на ла-

дони, я убедился, что она была слишком легкой и хрупкой по сравнению с моим увесистым старым «Веллингтоном».

— Санжит покажет тебе, где кофе и все такое, — сказала Мария. — Покажешь, Санжит?

Она пристально на него посмотрела, и самоуверенный пиар-консультант тотчас превратился в трусливого школьника.

— Как же, как же, Санжит любит пить кофе в одиночку, не так ли? — проговорил Том, смерив коллегу уничижительным взглядом.

— Это было всего один раз, — возразил Санжит.

— И что? — продолжил Том. — Кофе в одиночку исключается... Как бы то ни было, вы оба забываете кое-что, — прибавил он. — Пол не может пить кофе.

— Почему? — спросил я. Когда я раньше здесь работал, отказать кому-то в кофе или чае было все равно что отказать от минета. Это было просто невежливо.

— У нас ведь лимит, если вы помните, — сказал Том. — Мы договаривались, что кофейный клуб будет из двадцати человек. Сейчас нас уже двадцать. Извини, Пол, ничего личного. Сегодня можешь быть нашим гостем, но потом ты сам по себе.

— У нас никогда не было лимита на членство, — произнес я протестующим тоном.

— Да, теперь все изменилось, — сказал Том. — Как говорится, работай на перемены или меняй работу. Извини, дружище.

Что ж, похоже, мне предстояло тащить в Европейский суд по правам человека сразу два дела — о пере-

воде «сэндвичей» на французский и об исключении из кофейного клуба «Ватерлоо». Брюсселю предстояло много работы.

3

Совещание началось с опозданием, что меня удивило. Я всегда думал, что мы, бритты, пунктуальны. Но нет, в этом мы оказались ничем не лучше французов.

Часы показывали десять минут десятого, когда мы все расселись за овальным столом в кабинете Чарли.

Как и та комната, где я только что подключил свой лэптоп, его кабинет выглядел безликим — одним словом, временное пристанище. Создавалось впечатление, что Чарли мог просто забрать со стола фотографию жены и детей и освободить помещение в считанные секунды.

Он забрал отчеты у Тома, Санжита и Марии — именно их они так усердно печатали, когда меня привели знакомиться, — и выслушал двухминутные доклады всей троицы.

Все они сотрудничали с маркетологами по проектам, аналогичным моему: проработка возможности продажи кофе собственной марки, сравнительный анализ сети «Вуле-ву» и американских сетевых кафе и — как мне показалось, это было самое важное — потребительский опрос на тему, уместно ли название «Ватерлоо» для экспансии в Европу. В воздухе витала

идея смены логотипа со всеми вытекающими астрономическими затратами.

Они обсуждали свои проблемы на том же тарабарском языке, что я уже слышал.

«Мы не будем из-за этого умирать под забором», — говорил Чарли. Или: «Мы что, пытаемся запалить океан?»

Регламент был строгий. Две минуты на доклад, три минуты на обсуждение. Никто ни на секунду его не нарушил. Острейшие проблемы потенциального перерасхода и безнадежно срываемых сроков решались спокойно и позитивно. Никто не кипятился, как совсем недавно, когда обсуждали чайно-кофейную тему.

Наконец Чарли повернулся ко мне. Я был ключевой фигурой, поскольку моя тема стояла первой в списке приоритетов.

Мы провели мозговой штурм по поводу нового имени шеф-повара.

— Давайте начнем с каких-нибудь известных французских имен, — предложил Чарли. — И, Пол, ты пока послушай, пусть другие выскажут свои предложения.

— Наполеон, — тут же выступил Том.

— Жозефина, — прибавила Мария.

— Нет, давайте из *ныне живущих* французов, пожалуйста, — сказал Чарли.

Санжит хотел было включиться, но Чарли опередил его:

— Только не футболистов. Никто не станет покупать сэндвич, приготовленный центрфорвардом. И о политиках тоже забудем. Они будут только рейтинги снижать.

Последовала минута глубокого молчания, пока все осмысливали тот грустный факт, что из ныне живущих французов им известны имена только футболистов и президента.

— Пол, выручай, *s'il vous plaît*¹, — взмолился Чарли.

Я перечислил имена некоторых французских звезд. Каждое имя вызывало недоуменные хмурые взгляды, даже Жерар Депардьё, пока я не произнес: «Ди-пар-ду».

Впрочем, ни одно из них так и не зацепило Чарли.

— Может, что-нибудь, связанное с едой? — спросил он.

— Как насчет «Яанн о-гратан»²? — предложил Том.

— Или «Яанн о-ван»³? — внесла свою лепту Мария.

— «Яанн Божоле нуво»? — сказал Санжит, с трудом сдерживая улыбку.

— Извините, ребята, — подвел итог Чарли, — но вы несете какой-то *кербаллокс*.

— Я, пожалуй, поищу в парижском телефонном справочнике по Интернету, — предложил я. — К завтрашнему утру что-нибудь накопаю.

Чарли одобрил мою идею. Я уже израсходовал свои пять минут славы, а ему хотелось продолжать разговор о том, как продать моего шеф-повара британской публике.

— В чем он профессионал? — спросил Чарли.

— В готовке? — осмелился я предположить. Ну, в том смысле, что какой вопрос — такой ответ.

¹ Пожалуйста (*фр.*).

² То есть «о-гратен» (*au gratin*) — блюдо, запеченное после посыпания сыром и сухарями.

³ То есть «в вине» (*au vin*).

— Да, Пол, он шеф-повар. Что-нибудь еще?

— Он француз. Я хочу сказать, вы ведь поэтому наняли его, верно? Он француз, и он умеет готовить.

Чарли сделал гримасу.

Том встал на мою защиту.

— Пол прав, — сказал он. — К чему вникать в детали?

— Да, но Джейми Оливер — блондин. А та телевизионная цыпочка умеет лизать шоколад. В чем уникальное преимущество нашего парня?

— Он умеет жонглировать кабачками, — сказал я.

— Он умеет?..

На самом деле я это выдумал, но на промо-фотографиях, которые мне прислали, Яанн был с двумя кабачками в руках и как будто собирался бить в барабан. Или жонглировать.

— Кабачки?.. — произнес Чарли таким тоном, будто кабачок был овощем, который нельзя воспринимать серьезно. Вот кого надо было отправить на месяц к моей несостоявшейся теще в Коррез.

— Можно рассмотреть, — одобрительно сказал Том. — Для таблоидов сгодится. Я «за».

Чарли покачал головой и объявил совещание оконченным.

Том, Санжит и Мария поднялись, а меня Чарли остановил жестом.

— Ты не принес мгновенный отчет, — сказал он, когда остальные вышли.

— Не принес.

— Он мне понадобится сегодня к вечеру.

— Хорошо. — Надо будет спросить у ребят, как его делать.

— И план разрешения.

— Хорошо. — Что бы это ни было.

— С промежуточными вехами.

— Да. — Откровенно говоря, французский я понимал куда лучше, чем такой английский.

— И помни, что ты, как консультант, одновременно и господин, и слуга по любому вопросу.

— Конечно.

— Эта идея с кабачками забавная, но не думай, что все время удастся вылезать на экспромтах.

— Учту.

— Вот и хорошо. Мы, конечно, не козлы отпущения. Но постарайся не завалить дело.

И все это мне приходилось терпеть только потому, что я согласился заправить рубашку в брюки.

4

В тот вечер я вернулся в свой особняк, выжатый как лимон.

Нет, не подумайте, что я поселился в бывшем русском посольстве. Но это был настоящий особняк — старинный, оштукатуренный, в серых пятнах, под названием «Боскомб Мэншнз». Когда-то многоквартирный семейный дом, сейчас он служил пристанищем для сотен нелондонцев вроде меня.

Квартиры располагались над галереей, которую занимали «Бургер Кингз», «Старбакс», «Кодак-экспресс», газетный киоск и букмекерская контора. По-

сколько в этом районе сформировалась община французских иммигрантов, здесь работала даже *crêperie* (креперия).

На улице стоял устойчивый запах фастфуда. В моем доме ощущался лимонный запах дезинфицирующего средства.

Арендная плата за снимаемую комнату была не грабительской, но все равно немислимо высокой, зато местоположение можно было назвать идеальным — неподалеку от «Хэрродз», в одном из самых красивых районов города.

Когда я приехал сюда, в Южный Кенсингтон, в уик-энд, Франция тотчас напомнила о себе зданиями французского посольства и школы, которая называлась, разумеется, *lycée Charles de Gaulle*¹. Они располагались как раз напротив Музея Виктории и Альберта и Музея естествознания, и я подумал: «Единство искусства и науки — это тоже символично для Франции».

Посольство, как и положено, выглядело провокационно. На нем не только развевался французский триколор, но еще и огромный флаг Европы нависал прямо над дорогой. Уверен, лондонские таксисты скрипели зубами от ярости, проезжая мимо.

Здесь была целая улица французских *cafés*, продуктовых и мясных лавок, а за углом — чудесная французская *pâtisserie*² с витриной, уставленной выпечкой. Рот мой непроизвольно наполнялся слюной,

¹ Лицей Шарля де Голля (*фр.*).

² Кондитерская (*фр.*).

когда я смотрел на один из тортов — воздушный, шоколадный, с тончайшим ожерельем из шоколадной стружки. Может, они и не сильны в пудингах, подумал я, но в тортах и пирогах непобедимы. *Pâtisserie* была зеркальным отражением моей чайной. Она дарила лондонцам шоколадную стружку, в то время как моя чайная приучала парижан к липким булочкам. Кстати, надо позвонить Бенуа и спросить, как идет торговля, подумал я.

Кое-что еще напомнило мне про чайную. На каждом углу в Южном Кенсингтоне встречались французские рестораны, и ни в одном не пользовались меню с переводом.

Crêperie предлагала оладьи с «crème de marron»¹, который описывался как «purée of sweetened marron glacé»² — поди разберись, что это такое. Я жил во Франции, но и мне это было не под силу.

В другом заведении подавали «oeuf de canard en meurette», что, по идее, должно было означать «яйцо умирающей утки». Мне не доводилось пробовать, да я и не стремился.

И в конце того же меню значился «potage rousanne»³, о котором я точно должен был сообщить в полицию. Что это, жаркое из девушки-крестьянки? Может, лондонские французы были каннибалами?

Во всяком случае, когда с ними общаешься в Сети, они не производят такого впечатления.

¹ Крем из каштанов (фр.).

² Пюре из засахаренных каштанов (фр. и англ.).

³ Здесь: протертый суп по-крестьянски (фр.).

Как я обнаружил, в Лондоне проживала весьма активная община французов-экспатов¹, и они вели оживленную переписку в Сети. Обменивались новостями о том, где открывались французские магазины замороженных продуктов, так что можно было запастись на Рождество фуа-гра. Советовали друг другу, в какие бары сходить, если хочется встретить французских футбольных звезд, осевших в Лондоне. Рекламировали квартиры с невысокой арендной платой.

С меня хватило общения с французскими фанатами «Друзей», поэтому я полез в переписку о жилье, так и подыскал себе комнату в этом особняке, которым владела и управляла парижская компания. Отделка в моем новом жилище была сплошь немаркая и непробиваемая, а «кухня» состояла из холодильника и микроволновки. В общем, все было функционально, как на станции техобслуживания, но по-монашески, как, наверное, и было задумано.

В тот вечер я устроился за столом с *ratatouille*² (который, кстати, тоже значился в меню без перевода) из французской закуской «Дэли» и позвонил Алексе.

Пока мы болтали, она прислала мне электронной почтой фотографию. Это был очередной светонасыщенный снимок с моим участием, сделанный в тот момент, когда я покидал дом Юрия, куда меня уторм

¹ Экспаты — специалисты, работающие на определенных должностях по контракту за границей.

² Рататуй (*фр.*).

приволок Халк. Правда, видно меня было только со спины. Руки я держал в карманах, а ноги как будто искали камень, чтобы его отфутболить.

— Что это означает? — спросил я. — Ты была счастлива, что я тебе спину показал?

Она не поняла идиомы. Мне пришлось объяснить¹.

— Нет, — сказала она. — Я просто подумала, что ты выглядишь как мужчина, который выходит из дома после хорошего секса.

— О... Разве это плохо?

— Нет. Просто меня это позабавило.

— Здорово. Потрясающе. — Если она имела в виду, что наши будущие секс-свидания сведутся к тому, что украинский телохранитель будет втаскивать меня в дом за шкурку, а потом мы с ее мамочкой будем попивать кофе, не знаю, на сколько меня хватит. — Что ты хочешь этим сказать?

— Ну, ты приезжаешь в Лондон, находишь мой дом, а после этого у тебя такой вид... как бы это сказать?... как будто ты чего-то добился. Ну как после секса.

— Верно. Хотя в тот раз я добился лишь того, что заставил тебя плакать.

Она рассмеялась.

— *Почему* ты плакала, Алекса?

Снова засмеявшись, она ответила:

— Когда-нибудь я тебе расскажу. А пока тебе лучше не знать.

¹ Показать спину — отвернувшись, уйти от кого-либо, не желая объясняться, разговаривать и т. п.

Похоже, она собиралась играть роль *femme mystérieuse*¹. Я не был уверен в том, что способен долго выдержать эту игру. У меня были серьезные опасения, что Лондон дурно повлияет на меня и я привыкну к полуобнаженным женщинам, загадочность которых сводится к возгласу: «Угадай, в трусиках я сегодня или нет!»

5

Я пробыл во французском квартале всего парутройку дней, а меня уже предупредили, что пора сваливать из страны.

Это произошло в тот момент, когда я пытался снять немного наличности в банкомате местного банка. Банкомат распознал, что моя кредитка была не английской, и очень дипломатично начал общаться со мной по-французски.

Он запросил мой *code personnel*² и поинтересовался: «Combien voulez-vous?»³.

Все шло гладко, пока не дошло до пересчета денег, о чем умная машина сообщила: «Vos espèces sont comptées», — и это было трагической ошибкой перевода. Обычно эта фраза означает: «Лимит вашей наличности исчерпан».

¹ Женщина-загадка (фр.).

² Персональный код (фр.).

³ Сколько желаете снять? (фр.)

Выходит, изо дня в день эта машина объявляла экспатам и всем французским гостям этого аристократического квартала Лондона: «Вы слишком бедны, чтобы оставаться здесь».

Может, поэтому французы вечно жалуются на дороговизну Лондона. Просто, когда бы они ни захотели снять наличность, британский банк говорит им: «Убирайся домой, французская побирושка».

Это было в порядке вещей — мы, бритты и французы, привыкли посылать друг другу дружеские сигналы. Только вот понимаем их неправильно, а потому пребываем в уверенности, что друг друга ненавидим.

В тот же день должно было состояться мое знакомство с Яном (буду так его называть), шеф-поваром.

Если бы не проблема с его именем, я с нетерпением ждал бы этой встречи. Я чувствовал какую-то общность с ним, ведь мы оба были, хотя и каждый по-своему, французскими экспатами в Великобритании и оба были заняты продвижением «иностранный» еды в массы. Но начало нашего знакомства нельзя было назвать удачным.

В кабинет заглянул Чарли.

— Пол, твой *raison d'être*¹ прибыл. — Он взял моду в разговоре со мной вворачивать французские словечки и чаще всего употреблял их неправильно. Скажем, просьбу представить ему мгновенный отчет он

¹ Смысл существования (*фр.*). Здесь: причина твоего здесь пребывания.

выразил так: «Ну что, Пол, когда собираешься *donnez moi le flash*¹?»

— Пardon? — переспросил я.

— Твой шеф-повар в приемной, — сказал он. — Тебе пытались дозвониться. Ты что, телефон не включил?

— Да нет, все работает, — ответил я. Впрочем, я писал эсэмэску Алексе, поэтому проигнорировал входящий звонок.

Ян расхаживал по коридору, вглядываясь в таблички с номерами кабинетов и громко произнося вслух цифры; он явно раздражался оттого, что не может найти то, что нужно.

— Мсье Керболлокс, — окликнул я шеф-повара, произнося его имя как можно более *не* по-английски. — Добро пожаловать в «Ватерлоо».

Согласен, это прозвучало не слишком дипломатично по отношению к французу, но не думаю, что он обратил внимание на исторический аспект, потому что все еще пребывал под впечатлением от того, как гнусно с ним обошлись в приемной.

— Тот девушка, она пьяная, — сказал он.

— Пьяная?

— Да, она смеять нон-стоп. Она так пьяная много пива.

О, черт! А сейчас она, наверное, снимает фотокопию с его паспорта и рассылает всем своим друзьям. Надо позвонить и немедленно остановить это безобразие, подумал я.

— Я говорю ей, она должен дать мне респект. Это правильно, нет?

¹ Дать мне флэшку (*фр.*).

— Да, — подтвердил я. — Она должна была отнестись к вам с уважением.

Яну еще предстояло узнать, что не весь англоговорящий мир функционирует так, как показывают рекламные ролики.

Чтобы успокоить его, я предложил ему чашку кофе.

— О, нет, только не хинглиш-стиль моча, — простонал он.

Мне пришлось заверить его в том, что будет не моча, а настоящий «эспresso».

Я открыл собственный кофе-клуб: купил специальную кофемашину и кофе в гранулах и приклеил к аппарату записку с приглашением к членству всех желающих. Затем объявил, что правила членства будут упрощены. Хотя я и был владельцем чайной, в моем новом клубе существовал запрет на чай и на молоко, разве что допускались маленькие упаковки сливок, такие же, как те, что дают в самолете, — и я не обязывался варить кофе на всех. Можно было наливать в собственную кружку (с условием, что потом моешь сам) или в бумажный стаканчик.

Пока в моем клубе насчитывалось десять членов, но мне уже пришлось заказывать новую коробку кофе в гранулах.

Ян отказался от унижения пить из бумажного стаканчика.

— Бума-аг длия шитать, не длия пить, — постановил он.

Кружка с логотипом «Ватерлоо», которую я отыскал, не сделала его счастливее — «Ви, хинглиш, ви

пит зе бидэ?» — но, по крайней мере, он согласился ею воспользоваться.

— Зис ис гут, нет? — спросил он, наблюдая за журчащей струйкой кофе. — Я говорю кафе моча, я говорю ви пит зе бидэ. Зис ис хинглиш юмор. Ви инсульт эврисинг, нет?

Это все объясняло. Он вовсе не был высокомерным мерзавцем, он пытался быть англичанином.

Он казался одним из тех, кто обычно чересчур усердствует в своей старательности. У него были длинные густые черные волосы, затянутые в конский хвост. Одевался Ян непринужденно, в стиле звездного футболиста: широченный спортивный анорак, супернавороченные футболки с длинными рукавами, дизайнерские джинсы, кроссовки лимитированной серии, — но вышагивал, как матадор, за которым постоянно присматривает бык и только и ждет проявления слабости, чтобы атаковать.

Хотя он был красивым парнем. И идеально смотрелся бы на телеэкране со своим конским хвостом и в поварской куртке, надетой на крепкий торс. Да, сделать Яну промоушн ничего не стоило.

Оставалось только поменять ему имя.

Чарли сказал, что я могу воспользоваться его кабинетом, чтобы обсуждение щекотливой *problème* прошло без свидетелей. Так что мы с Яном расположились напротив друг друга за овальным столом, и я намеренно ушел в сторону от волнующей темы.

Вместо этого объяснил Яну, что английский юмор не дается никому, кроме британцев. Мы, бритты, мо-

жем оскорблять самих себя, но если это делает иностранец, то встаем в позу и считаем его наглым выскочкой. Я сказал, что, если он хотел сделать приятное бриттам, ему нужно было отпустить несколько шуток в адрес французов.

— О'кей, нет *problème*, — сказал Ян, не моргнув и глазом. Казалось, здесь, в Лондоне, он хотел преуспеть во всем. Как он признался мне, во Франции он отказался от попыток стать знаменитым шеф-поваром, потому что там их и нет.

— Шефс во Франс, они приосто готовят и забирают старз «Мишлен».

Я подумал, что во Франции у шеф-поваров просто нет времени торчать перед телекамерами, объясняя домохозяйкам, как жарить лук. Наверное, это он и имел в виду.

— И потому там нет так много кулинар книг знаменитых шеф. Френч публикатор, он не хочет мой книг. И кулинар телевидение, оно только для сателлит.

— Так вы хотите принести аутентичную французскую кухню в Великобританию?

Мне совсем не хотелось объяснять ему, что именно это уже вовсю пытаются делать наши британские звездные шефы.

— Да. Точно. *Настоящая Французская Кухня* от Яанна Керболлокса.

— Хорошо.

Наверное, пора огорошить его неприятной новостью? Хватит церемоний. Я отхлебнул кофе, подержал его во рту, чтобы зарядиться энергией, проглотил и выложил все начистоту.

Понятное дело, Ян был в шоке.

— Тащить за яйца? — переспросил он.

— Ну да, тащить, тянуть, как хочешь назови. Но вашей вины в этом нет никакой. Это все равно что британец по имени Питер Бернс...

Но он уже не слушал меня. Совершенно очевидно, что сейчас перед его внутренним взором мелькали картины из его жизни, и многие необъяснимые и нелепые ситуации, с которыми он сталкивался в англоговорящих странах, вдруг прояснились.

— И только что там, на антрэ... — Он показал через плечо в сторону лестницы.

— Я поговорю с секретаршей, — пообещал я ему. — А пока у меня есть кое-какие соображения.

Я показал Яну список имен, который составил вместе с пиарщиками, и уже в следующее мгновение выражение отчаяния на его лице сменилось решимостью.

— Да, — сказал он, ткнув пальцем в верхнюю строчку списка. — Зис ис перфект. *Настоящая Французская Кухня* от Яанна Лебретона. Перфект.

— Отлично.

— Знаете, кто-то говорит, я не есть реальный бретон, у меня черный волос. Говорят, бретон иметь оранж волос, как кельт. Но я реальный бретон. Теперь я *Ле* Бретон. Да.

Он поднял руку, подставляя мне свою ладонь. Мы победили. С некоторым усилием я перегнулся через стол, и мы ударили по рукам. Покупатель всегда прав, в конце концов.

Мы прошли в кабинет консультантов, чтобы я мог представить Яна остальным членам команды.

Санжит и Мария, сидевшие за своими столами, новое имя Яна восприняли как само собой разумеющееся. Керболлокса словно и не существовало.

В кабинет ворвался Том:

— Так. Кто взял мою кружку? — Он оглядывался по сторонам, выискивая пропажу, и тут его взгляд застыл на моем столе. — Пол! Мерзавец!

Я спросил его, не имеет ли он что-либо против того, что я случайно одолжил его кружку моему гостю и клиенту, шеф-повару Яанну Лебретону.

— А... — Том посмотрел на француза. — Привет, Ян, рад познакомиться. Тебе больше не нужна моя кружка?

Ян выдавил из себя дружеский смешок и замолчал; весь вид шеф-повара говорил: что происходит, черт возьми? Может, это английский юмор? Но нет, Том был абсолютно серьезен.

— Откуда ты знаешь, что это твоя кружка? — спросил я у Тома. — Это же обычная кружка «Ватерлоо», такая же, как и все остальные.

— Нет, смотри, ручка у нее совсем другой формы, — ответил он. — Приплюснутая. Таким же будет твой нос, если повадишься поить из нее своих клиентов.

— Вот, пожалуйста, возьми мою, — произнес я умоляющим тоном.

— Не хочу я твою вонючую кружку, — заявил Том. — Откуда я знаю, какую заразу ты привез из Франции?.. К присутствующим французам это не относится, разумеется, — тактично прибавил он.

— Ну пользуйся тогда бумажными стаканчиками.

— Что? Для чая? Ты точно иностранец, Пол... Так вы закончили? — Он улыбнулся Яну, заглянул в кружку и, решив, что оставшийся сантиметр кофе погоды не сделает, освободил его от тяжелой необходимости допивать.

— Кто-нибудь хочет заварки? — предложил он. — Ян? Хочешь попробовать настоящего английского чая?

Теперь, вернув свою кружку, Том был сама любезность.

— Нет, сэнкью, — сказал Ян, все еще слегка озадаченный сложностями английской чайной церемонии.

— Что ж, нам надо идти вниз, — сказал я. — В дизайн-студию.

Ян должен был посмотреть макеты постеров и дать добро на сканирование.

— О'кей, пошли. — Он поднялся, испытывая облегчение от возможности улизнуть.

Дизайн-студию оккупировала молодежь — фанаты рока, да еще с амбициями. То, что их посадили в одну комнату, было ошибкой, подумал я. Они просто слились в единый организм жестокой крутизны.

Сегодня двое из них, под оглушительные раскаты рока, переносили на экран монитора свои творческие замыслы, и Ян имел неосторожность попросить их: «Плиз, тише мюзик».

Я-то собирался подождать, пока ребята сами провяжут инициативу, но Ян вмешался первым, и я тотчас об этом пожалел.

Паула, художница-график, к которой мы и пришли, была северянкой и уже успела сообщить мне, что южане почти все педики. Сейчас она смотрела на Яна так, будто мысленно высчитывала, на сколько миль южнее находится Франция. Потом все-таки медленно поднялась и приглушила звук.

Другой дизайнер, Карл, суперстильный парень из Ист-Энда, со стрижкой поп-звезды, в рубашке с большим воротом, оторвался от работы и тоже окинул прищельца оценивающим взглядом.

Ян проигнорировал их враждебность или, во всяком случае, не стал акцентировать внимание на таких мелочах. Надо отдать ему должное, он был так же невозмутим, как и они.

— Мерси, — сказал он и пошел полюбоваться своим изображением на большом постере, что украшал стену позади стола Паулы. Ян действительно был хорош: на фоне логотипа «Вуле-Ву», в поварской куртке, весь такой креативный, но в руках он пока держал белые пустые трубки, вместо которых впоследствии должны были появиться его знаменитые сэндвичи.

— Может, хотите подойти и поставить автограф? — Паула протянула ему световое перо.

— Автограф? — удивился Карл. — Вы знаменитость?

— Я — Яанн Лебретон, шеф, — четко выговорил Ян, приглашая Карла сравнить оригинал с изображением на постере.

— Никогда о вас не слышал. Это ваше настоящее имя? — жестоко спросил Карл. Я догадался, что он наверняка был в курсе проблемы Керболлокса.

Ян понял, куда это может завести, и принял мудрое решение не реагировать.

— Где я подписываю? — спросил он, хватая световое перо и садясь рядом с Паулой.

Она открыла для него файл, и Ян начал оттачивать свою новую подпись. Он вывел на экране пять-шесть завитушек и поднялся, удовлетворенный новым автографом. И вдруг лицо его приняло озадаченное выражение.

— Почему вы не пользуетесь то фото *courgettes*¹ для постер? — спросил он у Паулы. — Я префер зет фото.

— Ах, это. Нет, оно не годится.

— Пошему?

— Нам нужно фото с багетами, — вклинился я в разговор. — Мы не можем рекламировать кабачки.

— В любом случае, я не думаю, что оно было бы уместным, — сказала Паула.

— Пардон?

— Я видела один из ваших рецептов в пресс-релизе.

— И?.. — Ян почувствовал неладное, и он не ошибся.

— И скажу так: ваш рецепт с кабачками — это *bollocks*².

— Что вы сказали? — Ян сурово уставился на нее, словно искал в ее лице подтверждение того, что она издевается над его именем. Но он ошибался. Она имела в виду именно рецепт.

— Да ну, чушь, в общем, — сказала Паула.

¹ Кабачки (*фр.*).

² В английском языке это слово имеет два значения: «яйца» (*мужские половые органы*) и «чепуха, фигня».

— Паула... — взмолился я, но ее уже было не остановить. Вынужден признать, что в этом и крылась опасность новой системы найма на работу. Если консультант не задумывался о следующем контракте, ничто не мешало ему говорить в глаза клиенту, что тот полное дерьмо.

— Что? — Ян все понял, просто отказывался верить своим ушам.

— Да-да, единственный способ готовить кабачки — это жарить их в оливковом масле. А вы подаете эти штуки *сырыми*. Они же безвкусные, разве нет? Так что лучше сосредоточиться на сэндвичах, дружище. И никаких сырых кабачков.

Ян напоминал глубоководную рыбу, которую достали со дна океана сетью и выбросили на берег. Жабры вздувались, туловище никак не могло освоиться в новом странном мире. Дизайнер учит, как надо готовить? Его, профессионального повара с дипломом французской кулинарной школы? Это было абсолютно исключено в мире Яна. Конечно же он не знал, что засилье звездных поваров на наших экранах привело к тому, что мы, бритты, поголовно стали экспертами в кулинарии.

— *Courgettes* — это же маленькие кабачки, не так ли? — продолжала Паула. — Их нужно обжарить, чтобы придать им хоть какой-то вкус. Так что единственный вопрос, который можно обсудить, это то, как вы их нарежете — тонкими продольными полосками или толстыми кубиками, как в *chinky*¹.

— *Chinky*? — переспросил Ян.

¹ Китайская кухня, китайский ресторан (*англ. сленг*).

— Ну да. Помните, как в кино: «Не таскай свою *minkey*¹ в *chinky*»?²

— *Minkey*?

Мне стыдно в этом признаться, но тут я не выдержал и расхохотался. Конечно, цитировать инспектора Клузо в разговоре с французом было жестоко, но остроумно.

Ян обрушил на меня шквал эмоций. С него «хватает». Он важный «партнэр» для компании. Я должен «культивировать партнэра», а не смеяться над ним, чем, похоже, занимались все остальные сотрудники на протяжении последних месяцев. Один мой коллега набросился на него из-за чашки, другой не пощадил даже его национальную кухню. Если я не мог защитить его от своих сотрудников, как я собирался защищать его перед лицом массмедиа?

Почти все, что он говорил, было справедливо. Хотя я не помню, чтобы в моем контракте было прописано, что он может вставлять мне кабачки во все места, как он только что грозился сделать.

6

Алекса с сочувствием выслушала рассказ о моих неприятностях. Она и поохотала от души, против

¹ Произнесенное на французский манер английское слово *monkey* — «обезьяна».

² Фраза, произнесенная Жаком Клузо, французским инспектором-недотепой, героем комедии «Розовая пантера» (1963; режиссер Блэйк Эдвардс).

чего я совсем не возражал, потому что, сотрясаясь от смеха, она прижималась ко мне и ее длинные прохладные ноги терлись об мои бедра, а нежные плечи касались моего лица.

Да, мы были в постели.

Мы спали вместе.

Но только в том самом, прямом, смысле — с закрытыми глазами, посапывая, как я однажды спал с Натали после заточения в лифте. Это был первый визит Алексы в мою обитель, с целомудренным, в нижнем белье, продолжением. Я все-таки добился своего.

А добивался я как раз того, чтобы Алекса пришла ко мне и осталась на ночь.

Поначалу Алекса отказывалась, но я объяснил, что приглашаю ее только на сон. Я добавил, что это будет отличный тест на совместимость. Провести ночь вместе, просто общаясь, обмениваясь легкими прикосновениями, наслаждаясь интимной обстановкой. И если бы нам это понравилось — а я в этом не сомневался, — значит, в будущем у нас могло бы все получиться.

Неделя ушла у меня на уговоры и ужины при свечах, но наконец она согласилась. Или решила дать мне шанс. Правда, заставила меня поклясться, что не будет никаких вольностей, и вот после вечера, проведенного в кенсингтонском пабе, где было полно французов, осталась ночевать.

Утром, когда мы проснулись и еще нежились в постели — все так же невинно, — я попросил Алексу рассказать про ее фильм. Ведь я, можно сказать,

вдохновил ее на эту идею, когда мы были на выставке Моне.

То, что я услышал, показалось мне забавным.

Все странности поведения французов, которые так бесят представителей других наций, можно объяснить их любовью к своему образу жизни, сказала она. Когда французы мчатся на красный свет, они не просто демонстрируют полное пренебрежение риском сбить кого-то — просто они думают, что жизнь слишком коротка, чтобы тратить драгоценные минуты в ожидании, пока светофор решит, какого цвета сигнал ему хочется зажечь.

— Возможно, они торопятся на свидание с любимыми, которые ждут их в большой и уютной постели, — прибавила Алекса.

— В этом я с ними солидарен, — сказал я, но она была слишком увлечена и не уловила намека.

— Взять, к примеру, нашего президента. Его обвинили в коррупции. За что? Не за то, что он разрешал своим друзьям продавать нефть или оружие, а за то, что тратил слишком много денег на еду.

Все это звучало очень убедительно — но как она собиралась снимать об этом фильм?

— Просто, — ответила Алекса. — Я наблюдаю за французами в разных местах, за повседневными делами и показываю реальную важность этих дел. Взять хотя бы пресловутую собачью тему. Я снимаю богатую даму в Ницце, которая позволяет своей собаке гадить на Английской набережной. Почему? Все просто: эта дама не хочет, чтобы собака гадила в ее шикарной квартире, потому что это нарушит ее при-

вычный образ жизни, поэтому она выводит собаку на улицу, а потом возвращается домой.

Мне не хотелось говорить ей, что аристократки, по крайней мере в Париже, уже начали убирать за своими собаками. Хотя, быть может, это тоже становится частью образа жизни. Я убираю за своей собакой, значит я существую.

Я рассказал Алексе, каким шоком стало для меня погружение в британский образ жизни, и в красках поведал о кофейной войне, что развернулась в «Ватерлоо».

За две недели работы в компании мне удалось переманить в свой кофе-клуб шестнадцать членов старого клуба, и теперь нас было человек тридцать. Том, председатель первого клуба, то впадал в ярость, то был близок к суициду. Прежде всего резко сократилось потребление молока в его хозяйстве. Пакеты простаивали в холодильнике нераспечатанными, и сроки годности безжалостно истекали. А когда на кухне закончилась жидкость для мытья посуды, он и вовсе потребовал представить ему отчет, сколько раз мы пользовались губкой и жидкостью, чтобы протереть носик нашей кофемашины для приготовления «эспresso».

В качестве примирительного подарка я купил бутылочку моющего средства, только вот был не в силах помочь Тому в разрешении молочной проблемы, к которой вскоре обещала (и он знал об этом) добавиться и кофейная. Потому что все любители кофе

перешли ко мне, а Том остался только с любителями чая.

Я сказал ему, что не вижу причин, мешающих нам сосуществовать, но Том все никак не мог смириться с крахом своей империи, и его часто можно было видеть расхаживающим по коридорам в тщетных поисках новых членов клуба.

— Ты должен послать его в Париж, поработать в твоей чайной, — сказала Алекса. Она хихикала, и вибрации ее тела заставляли меня прерывать рассказ и концентрироваться на физиологических аспектах общения.

Я не забыл свой обет целомудрия, поэтому, стиснув зубы, перешел к наименее сексуальной теме — битве, которую я вел с французскими властями на расстоянии.

Бенуа прислал мне целый список проблем, которыми мне предстояло заняться.

Он не знал, к примеру, что ему делать с письмом из департамента по делам франкофонии, которое завернуло переведенную версию меню.

После долгих протестов я все-таки сдался и выслал им меню с переводом самых непонятных блюд, таких как картофельный салат, крем и чашка чая. Однако мой лэптоп был с английской клавиатурой, и на то, чтобы расставить все акценты, ушло бы часа три. Поэтому я попросту их проигнорировал. Исходил я из того, что французский покупатель не дурак. Уж догадается, что «tasse de the» — это вовсе не чашка английского определенного артикля «the». Точно так же, если вместо «crème» в меню будет «creme», пари-

жане ведь не покинут чайную, недоумевая, что это за хрень без акцента, которой украшен торт?

Но это я так думал.

А лингвисты из *Ministère* (обратите внимание на акцент) думали иначе и потребовали все перепечатать.

— Они пытаются довести меня до сумасшествия, — сказал я Алексе.

— Нет, это ты можешь довести их до сумасшествия, — возразила она. — Напечатай весь перевод... как это сказать?.. крупными буквами?

— Заглавными?

— Да. Во французском языке, когда пишешь заглавными, необязательно расставлять акценты. Они будут обязаны это принять, ну и возненавидят тебя, конечно.

— Блестяще.

С такой девушкой я уж точно не пропал бы в этой жизни.

— Почему бы нам вместе не провести Рождество? — вдруг вырвалось у меня. Если бы я сначала подумал, то, наверное, никогда не осмелился бы предложить такое.

— Да, все говорят, что атмосфера в пабах на Рождество непередаваемая.

— Нет, я не имею в виду пойти выпить. Я к тому, чтобы провести вместе все Рождество. Неделю или сколько там получится. Как тебе идея?

— Ты имеешь в виду, без мамы и Юрия?

— Да, не здесь, не в Лондоне, — сказал я. — Давай уедем куда-нибудь. Скажем, на юг Франции.

— Хм...

Кажется, она не особо прониклась.

— Там будет тепло.

— А может быть и очень холодно.

— Но тебе ведь нужно путешествовать по Франции, чтобы собирать материал для фильма, разве нет?

— Хм...

Это было уже более позитивное «хм...». Голос Алексы даже прозвучал громче.

— Давай вместе продумаем маршрут на Рождество.

Господи, как же трудно удержаться от соблазна схватить ее в объятиях и намекнуть на то, что я хотел бы пройти и другими маршрутами.

— Хм...

Мы снова вернулись к междометиям.

— Знаешь, я мог бы финансировать твой фильм.

На этот раз она напряглась.

— В каком смысле?

— Жан-Мари сказал, что хочет купить мой бизнес.

— Но ты же не хочешь его продавать.

— Нет, но если бы продал, мог бы финансировать твой фильм, и ты обошлась бы без денег Юрия.

— Я уже говорила тебе, что не хочу, чтобы из-за меня рушилась твоя жизнь.

Я почувствовал, как Алекса слегка отодвинулась от меня, и крепче обхватил ее за талию, насколько это было возможно, чтобы не выглядеть грубым.

— Ты ничего не разрушишь. Я мог бы продать Жану-Мари половину бизнеса — включая половину

моих долгов, кстати, — и пусть бы Бенуа продолжал управлять чайной. Он отлично справляется. А я мог бы инвестировать деньги в твой фильм. Именно инвестировать. Если дело выгорит, я хотел бы получить обратно свои деньги с процентами.

— Я не думаю, что фильм окупится. Это же не Гарри Поттер.

— Не нужно себя недооценивать, Алекса. Ты теперь звезда. Бобур, галерея Саатчи. Люди пойдут на твой фильм. Ты — хорошее вложение капитала.

— Значит, ты хочешь меня только потому, что я звезда.

— Послушай, не забывай, что я познакомился с тобой, когда ты подрабатывала официанткой. Я и внимание-то на тебя обратил, потому что ты постоянно роняла тарелки.

Она толкнула меня локтем в знак протеста. Но я почувствовал, что сделала это по-доброму.

— Как бы то ни было, — сказала Алекса, — я не единственная звезда. Тебя тоже можно назвать звездой.

— Что ты имеешь в виду?

Она помолчала, обдумывая ответ.

— Поэтому я и плакала.

— Что такое?

— Когда ты сказал, что счастлив, что моя выставка пройдет в Саатчи. Ты радовался за меня. Ты не подумал: ура, теперь и моя физиономия станет знаменитой. Саша тогда сказал: «Ха, ты хочешь прославить этого англичанина». Обо мне он совсем не подумал. А ты думал только обо мне, и потому я расплакалась.

Я подумала: да, пожалуй, он действительно любит меня, этот глупышка Пол.

Я помню, что обещал целомудренный сон в одной постели. Но случается, что парень просто физически не может сдерживать свои обещания. Особенно если девушка не возражает.

7

Даже при том, что мы снова были вместе, мои планы на Рождество нисколько не продвинулись. Я все еще горел желанием уехать куда-нибудь — только мы вдвоем, — но Алекса даже говорить об этом не хотела. Казалось, ее вполне устраивало встречаться в Лондоне, жить под маминым крылышком в Ноттинг-Хилл. И рисковать всем этим она, похоже, не собиралась.

Я считал, что наши отношения развиваются идеально. Мы снова были раскованны друг с другом, редко упускали возможность провести вечер — и ночь — вместе. Но Алекса как будто подсознательно все время ждала, что я сорвусь и все испорчу.

Офисная вечеринка как раз и стала той лисой, что пустили в курятник.

Как и в истории с кофе-клубом, планирование рождественской вечеринки спровоцировало больше конфликтов, чем многомиллионные контракты. Будет ли это банкет с рассадкой или фуршет? Караоке

или просто танцы? Можно курить в зале или нет? Один ящик алкоголя или два? Споры начались задолго до моего появления в компании; предложения и контрпредложения регулярно вывешивались на стендах в коридорах, обсуждались в Сети и на кухне или в местном кафе.

Наконец было объявлено компромиссное решение: вечеринка будет сидячей, но со шведским столом, после караоке — танцы, курящая и некурящая зоны и три рефрижератора алкоголя. Более того, меню будет «творчески разработано» моим звездным клиентом, Яанном Лебретоном.

Лично меня сценарий вполне устраивал, кроме того, что в качестве гостей мы должны были пригласить своих клиентов — тогда компания могла бы провести это в налоговых отчетах как корпоративное мероприятие по продвижению собственного бизнеса. И это означало, что на балу меня должен был сопровождать Ян.

И вот в последнюю пятницу перед Рождеством все мы пришли на работу в одеждах, которые не жалко запачкать во время празднества. Большинство женщин, как я заметил, оделись стратегически верно. Офисный костюм как маскировка, а под ним — все, что нужно для ночной охоты. Откровенные топы спрятаны под пиджаками, мини-юбки под рабочими столами.

Весь день царила предметчевая атмосфера, когда игроки построены, а рефери уже держит во рту свисток.

Напряжение спало, когда состоялся вброс мяча, и мы потянулись на спортплощадку, настраиваясь на

первый глоток шампанского, шепотом обмениваясь шуточками о том, что наш Зверь скажет в своей речи.

Сам Зверь, коротконогий толстяк американец, не имел ни малейшего сходства с дьяволом. Если бы ему можно было наклеить бороду, из него получился бы идеальный Санта-Клаус. Он уложился в десять минут, пожелав нам оригинальных творческих идей и преданности команде, и, прежде чем мы успели разразиться дружными аплодисментами и восторженными возгласами, отвалил в свои Штаты, предоставив нам полную свободу.

Он бы, наверное, растрогался, увидев, с каким энтузиазмом мы принялись воплощать в жизнь его заветы. Уже очень скоро большинство из нас фонтанировало оригинальными творческими идеями и выражало преданность команде в откровенных танцах.

Блюда с закусками так и стояли нетронутыми, пока народ срывал с себя офисные маски, во все горло подпевал Глории Гейнор, крушил мировые рекорды по безголосице в караоке, а ошалевшие от гвалта искали покоя в тиши кабинетов.

Я оставил Яна объяснять тонкости кулинарных технологий декольте одной из помощниц по маркетингу и, прихватив бутылку шампанского, отправился погулять по зданию.

В кухне на нашем этаже двое ребят из моего «эспрессо»-клуба заливали в чайник Тома прокисшее молоко, что я счел довольно жестокой шуткой. Но в то же время необычайно смешной. Возможно, потому, что в моей руке была уже вторая по счету бутылка за вечер.

В одном из кабинетов громко всхлипывала женщина, и тушь растекалась по ее лицу и пачкала блузку обнимавшей ее коллеги, которая утешала ее клеветническими измышлениями о сексуальных подвигах Санжита.

На лестнице я включился в схватку двух команд аудиторов, которые обливали друг друга шампанским. Аудиторы были самым мощным кланом в нашей компании. Всё и вся находилось в перманентном состоянии аудита. Отстрелявшись из бутылок, они принялись за аудит пожарных шкафов и, вооружившись огнетушителями, продолжили бой. На этом этапе я предпочел выйти из игры.

Возвращаясь в зал, чтобы восполнить недостаток алкоголя в крови, я обнаружил, что спор насчет Санжита вышел за рамки кабинета и продолжился в коридоре. Мария защищала его, опровергая слухи, что он девственник. Как это может быть?! Пожалуй, сегодня в Англии нет ни одного девственника в возрастной категории старше двенадцати лет.

Я решил поддержать Марию и подключился вместе с еще двумя ребятами, образовав группу единомышленников, объединенных лозунгом «Хватит пороть керболлокс!» (напомню, бывшая фамилия Яна служила синонимом словом «чушь»).

— Керболлокс, керболлокс! — кричали мы хором, а потом и нараспев.

Я был в угаре, когда вдруг заметил, что из дверей кабинета на меня пристально смотрит Ян. Казалось, он был в бешенстве, что и подтвердилось, когда он подошел ко мне и начал что-то орать в ухо. Впрочем,

речь его была не слишком четкой. Я догадался, что он подшофе.

Наконец я разобрал, что он говорит о своей фамилии, и в голове щелкнуло.

— О, прости, Ян. — Я чмокнул его в щеку, демонстрируя раскаяние, и объяснил ситуацию своим подпевалам. Пора было кончать с оскорблениями в адрес моего гостя.

— Он очень щепетилен в отношении таких слов, — пояснил я. — Когда-то он и сам был Керболлоксом.

Но это вовсе не успокоило Яна. Наоборот. Он принялся душить меня, и я еле вырвался, после чего бросился на поиски шампанского, чтобы остудить свое больное горло.

После короткой пробежки до бара и обратно я снова оказался на кухне. Том полоскал свой чайник, и я подошел со словами участия. Я даже предложил ему вступить в мой клуб и попытаться разрядить обстановку, пошутив, что его молочный чайник теперь будет производить капучино. Но Том, вместо того чтобы посмеяться, почему-то набросился на меня. К счастью, чайник был из пластика и почти безболезненно отскочил от моей головы. Но я подумал: «Пожалуй, хватит разжигать конфликт между нашими фракциями горячих напитков» — и выскользнул в коридор, желая найти убежище.

В копировальной я застал Чарли, со спущенными брюками, верхом на копире. Чарли явно не ознакомился с разосланным по электронной почте распоряжением, касающимся техники безопасности и запрещающим сотрудникам «садиться на копироваль-

ные аппараты во избежание осколочных травм из-за случайного повреждения стекла». Каждое Рождество, говорилось в документе, британские травмпункты страдают от наплыва офисных работников, которые умудряются навтыкать себе в ягодицы осколки стекла от разбитых копиров.

Чарли был парнем крупным, но копир, очевидно, разрабатывали с расчетом на повышенные нагрузки в виде жесткого секса, так что черно-белые фотокопии причиндалов и волосатой задницы начальника штамповались без сбоев.

Он слез с аппарата и, ничуть не смущаясь наготы, предложил мне взглянуть на его художественные оттиски. Может, меня заинтересует его «лондонский *derrière*¹»? Он нашел свою шутку настолько удачной, что даже поперхнулся от хохота, потом надолго закашлялся и спасся от удушья, только достав лоток для бумаги формата А3 и отхаркнув в него слизь.

Даже будучи навеселе — ну хорошо, в изрядном подпитии, — я все-таки заинтересовался, что здесь происходило. Да, конечно, можно было и так сказать: «Вау, мой босс — классный парень, он может напиться вместе с коллективом». Но было бы забавно понаблюдать за тем, как завтра народ обнаружит странно окрашенные жирные точки на своих фотокопиях формата 3D.

Короче говоря, я не мог представить, чтобы Жан-Мари добивался уважения сотрудников таким вот способом.

¹ Зад (*фр.*).

Хотя справедливости ради стоит отметить, что Чарли искупил свой грех, потому что протер копир стерильной салфеткой, которую служба охраны здоровья и безопасности заботливо (и с пессимистичным расчетом) оставила рядом с аппаратом, чтобы можно было протереть стекло для следующего сидельца. Если бы кто-то и закончил свой день в травмпункте, порезы на его ягодицах были бы, по крайней мере, обеззаражены.

Когда я снова отправился странствовать по коридорам, меня привлек шум драки у дверей банкетного зала. Это был все тот же затянувшийся конфликт вокруг Санжита, за это время набравший обороты. Две, нет, три женщины, включая обычно спокойную Марию, войдя в клинч, таранили стены, срывали постеры, крушили кадки с растениями; каждая пыталась вырваться и пустить в ход кулаки. Санжит стоял неподалеку, опять в образе трусливого школьника, но уже с гаденькой ухмылкой на лице. Женщины дрались из-за него, как сказал мне кто-то. Оказывается, Санжит трахал сразу двух женщин и попытался порвать с одной из них, сказав, что изменил свое имя на Кристиана и что хочет снова стать девственником до тех пор, пока не женится.

Санжит дернулся в сторону, когда из дверей зала выскочил Ян. Он увидел меня и погрозил пальцем, давая понять, что хочет продолжить наш разговор на тему, созвучную его фамилии.

Я огляделся по сторонам в поисках путей отхода, но, к счастью, галантный француз, живший в Яне, от-

влекся на дерущихся женщин. Он храбро шагнул к ним и попытался разнять.

Уже в следующее мгновение он лежал на полу, и под глазом у него вспухал синяк.

— *Toi!*¹ — крикнул он мне.

Я подошел, желая помочь ему подняться, но вышло так, что предложил себя в качестве козла отпущения.

— *C'est ta faute, ça!* — рычал Ян. Оказывается, это я был во всем виноват.

Лежа на полу и растирая опухшую щеку, он начал орать на меня по-французски, стараясь перекрычать винтажную музыку в стиле «диско», доносившуюся из зала, и женскую ругань. Как теперь будет выглядеть его рекламная кампания? Синяк никуда не денешь. Как Ян явится на телевидение? Шеф-повар с подбитым глазом, *oeil au beurre noir*, как говорят французы, дословно: «глаз с черным маслом».

Я подумал, что это такая кулинарная шутка: шеф, масло, — и рассмеялся, но это, похоже, разозлило Яна еще больше.

Я понял, что успокоить его можно только одним способом. И, перевернув свою бутылку шампанского вверх дном, затушил его жгучую ярость шипучим французским вином.

Чем не «Яанн о-ван»².

¹ Ты! (*фр.*)

² См. примечание на с. 440.

VIII
В ДЕРЬМО ЗА ЛЮБОВЬ

1

Когда я проснулся, я был приятно удивлен отсутствием похмелья. Вот в чем особая прелесть шампанского. Если вечером больше ничего не пить, на следующее утро голова будет ясной, как стекло. У французов даже есть выражение по этому случаю — *rester au champagne*¹. Это тоже было частью образа жизни, и Алекса вполне могла использовать эту идею в своем фильме.

Как бы то ни было, благодаря шампанскому я был абсолютно трезв, когда в восемь утра сел за телефон, чтобы сделать ряд звонков.

Я сообщил Чарли (который уже успел съесть плотный английский завтрак и совершал велопробежку), что вряд ли будущий звездный шеф и я сможем продуктивно работать вместе после того, как он гонялся

¹ Ограничиться шампанским (*фр.*).

за мной по коридорам и лестницам с тарелкой салата из сырых кабачков, вынудив меня укрыться в подвале под страхом смертельного исхода.

Чарли согласился со мной, и, поскольку я числился консультантом, нам достаточно было расторгнуть контракт, после чего я был волен заниматься чем угодно, да хоть бы и личной жизнью.

Я застал Жана-Мари дома и предложил ему выкупить сорокадевятипроцентную долю моей чайной. Он пришел в полный восторг и снова поблагодарил меня за то, что я сделал из Бенуа настоящего мужчину. У него был такой довольный голос, что я даже подумал, не уважит ли он чувства сына, оставив попытки переспать с Кейти. Вот это был бы подарок на Рождество!

А потом я позвонил Алексе, про себя напевая: «Поезжай со мной». Разумеется, я не осмелился произнести это вслух, опасаясь отпугнуть ее навеки.

Мы так ничего и не запланировали на этот вечер, кроме встречи. И вот теперь я сказал Алексе, что точно знаю, чего хочу.

Романтический ужин в Париже, купе на двоих в направляющемся на юг ночном поезде, Рождество среди лимонных деревьев.

Все уже заказано. Я даже не сразу поверил своему счастью, когда удалось достать билеты на ночной поезд. Казалось, я опять удостоился милости богов.

Одно условие, прибавил я, после совместного Рождества мы будем жить вместе. По возвращении надо будет искать *apartement à deux*¹.

— Ты предъявляешь мне ультиматум?

— Нет конечно же. Ну или да, думаю, что да. Нам пора кончать с этой неразберихой, Алекса. У меня от нее голова крутом идет. Я хочу провести с тобой Рождество, и я предлагаю тебе себя. Церемония презентации состоится на перроне у поезда «Евростар», в сочельник, время отхода поезда три часа дня.

— Так это же сегодня.

— Я знаю. У тебя ведь нет других планов, я надеюсь?

— Да нет, в общем-то.

— И у тебя есть действующий паспорт?

— Мне он не нужен. Это же Европейский союз, Пол. Только вам, англичанам, нужен паспорт. А мы, французы, можем путешествовать только с удостоверениями личности.

Мне совсем не хотелось обсуждать тонкости европейской конституции, поэтому я просто сказал:

— Пожалуйста, будь там, Алекса.

— Это ответственное решение, — заметила она.

— Да. Это даже два ответственных решения. По одному на каждого. Я свое решение принял. Я хочу быть с тобой. Это единственное, в чем я уверен на сегодняшний день.

И вот она, неопределенность.

Я поразительно четко мог представить себе, какое это было бы счастье — увидеть ее, идущую мне

¹ Квартира на двоих (*фр.*).

навстречу по перрону, с сумкой на плече и улыбкой на лице. Так, наверное, спринтер, закрывая глаза, видит себя пересекающим финишную ленту, а потом силой воли пытается заставить эту мечту осуществиться.

Но я не олимпийский чемпион, и я не мог заставить себя выбросить из головы печальную картину: Алекса не приходит, а я стою на перроне с двумя билетами на поезд.

Я действительно не знал, какое из этих двух видений станет явью.

Но тут вспомнил, что рождественские подарки должны быть сюрпризами, не так ли?

2

Табло зажглось огоньками. Обстановка на перроне становилась все более нервной.

Пассажиры толпились у заградительных барьеров, снова и снова проверяли карманы, желая убедиться, что паспорта на месте, держали наготове билеты.

Я стоял в стороне, зажав в руке два билета, вглядываясь в лица опаздывающих и заверяя парня в синем пальто, что пройду через контроль, как только появится моя девушка.

По его лицу было видно, что он думает, будто девушка меня бросила.

Он должен ошибиться.

Но, звоня Алексе на мобильный, я попадал на голосовую почту. Никто не отвечал и по домашнему номеру.

Я перепроверил распечатку письма, которое послал ей по электронной почте, с деталями поездки. Кажется, я ничего не напутал.

Хотя Алекса могла решить, что три часа — это время регистрации, а не отправления. И тогда она вполне может появиться без пяти три.

Часы показывали уже два сорок, до окончания регистрации оставалось десять минут.

Парень у пропускной стойки предоставил мне последний шанс, но я покачал головой, словно отказываясь от дальнейшего участия в аукционе, и направился к кассе менять билет на следующий поезд, отправляющийся через час. У Алексы была возможность появиться до половины четвертого.

Я оставил ей сообщение о новом времени отправки, с трудом удержавшись от вопроса: «Где тебя черти носят?»

Мрачные предчувствия все больше походили на реальность. Со мной уже так бывало: когда кто-то опаздывает, во мне крепнет уверенность, что человек не придет. Это похоже на ясновидение.

Но сейчас я гнал от себя эту уверенность. Я заставлял себя воображать, будто Алекса торопливо поднимается из подземки по ступенькам движущегося эскалатора или беззаботно шагает, не сознавая, что опаздывает. Возможно, она невнимательно прочитала мое электронное письмо.

Я даже не стал бы сердиться на нее за то, что она заставила меня ждать и терзаться сомнениями.

Сев за столик кафе-бара, откуда хорошо просматривалась стойка регистрации, я уставился на табло, медленно отсчитывающее минуты до отхода очередного поезда.

Я заставлял себя выдерживать пятиминутный интервал между звонками на мобильник Алексы, но уже очень скоро часы показывали три двадцать пять. Теперь она уже катастрофически опаздывала.

Едва сделав последний звонок на ее номер, я заметил, что мой телефон исчез со столика.

Я вспомнил, что подходили двое мальчишек-попрошаек. Похоже, они и стащили телефон.

Ну и черт с ним, подумал я. Если женщина, убирающая собачье дерьмо с парижской мостовой, была знаком свыше, так почему таким же знаком не может быть кража телефона?

Алекса все равно не придет.

И я начинал понимать почему. Это был вопрос доверия. Она не была уверена в том, что мне можно доверять. В конце концов, чем я занимался накануне? Напился в стельку и еще пытался утопить в шампанском своего клиента. Следуя логике Алексы, я вполне мог трахнуть кого-нибудь на копире. А сегодня утром я вообще бросил работу. И это надежный парень?

Нет, конечно, и она это почувствовала.

Она не придет.

Оставалась минута до окончания регистрации. Я бросил последний взгляд на эскалаторы, потом оставил билет Алексы у стюарда и прошел на посадку.

3

Я пребывал в состоянии некоторого оцепенения. Так бывает, когда треснешься головой об угол стола или (я предполагаю) получишь по физиономии на офисной вечеринке. Со временем боль теряет остроту, и наступает оцепенение. Ты просто сидишь и наблюдаешь, как увеличивается твой синяк.

Сейчас я чувствовал, что синяк разрастается во мне, багровый, страшный, как та вмятина на машине отца Флоранс. И я не мог ничего сделать, чтобы его остановить.

Я даже не заметил, как опустилась ночь и «Евро-стар» оказался в туннеле, везя меня обратно во Францию.

Я хорошо знал парижское метро, поэтому с Северного вокзала на Лионский добрался на автопилоте.

Я заранее заказал столик в «Трен Бле», известной brasserie на Лионском вокзале, где вот уже сто лет путешественники обедают перед посадкой на ночные поезда, которые уносят их в южные края.

— *Une personne?*¹ — спросила администратор, похожая на стюардессу.

¹ Один человек? (фр.)

— *Oui*, — ответил я и тут же подумал, что предаю Алексу, отрицая ее существование. Может, следовало сказать, что ко мне присоединится еще один человек? Или она сама виновата в том, что ее нет рядом? Из-за чувства вины и негодования я почувствовал тяжесть в желудке, как от несъедобной пищи.

Администратор взяла со стойки меню и винную карту и проводила меня за столик.

Это было идеальное место для рождественского сочельника тет-а-тет. Ресторан, безусловно, мог называться стильным. Мое кресло было из резного дерева, как церковная скамья, а над головой нависала медная багажная полка, куда я положил пальто и сумку. Потолок представлял собой достойный привокзальный вариант Сикстинской капеллы, с ангелами-отпускниками и одной обнаженной женщиной, которая позволяла любопытному путешественнику заглянуть ей между ног. Сама она, видимо, следовала на один из нудистских пляжей — не исключено, что на остров Ре. Хотя нет, это в другую сторону. Стены были расписаны видами тех мест, куда можно было отправиться с Лионского вокзала, включая средиземноморский пейзаж, которым я так надеялся любоваться с Алексой. Все участки стен и потолка, не покрытые рисунками, украшали золотая лепнина, светильники и рождественские гирлянды.

Меню было жестоко праздничным. Я заказал полдюжины устриц, филе речной рыбы в соусе с каперсами и бутылку шампанского. И не то чтобы мне было что праздновать. Скорее хотелось просто забыться.

Я принялся за устрицы, вспоминая тот вечер год назад, когда впервые попробовал их дома у Жана-Мари; тогда я подумал, что они не вкуснее бронхиальной слизи. Сейчас же, разжевывая серо-зеленоватую мякоть, я мечтал о том, чтобы рядом сидела Алекса и слушала мой рассказ о знакомстве с этими моллюсками.

Слегка улыбнувшись своей мечте, я заметил, что пара, сидевшая за соседним столиком, подняла бокалы и пожелала мне счастливого Рождества.

Мое Рождество нельзя было назвать счастливым. Я снова вспомнил, что говорила мне Алекса в день нашего первого расставания — что-то про «joie»¹ и «tristesse»² и еще про то, что я не способен по-настоящему радоваться. Что ж, теперь я знал, что она ошибалась. Я запрыгал бы от радости, появившись она на вокзале, вместо того чтобы грустить одному в сочельник.

Мои соседи были из Лиона, как они сказали. Они владели парикмахерским салоном в Париже и периодически приезжали в столицу побаловать себя, а теперь возвращались на TGV в Лион, чтобы отпраздновать Рождество с семьей парня.

Они спросили, куда я еду.

— В Ментон, — ответил я, — на границе с Италией.

— У вас там друзья или семья?

— Друзья, — солгал я. Мне не хотелось, чтобы в Рождество в их памяти остался образ одинокого англичанина, который тащит с собой на юг тяжелый груз депрессии.

¹ Радость (*фр.*).

² Грусть (*фр.*).

4

«Французские железные дороги» перенесли ночные поезда с Лионского вокзала, и мне предстояло отправиться с вокзала Аустерлиц, до которого было рукой подать, всего несколько минут езды на такси.

Пока я искал номер платформы на табло отправки в шумном многолюдном зале, в душе шевельнулась смутная надежда на то, что Алекса все-таки успела на следующий поезд и приехала сюда прямо с Северного вокзала. Вдруг она где-то здесь, в толпе пассажиров, спешащих с дорожными сумками, полными рождественских подарков для родных.

Но нет. Пора было перестать обманывать себя.

Я отдал билет Алексы проводнику вагона и отправился в свое пустое купе.

Оно казалось ничуть не теснее моей лондонской, каморки, где еще совсем недавно мы с Алексой провели ночь. Стены из огнеупорного пластика были бежевыми, такими же, как плечи Алексы, когда мы встретились в сентябре. В купе имелись два спальных места, раскладное зеркало, крохотный круглый умывальник и даже фарфоровая ночная ваза, на случай если приспичит ночью.

Я подумал о том, как было бы здорово путешествовать в этом купе вдвоем. Эдакая спальня на колесах, которая несется, погромыхивая, на юг, а мы с Алексой лежим в обнимку на одной полке. А рождественским утром можно было бы раздвинуть шторы и смотреть, как над Средиземным морем встает солнце.

Когда поезд тронулся, я инстинктивно прислушался, не кричит ли кто: «Остановите поезд, я хочу сесть!» — и не бежит ли по вагону женщина, стучась в двери купе и спрашивая, не здесь ли едет Пол Уэст.

Но нет, слышны были лишь стук колес набирающего скорость поезда и скрипучий голос из радиоприемника, перечислявший названия станций по пути следования.

Первую остановку поезд сделал в южном пригороде Парижа. На платформе было темно, сыро и почти безлюдно. Никто здесь не выходит, подумал я. Разве что подсядет кто-нибудь.

Я удивился, когда увидел, что от поезда отходит группа из пяти человек. Двое из них были в фирменных кепках — железнодорожники. Еще двое — молодые парни в бейсболках. И с ними девушка в кожаной куртке, которая отчаянно сопротивлялась, одной рукой вцепившись в большой рюкзак, а другой отбиваясь от железнодорожников.

5

Алекса?

Алекса.

— Алекса!

Я сорвался с места, истошно выкрикивая ее имя. Промчался по коридору к двери, спрыгнул на низкую платформу. Промозглый воздух обдал мое лицо.

— Алекса!

Я побежал за ней. До меня не сразу дошло, что я буду выглядеть полным придурком, если окажется, что обознался.

— Алекса!

Теперь мне было слышно, что происходит. Девушка пыталась что-то объяснить по-французски, железнодорожник все повторял: «Oui, oui, c'est ça»¹ — с теми циничными интонациями, какие употребляют французы, когда не хотят даже слушать вас.

— Алекса!

Она обернулась:

— Пол!

Резко рванувшись, она высвободилась, и мы вцепились друг в друга так, будто у нас на двоих был один парашют.

— Ты не пришла, — сказал я.

— Почему ты меня не дождался? — спросила она.

— Я решил, что ты передумала.

— Нет, конечно же нет... Поезд метро застрял в туннеле, — объяснила она. — Отключили электричество. И я даже не могла позвонить тебе — ведь лондонская подземка такая глубокая. — Она отстранилась и посмотрела мне в глаза. — А потом ты не отвечал.

— У меня украли телефон, — сказал я.

— Я первым же поездом выехала во Францию, — продолжала Алекса, — на такси добралась до Северного вокзала. И прибежала к поезду как раз вовремя. Но у меня не было с собой билета. Контролеры ре-

¹ Да, да, я понимаю (*фр.*).

шили, что я с этими двумя парнями. Они отказались искать тебя.

Она снова обняла меня, и я осознал, что ей пришлось выдержать такую же пытку, как и мне. Алекса, должно быть, подумала, что я не отвечаю на ее звонки, потому что злюсь. Могла решить, что я отказался от нее. Отчасти так оно и было.

— *Je t'ai attrapé*¹, — сказала она и крепче прижалась ко мне.

Я глубоко вдохнул аромат ее духов, словно хотел убедиться в том, что все происходящее не мираж и не галлюцинация.

— Когда я сел в этот поезд один, я подумал, что потерял тебя.

— Нет, как ты мог забыть? Я же француженка. А мы всегда опаздываем.

Бывает так, что никакая сила не может оторвать тебя от кого-то, и это был как раз тот случай. Но мы оба знали, что на поезд уже не сядем, если не выпустим друг друга из объятий.

Беда в том, что, когда мы наконец прониклись этой мыслью, билетные контролеры уже ушли, поезд медленно отходил от станции, и мы стояли на темной платформе вместе с двумя мальчишками, которые со смехом вспоминали, как были близки к тому, чтобы прокатиться на юг зайцами.

— Стой! — крикнул я что было сил, но локомотив, конечно, не остановился.

¹ Я тебя поймала (*фр.*).

Мы побежали вдоль состава, пока не поняли, что не дотянем до следующей станции.

— Проклятие, — простонал я, бросая на платформу рюкзак Алексы.

— Эй, а где *твоя* сумка? — спросила она.

— В поезде.

— А билет?

— Там же.

— Но у тебя хоть паспорт с собой?

— Нет.

— А кредитка?

— Нет.

— Ну тогда ты точно влип, Пол.

Я посмотрел на Алексу. Она стояла рядом, в своей потертой кожаной куртке, ее волосы трепал ветер, а в широко раскрытых глазах сквозила тревога за меня.

— Нет, — возразил я. — Потому что у меня есть ты.

ЭПИЛОГ

*Д*вадцать три тридцать, канун Рождества, коммисариат полиции, Жуэ-сюр-Сэн.

— Имя? — спросил у меня дежурный полицейский.

— Пол Уэст.

— Пул?..

Я произнес свое имя по буквам, специально для него, и он, печатая одним пальцем, внес его в свой компьютер.

— Время и дата кражи? — спросил полицейский, и его палец застыл над клавиатурой.

— Видите ли, я не уверен в том, что кража уже произошла.

— Хм?..

— Я оставил документы в поезде.

— Мы просто подумали, что лучше сразу заявить об этом, на всякий случай, — добавила Алекса, пытаясь прояснить ситуацию.

Но полицейский уже не слушал. Он впился взглядом в экран монитора, как будто нашел там

ответ на вопрос, какой подарок получит на Рождество.

— Пол Уэст? — спросил он.

— Да.

— Водитель «рено-вел сатис»? Обвиняемый в неуплате задолженности по счетам архитектора? Владелец чайной с непереуведенным названием?

О, *merde*!

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор признателен каждому, кто поспособствовал — вольно или невольно — успеху всей этой авантюры, и особенно тем, кто угрожал физической расправой в случае, если их обойдут благодарностью.

Вот эти люди, которых я перечисляю вне зависимости от степени угроз: И, Л, С, СЛ, К, К, М, С, ЛФ, СВ, АБ, КВ, ЛР, СД, ДжейЛ&Джей, ИМ, БС, СВ, ЛЖ, СР, Ж, М, П, СС, АБ, БЕ, ЕВ, СФ, ЛБ, НЛ, ДС, МД, АП, А, ЕВ, Ж-П, ЛМ, ЖС, ДТ.

Прошу прощения, если вдруг вы не нашли себя в этом списке. Свяжитесь со мной, и я вышлю вам книгу с глубочайшими извинениями.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Секс в провинции	7
II. А не послать ли всех в Арс?	103
III. Не давай себя дурачить, бей первым	177
IV. Свобода, равенство, чайная!	243
V. Это не дама сердца, это чья-то жена	307
VI. Экс в большом городе	367
VII. Может, потому что я нелондонец	425
VIII. В дерьмо за любовь	475
Эпилог	491
Благодарности	493

Литературно-художественное издание
Боже, спаси...

Кларк Стефан

О, боже, снова Париж!
Наблюдая за французами

Генеральный директор издательства
С. М. Макаренков

Редактор *А. Ю. Серов*
Ведущий редактор *Е. В. Овсянникова*
Контрольный редактор *Л. А. Мухина*
Художественное оформление: *Настя Нова*
Компьютерная верстка: *А. В. Дятлов*
Корректор *Т. Е. Антонова*
Изготовление макета: *ООО «Прогресс РК»*

Подписано в печать 09.02.2011 г.
Формат 84×108/32. Гарнитура GaramondLightITC
Печ. л. 15,5. Тираж 7000 экз.
Заказ № 1717.

Адрес электронной почты: info@ripol.ru
Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»
109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

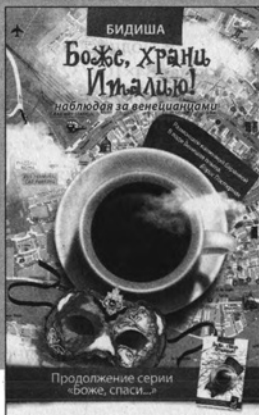
История этой книги поразительна: не желая связываться с издателями, **Стефан Кларк** издал ее за собственный счет тиражом 200 экземпляров, который распространялся через сайт Red Garage Books.

И только после того, как стали заказывать по 200 экземпляров книги в день, автор согласился на ее издание одновременно в 5 издательствах – Франции (Nil Edition под названием «Божe, спаси Францию!»), Великобритании (Transworld), США (Bloomsbury Publishing), Канаде (Penguin) и Австралии (Random House).

Сегодня эта великолепная книга выходит в России!

Уроженке Лондона, молодой английской писательнице с индийскими корнями по имени **Бидиша** довелось столкнуться с Венецией реальной.

Остроумно и изящно описывает Бидиша свое знакомство со сливками венецианского общества на светских вечеринках, делится удовольствием от поедания крошечных местных пирожных в маленьких венецианских кофейнях, берет вас с собой на ежедневные утренние пробежки, рассказывает о грубости и предрассудках здешнего общества, скрытых под маской внешней воспитанности и утонченности.

Моне придумал
импрессионизм, чтобы больше
времени проводить на пикниках.

Французские оскорбления восхитительны в своей
грамматике. Даже в разгар словесной перепалки
нужно помнить о том, чтобы изменить грубый
синоним слова «идиот» с мужского рода на
женский.

Французы обожают свой травяной чай. Не клубнич-
ный, а клюквенный, не сладкую фантазию из ягод, а че-
мы, бритты. А французские травяные настои, при-
из всевозможных кустарников. Некоторые по вку-
даже неплохи, если кому нравятся свежесваренные

Это фр
выезж
проезд
и выгл
нибудд
водите
по сто
твоей
против
выехал

Город прекрасно знает о притягатель-
ности импрессионистов, поэтому хотя бы од-
нажды заезжайте в какой-нибудь шоу. Не-
мало лошадей Дега, постирушки Мане. С
согласится.

Когда француз
произносит «мсье» в
середине фразы, знайте,
что вы всерьез обидели
его.

Мы, бритты и французы, по-
Нотр
другу дружеские сигналы.
прит
неправильно, а потому пр
на о
что друг друга ненавиди
снул

Когда французы мчатся на красный свет, он
показывают полное пренебрежение к опаснос-
кого-то — просто они думают, что жизнь сли-
коротка, чтобы тратить драгоценные мину-
ожидании, пока светофор решит, Француза
каким цветом ему хочется
гореть.

чуждо вегета
кто не испыт
говядины, ме

нцузы придумали, что автомобиль, который едет справа, имеет преимущественное право. Ты можешь катить по тому, что называется главной дорогой, но, если вдруг с какой-нибудь невидимой тропки выскочит машина, с которой даже не удосужится посмотреть на тебя, и снесет тебе полкузова вместе с семьей, в его действиях не будет ничего правильного, потому что он едет справа.

Французы говорят, что «le client est roi». Клиент — это король. Но все мы хорошо знаем, что они сделали со своими королями. Голова Людовика XVI, снесенная ножом гильотины, катилась, подсакивая, по площади Согласия по дружным хохот тысяч французов.

*ни из них всегда
Бенишны Ренуара,
любой предлог*

Франция все-таки технологичная нация, поэтому мы не предполагали, что у вас возникнут проблемы с круговым движением. В конце концов, вы ведь даже умеете открывать устрицы.

Если наложить витрувианского человека да Винчи на карту страны, чтобы его правая рука разместила Бретани, левая — в Страсбурге, а соответственно в Биаррице и Монпелье, то Коррез как раз будет той малой заплаткой, на которую он написан.

**и не просто
сти сбить**

**шком
ты в**

Парижанки сплошь и рядом окружены «маленькими», с которыми учились в школе, ведь мало кто уезжает из Парижа учиться дальше или искать счастья. Вопрос, разумеется, в том, как далеко они зашли в своей школьной дружбе.

Они считают любого, кто вызывает оргазм от недожаренной курицы, своим другом.

«Bonjour, Mesdames» — приветствие, которое на французском действует безотказно, предотвращая многие потенциальные конфликты.